

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

*МНЕНИЕ ИСТОРИКА:
ОТ КОРЕНИЗАЦИИ К СУВЕРЕНИЗАЦИИ:
КАК ГОТОВИЛАСЬ ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ СССР*

*Россия и хозяйственное освоение Арктики
в XVI—XVIII вв.*

Сибирь на ранних этапах русской колонизации

*Русские дипломаты
и кочевники Центральной Азии в XVII в.*

Миф о «советской власти» в годы Смуты

*Россия и Пруссия
в период польского мятежа 1863—1864 гг.*

*Учебники для народной школы
Северо-Западного края в 1860-е гг.*

«Русский союз на Украине» в 1918 г.

*Воспоминания С.Ю. Витте:
публикации и публикаторы*

*ЦК РКП(б) в политической системе
Советской России 1919—1923 гг.*

*Денежное обращение в СССР
на рубеже 1980—1990-х гг.*

МОСКВА
ГАУН-ПРЕСС

6
ноябрь
декабрь
2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Г. Пихоя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков,
Е.А. Тюрина, У. Эньюань, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, А. Блюм, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, А.В. Голубев, И. Граля, В. Дённингхаус, С.В. Журавлёв,
В.Н. Захаров, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий,
М. Крамер, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*), Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723-69-10

Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: Карпов С.М. СССР — оплот дружбы народов (1924)

© Российская академия наук, 2021

© ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2021

© Редколлегия журнала «Российская история» (составитель), 2021

От коренизации к суверенизации: как готовилась дезинтеграция СССР

Борис Миронов

From korenizatsiia to sovereignty: How the disintegration of the USSR has been preparing

Boris Mironov
(*Saint Petersburg State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S086956870017379-7

В течение 30 лет учёные с неослабевающим интересом изучают дезинтеграцию СССР в поисках ответов на вопросы: как и почему она произошла и какие факторы её обусловили? По ориентировочной оценке, на 1 августа 2020 г. только в России написано более 300 книг, 3 тыс. статей и 20 диссертаций. В зависимости от предложенных трактовок, исследователей данного процесса можно разделить на две большие группы. К первой принадлежат те, кто считает дезинтеграцию закономерной, имеющей глубокие исторические, экономические, политические, культурологические, социальные предпосылки и причины, ко второй — те, кто считает её случайным явлением, порождённым преимущественно обстоятельствами и событиями 1985—1991 гг. Соответственно этому и дезинтеграцию первые часто называют распадом, а вторые — развалом¹. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть дезинтеграцию Советского Союза в ракурсе преодоления этнополитической дискриминации и становления политических элит в союзных республиках.

Значение этих факторов отмечалось многими российскими и зарубежными учёными². «Наличие государственных институтов в республиках создавало политико-юридические и организационные предпосылки реализации центробежных тенденций», — указывает один из ведущих исследователей дезинтеграции Р.Г. Пихоя³. О появлении амбициозных национальных элит как факторе нарастания сепаратизма и кризиса, приведшего в конечном счёте к распаду

© 2021 г. Б.Н. Миронов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00353.

¹ См.: *Миронов Б.Н.* Дезинтеграция СССР в историографии: развал или распад // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 66. 2021. Вып. 1. С. 132—147.

² *Буровский А.* Крах империи. Красноярск, 2004. С. 214—215; *Слёзкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 329—374; *Чешко С.В.* Роль этнонационализма в распаде СССР // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2005. С. 443—468; *Brubaker R.* Nationhood and the national question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: an institutionalist account // *Theory and Society*. 1994. № 23. P. 47—78; *Latinin D.D.* Identity in formation: The Russian-speaking populations in the Near Abroad. Ithaca; L., 1998; *Roeder R.G.* Red sunset: The failure of Soviet Politics. Princeton, 1993.

³ *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 379. См. также: *Пихоя Р.Г.* Почему распался Советский Союз // Трагедия великой державы... С. 404—422.

государства, много писал известный российский антрополог В.А. Тишков⁴. Однако до сих пор для доказательства такого принципиального тезиса не были мобилированы массовые статистические данные, которые бы показали, как проходила коренизация политических элит в республиках, когда она завершилась и сделала их потенциально способными взять всю полноту власти в свои руки. Более того, часто утверждается, особенно в работах, выполненных в современных автономиях и бывших союзных республиках, что коренизация, проводившаяся в СССР в 1920—1930-х гг., была свёрнута, а её активные участники репрессированы⁵.

Между тем для анализа процесса становления республиканских элит имеются адекватные источники — переписи населения 1897⁶, 1926⁷, 1959⁸, 1970⁹, 1979¹⁰ и 1989 гг.¹¹, содержащие сведения об этническом составе управленцев разных сфер и уровней. Эти данные считаются демографами удовлетворительными¹².

Перепись 1897 г. зафиксировала всех чиновников, находившихся на службе в администрации, суде, полиции, в придворном, дипломатическом и межведомственном ведомстве, без разделения их по сферам занятости и рангам¹³. Советские переписи учитывали по отдельности занятых в государственном и партийном

---

⁴ *Тишков В.А.* Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы... С. 588—600; *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 339—355.

⁵ *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 209—238; *Гиздатуллин Р.Г.* Идеино-политическая борьба в Татарстане за реализацию национальных интересов татарского народа: 1920-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. С. 184—190; *Джунушалиев Д.* Кыргызстан: преобразовательные процессы 20—30-х годов (Исторический анализ проблем созидания и трагедий). Дис. ... д-ра ист. наук. Бишкек, 1993. С. 95—116; *Яндулин Д.Х.* Национально-государственное строительство в автономиях Урало-Поволжья в 20—30-е годы XX в. Дис. ... д-ра ист. наук. Уфа, 2003. С. 222—318.

⁶ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. В 2 т. / Ред. Н. Тройницкий. СПб., 1905; Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. В 4 т. / Ред. Н. Тройницкий. СПб., 1905. На основе опубликованных материалов создана электронная база данных: Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX — начала XX века. Анализ данных Первой всероссийской переписи населения 1897 года: информационная система (URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/about/>).

⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. В 56 т. М., 1928—1930.

⁸ Всесоюзная перепись населения 1959 г. (РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 2871—2875. Табл. 3д. Распределение населения по занятиям и национальности по СССР в 1959 г.; д. 2876—2890. Табл. 3д. Распределение населения по занятиям и национальности по союзным республикам в 1959 г.; д. 2893, 2898, 2904, 2924, 2928, 2938, 2939, 2949. Табл. 3д. Распределение населения по занятиям и национальности по автономным республикам в 1959 г.).

⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. В 10 т. М., 1971—1973. Т. 8. Распределение населения СССР и союзных республик по занятиям. Ч. 1. М., 1973. С. 14, 24, 28.

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1979 г. (РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 7465. Распределение населения отдельных национальностей по занятиям в СССР в 1979 г.; д. 7466—7473. Распределение населения отдельных национальностей по занятиям в союзных республиках в 1979 г.; д. 7490, 7500, 7501, 7503, 7505, 7508, 7510).

¹¹ Всесоюзная перепись населения 1989 г. (РГАЭ, ф. 1562, оп. 69, д. 2570—2578. Табл. № 36в. Распределение населения отдельных национальностей по занятиям по СССР и союзным республикам).

¹² В переписях 1920 и 1937 гг. сведения об этнической занятости отсутствуют. Подробнее см.: *Миронов Б.Н.* Этническая дискриминация при формировании органов государственной власти СССР // Новейшая история России. 2021. № 1. С. 149—173.

¹³ Общий свод... Т. 2. С. 236—237; Распределение населения... Т. 1—4.

аппарате (включая законодательные учреждения), в органах суда и правопорядка (все указанные сферы будем условно называть управлением, а всех занятых в них — управленцами). Из числа сотрудников гос- и партаппарата фиксировались только *руководители*. Рядовые чиновники в отдельную профессиональную группу не выделялись, а растворялись в общей массе служащих, и идентифицировать их в материалах переписи невозможно. Сравнение данных переписей и ведомственной статистики показывает, что в 1926 и 1959 г. руководящий персонал составлял 31% от общего числа аппаратчиков, в 1970 — 21%, в 1979 г. — 26%, т.е. на одного руководителя приходилось 3—4 рядовых сотрудника.

Участие титульных этносов¹⁴ в управлении будет оцениваться с помощью двух показателей: 1) по проценту этноса в общей численности управленцев и 2) по соотношению доли этноса, занятого в управлении, и доли данного этноса во всем занятом населении. Первый показатель измеряет степень участия этносов в управлении, второй — этническую репрезентативность при формировании органов управления (назовём его *индексом этнополитической репрезентативности* — ИЭПР)¹⁵. Разумеется, роль этноса в управлении зависела не только от числа его представителей в структурах власти, но также от того, какие должности они занимали, насколько активно использовали свои полномочия, каковы были их личные статусы, престиж и влияние. Однако само участие в управлении имеет первостепенное значение.

В СССР формально признавались три ветви власти: *законодательная* (представительская) — Советы народных депутатов и их органы управления; *исполнительная* (административная) — государственные органы управления; *контрольная* (прокуратура, народные суды, Государственный арбитраж, Комитет народного контроля и аналогичные общегосударственные институты). В действительности строгого разделения не было. Советы разных уровней обладали не только законодательными, но и распорядительными и контрольными функциями, а также правом отменять акты исполнительной власти. На самом деле главную роль играла четвёртая ветвь — Коммунистическая партия Советского Союза, которая, согласно Конституции 1977 г., являлась «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций». Высшие органы — ЦК и Политбюро¹⁶. Как признавал Н.И. Рыжков в начале 1990-х гг., «парламент не имел никакого влияния. Это всё было номинально, декоративно и реальная власть была в Совете министров»¹⁷.

Оценим динамику этнополитического неравенства в разных сферах управления по стране в целом (рамки статьи обуславливают использование преимущественно относительных и суммарных данных)¹⁸ (табл. 1).

¹⁴ Титульным народом или этносом будем называть народ, в честь которого названа союзная республика; всего их с 1956 г. было 15.

¹⁵ Если индекс равен единице, то этнос представлен в управлении пропорционально своей численности, и права этого этноса в комплектовании управленческих кадров соблюдены. Если больше или меньше единицы, то интересы этноса отражены во властных структурах неадекватно — избыточно или недостаточно. Полное соответствие между долей этноса в населении и его долей среди управленцев будем считать демократической нормой представительности, или репрезентативности.

¹⁶ *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть... С. 387—389, 534.

¹⁷ Запись бесед Н.И. Рыжкова с сотрудником Гуверовского института войны, революции и мира М., 1992—1994 гг. (РГАСПИ, ф. 653, оп. 1, д. 519, л. 179—180).

¹⁸ Статистические расчёты первичных данных переписей проводились в программе Microsoft Excel; полученные числа округлялись до сотых или тысячных. В последующих, вторичных расчётах использовались округлённые данные, а в итоговых таблицах, приводимых в статье, результаты

Как видим, коренизация кадров наблюдалась во всех сферах управления, но в разной степени. Если основываться на суммарных по СССР данных, то можно сказать, что в наибольшей степени она затронула исполнительную власть, несколько меньше — судебную и правоохранительные органы.

Повышение роли титульных этносов в управлении происходило во всех союзных республиках, кроме РСФСР, где участие титульного этноса — русских — в структурах власти снижалось (табл. 2).

Таблица 1

Национальный состав государственного аппарата и силовых структур СССР в 1926, 1959, 1979 и 1989 гг. (%)

Этносы	1926*	1959	1979	1989
Руководители государственного аппарата				
Русские	63,8	53,5	55,3	53,1
Нерусские	36,2	46,5	44,7	46,9
15 титульных этносов	81,9	87,7	89,8	90,4
Все население	100	100	100	100
Судебная система				
Русские	65,1	56,4	59,9	57,2
Нерусские	34,9	43,6	40,1	42,8
15 титульных этносов	81,4	82,0	89,1	90,6
Итого	100	100	100	100
Милиция				
Русские	67,0	65,4	62,1	58,0
Нерусские	33,0	34,6	37,9	42,0
15 титульных этносов	85,4	92,4	90,5	91,5
Итого	100	100	100	100
Армия**				
Русские	73,0	63,1	—	—
Нерусские	27,0	36,9	—	—
15 титульных этносов	68,0	92,3	—	—
Итого	100	100	—	—

Подсчитано по: Общий свод... Т. 2. С. 226—255; Распределение населения... Т. 1—4; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 18—34; РГАЭ: Перепись 1959 г.; РГАЭ: Перепись 1979 г.; РГАЭ: Перепись 1989 г.; Труд в СССР. М., 1988. С. 16—25, 118, 125—127; *Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 58 (данные о составе двухсот стрелковых дивизий численностью свыше миллиона военнослужащих в 1943 г.).

* В 1926 г. государственный и партийный аппарат.

** В 1926 г. на основе выборочных данных. В графе за 1959 г. сведения о составе действующей армии в 1943 г.

расчётов вновь округлялись до десятых или сотых. Вследствие этого тройного округления финальные цифры могут незначительно отличаться от тех, которые получаются, если все расчёты вести без промежуточного округления.

Таблица 2

**Участие 15 титульных народов в управлении Российской империей и СССР
в 1897—1989 гг.***

Республика	Этнос	Индекс репрезентативности					Доля этноса в управлении, %				
		1897**	1926	1959	1979	1989	1897**	1926	1959	1979	1989
РСФСР	русские	89,3	81,8	82,5	82,4	81,6	1,11	1,10	1,00	1,00	1,01
	нерусские	10,7	18,2	17,5	17,6	18,4	0,55	0,70	1,06	1,00	0,97
Азербайджанская	азербайджанцы	—	49,0	56,1	77,9	83,3	—	0,84	0,94	1,04	1,03
	русские	84,3	17,5	17,2	8,4	5,3	3,35	1,43	1,18	0,86	0,79
Армянская	армяне	39,3	94,5	92,4	94,4	97,0	0,83	1,14	1,06	1,05	1,03
	русские	23,4	1,2	2,7	1,4	1,3	3,52	0,50	0,72	0,49	0,75
Белорусская	белорусы	30,7	57,5	69,5	72,5	—	0,70	0,69	0,85	0,93	—
	русские	42,0	16,6	20,7	19,0	—	4,50	2,18	3,10	1,50	—
Грузинская	грузины	50,2	69,5	72,0	76,5	79,2	0,67	1,08	1,11	1,11	1,11
	русские	32,5	8,0	7,5	5,2	4,3	5,24	1,91	0,70	0,66	0,66
Казахская	казахи	16,2	24,7	38,3	41,5	—	0,23	0,42	1,57	1,45	—
	русские	77,8	51,2	43,6	40,7	—	3,46	2,74	0,96	0,90	—
Киргизская	киргизы	11,7	24,1	38,5	47,4	51,0	0,15	0,35	1,00	1,17	—
	русские	78,1	45,9	36,9	33,4	—	6,82	4,38	1,14	1,05	—
Латвийская	латыши	15,9	—	48,5	51,9	46,8	0,36	—	0,78	1,04	0,95
	русские	29,6	—	37,9	34,6	36,5	4,17	—	1,48	1,00	1,06
Литовская	литовцы	11,9	—	69,5	77,3	75,9	0,40	—	0,87	1,00	0,98
	русские	48,4	—	19,9	13,0	13,3	5,09	—	2,53	1,28	1,33
Молдавская	молдаване	10,2	—	37,7	50,4	—	0,25	—	0,56	0,81	—
	русские	76,0	—	30,9	22,5	—	2,33	—	3,60	1,71	—
Таджикская	таджики	23,8	40,4	50,3	56,7	—	0,87	0,55	1,00	1,07	—
	русские	49,7	35,0	23,3	18,3	—	11,83	13,00	1,48	1,25	—
Туркменская	туркмены	10,6	25,7	47,9	62,8	—	0,20	0,36	0,85	1,01	—
	русские	69,6	46,2	28,9	19,9	—	4,09	6,35	1,32	1,16	—
Узбекская	узбеки	15,8	40,6	49,5	61,1	64,6	0,28	0,60	0,83	0,96	0,96
	русские	49,7	49,2	23,4	17,3	13,6	11,83	6,19	1,47	1,20	1,25
Украинская	украинцы	53,3	55,0	68,1	70,0	—	0,73	0,66	0,87	0,97	—
	русские	38,9	23,0	25,2	25,1	—	3,23	2,75	1,62	1,14	—
Эстонская	эстонцы	52,4	—	66,1	66,9	58,5	0,62	—	0,89	1,12	1,00
	русские	28,3	—	26,4	25,1	31,2	3,72	—	1,37	0,81	0,98

Подсчитано по: см. примечания к табл. 1.

* В государственном и партийном аппарате, в органах суда, правопорядка и законодательных учреждениях.

** Здесь и в других таблицах территория и население будущих союзных республик на 1897 г. определены ориентировочно.

Приведённые данные позволяют заключить, что самое существенное в политике коренизации — создание национальных кадров во всех сферах общественной жизни, в том числе в управлении, продолжалось до 1990 г. К 1979 г. титульные этносы контролировали органы власти в 13 из 15 союзных республик. Только в Казахстане и Киргизии они не имели большинства, потому что их доля в населении оставалась незначительной (соответственно 28,6% казахов и 40,5% киргизов). Однако и в этих республиках русские во всех органах власти всё равно находились в меньшинстве, а по доле среди управленцев они уступали даже титульным этносам, в силу сверхпредставленности казахов в 1,45 раза, киргизов — в 1,17 раза. В Белоруссии, Молдавии и Узбекистане титульные этносы были недопредставленными, а русские — сверхпредставленными. В Азербайджане, Армении, Грузии, Казахстане и Эстонии репрезентативность русских в структурах власти оказалась ниже демократической нормы, в остальных 9 республиках — выше, но, несмотря на это, только в РСФСР русские имели большинство.

В последние годы советской власти дерусификация управления набирала обороты, что хорошо видно из табл. 3.

Уже в 1897 г. на территории будущего СССР без РСФСР доля нерусских среди управленцев составляла более половины — 59,5%. К 1989 г. она повысилась до 79,5%, в то время как доля в населении за 1897—1989 гг. — с 76,3 до 79,9%. Политическая дискриминация была ликвидирована — индекс репрезентативности нерусских повысился в 1,5 раза (с 0,69 до 0,99), а русских упал в 2,8 раза (с 2,89 до 1,02).

Таблица 3

Дерусификация управления в СССР и РСФСР в 1926—1989 гг.*

Административная единица		Доля этноса в управлении, %					Индекс репрезентативности				
		1897	1926	1959	1979	1989	1897	1926	1959	1979	1989
СССР	русские	67,8	64,8	61,2	59,1	53,1	1,43	1,22	1,14	1,07	1,06
	нерусские	32,2	35,2	38,8	40,9	46,9	0,61	0,76	0,84	0,91	0,93
СССР без РСФСР	русские	40,5	27,9	25,0	23,7	20,5	2,89	1,67	1,65	1,11	1,02
	нерусские	59,5	72,1	75,0	76,3	79,5	0,69	0,87	0,88	0,97	0,99
РСФСР	русские	89,3	81,8	82,5	82,4	81,6	1,11	1,10	1,00	1,00	1,00
	нерусские	10,7	18,2	17,5	17,6	18,4	0,55	0,70	1,06	1,00	0,97

Подсчитано по: см. примечания к табл. 1.

* В государственном и партийном аппарате, в органах суда, правопорядка и законодательных учреждениях.

На состав законодательных органов серьёзно влияли избирательные законы, которые в течение XX в. неоднократно изменялись¹⁹. Граждане, работавшие в законодательных органах власти, в переписях не выделялись в отдельную профессиональную группу. Но есть источники, позволяющие установить их

¹⁹ Институт выборов в истории России: источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX — нач. XX в. / Под ред. А.А. Вешнякова. М., 2001; Салматова М.С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918—1936 гг.). Изд. 2. Новосибирск, 2018; Выборы во всём мире. Электоральная свобода и общественный прогресс: энциклопедический словарь / Сост. А.А. Танин-Львов. М., 2001.

этнический состав. Отметим, что национальный, расовый и конфессиональный цензы во всех избирательных законах отсутствовали. Однако при выборах в Государственную думу в 1907—1912 гг. православные, и значит русские, избиратели были поставлены в более выгодное положение, чем инославные (с помощью специально оговоренных условий и ограничений); народы, ведущие кочевой образ жизни, лишались избирательных прав на основе ценза оседлости²⁰. В 1918—1936 гг. действовал классовый ценз, обеспечивавший лидерство большевиков в представительных учреждениях путём конституционного закрепления политического неравенства различных социально-профессиональных групп. В нормативных актах, на основании которых проводились выборы 1936—1988 гг., не предусматривалось ни выдвижения альтернативных кандидатов, ни политической конкуренции, ни механизмов обеспечения свободного волеизъявления избирателей. Вследствие этого всеобщее избирательное право имело декларативный характер. Лишь выборы 1989 г. на Съезд народных депутатов были достаточно демократичными благодаря новому избирательному закону от 1 декабря 1988 г.

Теперь оценим степень этнополитической дискриминации в законодательных органах 1906—1990 гг. на основании сравнительного анализа состава депутатов. Сведения о членах Государственной думы и Государственного совета в 1905—1917 гг. приведены на научно-образовательном интернет-портале «Парламентская история позднеимперской России»²¹ и в исследовании Л.Г. Протасова²². Этнический состав съездов Советов и Верховных советов СССР зафиксирован в докладах мандатных комиссий соответствующих законодательных органов, которые составлялись по анкетным материалам депутатов. Статистику мандатных комиссий нельзя считать абсолютно точной²³. Расхождения в показаниях разных источников существовали до конца 1930-х гг., но они не носили принципиального характера. Например, данные о национальном составе делегатов VII съезда Советов СССР по сводке мандатной комиссии и Института советского строительства и права, опиравшегося на постановления и резолюции съездов и иные источники, расходятся в наибольшей степени у русских (0,74%) и у евреев (0,57%). Такие различия можно считать приемлемыми. Примерно такая же тенденция наблюдается в сведениях по другим съездам. Сравнение сводок мандатных комиссий и результатов обработки индивидуальных анкет приводит к аналогичному выводу²⁴, что позволяет использовать эти источники в исследовании.

---

²⁰ Манифест «О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу» от 3 июня 1907 г. // ПСЗ-III. Т. 27. СПб., 1910. № 29240. С. 319—320.

²¹ Парламентская история позднеимперской России: научно-образовательный портал (URL: <http://parliament.psu.ru/pls/parlament/frames.html>). В базе данных, представленной на портале, — биографии всех 2 156 членов первого российского парламента четырёх созывов 1906—1917 гг.

²² Протасов Л.Г. Депутаты Всероссийского учредительного собрания: этнонациональный аспект // Научные ведомости Белгородского университета. 2008. № 1(41). Вып. 5. С. 88—94. Автор без объяснения представил данные о 757 депутатах, в то время как официально были избраны 715 человек.

²³ Съезды советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях / Ред. А. Алымов, Х. Либман, Е.П. Пашуканис, Н. Челяпов. М., 1935. С. XIX.

²⁴ Бородин Л.И., Соколов А.К. Опыт создания базы данных на основе анкетных сведений о делегатах съездов Советов // История СССР. 1984. № 2. С. 84—97; Соколов А.К. Методика обработки анкет делегатов съездов Советов как источника для изучения состава высших представительных органов власти СССР // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. Л., 1985. С. 265—294.

Анализ данных об этническом составе российских законодателей на десяти реперных точках в период с 1906 до 1989 г. и подсчитанные на их основе индексы этнополитической репрезентативности дают весьма интересные результаты (табл. 4).

Таблица 4

**Национальный состав высших законодательных органов
Российской империи и СССР в 1906—1989 гг. (%)***

Этнос	1906—1917	1918	1922—1925	1935	1937	1959	1962	1979	1989**	1989***
Русские	69,30	49,14	60,18	57,68	42,21	41,07	43,38	43,73	45,62	38,00
Азербайджанцы	—	1,45	0,82	1,06	3,50	3,11	3,12	3,27	2,67	3,70
Армяне	0,71	2,11	1,62	1,52	3,24	2,60	2,77	2,80	2,71	3,00
Белорусы	1,81	1,98	1,79	2,53	2,63	3,76	3,74	3,80	4,18	3,70
Грузины	1,19	1,59	1,16	2,07	4,03	3,25	3,19	3,20	3,16	3,70
Казахи	—	2,38	0,00	1,41	2,80	2,46	2,29	2,47	2,36	2,40
Киргизы	0,05	—	1,90	0,10	1,66	1,37	1,32	1,67	1,56	1,80
Латыши	0,76	1,98	2,89	1,72	0,53	1,88	1,46	2,13	1,96	2,00
Литовцы	1,19	—	0,21	0,10	—	2,17	2,08	2,07	2,31	2,60
Молдаване	0,29	0,66	0,09	0,35	0,44	1,45	1,32	1,73	1,91	1,80
Таджики	0,86	—	—	0,51	1,40	1,95	2,01	2,13	1,96	2,80
Туркмены	—	—	0,37	0,45	1,58	1,81	1,32	1,87	1,78	2,20
Узбеки	—	1,06	1,29	2,58	3,33	3,54	2,98	3,53	3,87	3,30
Украинцы	7,20	18,23	11,25	11,87	10,51	14,39	14,62	12,33	11,47	11,10
Эстонцы	0,76	1,19	0,15	0,35	0,09	1,88	1,80	1,87	1,82	2,00
15 этносов	84,12	81,77	83,72	84,30	77,95	86,69	87,40	88,60	89,34	84,10
Другие	15,88	18,23	16,28	15,70	22,05	13,31	12,60	11,40	10,66	15,90
Нерусские	30,70	50,86	39,82	42,32	57,79	58,93	56,62	56,27	54,38	62,00
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Число депутатов, человек	2 156	757	5 361	2 007	1 142	1 383	1 443	1 500	2 249	542
Число этносов, абсолютное	27	26	49	58	54	60	57	62	65	55

Подсчитано по: Государственная дума 1906—1917 гг. (URL: <http://parliament.psu.ru/pls/parlament/frames.html>); *Протасов Л.Г.* Депутаты Всероссийского учредительного собрания...: Стенографический отчет [30 дек. 1922 г.], прилож.; I-я сессия Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик / I Съезд советов Союза ССР. М., 1923. С. 19; прилож. 2. С. 3—8; Статистические данные о составе съездов Советов: 2-го Съезда Советов Союза ССР и XI Всероссийского Съезда Советов. М., 1924. С. 7, 15; Состав 1, 2 и 3 съездов Советов Союза Советских Социалистических Республик. М., 1925. С. 29, табл. 10. Национальность; 7 Съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1935. С. 52—53, бюл. 11; Выборы в Верховный Совет СССР и в Верховные советы союзных и автономных республик: 1937—1938 гг.: (цифровой сборник) / Ред. П.В. Туманов. М., 1939. С. 12—13; Верховный совет СССР шестого созыва: статистический сборник. М., 1962. С. 24—25; Верховный совет СССР десятого созыва: статистический сборник. М., 1979. С. 32—34; Состав народных депутатов СССР, Верховного совета СССР, постоянных комиссий палат и комитетов Верховного совета СССР, Президиума Верховного совета СССР: статистический сборник. М., 1989. С. 13—16.

* 1905—1917 гг. — Государственная дума и Государственный совет; 1918 г. — Всероссийское учредительное собрание; 1922—1925, 1935 гг. — съезды Советов СССР; 1937, 1962, 1989 гг. — Верховный совет СССР; 1989 г. — I съезд народных депутатов; май 1989 г. — Верховный совет СССР, избранный I съездом народных депутатов.

** I Съезд народных депутатов.

*** Верховный совет СССР.

Самый высокий процент русские депутаты имели в первом российском парламенте, в среднем по четырём созывам — 69,3%. В I и II Думах доля была несколько ниже, в III и IV Думах — выше (вследствие изменения избирательного закона). Во Всероссийском учредительном собрании русские потеряли даже простое большинство, получив лишь 49,1% мест. На Всесоюзных съездах Советов СССР в 1922—1935 гг. они располагали простым большинством, но уже в Верховном совете первого созыва (1936 г.) его утратили и на последующих выборах не вернули, имея лишь 42—44% мест. В последнем Верховном совете, избранном в мае 1989 г. Съездом народных депутатов, русские получили минимальное число мест за всю историю российского парламента — 38%. В Совете национальностей Верховного совета всех 12 созывов они имели около четверти мест, что теоретически позволяло нерусским депутатам проводить любые решения.

Оценим уровень этнополитического неравенства в представительных органах власти (табл. 5).

В первый российский парламент прошли депутаты 27 этносов. Среди них выше демократической нормы были представлены 4 (в порядке понижения ИЭПР): немцы (3,23), русские (1,46), грузины (1,10), поляки (1,09). Близко к демократической норме находились эстонцы (0,97), существенно ниже неё — мордвины (0,12), удмурты (0,14), чувашаи (0,21) и евреи (0,33). Доля всех нерусских этносов оказалась почти в 2 раза ниже доли в населении (0,55), но всё-таки они участвовали в работе Думы.

В Учредительном собрании представительство русских по сравнению с Государственной думой уменьшилось с 1,56 до 1,11 (в 1,4 раза), а нерусских — увеличилось с 0,55 до 0,91 (в 1,7 раза), причём у всех без исключения, лишь в разной степени. Показательно, что у самых дискриминированных в Думе евреев ИЭПР вырос больше всех — с 0,33 до 2,66, или в 8 раз, и они были представлены в 2,4 раза лучше русских. Всё это свидетельствует о том, что, во-первых, выборы в 1918 г. проходили демократически и, во-вторых, дискриминационный избирательный закон 1907 г. способствовал уменьшению представительства нерусских народов в 1,7 раза.

**Индекс этнической репрезентативности в высших законодательных органах
Российской империи и СССР в 1906—1989 гг.**

Этнос	1906— 1917	1918	1922— 1925	1935	1937	1959	1962	1979	1989*	1989**
Русские	1,56	1,11	1,13	0,99	0,72	0,75	0,79	0,83	0,90	0,75
Азербай- джанцы	—	3,30	0,71	0,79	2,63	2,21	2,22	1,56	1,13	1,56
Армяне	0,77	2,27	1,52	1,20	2,57	1,95	2,08	1,77	1,68	1,85
Белорусы	0,39	0,42	0,55	0,82	0,85	0,99	0,99	1,05	1,19	1,05
Грузины	1,11	1,47	5,17	1,57	3,05	2,52	2,47	2,35	2,27	2,66
Евреи	0,33	2,66	4,14	4,45	2,31	1,42	0,37	0,60	1,40	1,15
Казахи	—	0,73	—	0,78	1,54	2,95	1,32	0,99	0,83	0,84
Киргизы	0,30	—	3,66	0,19	3,20	2,81	2,84	2,29	1,76	2,03
Латыши	0,67	1,74	29,92	24,53	7,51	1,95	2,17	3,89	3,83	3,92
Литовцы	0,79	—	7,26	5,05	0,00	1,37	1,87	1,90	2,15	2,42
Молдаване	0,32	0,74	0,49	2,36	2,92	2,21	1,24	1,53	1,63	1,53
Таджики	0,46	—	—	0,70	1,95	2,92	3,00	1,93	1,33	1,90
Туркмены	—	—	0,72	0,95	3,28	3,77	2,75	2,41	1,86	2,30
Узбеки	—	0,78	0,48	0,91	1,17	1,23	1,03	0,74	0,66	0,56
Украинцы	0,40	1,02	0,53	0,72	0,64	0,81	0,82	0,76	0,74	0,72
Эстонцы	0,96	1,50	1,41	4,42	1,09	3,97	3,81	4,80	5,07	5,57
15 этносов	1,07	1,04	0,96	0,95	0,88	1,30	0,97	0,98	0,99	0,93
Другие	0,72	0,86	1,29	1,38	1,93	1,31	1,24	1,17	1,10	1,64
Нерусские	0,55	0,91	0,85	1,02	1,39	1,30	1,25	1,18	1,11	1,26

Подсчитано по: см. примечания к табл. 4.

* Съезд народных депутатов.

** Верховный совет СССР.

После утверждения советской власти и до 1936 г. индекс представительности нерусских рос: в 1922—1925 гг. — 0,85, 1927 — 0,93, в 1935 г. — 1,02; русских же — снижался (1,13, 1,07 и 0,99 соответственно). Несмотря на это, русские имели на съездах Советов СССР большинство. Но в 1937 г. ситуация принципиально изменилась. Вплоть до 1989 г. нерусские народы были представлены в Верховном совете в 1,6 раза лучше русских, превратившихся в дискриминированное меньшинство, потому что индекс их представительности оказался меньше 1. В Верховном совете всех 12 созывов средний ИЭП русских составлял лишь 0,80, у нерусских этносов — 1,24, или в 1,6 раза выше. Только в Совете Союза русские были представлены пропорционально своей численности. Такое положение, ненормальное с точки зрения демократии, сложилось вследствие нового избирательного закона 1936 г., отдавшего квалифицированное большинство в Совете Национальностей нерусским депутатам. В соответствии со ст. 35 Конституции 1936 г. он избирался «гражданами СССР по союзным и автономным республикам, автономным областям и национальным округам

по норме: по 32 депутата от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по одному депутату от каждого национального округа». В результате в Верховном совете русские были представлены ниже демократической нормы и поэтому утратили большинство (табл. 6).

Вероятно, конструкторы состава Верховного совета в начале 1960-х гг. спохватились, что представительство русских неприлично ниже демократической нормы (ИЭПР в 1959 г. — 0,72), и приняли меры, чтобы его поднять до 0,9 в 1989 г. Однако в составе Верховного совета, избранного в том же году Съездом народных депутатов, представительство русских снова упало до 0,75, на треть ниже демократической нормы.

Таблица 6

**Национальный состав Совета Союза и Совета Национальностей
Верховного совета СССР в 1937—1989 гг. (%)**

Этнос	1937	1946	1959	1962	1979	1989
Совет Союза						
Русские	59,4	58,0	56,8	56,6	58,4	55,0
Нерусские	40,6	42,0	43,2	43,4	41,6	45,0
Совет Национальностей						
Русские	23,6	21,7	23,0	27,3	29,1	21,0
Нерусские	76,4	78,3	77,0	72,7	70,9	79,0
Верховный совет						
Русские	41,4	40,4	41,1	43,4	43,7	38,0
Нерусские	58,6	59,6	58,9	56,6	56,3	62,0

Подсчитано по: см. примечания к табл. 4.

Проведённый анализ этнического состава исполнительной, законодательной власти и силовых структур приводит к выводу, что в советский период этнополитическое неравенство нерусских народов при формировании органов исполнительной власти было ликвидировано, а в судебной сфере — сведено к минимуму. В законодательных органах русские в течение 52 лет, с 1937 по 1989 г., являлись меньшинством. Между тем по Конституциям 1936 и 1977 гг. Верховный совет обладал не только законодательной, но и исполнительной и контролирующей властью, являлся источником права и коллективным главой государства. Таким образом, Сталинская конституция 1936 г., с одной стороны, сохранила мину замедленного действия под единством страны, так как давала республикам право выхода из СССР. Другой «миной» стало обеспечение нерусским народам квалифицированного большинства в Совете Национальностей (ст. 35) и наделение его равными правами с Советом Союза (ст. 37). Обеим палатам в одинаковой мере принадлежала законодательная инициатива (ст. 38), закон считался утверждённым, если он принимался обеими палатами простым большинством голосов в каждой (ст. 39). При отсутствии «согласного решения обеих палат» Верховный совет СССР распускается и назначаются новые выборы (ст. 47). В Конституции 1977 г. все указанные статьи сохранились. При таких правах Совет Национальностей в принципе мог блокировать работу Верховного совета. Подобная ситуация ни разу не возникала и, казалось, не

возникнет. Но право союзных республик на выход из СССР до второй половины 1980-х гг. тоже казалось иллюзорным. Никто в партийном и советском руководстве не мог представить, чтобы кто-то попытался им реально воспользоваться. Однако такое случилось.

Часто говорят, что Верховные советы СССР и союзных республик являлись *декоративными* органами. Вряд ли это правильно. Советы всех уровней были до поры до времени *ручными*, но не декоративными, так как выполняли законодательскую и контрольно-распорядительную функции, прописанные в конституциях. Большинство в союзных Верховных советах в 1938—1990 гг. принадлежало титульным народам (табл. 7).

В 1990—1991 гг. Верховные советы союзных республик из ручных превратились в действительно высшие органы государственной власти в республиках. В феврале 1990 г. в Литве прошли очередные выборы, на которых общественно-политическая организация «Саюдис» получила две трети голосов. И на первом же заседании 11 марта Верховный совет ЛитССР принял «Акт о восстановлении независимого Литовского государства». В мае 1990 г. этому примеру последовали Латвийская и Эстонская ССР. «Параду суверенитетов» предшествовала метаморфоза Верховного совета СССР, ставшего всевластным органом государственной власти в 1989 г. и действовавшего в таком статусе до распада Советского Союза.

Сдерживать центробежные тенденции удавалось в значительной мере благодаря тому, что «реальная власть была не в Советах, а в аппарате КПСС»²⁵, в которой весь советский период большинство принадлежало русским — наиболее последовательным сторонникам единства страны. Данные об этническом составе партии, которая насчитывала в 1922 г. 376 тыс., 1927 — 1 144 тыс., 1982 — 17 770 тыс. и на 1 января 1989 г. — 19 488 тыс. человек, проливают свет на этот вопрос (табл. 8).

В 1922—1925 гг. русские были представлены в КПСС на треть выше демократической нормы, нерусские — соответственно ниже. В последующие годы представительство у всех этносов выравнивалось. К 1990 г. у русских индекс репрезентативности понизился с 1,36 до 1,15, у всех нерусских народов — повысился с 0,6 до 0,85. Благодаря большей абсолютной численности и преимуществу в представительстве русские сохранили количественное преобладание в партии, хотя оно и упало с 72 до 58%. Как и во всех властных структурах, представительность и участие русских в КПСС снижались.

Таблица 7

Национальный состав депутатов всех Верховных советов союзных республик в 1938 и 1980 гг. (%)

Этнос	1938*	1980
Титульные	64,2	95,8
Русские	33,2	28,0
Нерусские	66,8	72,0
Всего	100	100

Подсчитано по: Выборы в Верховный совет СССР. С. 14; Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов союзных и автономных республик, 1980 г. Статистический сборник. М., 1980. С. 18—21.

* В 1938 г. доля киргизов в Верховном совете Киргизии составляла 48,6%, русских — 25,7%.

²⁵ Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть... С. 374.

Национальный состав КПСС в 1922—1990 гг.*

Показатели	1922	1925	1927	1939	1961	1976	1982	1990
Численность КПСС, тыс. человек	376	1 088	1 144	2 478	9 716	15 694	17 770	19 228
Русские коммунисты, %	71,9	72,2	65,0	65,8	65,8	60,6	59,8	58,2
Русские в населении, %	53,1	52,9	53,1	58,4	54,6	52,4	52,4	50,8
Индекс репрезентативности русских	1,35	1,36	1,22	1,13	1,21	1,16	1,14	1,15
Нерусские коммунисты, %	28,1	27,8	35,0	34,2	34,2	39,4	40,2	41,8
Нерусские в населении, %	46,9	47,1	46,9	41,6	45,4	47,6	47,6	49,2
Индекс репрезентативности нерусских	0,60	0,59	0,75	0,82	0,75	0,83	0,84	0,85

Подсчитано по: Всероссийская перепись населения членов РКП 1922 года. В 45 вып. Вып. 5. Национальный состав членов партии. М., 1924. С. 25—31; Партия в цифровом освещении. Материалы по статистике личного состава партии. В 2 вып. Вып. 1. М.; Л., 1925. С. 5, 41, 86—87, 99—100, 106 (данные по состоянию на 1 января 1925 г.); Социальный и национальный состав ВКП(б). Итоги Всесоюзной партийной переписи 1927 года. М.; Л., 1928. С. 115—117; Народное хозяйство СССР, 1922—1982. Партийная статистика. Статистические данные по КПСС на 1 января 1976 г. // Партийная жизнь. 1976. № 10. С. 13—17; Народное хозяйство СССР, 1922—1982: юбилейный статистический ежегодник. М., 1982. С. 49; Партийная статистика. Статистические данные по КПСС на 1 января 1990 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4(303). С. 113—118; *Модсли Э., Уайт С.* Советская элита от Сталина до Горбачёва. Центральный Комитет и его члены, 1917—1991 гг. М., 2011. С. 339, 345—348; *Rigby T.H.* Communist Party Membership in the USSR, 1917—1967. Princeton, 1968. P. 361, 356, 375, 401.

* Члены и кандидаты в члены КПСС.

Ещё большее численное преимущество русские имели в ЦК и Политбюро (в разные годы называвшегося Президиумом, Оргбюро и Секретариатом), на партийных съездах. Роль ЦК КПСС хотя и не была институализирована, но по уставу и фактически с 1917 до 1991 г. именно он направлял работу центральных государственных учреждений и общественных организаций через партийные группы в них²⁶. И.В. Сталин называл Центральный комитет и Контрольный комитет «генеральным штабом партии», М.С. Горбачёв — «мозгом партии», а его помощник и политолог Г.Х. Шахназаров — «мозгом и мотором всей системы власти и управления»²⁷.

Этнический состав ЦК изменялся волнообразно — тренд в сторону русификации сменялся трендом к дерусификации. В составе ЦК в раннесоветский период, 1917—1922 гг., доля русских не достигала даже половины (48,7%). В последующие годы Сталин проводил русификацию ЦК, вследствие чего к

²⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). В 15 т. Т. 1. 1898—1917. М., 1983. С. 589—591; Т. 2. 1917—1922. М., 1983. С. 201—209.

²⁷ *Сталин И.В.* Сочинения. В 16 т. Т. 14. М., 2007. С. 220; *Воронников И.В.* А было это так... Из дневника члена политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 337; *Шахназаров Г.Х.* Цена свободы. Реформация Горбачёва глазами его помощника. М., 1994. С. 501.

1952 г. доля русских в нём достигла максимума — 75%. При Хрущёве эта доля понизилась до 62%, во времена Л.И. Брежнева повысилась до 72%, а при Горбачёве вновь упала — до 52% (табл. 9).

Таблица 9

Национальный состав ЦК КПСС в 1917—1990 гг.

Показатели	1917—1922	1925	1923—1937	1939	1952	1961	1971	1976	1986	1990
Численность ЦК КПСС*	78	97	163	112	236	297	371	411	477	412
Русские коммунисты, %	48,7	59,8	57,7	69,6	75,0	62,0	64,2	66,4	71,5	51,9
Русские в населении, %	53,1	52,9	55,4	58,4	54,6	54,6	53,4	52,4	51,5	50,8
ИЭПР русских	0,92	1,13	1,04	1,19	1,37	1,14	1,20	1,27	1,39	1,02
Нерусские коммунисты, %	51,3	40,2	42,3	30,4	25,0	38,0	35,8	33,6	28,5	48,1
Нерусские в населении, %	46,9	47,1	44,6	41,6	45,4	45,4	46,6	47,6	48,5	49,2
ИЭПР нерусских	1,09	0,85	0,95	0,73	0,55	0,84	0,77	0,71	0,59	0,98
Численность ЦК КПСС**, %	78	106	187	139	236	330	396	426	477	412

Подсчитано по: Модсли Э., Уайт С. Указ. соч. С. 40, 141, 162, 206, 251, 339, 341, 345—348.

* Число членов ЦК со сведениями о национальности.

** Общее число членов ЦК.

Индекс этнической репрезентативности показывает, что представительность русских в ЦК только в 1917—1922 гг. находилась немного ниже демократической нормы (0,92), но в последующие годы была всегда выше. За 1917—1952 гг. индекс репрезентативности русских вырос до 1,37, а к началу перестройки достиг 1,39 — высшей точки за все годы советской власти. К 1991 г. представительность русских понизилась практически до демократической нормы (ИЭПР = 1,02). Репрезентативность и участие русских понижались при Хрущёве и Горбачёве — в 1953—1964 и 1985—1990 гг. Тем не менее, исключая 1917—1922 гг., русские в ЦК имели самый высокий ИЭПР, их представительность была в 1,05—2,49 раза выше, чем нерусских.

Этнический состав Политбюро изменялся соответственно с изменением состава ЦК. В 1917—1953 и 1965—1985 гг. представительность и участие русских в Политбюро повышались, а нерусских — понижались. Наоборот, в 1953—1964 и 1985—1990 гг. представительность и участие русских понижались, а нерусских — росли. Исключая 1917—1919 гг., русские количественно преобладали. Из 193 членов и кандидатов в члены Политбюро за период 1919—1990 гг. 131 (68%) являлись русскими²⁸. Лишь в первом Политбюро 1917—1919 гг. их доля составляла 44%, а в 1930—1989 гг. находилась в интервале 65—86%, существенно превосходя долю русских в населении страны. Вследствие этого русские имели самый высокий ИЭПР, их представительность была в 1,48—3,33 раза выше, чем нерусских (табл. 10).

²⁸ Здесь не учтён М.В. Фрунзе, национальность которого в источнике не уточняется (указано: «мать — русская, отец — молдаванин»).

Национальный состав Политбюро ЦК КПСС в 1917—1989 гг.

Показатели	1917— 1919	1917— 1929	1930— 1939	1940— 1949	1950— 1959	1960— 1969	1970— 1979	1980— 1989	1917— 1989
Всего членов, человек	18	63	30	7	36	20	12	23	191
в том числе русских	8	38	21	6	25	13	10	17	130
Русские в Политбюро, %	44,4	60,3	70,0	85,7	69,4	65,0	83,3	73,9	68,1
Русские в населении, %	53,0	53,0	56,0	58,0	56,0	54,0	53,0	52,0	54,0
ИЭПР русских	0,84	1,14	1,25	1,48	1,24	1,20	1,57	1,42	1,26
в том числе нерусских	10	25	9	1	11	7	2	6	61
Нерусские в Политбюро, %	55,6	39,7	30,0	14,3	30,6	35,0	16,7	26,1	31,9
Нерусские в населении, %	47,0	44,0	42,0	44,0	46,0	47,0	48,0	46,0	47,0
ИЭПР нерусских	1,18	0,90	0,71	0,32	0,66	0,74	0,35	0,57	0,68
Соотноше- ние предста- вительности русских и нерусских	0,98	1,66	3,79	2,11	1,62	3,33	2,91	2,03	1,48

Подсчитано по: Тишков В.А. Национальность — коммунист? (Этнополитический анализ КПСС) // Политические исследования. 1991. № 2. С. 34; Вишневский А.Г. Высшая элита РКП(б)—ВКП(б)—КПСС (1917—1989): немного статистики // Мир России. 1997. № 4. С. 42.

«Принцип “национальность — коммунист”, порождённый марксовым тезисом “у пролетариата нет отечества” и революционным лозунгом о пролетарской классовой солидарности, фактически никогда не был реализован в политической практике большевиков», — отмечал Тишков в 1991 г.²⁹ Тем не менее коммунисты, в сущности, играли цементирующую роль, сдерживая центробежные силы и усиливая роль русских как системообразующей нации. Коммунистам принадлежало подавляющее большинство на восьми съездах Советов СССР в 1922—1936 гг. (в среднем — 74%), в Верховных советах СССР (75%), союзных и автономных республик. Именно коммунисты несли бремя ответственности за ситуацию в стране, опираясь в первую очередь на силовые структуры и армию, в которых в течение всего советского периода русские и представители других славянских этносов были в значительном большинстве и сверхпредставлены.

²⁹ *Тишков В.А. Национальность — коммунист? (Этнополитический анализ КПСС) // Политические исследования. 1991. № 2. С. 32.*

Однако к 1989 г. в союзных республиках произошло вытеснение русских из всех властных структур, включая партийные (табл. 11).

В переписях 1959, 1979 и 1989 гг. учтены руководители партийных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций, их структурных подразделений³⁰ — *первые и все остальные секретари, заведующие отделами и секторами партийных и комсомольских органов, а также председатели, заместители председателей и секретари профсоюзных органов*. Руководящий персонал относительно численности рядовых членов был невелик. Уже в 1959 г. в республиканских партийных организациях и в руководстве преобладали титульные этносы, исключая Казахстан, Киргизию, Молдавию, Таджикистан и Узбекистан. Но и в них численное преимущество было на стороне нерусских этносов. Через 20 лет, в 1979 г., только в Казахстане казахи находились в меньшинстве, превосходя, однако, русских, а нерусские народы вместе составляли большинство. В остальных республиках доминировали титульные этносы (табл. 12).

В правоохранительных органах в девяти из 14 республик (без РСФСР) также численно преобладали титульные этносы, а в пяти — Казахстане, Киргизии, Латвии, Молдавии и Эстонии — вместе с другими нерусскими. Русские везде были в меньшинстве, кроме армии (см. табл. 12, 13).

Таблица 11

Национальный состав руководителей аппарата партийных и общественных организаций СССР и РСФСР в 1959, 1979 и 1989 гг.

Административная единица		Доля этноса в аппарате, %			Индекс репрезентативности		
		1959	1979	1989	1959	1979	1989
СССР	русские	63,4	59,0	55,4	1,18	1,07	1,05
	нерусские	36,6	41,0	46,6	0,79	0,91	0,94
РСФСР	русские	84,5	83,7	82,4	1,02	1,01	1,01
	нерусские	15,5	16,3	17,6	0,90	0,94	0,96
СССР без РСФСР	русские	28,1	24,2	19,5	1,86	1,14	0,97
	нерусские	71,9	75,8	80,5	0,85	0,96	1,01

Подсчитано по: см. примечания к табл. 1.

³⁰ ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, ЦК профсоюзов и центральные общественные организации — на общесоюзном уровне; ЦК компартий союзных и автономных республик, ЦК комсомола, советы и ЦК профсоюзов — на республиканском уровне; крайкомы, обкомы и окружкомы КПСС, ВЛКСМ и профсоюзов — в масштабе краёв, областей и национальных округов.

Таблица 12

Национальный состав аппарата партийных и общественных организаций и милиции в союзных республиках в 1959 и 1979 гг.

Республика	Этносы	Руководители партаппарата				Милиция			
		Доля этноса, %		Индекс репрезентативности		Доля этноса, %		Индекс репрезентативности	
		1959	1979	1959	1979	1959	1979	1959	1979
РСФСР	русские	84,5	83,7	1,02	1,01	83,9	81,4	84,5	83,7
	нерусские	15,5	16,3	0,90	0,94	16,1	18,6	15,5	16,3
Азербайджанская	азербайджанцы	65,1	73,4	1,09	0,98	48,6	77,9	65,1	73,4
	русские	11,4	10,0	0,77	1,03	24,5	6,3	11,4	10,0
Армянская	армяне	96,0	96,2	1,11	1,07	94,6	90,1	96,0	96,2
	русские	1,1	0,8	0,28	0,29	2,1	1,1	1,1	0,8
Белорусская	белорусы	64,3	73,0	0,78	0,94	73,3	76,0	64,3	73,0
	русские	27,2	19,5	4,10	1,54	19,2	15,6	27,2	19,5
Грузинская	грузины	77,6	80,3	1,19	1,16	63,1	61,0	77,6	80,3
	русские	7,4	3,8	0,69	0,48	10,8	10,0	7,4	3,8
Казахская	казахи	36,9	44,4	1,50	1,55	33,5	36,8	36,9	44,4
	русские	10,4	39,6	1,02	0,87	48,4	41,8	10,4	39,6
Киргизская	киргизы	39,6	53,1	1,03	1,31	32,3	45,1	39,6	53,1
	русские	39,7	29,1	1,22	0,91	41,1	34,2	39,7	29,1
Латвийская	латыши	53,6	55,0	0,86	1,10	32,8	36,4	53,6	55,0
	русские	34,5	35,3	1,35	1,02	51,4	44,4	34,5	35,3
Литовская	литовцы	73,0	78,7	0,92	1,02	58,8	67,6	73,0	78,7
	русские	18,6	13,5	2,36	1,32	29,4	17,3	18,6	13,5
Молдавская	молдаване	29,0	53,0	0,43	0,85	40,2	43,1	29,0	53,0
	русские	22,1	21,2	4,68	1,61	30,9	27,8	22,1	21,2
Таджикская	таджики	47,7	57,6	0,95	1,09	53,5	57,0	47,7	57,6
	русские	29,0	20,4	1,84	1,39	22,1	13,5	29,0	20,4
Туркменская	туркмены	51,1	63,1	0,91	1,01	40,7	63,2	51,1	63,1
	русские	29,5	21,0	1,34	1,22	33,1	20,9	29,5	21,0
Узбекская	узбеки	48,4	59,5	0,81	0,94	49,3	68,6	48,4	59,5
	русские	23,5	18,2	1,47	1,26	26,4	12,7	23,5	18,2
Украинская	украинцы	64,9	70,2	0,83	0,97	66,1	69,4	64,9	70,2
	русские	29,9	26,0	1,93	1,18	28,7	26,3	29,9	26,0
Эстонская	эстонцы	73,6	71,6	0,99	1,20	49,4	44,5	73,6	71,6
		23,1	22,9	1,20	0,74	39,6	42,0	23,1	22,9

Подсчитано по: см. примечания к табл. 1.

**Национальный состав органов правопорядка в СССР и РСФСР
в 1959, 1979 и 1989 гг.**

Административная единица		В процентах			Индекс репрезентативности		
		1959	1979	1989	1959	1979	1989
СССР	русские	64,50	62,10	57,80	1,22	1,13	1,09
	нерусские	35,50	37,90	42,20	0,74	0,84	0,90
РСФСР	русские	83,90	81,40	81,00	1,01	0,99	1,00
	нерусские	16,10	18,60	19,00	0,94	1,07	1,00
СССР без РСФСР	русские	29,40	24,80	20,80	1,94	1,17	1,04
	нерусские	70,60	75,20	79,20	0,83	0,96	0,99

Подсчитано по: см. примечания к табл. 1.

Коренизация управленческих и силовых структур содействовала формированию национальных элит, развитие которых подтачивало единство номенклатуры и вело к расколу правящего класса по этническому признаку. К началу 1980-х гг. у национальных элит в союзных республиках появились национальная идентичность, амбиции, претензии на власть и собственность, что стимулировало развитие центробежных тенденций³¹. Они стали тяготиться зависимостью от Москвы³², не желая, как выразился первый секретарь ЦК компартии КазССР Н.А. Назарбаев в 1990 г., дальше «оставаться вотчиной центральных властей»³³. Известный советский и узбекский государственный деятель Р.Н. Нишанов в одном из своих интервью жаловался: «Россия, как и остальные республики, находилась в бесправном положении по отношению к центру. Вечный диктат Политбюро, аппарата ЦК, уймы разных союзных органов равно унижали республики, раздражали местную элиту. В конце 80-х я работал первым секретарём ЦК компартии Узбекистана и помню, что даже рядовой инструктор ЦК КПСС мог позвонить в Ташкент и свысока поучать, что надо и что не надо делать»³⁴.

Напомню, что в 1984—1989 гг. в Узбекистане в ходе «хлопкового дела» было возбуждено 800 уголовных дел по экономическим и коррупционным злоупотреблениям. Практически вся правящая верхушка УзССР была осуждена: свыше 4 тыс. человек получили реальные сроки. Однако попытка Москвы усилить надзор встретила сопротивление. Присланные в республику партработники столкнулись с обструкцией, похожей на ту, что произошла в Казахстане в 1986 г., когда в нарушение негласного соглашения первый секретарь ЦК

³¹ Золотов В.А. Политическая элита СССР: социальный состав, образовательный и культурный уровень (1953—1991 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 208—214.

³² Золотов В.А. Политическая элита СССР... С. 201—209; Мясников А.П. Национальные элиты в позднем СССР (1985—1991 годы): от кризиса межэтнического доверия к развалу единого государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2017. № 3. С. 321—328.

³³ Назарбаев Н.А. Без правых и левых: Страницы автобиографии, размышления, позиция...: Ответы на вопросы издательства. Алма-Ата, 1991. С. 178.

³⁴ Нишанов Р.Н. События маленькие и большие. Интервью Рафика Нишановича Нишанова [бывшего председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР] // Известия. 2011. 22 марта (URL: <https://iz.ru/news/372671>).

компартии КазССР казах Д.А. Кунаев был заменён русским Г.В. Колбиным³⁵. Как вспоминает Нишанов, «Навоийский обком возглавил руководитель Выборгского горкома партии Ленинградской области [Е.А.] Ефимов. Человек не знал языка, хлопок только в киножурнале “Новости дня” видел. Тихо уехал. Как, впрочем, и все остальные»³⁶.

В 1920—1930-х гг., когда местных кадров не хватало, во властных структурах Узбекистана охотно использовались русские кадры, посланные из Центра на укрепление, которые составляли до половины всех управленцев. К 1980-м гг. аппарат управления был уже на 61% укомплектован узбеками. 25 декабря 1991 г., за день до юридического закрепления прекращения существования СССР, президент Узбекистана И. Каримов помиловал всех осуждённых по «хлопковому делу», отбывавших наказание на территории республики³⁷. В современной узбекской историографии в событиях 1980-х гг. обвиняется главным образом «союзный центр»³⁸.

Во время перестройки дерусификация аппарата управления в республиках приняла откровенно русофобскую окраску. «Политбюро констатировало (в 1989—1990 гг. — *Б.М.*), — отмечал помощник Горбачёва А.С. Черняев, — что главным носителем национализма является сам местный аппарат власти. Нелюбовь и даже ненависть к русским росла из убеждения (которое широко распространялось самим партийным аппаратом на местах), будто плохо оттого, что всё зажато сверху, а там, наверху, где сидят русские, руководят некомпетентно, неграмотно, глупо»³⁹. Именно национальные элиты шли в авангарде борьбы за полный суверенитет, камуфлируя стремление к отделению лозунгом развития культурно-национальной автономии⁴⁰. Одна из причин данного процесса состояла в том, что в 1986—1990 гг. на всех уровнях власти произошла массовая чистка. Аппарат управления сократился почти на 51%, в том числе госаппарат — на 86, партаппарат — на 18%. В результате без работы остались 799 тыс. управленцев, бывших прежде надёжной опорой режима⁴¹. В 1989 г. в ходе перевыборов партийных секретарей на среднем и нижнем уровнях были заменены 89 тыс. руководителей. ЦК обновился на 85%⁴². Шла замена первых секретарей обкомов и секретарей союзных республик. Со стороны местной номенклатуры это вызвало острое недовольство и ожесточённое сопротивление, проявившееся в росте национальных движений, которые ставили целью национально-культурное возрождение и политическую независимость от Москвы⁴³.

Итак, дезинтеграция СССР имела объективные предпосылки, сложившиеся в результате национальной политики, направленной на ускоренную модернизацию отстающих союзных республик и на выравнивание уровней их

---

³⁵ *Полежаев Л.К.* Перестройка, годы, лица... Портреты и размышления. Омск, 1996. С. 46.

³⁶ *Нишанов Р.Н.* События маленькие и большие...

³⁷ *Злотницкая В.* Адылов выпущен на волю // Коммерсантъ Власть. 1991. № 50. 30 декабря (URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2181>).

³⁸ *Юнусова Х.Э.* Социально-экономические процессы и духовная жизнь в Узбекистане в 80-х годах XX века. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2009. С. 37.

³⁹ *Черняев А.С.* Моя жизнь и моё время. М., 1995. С. 331—332; *Золотов В.А.* Политическая элита СССР... С. 203—204.

⁴⁰ *Золотов В.А.* Политическая элита СССР... С. 201.

⁴¹ Народное хозяйство СССР в 1989 году. М., 1990. С. 50.

⁴² XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза: стенографический отчёт. М., 1990. С. 117.

⁴³ *Золотов В.А.* Политическая элита СССР... С. 202—206.

развития. Поддерживая процесс коренизации управленческих кадров и силовых структур, Москва способствовала развитию, а в некоторых случаях и созданию современной национальной элиты в республиках, причём не только в управлении, но и в производственных и непроизводственных отраслях народного хозяйства, в науке, культуре, искусстве, медицине⁴⁴. Национальный государственный аппарат, элита и управляющий класс являются важнейшими атрибутами полноценного государства. Имея население и территорию с официально закреплёнными границами, государственную символику, конституции и — с 1924 г. — право на полное отделение, союзные республики уже к 1979 г. приобрели суверенность, а титульные народы превратились в настоящие нации. Фактически советская власть октроировала нерусским народам национальную государственность, тем самым создав структурные предпосылки для дезинтеграции СССР.

Сознавало ли руководство страны опасности дезинтеграции? Как видно из докладной записки В.И. Ленину по вопросу автономизации от 22 сентября 1922 г., И.В. Сталин прекрасно понимал опасность федерализации: «За четыре года Гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство Цека РКП как обман и лицемерие со стороны Москвы. Мы переживаем такую полосу развития, когда форма, закон, конституция не могут быть игнорированы, когда молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно принимая слова о независимости за чистую монету и так же упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституции независимых республик... “Национальная” стихия работает на окраинах не в пользу единства советских республик, а формальная независимость благоприятствует этой работе»⁴⁵.

В тот момент из-за опасения потерять контроль над окраинами большевики приняли идею национального самоопределения, что способствовало сохранению единства страны. Развивая в дальнейшем правовую институционализацию этничности как политической категории, фиксируя территории за крупными этносами и их элитами, поддерживая развитие национальных языков и культур, Москва надеялась обезоружить националистические движения. Предполагалось, что местные кадры, знающие нравы, обычаи, быт своих народов, будут способствовать тому, чтобы советская власть казалась населению республик «своей», не навязанной русскими⁴⁶.

Средством преодоления сепаратизма служили также борьба против национализма и утверждение приоритета классового и интернационального над национальным. К концу 1920-х гг., при формальном сохранении признаков федеративного устройства, была достигнута реальная централизация, установлен полный контроль над окраинами, национальная оппозиция стала рассматриваться как государственное преступление⁴⁷. Об опасности сепаратизма стали

⁴⁴ Народное образование и культура в СССР. Статистический сборник. М., 1989. С. 16, 202, 237, 256.

⁴⁵ Из истории образования СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 198—200.

⁴⁶ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923—1939. М., 2011. С. 24.

⁴⁷ Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть... С. 376; Тишков В.А. Реквием по этносу... С. 159.

забывать. После 1936 г. Сталин вывел национальный вопрос из числа приоритетных. В 1938 г. при редактировании «Краткого курса истории ВКП(б)» он резко сократил и переакцентировал текст о национальной политике, понизив её значение в партийной пропаганде⁴⁸.

Советское руководство полагало, что социально-экономические факторы всегда превосходят по своему значению все другие, включая этнические, культурные, личностные и психологические. Казалось, что всесоюзное разделение труда, экономическая и финансовая зависимость республик от Центра гарантировали единство страны⁴⁹. Как вспоминал работник аппарата ЦК КПСС Л.А. Оников, «в 1989 г. абсолютно неожиданно для Горбачёва мощно заговорил о себе национальный сепаратизм»⁵⁰. Когда Литва 11 марта 1990 г. объявила о своей независимости, генсек-президент СССР полагал, что лидеры республики блефуют. По утверждению Черняева, Михаил Сергеевич был «искренне убеждён, что литовцам невыгодно разваливать Союз. Он не понимал, что литовцы готовы были затянуть пояса, пожертвовать чем угодно, но отстоять независимость... И искренне считал, что, если это произойдёт, будет нанесён огромный вред прежде всего самим народам этих республик. Отсюда у него было убеждение, что людям там заморочили голову экстремисты и сепаратисты... На людях бросал неосторожные фразы вроде: “Я их всё равно дожду”, “Развала империи не допущу”»⁵¹.

Существовали и другие противовесы сепаратистским настроениям: построение КПСС на принципе демократического централизма и под полным контролем Москвы, единая полиэтничная номенклатура, русское большинство в палате Совета Союзов Верховного совета СССР, силовые структуры. Центр многие годы позволял, чтобы часть средств союзного бюджета незаконно распределялась среди национальных элит. «Москва платила; местные элиты рассчитывались преданностью и послушанием», — отмечает Р.Г. Пихоя⁵². Партийное руководство также уверовало, что создание единой гражданской нации (советский народ) позволит блокировать или минимизировать межэтнические противоречия⁵³.

ЦК настолько верил в эффективность созданных центростремительных механизмов, что игнорировал предупреждения о первых ростках национальных движений в СССР. В 1960—1970-х гг. об этом, в частности, сообщалось в отчётах председателей КГБ В.Е. Семичастного и Ю.В. Андропова⁵⁴. «Учёные в своих аналитических записках неоднократно предупреждали ЦК КПСС об угрозе национализма и многочисленных потенциальных очагах этнических конфликтов. Горбачёв и его окружение пребывали в плену традиционных идеологем об интернационализме, дружбе народов и т.п. и просто не верили в возможность чего-то подобного в стране победившего социализма», — свидетельство-

---

⁴⁸ *Бранденбергер Д.* Сталинский ответ на национальный вопрос: загадочное молчание «Краткого курса истории ВКП(б)» о национальной политике после 1938 г. // Трагедия великой державы... С. 537—543.

⁴⁹ *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть... С. 378—379.

⁵⁰ *Оников Л.А.* КПСС. Анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996. С. 115.

⁵¹ *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачёвым. М., 1993. С. 339.

⁵² *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945—1991. М., Берлин, 2019. С. 409—410.

⁵³ *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть... С. 376—377.

⁵⁴ *Пивоварова О.Н.* Государственная власть и национальные движения в СССР в 1960—1970-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 181—187.

вал один из авторов подобных записок С.В. Чешко⁵⁵. Много лет спустя и сам Михаил Сергеевич признавал: «Мы опоздали с реакцией на проблемы, связанные с межнациональными отношениями и стремлением республик к большей самостоятельности. Прямо надо сказать: недооценили масштаб и глубину этих проблем. Опоздали с программой реформирования Союза на принципах добровольного объединения суверенных государств. Это дало возможность сепаратистам взять в руки инициативу, привлечь на свою сторону немало людей»⁵⁶.

Можно ли считать советский национальный проект состоятельным? Мнения на этот счёт разделились. Мне представляется заслуживающей уважения точка зрения, согласно которой *объективно* Советский Союз был не «тюрьмой народов», а «колыбелью наций», «империей позитивного действия», питомником для выращивания и конструирования национальных государств⁵⁷.

⁵⁵ Чешко С.В. Роль этнонационализма в распаде СССР. С. 459—460.

⁵⁶ Горбачёв М.С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 199.

⁵⁷ Тишков В.А. Стратегия государственной национальной политики. История дискурса // Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М., 2018. С. 14; Кадио Ж. Лаборатория империи. Россия/СССР, 1860—1940. М., 2010; Мартин Т. Империя «положительной деятельности»... С. 21—36; Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. С. 4—24; Dunlop J.B. The rise and fall of the Soviet Empire. Princeton, 1993; Garner K. The Baltic States and the end of the Soviet Empire. L., 1993; Hirsch F. Empire of Nations. Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca (N.Y.), 2005; Remnick D. Lenin's Tomb. The last days of the Soviet Empire. N.Y., 1993.

Тамара Красовицкая

«Ах, товарищи потомки, — на хитрости строился социализм»

Tamara Krasovitskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

«Ah, comrades descendants — socialism was built on cunning»

DOI: 10.31857/S086956870017310-2

Статью, переполненную статистическими расчётами, Б.Н. Миронов завершает вопросом: «Можно ли считать советский национальный проект состоятельным? Мнения на этот счёт разделились. Мне представляется заслуживающей уважения точка зрения, согласно которой *объективно* Советский Союз был не “тюрьмой народов”, а “колыбелью наций”, “империей позитивного действия”, питомником для выращивания и конструирования национальных государств». Здесь, по сути, сведены в одну две проблемы. Первая — это оценка состоятельности советского национального проекта. И вторая — был ли Советский Союз (инструмент этого проекта) таким «питомником»? Оценка «колыбель наций» ни армянам, ни грузинам, ни евреям, да и многим иным, не пришлась бы по вкусу.

Но Т. Мартин действительно «осовременил» оценку СССР — первой страны, где разрабатывались программы положительной деятельности в интересах национальных меньшинств. Идеологический контент интернационализма — программное положение о равенстве шансов — автор заменил концепцией *Affirmative Action*, заложив в неё преференции «положительного (пози-

тивного) действия». Образование СССР он считал исторической премьерой: ни одна страна не сравнилась с советскими начинаниями по масштабности¹. В 1920-е гг. удавалось организационно сочетать советский интернационализм с этнокультурными интересами в том, что Мартин выразил формулой «империи аффирмативных действий». Не сбросишь со счетов интересный опыт слияния интеллектуальной истории и политической практики, возможностей осмысления в ней хитросплетений этнических и советских идентичностей.

Большевики пытались придать национальным элитам влияние и отправляли «на места» лояльных представителей. Эту линию поддерживает и Миронов, подробнее исчисляя снижение в республиканских структурах власти доли русских. Для анализа автор использует, по его мнению, адекватные источники — всесоюзные переписи населения 1926, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., содержащие сведения об этническом составе управленцев разных сфер и уровней, а также и Всероссийскую перепись 1897 г., видимо, для сравнения её с советской практикой. Эти данные исследователь, ссылаясь на демографов, в своей недавно опубликованной работе считает удовлетворительными². То, что в используемых им переписях численность проживающих в стране этносов представлена не полностью (а переписи 1920 и 1937 гг. отсутствуют), кажется автору несущественным.

Мне же представляется выпадающий из анализа период 1920—1939 гг. ключевым, определяющим судьбу этнических элит в СССР. На нём стоит сосредоточить внимание, учтя, что данные переписи 1926 г. сильно «проигрывают» в сравнении с более поздними. Но не будем отвлекаться на анализ источника, исчисление количественных данных — сильная сторона Миронова.

Формула Мартина в постсоветский период охотно использовалась отечественными историками, не усматривавшими в ней нескOLONиальный смысл. Но ещё Н.А. Бердяев намекал: «Большевизм гораздо более традиционен, чем принято думать»³. За скобками изучения Мироновым проблем советского нацистроительства и роли в нём этнических элит остаётся огромное количество мотивов.

Для большевиков нацистроительство (право на самоопределение!) в империи, перестраиваемой в федерацию, — нежелательный, но неизбежный способ умиротворения «национальных окраин». В распадавшемся культурно-историческом пространстве они воплощали собственную мечту о всемирной республике Советов. Ленин хотел использовать колбу большевистской диктатуры для выращивания из отсталых народов бывшей Российской империи индустриальные нации. Но чтобы после победы мировой пролетарской революции «слить» их в «общечеловеческий котел», пришлось пойти на уступки: приспособлять имперское этническое разнообразие к федеративной конструкции. Сыграла свою роль и политическая даровитость Владимира Ильича, сумевшего «тактически» уйти от суровых обстоятельств (Брестский мир, решения Учредительного собрания и проч.). Декларирование федеративного устройства России сблизило его (не сказать, что искренно) с национальными элитами, которые требовали полноправного участия в федеральных структурах власти.

¹ *Мартин Т.* Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР. 1923—1939. М., 2011.

² Об источниковедческом анализе и методике обработки данных об этнической занятости см.: *Миронов Б.Н.* Этническая дискриминация при формировании органов государственной власти СССР // Новейшая история России. 2021. № 1. С. 149—173.

³ *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 89.

Подход к этнической элите как целокупной генерации строителей советского проекта (а именно так приходится воспринимать использование Мироновым статистических данных) делает трудным её качественную оценку. Легче всего утверждать: практически все они были сторонниками федеративной республики. Другое дело, в чьей интерпретации — собственной, советской или Учредительного собрания.

Верны ли были представления большевиков, что потенциал генерации элит не соответствовал уровню подлежащих решению задач? Для ответа на этот вопрос посмотрим, какая карьера была предложена посланникам в центр с мандатами своих национальных съездов. Здесь нам придётся опереться на собственные расчёты данных Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац). Тем более что руководитель его возглавил те процессы, которые Миронов (и не только он) именуется «нацистроительством» («колыбелью»). Попробуем составить «кадровый кроссворд» из сотрудников Наркомнаца на советском этнополитическом поле с учётом революционных вызовов и сложных процессов, вызванных как общемировыми тенденциями, так и особыми для России обстоятельствами.

Российская империя содрогалась от грохота международных конфликтов и внутренних революций. Значительного размаха достигло общественно-политическое движение. Университеты и институты становились очагами студенческой вольницы. Они опасно приблизили молодёжь к левым экстремистам с их презрением к богатству, неуважением к человеческой жизни, оправданию насилия ради высшей цели. Позади остались русско-японская война, Первая российская революция, Первая мировая война и Февральский переворот. Никуда не делись и изоляционизм, провинциальное российское мессианство. Но в революционную эпоху всё сорвалось с привычных мест. Люди беспокойные, менявшие места учёбы, службы, работы, места жительства и даже стили жизни (кадеты называли бы их маргиналами), устремились в первые органы исполнительной власти революционной России. Каждый из них — пример интеграции социальности и индивидуальности.

В политическом мейнстриме первых десятилетий советской власти выделялось доминирование трёх групп этнических элит. Первым, наиболее образованным, в региональной историографии посвящены солидные публикации, но упускается их вклад в зарождение советских федеральных структур власти. Из Учредительного собрания в Наркомнац пришли Я.Я. Анвельт, С.Я. Бобинский, М.М. Вахитов, Ю.М. Лещинский, Ш.А. Манатов, Г.Г. Пегельман, М.Н. Полозов, М.Э. Расулзаде, Ф.А. Розин, В.Ш. Таначев, Г.Х. Терегулов, И.С. Уншлихт и, конечно, И.В. Сталин⁴. Большая часть Учредительного собрания ушла в антисоветский стан и эмигрировала, продолжая при этом ревниво следить за победами и поражениями оставшихся в СССР соратников. Вторая группа — активисты разных партий (национальных и общероссийских) — левела и теряла поддержку в своих сообществах. Её представители были вынуждены блокироваться и с первой, и с третьей группами, причём последняя интенсивно пополнялась активистами из местных советов и солдатских комитетов.

Руководящие должности в Наркомнаце заняли представители около полсотни национальностей. Самые крупные группы ответственных сотрудников составляли евреи (48), поляки (31), татары (25), латыши (19), осетины (18),

⁴ Здесь и далее использованы мои подсчёты личных дел сотрудников Наркомнаца, часть из них затем перешли в Наркомпрос и в союзные и автономные структуры власти.

литовцы (16), марийцы (14), армяне (13), немцы и белорусы (по 11), коми (10), киргизы (9), башкиры (8), эстонцы, украинцы, мордва, калмыки (по 7), удмурты, чуваша, азербайджанцы, якуты (по 6). Впечатляет число ответственных сотрудников Наркомнаца с высшим образованием (64), полученным в российских и зарубежных университетах. 9 сотрудников были выпускниками факультета восточных языков Лазаревского института, восточного отделения Военной академии, Академии Генерального штаба. К тому же многие из них учились на историко-филологических факультетах, что открывало путь на государственную службу и в науку. У членов Совнаркома образовательный багаж оказался скромнее: лишь 4 его члена получили высшее образование (в основном — неполное). Но высший слой большевистской элиты был теснее связан с городом, знаком с современными инструментами, механизмами принятия и осуществления решений. До 1917 г. для нерусских студентов реальным оставался вариант устроиться в классическую гимназию, помощником депутата Государственной думы, в партийные структуры. Этот опыт оказывался весьма полезен, когда дело доходило до борьбы за политические права «своих» народов. Логично, что первые нападки на высшую школу большевики обрушили на историко-филологические и правовые факультеты университетов.

Знания, казалось, дадут равный статус, право формировать политические цели, выдвигать политических лидеров из «своих». В Наркомнаце 104 человека имели педагогическое образование или опыт учительства, 31 были журналистами, 21 — юристами, 20 — историками и филологами, 5 — профессорами Петербургского и Казанского университетов, 4 — специалистами-этнографами. Они знали европейскую и русскую культуру, иностранные языки, имели опыт создания и работы в национальной периодике, участвовали в легальной общественно-политической деятельности либеральных и социалистических партий, в земских и иных общественных и культурных объединениях, а потому были вполне способны отслеживать динамические процессы социальных и этнических конфликтов на фоне революционной ломки.

В своей работе сотрудники Наркомнаца (многие из которых затем перешли в Народный комиссариат просвещения) столкнулись с комплексом ультралево-ультиматистских и идеалистических взглядов интеллигенции, которая, по выражению Бердяева, напоминала «монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным миро-созерцанием»⁵. Находясь внутри, они менялись (хотя это было и непросто) и активно занимались пропагандой, увязывая вопросы культуры со становлением новой государственности. Им приходилось учитывать социально и ментально сложные ландшафты этнических культур, выявлять и оценивать их архаичные ресурсы. Иначе говоря, создавать фронт работ со сложной реальностью.

За переход в советские структуры власти, равно как и за отказ сотрудничать, многие заплатили жизнью. В конце 1918 г. белыми был убит комиссар по горским делам Кубано-Черноморского ревкома М. Шовгенов. Первый заведующий Удмуртским отделом Наркомнаца М. Прокопьев погиб летом 1919 г. В паровозной топке в 1919 г. сожгли председателя Центрального национально-го комитета бурят-монголов Восточной Сибири, идеолога европейской ориентации бурятского возрождения М.Н. Богданова. В Терской советской республике погибли народный комиссар по просвещению Я.Л. Маркус, народный комиссар по национальным делам А. Шерипов и председатель местного СНК

⁵ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 17.

Н. Буачидзе. Нарком Крымской республики И.А. Назукин был арестован контрразведкой ВСЮР и расстрелян. В Трапезунде погибли турецкий активист М. Субхи, работавший в автономиях с исламским населением, а также преподаватель арабского языка в кабардинских школах М. Фанзиев. Общественного деятеля А. Аджиева и известного публициста И. Хубиева (Ислама Карачайлы) от повешения спас Д.А. Хачиров, выкупивший их у белых. Гибли и те, кто и не помышлял перейти на советскую сторону. Так, азербайджанский министр Н. Усуббеков был злодейски убит в Кюрдамире неизвестными лицами в мае 1920 г. В марте того же года оппозиционеры убили уполномоченного Северокавказского ревкома Т.Д. Алиева. Известны факты из опубликованных документов коллекции Б.И. Николаевского и П.Н. Врангеля о насилии большевиков над ногайцами: «Во время вечернего намаза был задушен... народный кадий... Умар Газы Кулунчаков и зарезана его жена... Несколько дней спустя был зарублен большевиками законоучитель эфенди Нур-Магомет Эсполов»⁶.

Посты наркомов просвещения в республиках разного ранга заняли, за редким исключением, образованные и авторитетные выходцы из этнических элит. Они отразили важнейшую черту периода: потребность в профессионально-компетентных руководителях, знающих этнокультурную специфику региона. Активно действовали в феврале—октябре 1917 г. будущие наркомы А. Байтурсунов, С. Габиев, А. Тахо-Годи, Ш. Ахмадиев, А. Амур-Санан, И. Фирдевс и др.

Вопреки утверждениям многих авторов, в начале управленческого пути Сталин разыгрывал карту федерализма. Противостоять федералистским идеям он не мог даже в стенах собственного наркомата, откуда работники переходили (причём не индивидуально, а целыми структурами) в Наркомпрос. Известна и неудачная попытка Сталина вернуть их в Наркомнац в 1922—1923 гг., чтобы спасти его от ликвидации⁷.

Взяв курс на советский проект и одновременно смирившись с делением структур власти на условно федеративные (фактически центральные) и региональные (автономные), большевикам следовало распределить их полномочия. Правда, цель построения будущего общества ресурсами и средствами культуры виделась проблемным полем, шли дебаты и о том, что такое прогресс, что такое человек, какое нужно образование и воспитание.

Для разрушения старого мира годились левые «модернисты». В первые годы советская власть нуждалась в них. К. Малевич, чуя «дух времени», утверждал: «Взорвать, разрушить, стереть с земли старые художественные формы — как не мечтать об этом новому художнику, пролетарскому художнику, новому человеку?»⁸. Это создавало почву для взаимодействия. А.В. Луначарский вписывал модернистские ресурсы в советский проект СССР, понимая под ним внедрение советского измерения в этнокультурный контекст.

В острой борьбе за доминантный статус в первой половине 1920-х гг. модернисты ещё ограничивались указанием друг на друга «чернильными пальцами», иронизировал позже Л. Арагон. В кругах управленцев русский авангард

⁶ Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Сборник документов / Под ред. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского. Л., 1991. С. 193—194.

⁷ См.: Красовицкая Т.Ю. Сталин и Луначарский: борьба за административный ресурс школьной политики для нерусских народов (1917—1929 гг.) // *Rozprawy z dziejow oswiaty*. 2011. Т. XLVIII. Р. 73—129.

⁸ Цит. по: Даниленко В.П. Инволюция в духовной культуре: Ящик Пандоры. М., 2012. С. 225—226.

взялся за формирование авангарда советского. Казалось, футуристическая утопия, как и коммунистическая, ориентировалась на будущее и ставила пролетариат в центр событий⁹. Вызванные «стихией» художественные формы напоминали то, что Х. Ортега-и-Гассет назвал «восстанием масс».

Поддавшись романтике революции, модернисты скоро убедились: они имеют дело с химерами. Модернистская мозаика Луначарского переплавлялась из абсурдистско-стоицистских экзистенциальных комплексов в несвободный проективизм ранних советских практик создания образа «нового» человека. Его черты отбирались из политического диалога 1920-х гг. Образ оставался прекрасной целью, идеалом утопической проекции. Он содержал в себе приметы возрожденческой эпохи: сочетание бескорыстного стремления к труду и знаниям, поэтизация городской и крестьянской жизни, производство и научный поиск, спорт и новый быт. В федеральном секторе политики многомерность жизненных процессов порождала разные направления и стили модерна. Л.Н. Андреев в сентябре 1919 г. писал о политике новой власти: «Луначарский со своим лисьим хвостом страшнее и хуже всех других Дьяволов из этой свирепой своры»¹⁰. Позже Е. Рейн припечатал в «Авангарде»:

«Это всё накануне было,
Почему-то в глазах рябило,
И Бурлюк с разрисованной рожей
Кавальери казался пригожей...
И поехало, и помчалось
Кубо, эго и снова кубо,
Начиналось и не кончалось
От Архангельска и до юга,
От Одессы и до Тифлиса,
Ну, а главное, в Петрограде
Все как будто бы заждались:
“Начинайте же, Бога ради!”.
Из фанеры и из газеты
Тут же склеивались макеты,
Теоретики и поэты
Пересчитывали приметы:

“Значит, наш этот век, что прибыл...
Послезавтра, вчера, сегодня!”
А один говорил “дуршилбыр”
В ожидании гнева Господня.
Из картонки и из клеёнки
По две лесенки в три колонки
По фасадам и по перилам
Казимиром и Велимиром.
И когда они всё сломали,
И везде не летал “летатлин”,
Догадались сами едва ли
С гиком, хохотом и талантом,
В ЛЕФе, в Камерном на премьере,
Средь наркомов, речей, ухмылок,
Разбудили какого зверя,
Жадно дышащего в затылок»¹¹.

Вольности модернистов оказались малопригодны для ответственной миссии. В черновике письма к В.Н. Билль-Белоцерковскому 1 февраля 1929 г. Сталин отметил: не следует «кривляку Мейерхольда... носить на руках»¹². От русских модернистов требовали рецепт раннесоветского человека (тоже модернистского, но более простого, массового и имитационного). В конце 1920-х гг. основатель и теоретик формализма В.Б. Шкловский навсегда отрёкся от формалистической ереси; конструктивисты каялись в том, что впали в конструктивизм и объявили свою организацию распушенной; «старый антропософ

⁹ Хренов Н.А. Утопия по-советски: хилиастическая изнанка революционного авангарда // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 194–199.

¹⁰ Цит. по: Владимир Бурцев и его корреспонденты / Сост. О.В. Будницкий // Отечественная история. 1992. № 6. С. 114.

¹¹ Рейн Е. Избранное. Береговая полоса. М.; Париж; Нью-Йорк, 1993. С. 121–122.

¹² Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 1999. С. 100.

Андрей Белый печатно клялся в том, что он, в сущности, антропософический марксист¹³. Пока Луначарский разбирался с модернистским каноном, комкая и компрометируя его в ленинских планах пропаганды коммунизма, а политический курс всё больше забирал «вправо», к модернистам присматривались национальные элиты.

Отнесение РСФСР и СССР к федеративным государствам весьма условно. Советский проект требовал институтов, свойственных эпохе модерна. Этнические лидеры в правительствах типа Милли идарэ, Алаш-орды, Икомуса, Горского, Башкирского и проч. на востоке, Украинской центральной рады, Белорусской народной рады и проч. на западе, стремившиеся соответствовать вызовам времени и добивавшиеся федеративного устройства, конечно, отличались наличием управленческого опыта. Но их проекты были нацелены на партнерство с центральной властью — перенести личный опыт в реальные процессы.

Федерализм оказался побочной и вынужденной ветвью партийной цели. Для Сталина одинаково неприемлемы были практики и С. Максуди (объединение на почве тюркизма и ислама), и А.-З. Валидова (если федерация, то только честная!), и Украинской центральной рады, и даже советский нововед — Литовско-Белорусская советская социалистическая республика (Литбел). Большевики использовали равноправие народов и федерализм как элементы своей идеологии. Монтировать их в догматические одеяния помогал Сталин. Разве можно сравнивать этот опыт власти (их относили к «среднему типу... учителя, журналиста, адвоката», называя «мечтателями и литераторами»¹⁴) с революционной настойчивостью тех, кто прошёл школу большевизма? Они перемещали этнических лидеров в центр событий, используя пафос идеологических лозунгов для продвижения политического, символического, информационного продукта, формируя связи этнического с унификационно-советским.

Торг большевиков с национальными элитами определяли задачи и права федеральных структур в погоне за современным смыслом общероссийских политических проектов Наркомпроса. Консенсус в объёме прав находился с трудом. Выторгованные структуры стали использоваться как механизмы, с одной стороны, для привнесения в национальную среду современных европейских и русских ресурсов и технологий. Именно к ним лежал интерес местных элит: к современным практикам, приспособлению их к этнокультурной специфике. Идеологический полюс Октября притягивал и начинал влиять на тех, кто включился в «воспитательную» машину социализма. Их, вернувшихся в горы, осетинский журналист назвал «гостями в пиджаках, принесшими гостинцы горцам»¹⁵. Но наряду с настороженностью сохранялась и зона для диалога, прежде всего со Сталиным, который тоже искал выход из идейного затруднения, связанного с ленинским тезисом о параллельном существовании двух культур — национально-буржуазной и интернациональной пролетарско-социалистической¹⁶. Тезис, приемлемый в обстоятельствах борьбы за власть, в эпоху нэпа стал логической преградой.

¹³ *Замятин Е.И.* Бич Божий. Сборник произведений. М., 2016. С. 217.

¹⁴ *Зеньковский В.В.* Пять месяцев у власти. Воспоминания. М., 1995.

¹⁵ *Алаг Ирский.* Путь горской интеллигенции: беглые очерки анализа // Горская мысль. 1922. № 2. С. 66.

¹⁶ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 24. М., 1973. С. 122.

В 1920-е гг. Сталин сформулировал важные для него подходы: монополярная организация власти; ставка на административные рычаги управления; строгая иерархия политической элиты; оптимальное размещение кадров на стратегически важных постах; идеологизация политической системы в целом. Мобилизационный (административно-командный, вспомним и эту характеристику!) тип усиливала метафора «приводных ремней», их Сталин видел инструментом приведения в действие властной конструкции. Эта внутренне парадоксальная формула, претендуя на открывающуюся перспективу взаимного проникновения двух культур, тем самым дискурсивно *утверждала их существование*. С одной стороны, уже существовали «социалистическое» и «национальное», а с другой — их судьба предвещалась как конструктивно нераздельная. *Так формальная логика дискурса начала утверждать политическую логику советского федерализма и федеративную картину советской политики*. Она позволяла принимать решения в спорных и пограничных случаях. Большинство аргументов опирались на психологические мотивы, на взаимные обиды, неудовлетворенное тщеславие, граничащее с хитростью и ловкостью Сталина (и не только его). В лучшем случае это была конкуренция версий советского проекта 1920-х гг., во-первых, этнорегиональных элит и центра, во-вторых, элит друг с другом.

Из кабинетов Наркомнаца 8 человек направились возглавлять первые, пусть кратковременные, *советские* «национальные» правительства на окраинах бывшей империи: Ф.А. Розин-Азис — латвийское, В. Мицкявичюс-Капсукас — литовское, Д. Жилунович — белорусское, Я.А. Анвельт — эстонское, С. Лукашин — армянское, С.Г. Мамсуров — Совнарком Горской АССР, А.А. Бишиев — СНК Башкирской АССР, К.С. Атабаев — СНК Туркменской ССР. Лишь двое умерли своей смертью, остальные в 1930-х гг. были репрессированы.

С.Ж. Асфендиаров, А. Байтурсынов, У. Балич, Г.И. Бройдо, М.Ю. Брундуков, С.М. Диманштейн, С.Н. Донской, А.А. Мравянц (Мравян), А.Г. Ованнисян, А.А. Полоцкий, Ш.Х. Сюнчелей, И. Фирдевс, Б.Е. Этингф, Э.Э. Эфферт были наркомами и замнаркомами просвещения. Из них выжили Бройдо и (чудом) Брундуков. Должности наркомов по делам национальностей заняли Г.С. Айкуни, Г.И. Бройдо, И. Фирдевс, Ф.Н. Тухватуллин, А.З. Каменский. Наркомами внутренних дел, начальниками ГПУ стали: М. Авсарагов, С.М. Аржаков, Е.Б. Бош, П.Н. Макинциан, И. Фирдевс, Ф.Н. Тухватуллин. «Партийную» карьеру сделали Ю.М. Лещинский (с 1929 г. — генсек Коммунистической партии Польши), А.Г. Ованнисян (первый секретарь ЦК КП(б) Армянской ССР), С.М. Эфендиев (председатель ЦКК Азербайджанской КП(б)). Из «партийных» лишь Ованнисян пережил «Большой террор» 1930-х гг.

Властными должностями большевики стремились превратить национальные элиты в свою опору. Для этого и были предоставлены определённые формы государственности. Судя по частой сменяемости наркомов, Сталина раздражало их отклонение от интересов центральной власти, тем более от идеологических устоев системы. Он критиковал «интеллигентов-националистов», которых «внутренняя механика революции вышвырнула»¹⁷.

На фоне споров и борьбы за те или иные должности основную работу делал Учраспредотдел ЦК и его глава Л.М. Каганович, лично создавший пресло-

---

¹⁷ Кутушев Г.З., Акманов И.Г. Формирование аппарата Наркомпроса БАССР (февраль 1919 — сентябрь 1922) // Вестник Башкирского университета. 2012. № 1. С. 780.

вую схему номенклатуры. Без ведома Лазаря Моисеевича и его схемы мышья не проскакивала в кровавую мясорубку. Ленин внушал В.М. Молотову: «Власть у ЦеКа громадная. Возможности — гигантские»¹⁸.

В ЦК действительно обращались за разрешением споров, с докладными записками и увы, с политическими доносами. «Диктует социальные вкусы “авангард партии”, — оценивал модернистские старания Луначарского Л. Сабанеев. — По отношению... вообще к искусству в СССР принята демократическая установка — ставка на вкус широких масс»¹⁹. В мае 1927 г. Агитпропотдел ЦК ВКП(б) нацелил театральную политику на «охранительно-экспериментальные» задачи. Заведующий отделом В.Г. Кнорин уточнял: «Художественное мастерство Станиславского, Таирова, Южина и др. подконтрольно советскому государству во всех своих стадиях»²⁰. Помощь и заимствования в такой политической практике воспринимались как контроль творческой свободы.

Сталин, эмиграция и собственный народ обрушили на национальные элиты претензии. Анализируя деятельность элит на руководящих постах, эмиграция делала нелицеприятные выводы в их адрес даже после ударов по ним в разгар репрессий 1930-х гг. Общая оценка сводилась к тому, что опыт сотрудничества с советской властью мало что изменил со времен «царизма». Хотя эмигранты признавали, что «коммунисты-националы», даже свободные от «всяких признаков “буржуазного национализма”, всё же автоматически... противодействуют уравнилельно-русификаторским стремлениям советской власти»²¹. Это, конечно, преувеличение: большинство тех, кто остался сотрудничать, восхваляя сталинский курс, осваивали теорию и практику советского проекта.

Но негативное отношение партийных верхов к «местным» углублялось. Если ранее перемещение включало посылку на учёбу или в аспирантуру, то теперь снятие с должности оканчивалось арестами и ссылками. Элиты теряли поддержку народа, он видел в них олицетворение притеснений и непонятных социальных экспериментов. Ощутимых успехов их деятельность, по оценке центра, не приносила.

Но правда и в том, отмечали эмигранты, что «ввести в заблуждение представителя власти не считается грехом, ибо, в конце концов, и для коммуниста-кавказца советская власть остаётся прежде всего русской властью»²². Кое-какие акции удавалось смягчать, просто не выполнив распоряжение, но отчитавшись о нём перед центром. Непродолжительный опыт «с националами в роли секретарей обкомов ВКП(б)... оказался неудачным»²³. Раздражение проявлялось повсеместно.

В острой дискуссии И. Карачайлы резко выступил против «высокомерия по отношению ко всему горскому», против «головотяпских наскоков», «чванства и великодержавной спеси» людей: «Вы вообще никакого Кавказа не знаете, и знать не хотите». За требованиями показать «самоновейшую классовую

¹⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 44. М., 1970. С. 392.

¹⁹ Сабанеев Л.Л. Воспоминание о России. М., 2005. С. 20.

²⁰ Кнорин В.Г. Очередные задачи развития театра // Пути развития театра. Стенографический отчёт и решения партийного совещания по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б) в мае 1927 г. М.; Л., 1927. С. 9.

²¹ «Буржуазные националисты» в Карачае и Черкесии // Северный Кавказ. 1937. № 35. С. 29.

²² Догуж. Ещё о «коммунистах-националах» // Северный Кавказ. 1936. № 32. С. 18.

²³ Дела и люди «официальной» Кабарды // Горцы Кавказа. 1929. № 10—11. С. 64; Догуж. Указ. соч. С. 19.

борьбу» скрывалось, по его мнению, «верхоглядство», «невежество географическое, этнографическое»²⁴.

В Киеве федеративные настроения не утихали, политика коренизации обостряла дискуссии украинцев, оставшихся в Польше, Австрии, Канаде. Нарком просвещения УССР А.Я. Шумский на заседании Политбюро 15 мая 1926 г. говорил: «В партии господствует русский коммунист, с подозрительностью и недружелюбием, чтобы не сказать крепче, относящийся к коммунисту-украинцу. Господствует, опираясь на презренный, шкурнический тип малоросса, который во все исторические эпохи был одинаково беспринципно лицемерен, рабски двоедушен и предательски подхалимен. Он сейчас щеголяет своим лже-интернационализмом, бравирует своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплевать его (может иногда и по-украински), если это даёт возможность выслужиться и получить тёплое местечко»²⁵.

Сталинское руководство меняло лидеров в республиках. В Башкирской АССР за один год сменились 6 наркомов просвещения (перепись 1926 г. их учла!). Решение искали в необходимости «перестроить партработу», вести систематическое «интернациональное воспитание», хотя проблема заключалась в другом: СССР — особый организм и механизм социокультурного развития. Никто не пытался понять специфику нового устройства, тяжелейшую психологическую проблему, не классовую, как толковали пропагандисты, и тем более не решаемую количественным способом.

В отличие от «вертикальных» взаимоотношений национальных элит и Москвы, связи по «горизонтали» анализируются крайне слабо, хотя они отвечали за само содержание советского проекта. Центр пытался совершенствовать «приводные ремни» через сложную пирамиду структур и должностей. Их права и полномочия закреплялись «конституционно», но верховенство ВКП(б), вдохновляемое методом проб и ошибок, носило ситуативный, прагматический характер. В результате в СССР принципы равноправия и федерализма иногда даже прорывались в практику. В 1931 г. П. Павленко писал М. Слонимскому, что Союз советских писателей «должен стать союзом соединенных штатов, федерацией группировок советских писателей-интеллигентов», но это «тяжело и, в общем, гиблое дело»²⁶.

Национальная политика большевиков изначально строилась на противоположных основаниях: централизме и федерализме. Их конфликтное взаимодействие обеспечивало господство сталинской догматики, которая требовала унификации и унитарности, исключала добровольность, вариативность и какой бы то ни было *реальный* федерализм. Но политические ожидания от советской федерализации наблюдались до конца 1920-х гг.

Проблема явилась и с другой стороны. Элитам, возглавившим республики разного ранга, явно не хватало людских и материальных ресурсов. Очевидно отчетливое отставание в опыте социального конструирования. Пока городское население Европы и Америки наслаждалось переходом от импрессионизма к постимпрессионизму и авангарду, в СССР большинству этнических сообществ ещё предстояло вырастить городское население, которое их оценит. Территория

²⁴ Карачайлы И. Статьи и очерки. Вопросы атеистической работы и борьбы с пережитками. Черкесск, 1984. С. 98.

²⁵ РГАСПИ, ф. 81, оп. 3, д. 135, л. 22—23.

²⁶ Цит. по: Фрезинский Б. Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919—1960 годов. М., 2008. С. 224.

бывшей Российской империи по-прежнему являлась ресурсной базой советского проекта, хотя большевики стремились оторвать людей от традиционной культуры, считая её отсталой, мешающей развитию советских начал. Культура села, кишлака, аула подлежала скорому уничтожению. Но для этнических элит это ещё была питательная среда, живое социальное пространство. Неспособность модернизировать его воспринималась центром как политический сбой. В Москву текли различные отчёты, но результаты их оказались применимы лишь для неприхотливого потребления. Редко те, кого присылали секретарями партийных структур и комиссий, понимали этнокультурный контекст, вникали в сложность внутриэтнических проблем. 8 июня 1920 г. В.В. Куйбышев, работая в Комиссии по делам Туркестана, писал в ЦК РКП(б): «Что касается тов. Бройдо, Турккомиссия квалифицирует его как политического авантюриста, и его работу в Туркестане считает абсолютно вредной. Ответственная политическая работа не может быть ему поручена»²⁷. М.В. Фрунзе в 1920 г. также характеризовал Бройдо как «злого гения» и «авантюриста»²⁸. Тем не менее Сталин забрал его в Наркомнац и сделал своей правой рукой.

Получив в своё распоряжение неплохой по политическому и житейскому опыту состав элит, Сталин начал играть на понижение, низводя людей до уровня дешёвой конспирологии и камланий на тему марксистско-ленинских идей, которые нельзя изменить и тем более предать. Это и только это получалось у него неплохо. С арестом М.Х. Султангалиева стало понятно: никакой добровольности и равноправия нет. Есть единственный путь жёсткой централизации, следуя по которому можно унифицировать пространство, представить его политико-бюрократические контуры «федеративными», установить патрон-клиентские отношения. Этому авторитаризму не мог противостоять принцип формальной законности Конституции. Можно, конечно, пенять на имперскую память, на возрождающееся великодержавие, открывавшие дорогу всевозможным репрессиям и принуждениям. Так или иначе, но *вместо мечты об избавлении от обязательности ширилась практика принуждения к ней*.

Подобный подход к использованию элит усугублял конфликт с их этнокультурным контентом. Личный темперамент, сложные характеры позволяли претендовать на полноту профессиональных функций, болезненно реагировать на вмешательство в сферу их компетенции. Масштаб личности и интеллектуальный потенциал диктовали не только уровень амбиций, их умножал опыт дореволюционных общественных движений, профессиональных практик, часто преследуемых властями. Масштаб личности людей компетентных, убеждённых, несомненно, отражался на занимаемых постах. Первых автономий в статусе республики добились преимущественно восточные российские регионы — татары, башкиры, казахи, крымские татары, горцы Кавказа и Дагестана, среди них большой авторитет имели джадиды. Их синтетическое движение захватывало не только систему образования, но и общественно-философскую мысль, этические нормы. Оно в политической сфере пыталось «помирить» ислам с демократическими и даже социалистическими идеями. Концептуальный образ автономизируемого этно- и социокультурного пространства России в представлениях и действиях джадидов содержал конструктивные компоненты, синтез

²⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 60, д. 999, л. 41.

²⁸ Фрунзе М.В. Неизвестное и забытое. Публицистика, мемуары, документы, письма. М., 1991. С. 188.

западных и восточных начал. Те же практики имели украинские, еврейские, бурятские элиты.

Посетивший СССР в 1931 г. американский поэт Э.Э. Каммингс остался в шоке от столкновения двух миров политических и творческих ценностей и, как ему казалось, отсутствия интеллектуальной и художественной свободы. В 1948 г. британский поэт и драматург Т.С. Элиот писал: «Цель здесь, я подозреваю, — дать всем местным республикам... иллюзию своего рода независимости, в то время как подлинная власть исходит из Москвы... Советская Россия должна сохранять подчинённость культуры политической теории»²⁹.

Для большевиков СССР стал своеобразным полигоном строительства «Всемирной республики Советов», но в мессианские замыслы вмешивалась проза жизни. Мир этничности требовал адекватной реакции местных элит. Большевики были изобретательны в создании руководящих должностей, новых институтов, механизмов к этническим ресурсам, средств воздействия на этнокультурный контент. Их приходилось терпеть, избегать, отменять и снова придумывать, как и версии и иерархии тех или иных новых смыслов в отсутствие их свободной конкуренции. В республиках ещё видели возможность придерживаться ценностей политического равенства и социальной справедливости, на основе собственных ресурсов строить новое общество, сохраняя свои языки и культурные особенности. Федерализм 1920-х гг. характеризовался, с одной стороны, хозяйственной разрухой, а с другой — образовательными амбициями большевиков, своего рода прыжком в будущее без учёта реалий настоящего, мечтой о самостоятельном развитии, без участия присланных из центра лидеров.

Посетивший СССР ирландский писатель и лингвист Э.Й. Диллон в 1929 г. заметил: «Иногда я думаю, что большевики, сами того не замечая, продолжают находиться во враждебно настроенной к ним стране. Они симулируют существование некоторых желаемых вещей, действуя так, как будто их предположение соответствует действительности»³⁰. В 1930-е гг. примитивным политическим оскалом обернулась практика списывания неудач и трудностей на врагов. В такой оценке присутствовал и мотив межэтнического и межцивилизационного конфликта модернизаторов с модернизируемыми.

Национальные элиты внесли весомый вклад в объединение в советский проект огромного количества этнических групп, оказав этим плохую услугу самим себе. Они открыли тему продажи своего первородства за псевдофедерализм, став *обслуживающей проектом номенклатурой*. Отложена на будущее боль этнопсихологических травм (у каждого этноса они были свои, у татар, например, — травма 1552 г.). Брала верх грубая форма приспособления к малопонятным ещё реалиям индустриализма-модернизма, взаимодействия сложных идей и идеологий.

Эпистемологическая ситуация, в которой развивалась история СССР, не создала общепризнанной иерархии масштабов анализа и единиц измерения себя. Но в 1920-е гг. часто разнородные факты начали складываться исследователями в системные образования нового порядка. Ряд понятий «мигрировал» из одного профессионального сообщества в другие, попутно меняя прагматику и обретая новые функции. Но в период революционного слома старой империи

²⁹ Элиот Т.С. К определению понятия культуры. Заметки. Л., 1968. С. 142—143.

³⁰ Плаггенборг Ш. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 39.

и создания нового типа государства встретились разные времена, глубинные и устойчивые культурные установки, с трудом поддающиеся *политическим* изменениям, хотя архаичная традиция государственности плохо модернизировалась по своей сути. Ю.К. Олеша с почти детской наивностью писал на рубеже 1929—1930 гг.: «Для постройки социализма применяются старинные приёмы государственности: в данном случае — хитрость. Ах, товарищи потомки, — на хитрости строился социализм»³¹.

³¹ Олеша Ю.К. Книга прощания. М., 2019. С. 11.

Александр Дегтярёв

Исследование фундаментальных причин распада СССР — актуальная задача нашей науки

Alexander Degtyaryov (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow)

Investigation of the fundamental causes of the collapse of the USSR is an urgent task of our science

DOI: 10.31857/S086956870017298-8

Основательные труды Б.Н. Миронова уже не раз будоражили море российской историографии. Используемые им новаторские методы исследования выгодно отличают его работы о развитии российского социума в разные эпохи. Предлагаемые им концепции неизменно рождают острые дискуссии и широко известны за рубежом. Не стала исключением и представленная статья.

Обширная историография распада СССР насчитывает уже сотни книг и тысячи статей. Правда, большинство исследователей чаще всего сосредотачивают своё внимание на политических аспектах этого события. Лишь в относительно небольшом числе работ (В.А. Тишков, Р.Г. Пихоя, Ю.Л. Слёзкин и др.) авторы обращались к исследованию национальных элит в союзных республиках и их влияния на дезинтеграцию Советского Союза. Обратившись к этой проблематике, Миронов привлёк корпус разнообразных массовых источников для понимания сложных процессов, двигавших эволюцию советского социума. Такой подход позволяет понять, как развивалась коренизация в послереволюционной России, завершившаяся, по справедливому заключению автора, к началу 1990-х гг. и повлекшая за собой суверенизацию союзных республик.

Коренизация на протяжении практически всего советского периода имела характер планомерного, обеспеченного необходимой бюджетной составляющей процесса. Она являлась практической реализацией краеугольного для коммунистической идеологии принципа интернационализма. Её поступательное развитие явственно обнаруживается не только в приведённой Мироновым динамике изменений в государственных структурах, но и в социально-экономической жизни. Это хорошо видно, например, при анализе результатов формировавшейся союзным центром образовательной политики. К рубежу 1990-х гг. РСФСР занимала лишь 11-е место среди советских республик по числу людей (в расчёте на 1 тыс. достигших совершеннолетия лиц), имевших высшее и среднее (полное и неполное) образование¹.

¹ Народное хозяйство СССР в 1989 году. М., 1990. С. 188.

Исследование Миронова наглядно показывает, что формирование национальных элит обеспечило их преобладание в местных органах власти и силовых (кроме армии) структурах. Надеюсь, что в дальнейшем автор затронет изменения в республиканских экономических министерствах и ведомствах, которые ко времени распада СССР в подавляющем большинстве также находились в руках национальных элит. Исключение составляли предприятия союзного значения, работавшие в основном на оборону. Удельный вес руководителей «коренной национальности» в производственных отраслях народного хозяйства составлял 60—70%, а, например, в Армении — 99,4%². Союзный центр щедро тратил средства на подготовку местных кадров. В исследованиях последнего времени даже появился тезис о том, что Россия — это «империя наоборот», «империя позитивного действия», «питомник для выращивания новых национальных государств»³.

Оглушивший мир стремительный распад СССР невозможно понять без процессов, протекавших внутри политического ядра государства — КПСС и особенно её высших звеньев — Центрального комитета и Политбюро. С 1917 по 1991 г. членами и кандидатами в члены ЦК являлись 1 931 человек. Следует признать, что до поры до времени это было весьма консервативное сообщество, заметные изменения в котором произошли на последних в истории партии съездах — в 1986 и 1990 гг.

Члены ЦК в силу естественных причин относились к разным историческим эпохам. В первых составах преобладали профессиональные революционеры. Позднее к ним присоединился большой отряд коммунистов, прошедших Гражданскую войну. В 1930—1950-х гг. преобладали участники Великой Отечественной войны и люди, прошедшие школу социалистического строительства. В это время в партии утвердился так называемый номенклатурный принцип. Его оценивают по-разному, но трудно отрицать, что он в течение нескольких десятилетий обеспечивал стабильность политической системы, поскольку стержнем, вокруг которого он строился, была идейная преданность включённых в высшую партийную номенклатуру кадров. Следующее поколение руководителей, выросшее и сделавшее успешную карьеру в стабильные 1960—1970-е гг., уже не отличалось идейностью, свойственной их предшественникам.

Апофеоз этого процесса пришёлся на вторую половину 1980-х гг. Знаковым событием стал единовременный вывод в апреле 1989 г. из состава ЦК 89 членов и кандидатов в члены, избранных за три года до этого XXVII съездом КПСС. Основанием стали их личные заявления, но по сути выход был добровольно-принудительным, что нарушало основополагающий принцип демократического централизма. На это же время пришлись «перетряска» и ослабление Политбюро, из которого постепенно вывели большую группу руководителей союзных ведомств, преимущественно русских (В.И. Воротников, Н.И. Рыжков, Л.Н. Зайков, Ю.Д. Маслюков, В.А. Крючков и др.).

По итогам XXVIII съезда КПСС состав ЦК был обновлён на 80%. Это фактически означало разрыв преемственности: в высшей партийной структуре оказалось немало людей активных, но не прошедших достаточной политической и жизненной школы, нередко — прямо враждебных идеям социализма. К примеру, А.И. Гельман, «драматург, работающий по договорам» (так он обо-

² Там же. С. 67.

³ См.: Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов. М., 2018.

значен в списке членов ЦК), уже через полтора месяца после избрания объявил о выходе из КПСС.

Итоги послесъездовского организационного пленума ЦК свидетельствуют, что коренизация к этому моменту достигла своего апогея. Из 29 членов нового Политбюро только М.С. Горбачёв и В.А. Ивашко состояли в нём ранее, 21 — представляли национальные республики, причём доля русских оказалась меньше трети. Неудивительно, что такой искусственно сконструированный высший властный орган оказался недееспособен и в критический для страны момент, в августе 1991 г., даже не собрался, чтобы обсудить происходящее. В его роли выступил секретариат ЦК, сумевший к исходу третьего дня путча выработать официальное заявление. В нём повторялись тезисы о «всестороннем обновлении советского общества» и «приверженности курсу на демократическое обновление». Не называя ГКЧП, авторы заявили, что секретариат считает «недопустимым использование временных чрезвычайных полномочий для установления авторитарного режима, создания антиконституционных органов власти». Завершался документ призывом «не допускать сбоев трудового ритма, уделять особое внимание уборке урожая и подготовке к зиме»⁴. Но зима пришла уже в другую страну.

Важным вопросом, больше других волнующим исследователей и широкую общественность, является роль Горбачёва и его сподвижников в организации тектонических процессов, разрушивших СССР. Огромное число людей, в том числе многие историки и политологи, искренне считают, что несколько человек, обладавших высшей властью, сознательно разрушили державу. На мой взгляд, импровизации Михаила Сергеевича и его команды сыграли роль навесного порохового ускорителя, предназначенного для быстрого разгона реактивных систем. Придав основному объекту нужное стартовое ускорение, этот агрегат был отброшен в сторону, а «ускорителем» стала объявленная в стране «перестройка». Примечательно, что до этого ключевым политико-идеологическим термином служило «ускорение», необходимость которого генеральный секретарь провозгласил на пленуме ЦК КПСС 23 апреля 1985 г.

Импровизации, подчас разбавленные откровенными авантюрами вроде продырявившей бюджет антиалкогольной кампании, характерны для всего периода правления Горбачёва. История его «воцарения» — типичный пример классических драм политического закулисья — стала постепенно проясняться лишь спустя многие годы, причём в немалой степени благодаря самому Михаилу Сергеевичу. В ноябре 2012 г., представляя свою книгу «Наедине с собой», он рассказал о беседе с А.А. Громыко 10 марта 1985 г., состоявшейся через несколько часов после смерти К.У. Черненко и за полчаса до срочно созванного поздним вечером заседания Политбюро. Скорость диктовалась целью и удачно сложившимися обстоятельствами. Трое весьма авторитетных, причём критически относившихся к Горбачёву, членов Политбюро отсутствовали в Москве: Д.А. Кунаев пребывал в Алма-Ате, Г.В. Романов проводил отпуск в Паланге, а В.В. Щербицкий находился с визитом в США. В случае их участия в обсуждении вопроса о преемнике шансы Михаила Сергеевича оказались бы невысокими.

Пятиминутный, по признанию Горбачёва, разговор с Громыко был, по сути, политической сделкой: в обмен на поддержку своей кандидатуры престарелому патриарху советской внешней политики был обещан пост председателя

⁴ ГКЧП СССР. Сборник опубликованных документов (август 1991 года). М., 2011. С. 28.

Президиума Верховного совета СССР. Андрей Андреевич, известный во всем мире как «Мистер Нет», на этот раз сказал «да», о чём, по свидетельству ближайших родственников, в конце жизни горько сожалел⁵.

О том, как готовилась судьбоносная «пятиминутка», поведал в 2000 г. А.Н. Яковлев⁶. В 1983 г., после 10-летней «посольской» ссылки в Канаду, он был назначен директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР и скоро превратил его в базовую научную структуру, работавшую на Горбачёва. Незадолго до смерти Черненко Александру Николаевичу позвонил директор Института востоковедения Е.М. Примаков и сообщил, что сын министра иностранных дел А.А. Громыко Анатолий хотел бы встретиться с ним. В ходе двух встреч Громыко-младший поведал, что отец с уважением относится к Горбачёву, «хотел бы сыграть инициативную роль в судьбе Михаила Сергеевича» и «мог бы хорошо воспринять назначение в Верховный совет». Это предложение было сразу принято Горбачёвым. Громыко-старший сыграл ключевую роль в его избрании генеральным секретарём на заседаниях Политбюро 10 и 11 марта 1985 г. и на пленуме ЦК.

Михаил Сергеевич видел скрытое негативное отношение к нему некоторых членов Политбюро, поэтому в короткий срок в руководстве партии была произведена энергичная «зачистка»: 1 июля 1985 г. отправлен в отставку главный соперник вновь избранного генсека Г.В. Романов. В то же время активные участники мартовских событий быстро вошли в высший правящий круг. Яковлева назначили заведующим отделом пропаганды, в 1986 г. он стал секретарем ЦК, а затем и членом Политбюро. Отличавшийся вдумчивой самостоятельностью и поэтому не всегда удобный Примаков в 1989 г. ненадолго стал кандидатом в члены Политбюро.

В результате интернациональной по своей сути и в целом позитивной для населения советских республик политики коренизации страна подошла к грани, за которой началась лавинообразная суверенизация. Распад СССР, как показано в обсуждаемой статье, был не столько прихотью капризных и своевольных правителей, сколько результатом глубинных процессов. Он мог быть на какое-то время отложен при другом раскладе политических сил (например, в случае прихода к власти Романова). Но графитовые стержни, поглощавшие избыток национальных амбиций, оказались недальновидно удалены из союзного реактора в ходе непродуманной «перестройки», о которой слышали все, но суть её (не путать с результатом) объяснить сегодня мало кто сможет.

---

⁵ Андрей Громыко пожалел, что предложил Горбачёва на пост генсека. Интервью с директором Института Европы РАН А.А. Громыко // Комсомольская правда. 2014. 18 июля.

⁶ См. интервью А.Н. Яковлева: «Он хотел обвести партию вокруг пальца» // Коммерсантъ Власть. 2000. № 10.

Рональд Григор Суни
Национальный вопрос и распад Советского Союза

Ronald Grigor Suny (University of Michigan, USA)
The national question and the disintegration of the Soviet Union

DOI: 10.31857/S086956870017373-1

С помощью тщательно выверенных количественных данных Б.Н. Миронов демонстрирует, что Коммунистическая партия, по сути, продолжала политику коренизации вплоть до распада Советского Союза. Он утверждает, что, будучи сформированными ленинской национальной политикой, республиканские элиты были заинтересованы в усилении своей власти и постепенно перешли от лояльности советскому проекту к поддержке национальной независимости. Я бы сказал, что первое его утверждение — о национализации элит — бесспорно верно, но второе, — что они были заинтересованы в национальной независимости, — нуждается в уточнении и дополнении.

В своей книге «Месть прошлого: национализм, революция и распад Советского Союза» (1993)¹ я утверждаю, что националистические и сепаратистские устремления лишь частично объясняют распад СССР. Гораздо большее значение имели чрезмерно амбициозная программа реформ М.С. Горбачёва и некомпетентность, с которой она осуществлялась, снижение материального благосостояния населения, развал экономики и нежелание советских лидеров использовать доставшуюся им власть для поддержания порядка и сохранения государства. Вот как я выразился в 1993 г.: «Распад Советского Союза произошёл в результате длительного упадка и поспешной программы радикальных реформ, начатой Горбачёвым... Но эти мощные факторы не обязательно должны были привести к краху системы и распаду Союза. Конечный результат зависел от множества других факторов: одновременное проведение политических и экономических реформ; неспособность (или нежелание) Горбачёва с самого начала использовать власть, которой он обладал, для контроля над оппозицией в партии, обществе и нерусских республиках; решимость многих политических деятелей и особенно русской и нерусской интеллигенции, добиваться более радикальных перемен; и, конечно, судьбоносное решение консервативных коммунистов совершить государственный переворот против Горбачёва»². В 1980-х гг. в СССР не было кризиса, пока его не создала сама верхушка Коммунистической партии. Как только началась перестройка и гласность, власти, которые не имели чёткого представления о том, какую систему они строят, потеряли контроль над страной. В тот момент не только элиты, но и интеллигенция в советских республиках быстро подсчитали, что их жизнь можно улучшить, отделившись от разваливающегося Союза.

Политолог Дж. Хаф изложил этот аргумент более подробно. «Российская революция 1990—1991 гг., — писал он, — была настоящей революцией среднего класса, революцией бюрократов, буржуа, которые управляли средствами производства». Как только правящая элита в СССР потеряла доверие к старой идеологии, она осуществила собственную революцию «сверху». Хаф также отметил, что «когда стало ясно, что приватизация возможна, амбициозные люди,

¹ Suny R.G. The revenge of the past: nationalism, revolution, and the collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.

² Ibid. P. 159.

работавшие в государственной и экономической бюрократии, — и интеллектуалы по своей профессии — смогли увидеть, какую выгоду они могут извлечь из революции, которая узаконила частную собственность и частный бизнес»³. Ключом к анализу Хафа были идеи и язык, которые, как ни странно, широко использовались политическими оппонентами, например М.С. Горбачёвым и Б.Н. Ельциным. Потеряв веру в государственный социализм, их сторонники обратились к нынешней городской игре — неолиберальной экономике. Могильщиками системы были высококомобильные дети пролетариата. Демократизация пришла «сверху», не от масс, а как продукт советского промышленного, городского, образовательного и культурного развития. «Революция не была “вызвана” плохими экономическими показателями государства, националистическим давлением со стороны союзных республик, недовольством населения отсутствием свободы и потребительских товаров или усилиями по либерализации диктаторского режима», — отмечал Хаф⁴.

Проблема Советского Союза заключалась не в слабости государства, а в «слабости духа» тех, кто им руководил⁵. Не веря более в марксизм-ленинизм, Горбачёв разрушил те самые институты, которые ему требовались для построения нового, более либерального и демократического государства. Не будучи Авраамом Линкольном или Дэном Сяопином, он создал «революционную ситуацию, вместо того чтобы усмирить зарождающуюся революцию». И, что хуже всего, он, столкнувшись с оппозицией, не пожелал использовать инструменты государственной власти, армию и полицию, позволив Советскому Союзу развалиться, по сути, без борьбы и в тот момент, когда «большая часть населения, до и после, выступала против распада»⁶.

Анализируя провал реформ и демократизации в СССР, Хаф продемонстрировал, как теория социальных наук может освещать события. В этом случае он опирается на влиятельную работу М. Олсона о логике коллективных действий⁷. По мнению Хафа, «Горбачёв отказался использовать силу, достаточную для обеспечения соблюдения советских законов и подавления сепаратизма». Перестройку, таким образом, подорвало «не применение силы, а отказ Горбачёва взять на себя ответственность за её незначительное применение»⁸. С одной стороны, он оказался неспособен создать институты и стимулы для демократической рыночной системы, а с другой — поддерживать порядок с помощью доступных инструментов силы.

Хотя в моей книге 1993 г. есть оттенок сожаления по поводу того, что революция, начатая обычными трудящимися, закончилась деспотизмом, анализ Хафа имеет оттенок трагедии. Но это не трагедия структурной неизбежности или судьбы. Советский Союз не был обречён на распад, а советский народ — на то, чтобы жить при авторитаризме из-за какого-то внутреннего, причудливого национального характера. Это была трагедия сильных мира сего, злоупотребляющих своей властью (что в целом является нормальным способом функционирования политики), трагедия, вызванная элитой, которая воспользовалась возможностью превратить демократические преобразования в самовозвеличи-

---

³ Hough J.F. Democratization and revolution in the USSR, 1985—1991. Washington, 1997. P. 1.

⁴ Ibid. P. 2.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 60.

⁷ Olson M. The logic of collective action: public goods and the theory of groups. Cambridge, 1965.

⁸ Ibid. P. 499.

вание власти и собственности. И Хаф, и я считаем, что конъюнктура, приведшая Горбачёва к власти, не обязательно должна была привести к распаду страны. Китайская история авторитарных реформ в направлении государственного капитализма оказалась гораздо более успешной: государство было сохранено, свободы увеличены, быстро развивалась экономика. В то же время Коммунистическая партия Китая жестоко подавила протесты на площади Тяньаньмэнь и с тех пор не ослабила контроль над страной.

Известно циничное выражение, что каждая страна получает то правительство, которого она заслуживает, и эпоха В.В. Путина и Д. Трампа заставляет задуматься над обоснованностью этого утверждения. СССР обладал потенциалом для прогрессивной, либеральной эволюции, но когда центр дрогнул, интересы многочисленных действующих лиц разрушили систему и Союз. Простые люди уходили с улиц, шли на работу и заботились о своих семьях. Те же, кому повезло или кто был достаточно продажен, чтобы работать с государством Ельцина, обогащались и продвигали новый авторитаризм.

Европейская Арктика в XVI—XVIII вв.: модели и практики хозяйственного освоения (крестьянство, купечество, монастыри, государство)

Сергей Никонов

**The European Arctic in the 16th—18th centuries: models and practices
of commercial development (peasants, merchants, monasteries, the state)**

Sergey Nikonov

(Murmansk Arctic State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870017374-2

Прибрежные морские районы и архипелаги Европейской Арктики с эпохи Средневековья стали объектом международного хозяйственного освоения, одним из участников которого была и Россия. Для последней освоение этого обширного региона являлось логическим продолжением колонизации Русского Севера — длительного исторического процесса, начатого не позднее XII—XIII вв. и завершившегося в период Московского государства¹. Здесь сложился ряд историко-этнографических областей, включая Поморье — территорию, охватывающую побережье Белого моря². Особенности экономического развития Русского Севера заключались в преобладании промыслов, среди которых заметное место занимали рыболовный и зверобойный.

История освоения Россией Европейской Арктики имеет давнюю историографическую традицию. Но, несмотря на имеющиеся достижения в изучении проблемы, важной задачей остаётся обобщение опыта промысловой колонизации Европейской Арктики крестьянством и монастырями. Именно благодаря им возникла преемственность хозяйственного освоения территории, начавшаяся ещё в XVI в. В XVIII в. заметной стала роль государства и купечества. Это было вызвано процессами модернизации — попыткой перенести на отечественную почву европейский хозяйственный опыт, включиться в международную торговлю продуктами зверобойного промысла.

Основными районами хозяйственного освоения Европейской Арктики были Мурманский берег (побережье Баренцева моря), архипелаги Шпицберген и Новая Земля. Начало русских промыслов на Мурмане относится к первой половине XVI в., о чём, в частности, говорят грамоты Василия III лопским

© 2021 г. С.А. Никонов

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-19-50068. Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-19-50068.

¹ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. С. 1—8; *Очерки по истории колонизации Севера.* Вып. 1. СПб., 1922. С. 7—46; *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географические исследования; Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 100—103; *Бернштам Т.А.* Поморья: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 20—35.

² *Бернштам Т.А.* Поморья... С. 54—80; *Колесников П.А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976. С. 48—62.

даньщикам 1517 г., запрещающие вытаскивать суда на берег в районе мыса Святой Нос, а также ловить рыбу на побережье «для чего-либо иного, кроме собственной нужды»³. Промысловая колонизация охватывала не только русскую часть побережья, но и Финнмарк (Северная Норвегия). Русские и датские источники второй трети XVI в. сообщают о ежегодном приезде сюда промышленников, отправлявшихся к городу Вардё и в прибрежные заливы для лова рыбы и жемчуга. Традиция ведения промысла в норвежских водах сохранялась вплоть до начала XIX в.⁴

Промыслы на Новой Земле впервые зафиксированы европейскими путешественниками и монастырскими приходо-расходными книгами второй половины XVI в. В хозяйственных документах регулярно упоминаются продукты этого промысла⁵. Дискуссионным остаётся вопрос о начале русских промыслов на архипелаге Шпицберген (норвеж. Свальбард, русск. Грумант) и острове Медвежьем (норвеж. Бьёрнёйа)⁶. Не принимая во внимание версии об истоках промысла в «новгородский период» как не подтверждённые источниками, отмечу, что заметный прогресс в этом вопросе стал возможен благодаря археологическим исследованиям российских и зарубежных учёных. Если первые на основе полученных результатов допускали возможность начала русских промыслов в середине XVI в., то вторые оспаривали этот вывод. Норвежский археолог Т. Хультгрэн полагает, что русские могли проникнуть сюда не ранее начала XVIII в.⁷ Для всех перечисленных районов свойственны общие черты: удалённость от мест проживания промышленников, труднодоступность и необитаемость, экстремальные природно-географические условия. Тем не менее востребованность продукции на рынке, её широкое использование в питании, а также нерегулируемость хозяйственной деятельности со стороны общины или государства делали участие в промыслах привлекательным.

---

³ *Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А.* Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в лопской земле // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 26. СПб., 1998. С. 135.

⁴ Русская историческая библиотека. Т. XVI. СПб., 1897. № 17. Стб. 54; *Hansen L.I.* The Overlapping Taxation Areas of the North and the Nature of the Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times // *Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders*. М., 2005. P. 57—58; *Крустиансен Т.* «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию...». Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 года // *Русский сборник. Исследования по истории России*. Т. 8. М., 2010. С. 26—51; *Никонов С.А.* Промысловая активность крестьян Соловецкого монастыря у берегов Северной Норвегии во второй половине XVIII в. // *Историко-культурное и духовное наследие Соловков*. Сборник тезисов. Соловки, 2018. С. 146—152.

⁵ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 107; *Вейр Херрит де*. Арктические плавания Виллема Баренца, 1594—1597 гг. М., 2011. С. 45, 77, 150, 156, 210—212; Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571—1600 гг. / Сост. Е.Б. Французова. М.; СПб., 2013. С. 58, 60, 75, 83, 103, 399, 461—462, 480, 491, 569; *Иванов В.И.* Приходо-расходные книги XVI в. важского Иоанно-Богословского монастыря // *Вестник церковной истории*. 2018. № 3/4(51/52). С. 203, 205.

⁶ *Порцель А.К.* Спор о Шпицбергене: точка не поставлена // *Арктика и Север*. 2011. № 3. С. 1—6.

⁷ *Старков В.Ф.* Первые археологические раскопки на архипелаге Шпицберген. М., 2011. С. 7—30; *Старков В.Ф., Завьялов В.И., Державин В.Л.* Сорок лет российским археологическим исследованиям на Шпицбергене // *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 255. М., 2019. С. 221—227; *Hultgreen T.* When Did the Pomors Come to Svalbard? // *Acta Borealia*. 2002. № 2. P. 125—145; *Хультгрэн Т.* Новая интерпретация датирования российских поморских промыслов на Свальбарде (к критике применения В.Ф. Старковым дендрохронологического метода) // *Вестник Баренц-центра МГУ*. Вып. 9. Мурманск, 2010. С. 46—58.

Мурманский берег стал местом сезонного промысла трески и палтуса, продолжавшегося с весны до начала осени. Ежегодно промышленники добирались по суше (через Карелию и Кольский полуостров) или по морю до сезонных поселений — становищ, тянувшихся от мыса Святой Нос до современной границы с Норвегией. Количество становищ на протяжении XVI—XVIII вв. менялось. Наибольшее скопление их было на полуострове Рыбачьем (17 в начале XVII в.), что, на мой взгляд, явилось следствием развития международной торговли⁸.

В промысле участвовали представители разных социальных и территориальных групп населения Русского Севера. Выявить их соотношение для всего изучаемого периода не представляется возможным. В частности, составлявшиеся в Кольском остроге книги «морских становищ», фиксировавшие сбор пошлин с судов промышленников, не сохранились, хотя упоминания о них в документах имеются⁹. Тем не менее, используя такие источники как писцовая книга Кольского уезда 1608—1611 гг., ведомость о сборе пошлин с промысловых судов 1706—1728 гг., статистическое описание Мурманского берега цолнера Петра Лабуткина 1796 г., можно составить общее представление о вовлечённости отдельных районов Русского Севера в мурманский промысел¹⁰. В начале XVII в. среди владельцев жилых и хозяйственных построек в становищах преобладали выходцы из Кольского и Двинского уездов, поморских вотчин Соловецкого монастыря. Поскольку писцовая книга фиксировала не всех промышленников, а только владевших имуществом в становищах, нельзя признать эти данные полными. Ведомость сбора судовых пошлин 1706—1728 гг. содержит сведения о хозяевах артелей, промышлявших на Мурманском берегу. Она даёт более полное представление о территориальном составе промышленников. В первой трети XVIII в. их основную долю (54%) составляли выходцы из поморских вотчин Соловецкого монастыря, а также жители Подвинья (29,2%) и Кольского уезда (7,2%)¹¹.

Цолнер Онежской таможни Пётр Лабуткин собрал исчерпывающие сведения о хозяевах промысла и рядовых промышленниках для 1796 г. Более половины промышленников происходили из Кемского, Кольского, Онежского, Повенецкого и Холмогорского уездов¹².

Монастыри начали заниматься мурманским промыслом в середине XVI в. Одними из первых включились в эту деятельность Соловецкий и Николо-Корельский монастыри. В 1550—1570-х гг. их деятельность ограничивалась торговлей продуктами промысла (рыбой и салом). Это стало возможным благо-

⁸ Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI—XVIII вв. М.; СПб., 2020. С. 113—121.

⁹ РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Кольский уезд), д. 3, л. 2 об.; ф. 159, оп. 3, д. 289, л. 134, 213.

¹⁰ Там же, ф. 1209, кн. 208; Выписка из писцовой книги Алая Михалкова 116, 117, 119 гг. (Писцовая книга 1608—1611 гг.) // Харузин Н.Н. Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. С. 411—462; Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. С. 344; Овсянников О.В., Ясински М.Э. Заметки о морском аспекте освоения Русской Европейской Арктики // Лодия. 2008. № 5. Архангельск, 2010. С. 24—144; Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»... С. 66—69; Никонов С.А. Статистическое описание мурманского рыбного промысла 1796 года // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7(168). С. 15—20.

¹¹ Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»... С. 128—132, 134—135.

¹² Государственный архив Архангельской области (далее — ГА АО), ф. 51, оп. 6, т. 1, д. 249, л. 35—38, 56—69, 72—86.

даря активному развитию международного торгова на полуострове Рыбачьем, а затем и в Коле. Во второй половине XVI в. Печенгский и Кандалакшский монастыри Кольского уезда получали вкладами и покупали избы и хозяйственные постройки в становищах на полуострове Рыбачьем, острове Кильдин и в ряде других мест¹³.

Боле активное вовлечение духовных организаций Русского Севера в мурманский промысел началось во второй половине XVII в. Не позднее 1659 г. здесь стали вести хозяйство Крестный Онежский¹⁴, с середины 1660-х гг. — Соловецкий, не позднее 1670 г. — Антониев-Сийский, в 1680—1681 гг. — Николо-Корельский монастыри. Одним из последних в конце XVII в. в промысел включился Холмогорский архиерейский дом. Если монастыри приобретали становища самостоятельно, то владычному дому промысловые владения были пожалованы в 1685 г.¹⁵

Рыбу добывали и перерабатывали на становищах: весной сушили на свежем воздухе, летом солили. В переработку шла не только тушка, но и субпродукты: языки, печень, плавники, вязига. В хозяйственных документах монастырей встречается разнообразная номенклатура рыбы: большая, средняя и мелкая; по способу посола — односолка и двоесолка¹⁶.

Сезонный характер имел и зверобойный промысел на архипелаге Новая Земля. По данным промышленника Ивана Шухобова, приведённым в записках академика И.И. Лепехина, на западном побережье острова Южного поморы останавливались в девяти местах. Несколько станов действовало на острове Северном и малых островах архипелага. Немалую роль в освоении Новой Земли сыграл Пустозерский острог, основанный на р. Печоре в 1499 г. Сюда, по данным писцовой книги 1574—1575 гг., приходили «двиняне, устюжане и пеньяжане» для последующего похода на «морские острова» промыслить моржа. На Печору вели возникшие ещё в эпоху Средневековья тракты, отправными точками которых были Мезень, Пинега, Усть-Цильма¹⁷.

Наиболее заметным в промысловой колонизации архипелага было участие крестьян Мезенского уезда. Об этом говорят данные местной таможни. Цар-

¹³ Архив СПбИИ РАН, кол. 115, д. 934, л. 18 об.; д. 935, л. 10 об., 37 об., 43 об., 58; Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря... С. 129—130; *Громыко М.М.* Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI веке // Средние века. Вып. 17. М., 1960. С. 225—256; *Ушаков И.Ф., Дашинский С.Н.* Кола. Мурманск, 1983. С. 10—14; *Вальдман К.Н.* Ценный источник о торговле англичан на Мурмане в XVI веке // Вестник ЛГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. Вып. 1. 1990. С. 23—31; *Державин В.Л.* Северный Мурман в XVI—XVII вв. М., 2006. С. 88—96; *Никонов С.А.* Промысловые становища Кандалакшского Пречистенского монастыря на Мурманском берегу во второй половине XVI — первой трети XVIII веков // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 7(112). С. 16—18; *Никонов С.А.* Промысловые владения Троицкого Печенгского монастыря на Мурманском берегу во второй половине XVI — середине XVII века // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 1(146). С. 7—12.

¹⁴ Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. Л., 1930. С. 101.

¹⁵ РГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 4454, л. 1; Архив СПбИИ РАН, ф. 5, оп. 2, д. 26, л. 20 об.; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. СПб., 1842. № 188. С. 359; *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с Холмогорской епархией за первые 20 лет её существования и вообще Русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 280; *Никонов С.А.* «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»... С. 126.

¹⁶ РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 703, л. 68—68 об.; оп. 5, д. 3008, л. 3; д. 4026, л. 4 об.—5; д. 4287, л. 27 об.

¹⁷ *Окладников Н.А.* Пустозерск и Пустозерье. Из истории Печорского края. Архангельск, 2010. С. 18—27.

ский указ 1636 г. предписывал двинским властям купить «кость рыба зубу (моржовый клык. — С.Н.)». Для этой цели на Мезень отправили двинского таможенного целовальника Ивана Косицына. В сделанных им выписках из мезенских таможенных книг указаны имена 18 промышленников из Мезенского и Кеврольского уездов, по всей видимости, являвшихся руководителями артелей. Об этом говорит упоминание в записях «товарыщей», совместно с которыми подавались сведения в таможеню. Всего ими было задекларировано 913 моржовых клыков, добытых в промысловый сезон 1636 г.¹⁸ По данным таможенных книг Холмогор и Усть-Пинеги, на рубеже XVII—XVIII вв. в промыслах участвовали выходцы из Двинского и Пинежского уездов¹⁹.

Во второй половине XVIII в. по-прежнему заметным оставалось участие в новоземельском промысле крестьян Мезени. В 1766 г. по приказу архангельского губернатора Е.А. Головцына был учинён розыск кормщиков, ходивших на зверобойные промыслы к Новой Земле и Шпицбергену. Самыми опытными оказались выходцы из Окладниковой и Кузнецовской слободки Мезени Х. Инков, И. Мелехов, И.Н. Сопочкин, А.А. Роднин и Мудьюжской волости И. Морозов. Поиск кормщиков, видимо, был вызван подготовкой высокоширотной экспедиции В.Я. Чичагова на Шпицберген²⁰.

Количественные данные об участии мезенских мещан и крестьян в новоземельском промысле обнаруживаются в списках «водоходцев», составленных местными властями в 1791 г. по распоряжению наместника Олонецкой и Архангельской губернии И.Р. Ливена о предоставлении сведений о мужчинах призывного возраста, участвовавших в морских промыслах, которых могли привлечь к службе на флот. Согласно спискам, из 162 мужчин Мезени, участвовавших в разных промыслах, на Новую Землю выходило 40 человек (25% от общего числа); 49% промышленников занимались рыбным промыслом в районе Мезенской губы²¹.

Духовные организации включились в освоение Новой Земли не ранее второй половины XVII в. Не позднее 1653 г. начал промысел Красногорский Богородицкий, в 1690 г. — Николо-Корельский, не позже 1692 г. — Антониев-Сийский монастыри, в 1694 г. — Холмогорский архиерейский дом²². Неблагоприятные обстоятельства вынудили духовные организации отказаться от новоземельского промысла. В 1696 г. при возвращении с промысла разбился один из кочей архиерейского дома, в 1700 г. — два коча Красногорского монастыря²³. После 1695 и 1701 гг. соответственно прекратили промысел Антониев-Сийский и Николо-Корельский монастыри.

¹⁸ РГАДА, ф. 141, оп. 2, 1636 г., д. 62, л. 2—4.

¹⁹ Белов М.И. Арктическое мореплавание... С. 54—55; Овсянников О.В., Ясински М.Э. Волоки вдоль Ледовитого океана — древняя дорога торговли, промыслов, этнических контактов (материал к дискуссии) // Мезень и Мезенский край в истории отечества и Баренцева региона. Сборник статей. Ч. 2. Архангельск, 2006. С. 42—43; Дадькина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А. Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII — начале XIX в. Исследование. Документы. М.; СПб., 2017. С. 309.

²⁰ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 4, д. 7114, л. 23, 47, 53; Перевалов В.А. Ломоносов и Арктика. Из истории географической науки и географических открытий. М.; Л., 1949. С. 145—146, 241—243; Белов М.И. Арктическое мореплавание... С. 365—366, 370—371.

²¹ ГА АО, ф. 1, оп. 2, т. 1, д. 525, л. 1—1 об., 134—136 об.

²² Там же, ф. 191, оп. 1, д. 896, л. 18—19 об.; оп. 2, д. 38, л. 2—3; Архив СПбИИ РАН, ф. 5, оп. 2, д. 77, л. 32; д. 78, л. 9 об.—10; Верюжский В.М. Указ. соч. С. 423—424.

²³ Макарий (Миролюбов), архиеп. Историческое описание Красногорского монастыря. М., 1880. С. 21.

Участие жителей Поморья в промысле на Шпицбергене прослеживается в источниках только с начала XVIII в. В 1710 и 1712 гг. выходцы из Архангельска, Холмогор и Холмогорского уезда снаряжали суда для промысла на Груманте. Для некоторых из них зверобойные промыслы были не единственным занятием: они отправляли суда в «Аглинскую, Дацкую, в Галанскую земли и в Амбарг», где торговали разными товарами, в том числе хлебом. Известно, что среди зачинателей торговли со странами Западной Европы были братья Осип и Федор Баженины, Никита Крылов — основатели европейского кораблестроения на Русском Севере²⁴.

Крестьяне Мезенского уезда, имевшие опыт зверобойных промыслов в арктических водах, организовывали и походы на Грумант. В 1743 г. мезенский крестьянин Емельян Воронцов отправил артель на Шпицберген. При возвращении с промысла судно попало в шторм и разбилось. В 1759 и 1765 гг. сюда ходили артели крестьянина Окладниковой слободки Мезени Ивана Мелехова²⁵. По материалам списков «водоходцев», наиболее занятыми в походах на Грумант были крестьяне Шенкурского уезда. В списках указаны данные об участии крестьян в промыслах не только в 1791 г., но и в предыдущие десятилетия. «Ветеранами» промысловых экспедиций были крестьяне Иван Ошкурков и Артамон Козлов. Первый ходил на Грумант ещё в 1751 г., второй — с 1762 по 1778 г. Ещё несколько крестьян заявили о своих походах на Грумант и Новую Землю в 1760—1761, 1763, 1770 гг., остальные — в период с 1770-х по 1789 г. Для большинства крестьян поход к арктическим архипелагам был единичным событием в жизни. В промысле на Груманте участвовали и крестьяне Онежского уезда: 53 человека из 350, приведённых в списках «водоходцев»²⁶.

Наряду с крестьянством промыслами на Шпицбергене занималось и Выгорецкое старообрядческое общежительство. Одно из первых свидетельств о промысле выговцев относится к 1726 г. В ходе их промысловой колонизации на Груманте возникали сезонные станы. В настоящее время выявлены остатки нескольких десятков русских жилищ, обнаруженных на всей территории островов Шпицберген и Эдж²⁷.

Грумант не был притягателен для монастырей. В 1737 г. попытку вести здесь промысел моржа предпринял Соловецкий монастырь. Однако, не имея опыта организации подобного хозяйства, обитель обратилась к Выгорецкому

---

²⁴ *Дадыкина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А.* Поморские промыслы... С. 310; *Ретин Н.Н.* Торговля России с европейских странами на отечественных судах (конец XVII в. — середина 60-х гг. XVIII в.) // Исторические записки. Вып. 112. М., 1985. С. 158.

²⁵ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 4, д. 6002, л. 19; д. 7114, л. 51 об.; *Дадыкина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А.* Поморские промыслы... С. 317—318.

²⁶ ГА АО, оп. 2, т. 1, д. 525, л. 69 об.—71, 73 об., 100—106 об.

²⁷ *Соколовская М.Л.* Крестьянский мир как основа формирования Выговского общежительства // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). Сборник научных трудов. М., 1999. С. 269—279; *Хрущкая Л.Н.* Из истории миссионерской и промысловой деятельности выговцев в Архангелогородской губернии // Старообрядчество. История. Культура. Современность. Материалы. Т. 1. М., 2014. С. 108—123; *Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э.* Европейская Арктика: морские зверобойные промыслы Выговского старообрядческого общежительства в XVIII—XIX веках: суда, кормишки, работные люди: (к исследованию поморской экономической структуры). Архангельск, 2016; *Юхименко Е.М.* Выголексинское общежительство // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 57—58; *Дадыкина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А.* Поморские промыслы... С. 315—316; *Визе В.Ю.* Моря Советской Арктики: Очерки по истории исследования. М.; Л., 1948. С. 82; *Старков В.Ф.* Очерки истории освоения Арктики. Т. 1. М., 1998. С. 56.

общежителю, предоставившему помощь кормщика Саввы Ларионова²⁸. О повторных попытках монастыря вести здесь промысел не известно.

Основным объектом охоты были морские млекопитающие. В этнографических материалах второй половины XVIII в. раскрывается технология промысла. Разместившись в стане и обустроив жилище, промышленники разъезжались в разные места в небольших судах — карбасах. Зверя били ружьями и гарпунами (носками и спицами) как в открытом море на льдинах, так и на берегу²⁹. Добытое сало грузили в бочки и вывозили на материк. Красногорский монастырь во второй половине XVII в. имел несколько салотопных ям и амбар для хранения вытопленного сала на Сальном берегу в Архангельске. Антониев-Сийский монастырь в сентябре 1694 г. арендовал двор и салотопный котёл в Архангельске³⁰.

Ведение промыслов монастырями и крестьянами на отдалённых территориях и архипелагах Европейской Арктики требовало соответствующей организации. Начиная с осени крестьяне готовили к походу на Мурманский берег снасти, продуктовые запасы, соль для посола рыбы. Сорокский крестьянин Мирон Кошкин в феврале 1768 г. доносил архимандриту Соловецкого монастыря, что уже подготовил «к наступающему лету хлебных и харчевых припасов, также промышленных снастей и протчих материалов потребное число». Деньги на покупку припасов занимал у других крестьян³¹. Если Кошкин участвовал в промысле в кооперации с крестьянами, владевшими морским судном, то у других промышленников такой возможности могло и не оказаться. В этой ситуации необходимо было договариваться с более состоятельными хозяевами о транспортировке грузов к месту промысла и обратно. Примером этого является деятельность промышленников из Шуерецкой волости Никиты Чиракина и Власа Ермолина, владевших крупным морским судном «Святой Андрей Первозванный». В июле 1795 г. судно отправилось в становища Мурманского берега для доставки продовольствия и снастей к промысловому сезону 1796 г. Помимо собственных, компаньоны перевозили и запасы других хозяев³².

В духовных организациях Поморья промысел планировался монастырскими властями и тщательно документировался. В Николо-Корельском монастыре казначей выдавали средства на содержание артели, закупку снастей, ремонт судна и т.п., по окончании промысла осуществляли покупку рыбы у промышленников и вычеты из покрута за денежные ссуды и натуральные дачи. По данным прихода-расходной книги Николо-Корельского монастыря 1719—1720 гг., казначей старец Макарий выступил ответственным лицом при заключении до-

²⁸ Никонов С.А. Зверобойный промысел Соловецкого монастыря на архипелаге Шпицберген в конце 1730-х гг. // Полярные чтения на ледоколе «Красин» — 2018. Технология и техника в истории освоения Арктики. СПб., 2019. С. 12—23.

²⁹ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Ч. 4. СПб., 1805. С. 145; Ефименко А.Я. Артели Архангельской губернии. Ч. 1 // Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. СПб., 1873. С. 64; Ле Руа П.Л. Приключения четырёх российских матросов к острову Шпицбергену бурею принесённых. М., 1975. С. 54; Овсянников О.В. Север Кольского полуострова — контактная зона XVI в. // Исторические связи Русского Севера и Норвегии: (К 200-летию города Вардø). Сборник статей. Архангельск, 1989. С. 24—25; Овсянников О.В. Поморская промысловая «энциклопедия» конца XVIII в. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 81—82.

³⁰ ГА АО, ф. 309, оп. 3, д. 15, л. 9 об., 14 об.; оп. 4, д. 5, л. 17 об.—18; оп. 5, д. 9, л. 12—12 об.; д. 13, л. 38; Архив СПбИИ РАН, ф. 5, оп. 2, д. 81, л. 26 об.

³¹ РГАДА, ф. 1201, оп. 5, д. 4836, л. 9—9 об.

³² ГА АО, ф. 51, оп. 6, т. 1, д. 248, л. 1, 12—16 об., 30—31.

говора с мурманской артелью. В Соловецком монастыре организацией промысла ведали настоятель и монастырский собор³³. Отдельное место в этом вопросе отводилось территориальным и вотчинным службам. Для Николо-Корельского монастыря большую роль играла территориальная служба в Холмогорах. Главной обязанностью приказчиков была отправка людей с грузами на побережье Баренцева моря. Для этого в конце XVII в. приказчики задействовали не только монастырскую лодью, но и суда других промышленников. Аналогичную роль Холмогоры играли и для Антониево-Сийского монастыря. Книги «вешнего судового отпуска» фиксируют подготовку и последующую отправку морских судов (лодей и коча) к местам промысла на Белом (Летний, Зимний и Терский берега) и Баренцевом (Мурманский берег и Новая Земля) морях³⁴.

Соловецкий монастырь, организуя промысел, опирался на вотчинную службу Сумского острога. При архимандрите Геннадие (1741—1761) Сумский острог превратился в его зимнюю резиденцию. Одна из главных задач приказчиков службы заключалась в подготовке снастей: уд, верёвок, пряжи и др.³⁵ Далеко не все монастыри имели сложившуюся административную и хозяйственную структуру, из-за чего вынуждены были привлекать к содействию состоятельных промышленников. Так, компаньоном Пертоминского Преображенского монастыря в 1690-х гг. был холмогорский промышленник И.Р. Губин. На выданные монастырём деньги он закупал припасы и доставлял их на своём судне на Мурманский берег³⁶.

Основу производственных отношений на морских рыболовных и зверобойных промыслах составляла артель — объединение промышленников с чётким распределением обязанностей и иерархической структурой. Численность артели зависела от возможностей организатора и потребностей промысла. На Новой Земле и Шпицбергене, где охота требовала больших трудовых затрат, артель одного судна составляла до 20 человек. На мурманском промысле артель карбаса состояла из четырёх промышленников. По данным конца XVIII в., в зависимости от численности работников выделяются три группы артелей мурманского промысла: малые (до 10 человек), средние (от 10 до 20) и большие (более 20 человек). Значительная часть артелей (86%) в 1796 г. состояла из малых и средних промысловых объединений. Крестьяне не имели возможности создавать крупные промысловые объединения. Казалось бы, ресурсы монастырей могли позволить формировать крупные артели. Однако анализ данных приходо-расходных книг показал, что это не совсем так.

Численность монастырских артелей только во второй половине XVII в. приближалась к крупным промысловым объединениям — свыше 20 работни-

³³ Там же, ф. 191, оп. 1, д. 1508, л. 52; РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 599, л. 105 об.; *Никонов С.А.* Зверобойный промысел... С. 14.

³⁴ ГА АО, ф. 191, оп. 1, д. 400, л. 13 об.; д. 776, л. 3; д. 781, л. 13 об.; д. 796, л. 9; д. 813, л. 7; д. 829, л. 7, д. 844, л. 9; д. 977, л. 20 об.; д. 1002, л. 8 об.; д. 400, л. 13 об., 42; д. 829, л. 8; д. 844, л. 9; д. 853, л. 1 об.; д. 914, л. 10 об., 39; Архив СПбИИ РАН, ф. 5, оп. 2, д. 65, л. 5 об.—6, 7; д. 78, л. 7—10, 14 об.—15 об.; д. 80, л. 10 об.—12 об.; д. 84, л. 9—12, 14 об.—16 об.; д. 86, л. 7—8 об., 11 об.—13; д. 87, л. 5—6 об., 8 об.—10 об.

³⁵ *Богданова А.В.* О «зимних выездах» соловецких настоятелей в XVIII в., об одном кораблекрушении и утонувших книгах // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Вып. 13. Архангельск; М., 2014. С. 87—95; *Богданова А.В.* Соловецкий монастырь в Екатерининскую эпоху: из истории секуляризационной реформы 1764 года. М., 2017. С. 56, 123—124; РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 68, л. 138 об.; д. 135, л. 32 об.—33; д. 140, л. 15 об.—16; д. 144, л. 21—21 об.; д. 271, л. 22; д. 281, л. 23, 27 об.—28, 73; д. 308, л. 18—18 об.; д. 333, л. 8 об.—9 об.; д. 351, л. 8, 8 об., 17 об.—18 об.

³⁶ ОПИ ГИМ, ф. 226, оп. 1, д. 4, л. 20, 22.

ков (см. табл. 1), а с начала XVIII в. сокращалась. Ежегодно на Мурманский берег Николо-Корельский монастырь отправлял 8, Крестный Онежский монастырь и Холмогорский архиерейский дом — от 8 до 16, Соловецкий — от 16 до 20 промышленников³⁷. Сокращение численности артелей свидетельствует об упадке промысла. К середине XVIII в. духовные организации прекратили добычу рыбы на Мурмане: в 1755—1756 гг. — Николо-Корельский, после 1758—1759 гг. — Крестный Онежский монастырь и Холмогорский архиерейский дом. Более продолжительный промысел Соловецкого монастыря прервался в 1809 г. нападением английского судна на Кильдинское становище³⁸.

Таблица 1

Численность артелей мурманского промысла монастырей и архиерейского дома во второй половине XVII в.

Период	Количество монастырских промышленников				
	Николо-Корельский	Крестный Онежский	Соловецкий	Антониев-Сийский	Холмогорский архиерейский дом
1650—1680 гг.	—	от 8 до 16	32	4	—
1681—1700 гг.	от 8 до 12	от 16 до 24	от 16 до 32	от 4 до 16	от 24 до 32

Подсчитано по: Архив СПбИИ РАН, ф. 5, оп. 2, д. 45, л. 45 об.; д. 49, л. 65; д. 52, л. 40 об.; д. 56, л. 64; д. 66, л. 44, 49; д. 74, л. 38 об.—39; д. 75, л. 25 об.; д. 77, л. 44 об.—45; д. 79, л. 32—33; д. 81, л. 45—45 об.; д. 82, л. 49; д. 85, л. 34—34 об.; д. 89, л. 16; д. 91, л. 22 об.—23; *Никонов С.А.* «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»... С. 217.

Значение промысла очень ярко выражено в словах крестьян Соловецкого монастыря: «Пахотных земель у нас не имеется, а у которых и есть самое малое число... и то от морских ветров и стуж вызябает, понеже прилегли мхи и болота, каменные места». Основу благосостояния составляли морские рыбные и звериные промыслы: «Ходим... в марте месяце до Мурманского берега, а до станов своих проезжаем в шнеках меж лдами двести верст в путех». Продукция промысла использовалась для личного потребления и реализовывалась на рынке: продавалась на Мурманском берегу или в Архангельске иностранным (в XVI — начале XVIII в.) и русским купцам. По словам соловецких крестьян, на деньги, вырученные от продажи рыбы, покупались «хлебные припасы... себе на препитанье и впредь на подъем промыслов»³⁹.

В конце XVIII в. власти начали контролировать движение хлеба из Архангельска «в российские города, селения и на Мурманской российской берег» в связи с участвовавшими случаями перевозки зерна в Финнмарк для нелегальной торговли. Таможенные органы снабжали судовладельцев аттестатами, где указывались сведения о вывезенных в разные города и места хлебных и прочих припасах. На местах «градские и земские начальники» должны были удостовериться, что припасы привезены и израсходованы в соответствии с аттестатом. В 1789 г. в Кемь, один из центров Поморья, выходцы из которого являлись постоянными участниками арктических промыслов, суда 23 судовладельцев до-

³⁷ *Никонов С.А.* «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»... С. 217—218.

³⁸ ГА АО, ф. 191, оп. 2, д. 372, л. 29; д. 383, л. 15; Архив СПбИИ РАН, ф. 255, оп. 2, д. 46, л. 13 об.—14 об.

³⁹ РГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 404, л. 2, 9.

ставили муку, зерно и крупы из Архангельска. Припасы закупили после продажи рыбы мурманского промысла. Привезённые продукты были израсходованы на личное потребление семей судовладельцев (20%), раздачу другим семьям (58%), наконец, на продажу (13%).

Раздача припасов охватила 131 семейство (472 человека)⁴⁰. Она не была безвозмездной и предполагала возврат. Некоторые из получателей принадлежали к числу мурманских промышленников⁴¹. Продажа добытой мурманской рыбы обеспечивала благосостояние судовладельцев и других жителей Кеми, позволяла возобновить промысел в следующем году.

Задача обеспечения личных потребностей заметна и в монастырском хозяйстве, правда, в большем, чем в крестьянской среде, масштабе. Согласно тетрадам приёма и раздачи рыбы Крестного Онежского монастыря за 1697—1749 гг., значительная часть продукции мурманского промысла (от 29 до 78%) уходила на раздачу по службам, тогда как доля проданной рыбы никогда не превышала 50%⁴². Таким образом, промысел в большей степени был ориентирован на обеспечение натуральных потребностей обители, в меньшей — на рынок.

Государство в XVI—XVII вв. не вмешивалось в развитие арктических промыслов. Воздействие власти ограничивалось взиманием таможенных пошлин с промышленников и судов, добытой рыбы и морского зверя, производимых торгов. Для этих целей действовали таможни в Кольском и Пустозерском острогах, а на Мурманский берег выезжали целовальники⁴³. Ситуация изменилась в начале XVIII в. В 1703—1704 гг. была создана монополия, даровавшая А.Д. Меншикову и его компаньонам право на скупку продукции зверобойного промысла, а в 1723—1729 гг. организовали китоловную компанию, отправлявшую суда к берегам Шпицбергена⁴⁴. Эти безусловно важные начинания власти заслуживают собой такое новшество, как организация государевых промыслов на Мурманском берегу. Царским указом от 9 января 1704 г. все рыбные ловли в государстве передавались в ведение Ижорской канцелярии⁴⁵. Они могли быть сданы в аренду через аукцион или использованы для создания государственного хозяйства. Второе имело явное преимущество, заключавшееся в неограниченном субсидировании из местных бюджетов.

Создание государевых промыслов на Мурманском берегу стало возможным благодаря челобитной архиерейского сына боярского Михайлы Окулова, поданной в 1704 г. Он обратил внимание власти на концентрацию здесь промысловых владений Холмогорского архиерейского дома, которому, помимо пожалованных, принадлежали промыслы покойного опального царедворца Л.Р. Неплюева⁴⁶ и Троицкого Печенгского монастыря. Заполучив обширные владе-

⁴⁰ Научный архив Республики Карелия (далее — НА РК), ф. 253, оп. 1, д. 290, л. 2 об.; ГА АО, ф. 1, оп. 3, д. 153 а, л. 69—75 об.

⁴¹ НА РК, ф. 259, оп. 1, д. 154, л. 8 об.—10 об.

⁴² Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»... С. 324.

⁴³ Там же. С. 329—338.

⁴⁴ Дадыкина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А. Поморские промыслы... С. 27—66; Веберман Э. Китобойный промысел в России. Ч. 1 // Известия Московского коммерческого института. Коммерческо-техническое отделение. Кн. 2. М., 1914. С. 30.

⁴⁵ ПСЗ-1. Т. 4. № 1956. С. 232—240.

⁴⁶ Ушаков И.Ф. Ссылка на Кольский Север в досоветское время. Мурманск, 2007. С. 28—29; Никонов С.А. Акты Троицкого Печенгского монастыря конца XVII — начала XVIII в. из архива канцелярии епископа Архангельского и Холмогорского // Вестник церковной истории. 2018. № 1/2(49/50). С. 89—90, 105—106, 111—113.

ния, Холмогорская епархия не смогла ими должным образом распорядиться. По словам Окулова, архиерейский дом продавал треску и палтуса иностранным и русским купцам «самою малою ценою». В ответ на челобитную власти поручили двинскому воеводе передать промыслы Холмогорского архиерейского дома, Печенгского и Кандалакшского монастырей в ведение государства под управлением Окулова⁴⁷. Изъяв имущество (промысловые станы, суда, снасти), с весны 1705 г. государевы промышленники приступили к добыче рыбы. Властям удалось мобилизовать значительные людские и материальные ресурсы: 21 судно, на котором трудились 120 работников. Такое количество промышленников не могла выставить ни одна духовная организация, не говоря о крестьянах.

Государевы промыслы были комплексной системой хозяйства, не ограниченной только добычей трески и палтуса на Мурманском берегу. Специальные промышленники занимались ловом сёмги на реках Кола, Воръема, Печенга, Лица Большая и Малая, Ура, Териберка, охотой на пушного зверя (прежде всего бобра), добычей жемчуга⁴⁸. Рыбу продавали иностранным и русским купцам и сдавали по минимальной цене компании Меншикова. Однако добиться успеха государевым промышленникам не удалось. Уже на начальном этапе возникли трудности со строительством необходимого количества крупных морских судов (лодий) для транспортировки грузов, не были вовремя поставлены в становища продукты, должностные лица, ответственные за руководство промыслом, не согласовывали свои действия.

Таблица 2

Доходность государевых мурманских промыслов в 1704—1708 гг.

Год	Выделено на промысел	Доход от промысла	Чистая выручка
1704	1 103 руб. 51 коп.	1 358 руб. 20,5 коп.	254 руб. 30,5 коп.
1705	619 руб. 31 коп.	1 303 руб. 38,5 коп.	684 руб. 7,5 коп.
1706	1 024 руб. 22 коп.	962 руб. 60,5 коп.	— 61 руб. 61,5 коп.
1707	462 руб. 2,3 коп.	1 131 руб. 44 коп.	669 руб. 41,7 коп.
1708	1 237 руб. 23,5 коп.	1 739 руб. 9,5 коп.	502 руб. 67 коп.

Подсчитано по: Архив СПбИИ РАН, ф. 10, оп. 3, д. 285, л. 22 об.—26 об.; РГАДА, ф. 26, оп. 1, кн. 14, л. 149—153 об.

За пять лет деятельности государевых промыслов общая доходность колебалась от 23 до 140%, за исключением 1706 г., когда выделенные средства вовсе не окупились (см. табл. 2). Получить устойчивый доход организаторам промыслов не удалось. Значительная сумма — 236 руб. 23 коп. — была утаена Окуловым при совершении неучтённых операций (продаже рыбы, сдаче угодий на оброк). Уже с начала 1710-х гг. началось сворачивание государевых промыслов. Численность рыбаков сократилась до 24—44 человек, Холмогорскому архиерейскому дому вернули мурманские владения⁴⁹.

⁴⁷ Сборник материалов по истории Кольского полуострова... С. 124—127.

⁴⁸ РГАДА, ф. 26, оп. 1, кн. 3, № 9, л. 61 об.; № 14, л. 90—90 об.; № 118, л. 586.

⁴⁹ РГАДА, ф. 26, оп. 1, кн. 14, л. 156 об.—157; Архив СПбИИ РАН, ф. 10, оп. 3, д. 317, л. 13; д. 324, л. 3 об.; *Никонов С.А.* Хозяйственное освоение Мурманского берега Кольского полуострова Холмогорским архиерейским домом на рубеже XVII—XVIII веков // Вестник Удмуртского государственного университета. Сер. История и филология. 2012. Вып. 3. С. 27, 29.

Неудачным оказался и опыт китоловной компании. Идею её создания на принципах акционерного общества подсказал Петру I голландец Б. Небель ещё в 1698 г. Практическая реализация идеи оказалась возможной только к середине 1720-х гг. Тогда на верфях архангельских купцов Бажениных построили три китобойных корабля и малые промысловые суда, была создана промысловая база в Екатерининской гавани Кольского залива. Воплощение идеи оказалось неудачным. Во время пути из Архангельска в Колу один из кораблей «остановился на мели и остался у города». Из оставшихся двух судов «Валфиш» получил повреждения от столкновения со льдами во время похода на Шпицберген. Имели место трения между руководителями компании, вызывал недовольство нанятый капитан Делонг, который, как выяснилось, «в Груланде хотя и бывал, но командорской и стюрманской службы не ведает». Превратить компанию в действующее акционерное общество также не вышло: купцов, желающих купить паи-акции (от 500 до 4 тыс. руб.), не нашлось, неудачной оказалась и попытка привлечь капитал помещиков или крестьян. Результатом деятельности компании была добыча трёх китов, найденных выбросившимися на берег, а также треска, рыбы и звериное сало, купленные у промышленников и перепроданные иностранным купцам в Коле и Архангельске⁵⁰.

Возникший у государства интерес к арктическим промыслам позволил поставить вопрос об их дальнейшем развитии. Последнее нашло отражение в проектах государственных деятелей, в частности архангельского губернатора Е.А. Головцына⁵¹. В проекте 1768 г. рассматривалась в том числе и перспектива китобойного промысла в России. Европейский опыт убедил губернатора в том, что «тот морской промысел для комерции, так и для приучения в мореплавании искусных матрозов и афицеров» имеет большое значение. Российские матросы, ходившие в Европу, рассказывали, что промышленники из норвежского Бергена ежегодно возвращались от берегов Шпицбергена домой «весма с прибыльным грузом», оставив позади себя конкурентов — «агличан, гамбурцов и галанцов». Основываясь на их показаниях, губернатор убеждал власти в том, что для норвежцев путь на промысел и обратно не был затратен по времени, составляя два-три месяца⁵². Альтернативой Бергену, по мнению губернатора, могла стать Кола, где и следовало на казенные средства организовать базу китобойного промысла.

⁵⁰ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 4, д. 7853 а, л. 145—150; *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 182—183; *Фирсов Н.Н.* Русские торгово-промышленные компании в 1-ую половину XVIII столетия. Казань, 1896. С. 65—66; *Липпо-Данилевский А.С.* Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в. СПб., 1899. С. 20—21, 53; *Веберман Э.* Указ. соч. С. 30—31, 37—38, 46—50; *Дадькина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А.* Поморские промыслы... С. 30—31, 142, 144, 158—159, 178, 272—282; *Шумилов Н.А.* Архангелогородский летописец: (генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли): генеалогический справочник. Архангельск, 2009. С. 139.

⁵¹ РГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 238, л. 3—26, 122 об.—127; *Веберман Э.* Указ. соч. С. 46—47, 59—62, 93—97; *Дадькина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А.* Поморские промыслы... С. 37—44; *Белов М.И.* Арктическое мореплавание... С. 345—346; *Эмеров Б.Д.* К истории китобойного промысла на Русском Севере // Летопись Севера. Вып. 3. М., 1962. С. 192; *Ковальчук А.В.* Об экономической свободе, северных морских промыслах и архангелогородском губернаторе Е.А. Головцыне (1760—1770-е гг.) // Образы аграрной России IX—XVIII вв. Памяти Натальи Александровны Горской. М., 2013. С. 239—241; *Ковальчук А.В.* Экономическая политика правительства Екатерины II во второй половине XVIII в. Идеи и практика. СПб., 2017. С. 34—69, 74—101; *Никонов С.А.* «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»... С. 356—360.

⁵² РГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 238, л. 23 об.—24.

Китобойный промысел оценивали как перспективный и современники губернатора, в частности академик И.И. Лепехин. Участник академических экспедиций 1768—1774 гг., приверженец идей Просвещения, учёный рассматривал промыслы русских крестьян как отсталые, требующие модернизации⁵³. Несмотря на это, у русских промышленников были «руки, сила и смелость», для того чтобы наравне с европейцами заниматься добычей китов в Арктике. Дело оставалось за архангельским купечеством, которое, благодаря пожалованию привилегий Екатериной II, смогло «превосходить своих предшественников в торговле»⁵⁴. Однако до конца XVIII в. практических результатов эта дискуссия не имела. Возвращение к проектам организации китобойного дела произошло в начале XIX в. в связи с созданием Беломорской промысловой компании (1803—1813), одним из учредителей которой выступил император Александр I. Не были оставлены в новом веке и проекты освоения Арктики, подготовленные чиновниками, купцами и учёными⁵⁵.

Купечество стало играть заметную роль в промысловом освоении Европейской Арктики со второй половины XVIII в. Существенным фактором, повлиявшим на интерес торгово-промышленных слоёв Русского Севера к занятию зверобойными промыслами, стали изменения в экономической политике России. В правительственных кругах со второй половины 1750-х гг. поднимался вопрос об отмене монополий, находившихся в руках высокопоставленных лиц. Наконец, указами Петра III и Екатерины II монополии были ликвидированы, торговля и промыслы переданы в ведение частных лиц⁵⁶. Это отвечало заветным желаниям архангельского купечества. В наказе 1767 г. депутату Уложенной комиссии сообщили, что продажа рыбного и звериного сала, которая велась через монополию гр. Петра Шувалова, приносила большие убытки⁵⁷, заметив, что «торг салом ворванным и кожами, и что ко оному принадлежит купеческому праву гражданства узаконить волным и принадлежащим архангелогородскому гражданству вечно, а в монополии и посторонняя руки впредь не отдавать». Ответом на просьбу купечества стал указ от 11 августа 1768 г., подтвердивший отмену монополии Шувалова и передавший «выпуск сала за море... на десять лет одному только купечеству города Архангельского». В 1778 г. этот указ был подтверждён⁵⁸.

Отмена монополии вызвала настоящий ажиотаж среди архангельских купцов, бросившихся заключать подряды с крестьянами-промышленниками на закупку сала, уплачивая по контрактам «большую цену». Именно к этому времени — 1768—1769 гг. — В.В. Крестинин отнёс начало организации купцами зверобойного промысла «за морем». В действительности первые экспедиции

---

⁵³ Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения. Т. 1. СПб., 2003. С. 36—65; Бекасова А.В. Изучение Российской империи экспедициями 1760—1780-х гг.: «взгляд» естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. С. 13—31.

⁵⁴ ПСЗ-И. Т. 18. № 13141. С. 695—696.

⁵⁵ Заозерский Д.С. Проекты по освоению Новой Земли и Шпицбергена в XIX — начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 5—13.

⁵⁶ Ковальчук А.В. Экономическая политика... С. 34—69, 74—101.

⁵⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 123. СПб., 1907. С. 448; Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельске. СПб., 1792. С. 23.

⁵⁸ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 7, д. 12941, л. 47—47 об.; ПСЗ-И. Т. 18. № 13141. С. 695—696. Текст указа воспроизведён в работе В.В. Крестинина (Крестинин В.В. Указ. соч. С. 35—36).

состоялись несколькими годами ранее. Одним из первых к берегам Шпицбергена в 1766 г. отправил своё судно архангельский купец Семён Бусинов, участник морской торговли со странами Европы⁵⁹. Отмена монополии Шувалова и передача промысла и торгов салом в руки архангельских купцов привели к росту хозяйственной активности. Купцы не только выступали посредниками в торговых операциях, закупаая сало у крестьян и перепродавая его иностранцам, но и сами участвовали в международной торговле и организовывали промысловые экспедиции «за море». К 1782 г. в распоряжении купцов находилось 91 морское судно⁶⁰.

В 1770—1780-х гг. организаторами промысла были купцы Алексей Голубин, Андрей Дудин, Никифор Зыков, Василий Морянинов, Никифор Свешников. Их участие в промысле на Шпицбергене не выглядит случайным. Голубин и Зыков являлись судовладельцами, имевшими 8 и 5 судов соответственно. Голубин, Свешников и Зыков имели судостроительное и канатное производство, вели морскую торговлю со странами Западной Европы. С промысловой деятельностью Голубина связана продажа моржовых кож Кольвано-Воскресенскому заводу на Урале. Дудин в конце 1770-х и в 1782 гг. отправлял суда для промысла и торговли в прибрежных районах Финнмарка. В начале 1770-х гг. в промысел на Шпицбергене включился купец Матвей Стукачёв. Обывательская книга Архангельска 1786—1788 гг. сообщает об отправке им судов для «сальных и звериных морских промыслов». В 1790-х гг. он регулярно посылал четыре судна на Новую Землю и Шпицберген⁶¹.

В конце XVIII в. на место прежних организаторов промысла пришли новые: дядя и племянник Козьма и Афанасий Амосовы, Михаил Плотников с сыном, Василий Окольнішников. Масштабы их деятельности были заметно меньше: каждый из них снаряжал не более двух судов. Организаторы промысла конца XVIII в. принадлежали к первой (Стукачёв) и второй (Окольнішников, Плотников, Амосовы) купеческим гильдиям. Их объявленные капиталы в разные годы колебались от 8 до 20 тыс. руб. Для сравнения, архангельские купцы третьей гильдии, участвовавшие в промысле на Мурманском берегу, заявляли суммы от 1 до 2 тыс. руб.⁶²

Не только архангельское купечество занималось промыслами на Шпицбергене и Новой Земле. В 1780—1790-х гг. сюда устремились вологодские и тотемские предприниматели. Вологодский купец Фёдор Колесов в 1783 г. заказал строительство морского судна для «китоловных и звериных промыслов». Тотемский купец первой гильдии Иван Кузнецов не только отправил судно на Грумант, но и вёл торговлю и промыслы в водах Финнмарка. Его партнёрами

---

⁵⁹ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 4, д. 7114, л. 53; *Крестинин В.В.* Указ. соч. С. 23, 41; *Шумилов Н.А.* Архангелогородский летописец... С. 153.

⁶⁰ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 8, д. 170, л. 4—5 об.; Архангельский Север в документах истории (с древнейших времён до 1917 года). Архангельск, 2004. № 114. С. 192—195.

⁶¹ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 11663, л. 5—5 об.; т. 7, д. 12721, л. 5—5 об.; д. 13314, л. 84; т. 8, д. 327, л. 1—1 об.; ф. 49, оп. 4, д. 1, л. 55 об., 97 об.—98 об.; оп. 2, д. 35, л. 85; Архангельский Север в документах истории... С. 192, 194; *Шумилов Н.А.* Архангелогородский летописец... С. 161—162, 180, 261; *Лепехин И.И.* Указ. соч. С. 147.

⁶² ГА АО, ф. 49, оп. 2, д. 35, л. 23, 85, 96; д. 54, л. 38, 206; д. 69, л. 5, 168, 198; оп. 4, д. 1, л. 3—3 об., 55 об., 79—80, 97 об.—98 об.; д. 3, л. 4 об., 46, 117—117 об., 125 об.; *Шумилов Н.А.* Архангелогородский летописец... С. 129, 230, 239, 268; *Никонов С.А.* Участие архангельских купцов в мурманском рыбном промысле в конце XVIII в. // Полярные чтения — 2019. Арктика: вопросы управления. М., 2020. С. 61.

были вологодские купцы братья Матвей и Василий Киселёвы⁶³. Согласно обывательской книге 1785 г., интерес к промыслам на побережье Баренцева моря проявляли и купцы Онеги И.М. Дьяков, И.К. Лыткин, М.С. Фокин. Дьяков уже в 1787 г. упоминался архимандритом Соловецкого монастыря Иеронимом как вкладчик, обещавший пожертвовать 200 руб. «от грунландского промысла». С ним же в июле 1791 г. встретался путешественник и просветитель П.И. Челищев, сообщавший, что семь судов Дьякова ходили на Мурманский берег и Шпицберген⁶⁴. Организаторами полярных промыслов были и купцы Колы — города, имевшего самый близкий выход в Баренцево море. Пионером в организации добычи зверя стал купец Андрей Герасимов. Откликнувшись на указы 1764 и 1768 гг. о возобновлении китобойного и передаче зверобойных промыслов в частные руки, купец в 1772 г. смог добыть трёх китов в Кольском заливе. В 1774—1775 гг. он добыл ещё несколько животных, сало которых продал в Архангельске бранденбургскому купцу. Развить успех Герасимов не смог, переключившись на другие виды деятельности, в том числе промыслы на Шпицбергене. В конце 1770-х гг. сюда же отправили своё судно ещё два местных купца-компаньона — Пётр Турчасов и Иван Горюшков⁶⁵.

Организация купцами промыслов на полярных архипелагах опиралась на накопленный за столетия опыт крестьянства и монастырей. Основу хозяйственной деятельности составляла артель, нанимаемая на условиях покрута; добыча морского зверя, лов рыбы, охота на пушного зверя осуществлялись уже выработанными приёмами и с использованием традиционных орудий. Новшество составлял коммерческий характер купеческого промысла, ориентированного на извлечение максимальной выгоды от продажи добытого. Полагаю, что добиться прибыли купцы пытались не за счёт использования передовых технологий, а увеличивая сроки промысла. Входили в практику отправки экспедиций с зимовкой на полярных архипелагах. В договоре, заключённом 5 июня 1778 г. каргопольскими купцами Лаврентием Дьяковым и Петром Кошириным с кормщиком Филатом Вожевольных, заявлено, что промышленники должны находиться на Шпицбергене до тех пор, пока «мы оное судно наше промыслами и салом со удовольствием наполнить и наг[рузить] возможен, так чтобы в обратной путь следовать можно». С неполным грузом промышленники не должны были возвращаться, даже если бы им пришлось оставаться на Шпицбергене до «лета или осени» следующего года⁶⁶.

Отправка промышленников на годичное пребывание на Шпицбергене и Новой Земле становилась стратегией купечества Русского Севера. В прошениях купцов об отпуске судов и артелей в море, поданных в губернское правление, отмечалось, что большие запасы продуктов отвозили на архипелаги на случай «внезапного зимовья». Заявить прямо о длительности «вояжа» организаторы

⁶³ ГА АО, ф. 1, оп. 8, д. 8, л. 172 об.—173, 233 об.—234, 268 об.—269; д. 337, л. 1—1 об.; оп. 9, д. 70, л. 15, 23; д. 86, л. 22, 64; *Адаменко О.Н., Яшина О.В.* Кости морских млекопитающих в Вологодском крае в XIV—XIX веках (по данным письменных источников и музейных коллекций) // *Археология в музейных коллекциях.* Архангельск, 2019. С. 150—151, 153.

⁶⁴ ГА АО, ф. 1, оп. 9, д. 2, л. 9 об.—10, 22 об.—23, 32 об.—33; ф. 51, оп. 6, т. 1, д. 249, л. 47; РГАДА, ф. 1201, оп. 5, д. 5398, л. 7; *Челищев П.И.* Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб., 1886. С. 58.

⁶⁵ ГА АО, ф. 10, оп. 1, д. 112, л. 5, 5 об.; Государственный архив Ярославской области, ф. 72, оп. 3, д. 9, л. 10 об.; ПСЗ-І. Т. 16. № 12158. С. 764; Т. 18. № 13141. С. 695—696.

⁶⁶ ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 7, д. 13798, л. 6 об.

промысла не решались, поскольку паспорта, дающие право отъезда из родных мест, выдавались на ограниченный срок. Напротив, европейские китобои, промышлявшие у берегов Шпицбергена и Гренландии в XVII—XVIII вв., не практиковали зимовки: добыча и разделка китов проводилась за один сезон. Редкие известные случаи зимовок европейцев были вызваны форс-мажорными обстоятельствами (поломкой судна, кораблекрушением)⁶⁷.

Существенной особенностью купеческих промыслов являлось стремление действовать в одиночку либо с одним-двумя компаньонами, родственниками или близкими друзьями. Возникшая в начале XVIII в. в Архангельске мореходная компания купцов Бажениных просуществовала недолго и не стала примером для последующего развития. Опыт деятельности других купеческих компаний в России, функционировавших по принципу акционерных обществ (Персидская, Темерниковская, Средиземноморская), также не получил распространения⁶⁸. Неудивительно, что когда в конце XVIII в. власть решила привлечь архангельское купечество к развитию китобойного промысла в Европейской Арктике, то получила отказ. Архангельская городская дума подала губернатору И.Ф. Мезенцову рапорт о причинах невозможности этого начинания, среди которых указала на отсутствие в России финансовых институтов (банковской системы), готовых взять на себя кредитование и страхование «морских вояжей»⁶⁹. В рапорте подняли проблему сдерживающих факторов в развитии отечественного предпринимательства. Процесс модернизации морских промыслов, начатый в XVIII в. государством и предполагавший усвоение европейских технологий и включение в международную торговлю, к концу столетия вызвал интерес и у купечества. Но отсутствие значительных капиталов и неразвитость банковской системы препятствовали реализации государственных планов организации китобойного дела, способного конкурировать с европейцами.

На рубеже XVIII—XIX вв. произошло сворачивание промысловой активности купечества в Европейской Арктике. Купец М.А. Стукачёв среди причин перехода в 1798 г. из второй в третью гильдию указывал «немалые убытки», понесённые при организации «морских салних и горних промыслов на Шпицберген и Новую Землю». Существенные убытки понесли и купцы Амосовы, судно которых, возвращавшееся с Новой Земли в 1798 г., «за поздним временем, и болшими погодами, и стужами» вынуждено было зазимовать на р. Камбалице. Общим местом стало утверждение купцов о затратности промысла, не приносящего выгоды: «В случае лишения судна и неполучения промысла хозяева имеют убытку от шести тысяч рублей и менее, смотря по отпуске и сооружении онаго»⁷⁰. Существенный риск представляли и зимовки на Шпицбергене и Новой Земле, нередко оборачивавшиеся гибелью промышленников. В промысловый сезон 1774—1775 гг. на острове Медвежьем погибли артели архангельских купцов Андрея Дудина и Никифора Зыкова из 20 человек. Еже-

⁶⁷ Там же, ф. 4, оп. 9, д. 70, л. 1, 5, 11, 15, 16; д. 75, л. 1, 7; д. 77, л. 3, 5, 7; *Hacquebord L. Five Early European Winterings in the Atlantic Arctic (1596—1635): A Comparison // Arctic. 1991. Vol. 44. № 2. P. 146—155.*

⁶⁸ *Репин Н.Н. Торговля России с европейскими странами... С. 158—159, 163—164; Юхм А.И. Торговые компании в России в середине XVIII в. // Исторические записки. Т. 111. М., 1984. С. 238—295.*

⁶⁹ ГА АО, ф. 49, оп. 2, д. 114, л. 183—183 об.

⁷⁰ Там же, ф. 4, оп. 9, д. 89, л. 150 об., 151 об.; ф. 47, оп. 2, д. 59, л. 13, 17; ф. 49, оп. 2, д. 113, л. 129, 207 об.

годные рапорты купцов в Архангельское губернское правление о прибытии судов с полярных архипелагов содержат имена погибших промышленников⁷¹.

Освоение Европейской Арктики охватило прибрежные районы (побережье Кольского полуострова и Северной Норвегии), архипелаги Новая Земля и Шпицберген и острова Баренцева моря. Значительная роль в освоении региона принадлежала крестьянству, начавшему вести промыслы рыбы и морского зверя не позднее середины XVI в. В ходе освоения возникла специализация районов Русского Севера на промысловой деятельности в Арктике. Выходцы из волостей Кольского уезда и прибрежных районов Белого моря осваивали Мурманский берег, жители Мезени и Пинеги — Новую Землю, а впоследствии Шпицберген. Крестьяне и посадские люди Подвинья ходили и на Мурман, и на архипелаги, что могло быть обусловлено как равной удалённостью мест ведения промысла, так и развитием региональной торговли в Архангельске и Холмогорах.

Промысловая колонизация региона монастырями Поморья прошла несколько этапов. На первом (вторая половина XVI — первая половина XVII в.) самостоятельными участниками промысла на Мурманском берегу были монастыри Кольского уезда, имевшие станы и снаряжавшие артели. Монастыри из прочих районов Русского Севера действовали совместно с другими промышленниками, либо ограничивались покупкой добытого. На втором этапе (вторая половина XVII — середина XVIII в.) крупные монастыри (Соловецкий, Антониев-Сийский, Крестный Онежский) обзавелись собственными промысловыми базами и ежегодно снаряжали артели. Считаю, что включение монастырей в мурманский промысел косвенно свидетельствует о росте объёмов вылова рыбы, но этот вопрос требует самостоятельного изучения. В отличие от мурманского, зверобойный промысел на Новой Земле и Шпицбергене не привлёк такого количества участников.

В процессе освоения Европейской Арктики возникла сеть промысловых посёлков — становищ, служивших базами ведения промысла, без которых оказалась невозможна регулярная связь с большой землёй и постоянная хозяйственная деятельность. Выработались и закрепились на длительный исторический период технология ведения рыбного и зверобойного промысла, способы обработки добытого. Новшества, если не считать использование некоторыми промышленниками-рыбаками компасов⁷², а зверобоями огнестрельного оружия, сюда практически не проникали, развитие морских промыслов законсервировалось до второй половины XIX в.

Организация крестьянами и монастырями промыслов на отдалённых территориях была возможна благодаря развитым формам трудовой кооперации и взаимопомощи, деятельности монастырских территориальных служб, традициям судостроения, что обеспечивало ежегодный характер промысла и позволяло рекрутировать работников. Для монастырей и крестьян промысел имел потребительское значение: добыча шла на личные нужды или реализовывалась на рынке.

Участие государства в промысловом освоении Арктики стало следствием модернизации начала XVIII в. Развитие этого процесса пошло по нескольким

⁷¹ Там же, ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 11663, л. 5 об.; ф. 4, оп. 9, д. 70, л. 27; д. 75, л. 64, 65, 70, 71; д. 86, л. 47, 50, 51, 58, 64; д. 91, л. 20, 43 об.

⁷² Одно из первых упоминаний использования соловецкими промышленниками компаса относится к 1746 г. (РГАДА, ф. 1201, оп. 5, д. 1530, л. 306 об.).

направлениям: создание крупного рыбопромыслового хозяйства на Мурманском берегу (государевы промыслы), попытка освоить новые районы (Шпицберген) и включиться в европейскую торговлю, заимствование новых технологий (китобойный промысел) и организационных форм коммерческой деятельности (компания). Несмотря на масштабность замыслов, результаты их реализации оказались скромными. Государевы промыслы (1704 — начало 1710-х гг.) и китобойная компания (1723—1729) не просуществовали и десятилетия. Тем не менее они дали импульс к обсуждению проблемы развития арктических промыслов.

Коммерческими интересами были вызваны «вояжи» купеческих судов на архипелаги и острова Европейской Арктики. Отмена монополий во второй половине XVIII в., развитие гражданского морского судоходства и международной торговли позволили купечеству включиться в зверобойные промыслы. Наиболее заметной оказалась роль архангельских купцов. Используя отработанные веками технологии и способы ведения промысла, купцы, стремясь добиться максимальной прибыли, организовывали длительные экспедиции на полярные архипелаги. Значительные затраты, требовавшиеся для зимовок промышленников, неизбежные риски (гибель судов и людей) делали промысел непредсказуемым, создавая угрозу крушения всего предприятия.

Устойчивость крестьянского и монастырского рыболовного и зверобойного промыслов обеспечивалась сезонностью деятельности, что позволяло ограничивать затраты, развитием форм трудовой и социальной кооперации, включённостью в экономические отношения, обеспечивающие потребление участников и воспроизводство хозяйственной деятельности. Только со второй половины XIX в. развитие новых технологий промысла (траловый лов) и систем коммуникации (пароходное сообщение и телеграфная связь), заселение территорий (колонизация Мурманского берега) и конкуренция со стороны Норвегии вновь поставили вопрос о модернизации традиционных морских промыслов Поморья.

О гендерных проблемах в Сибири на ранних этапах русской колонизации

Николай Никитин

On gender issues in Siberia in the early stages of Russian colonization

Nikolay Nikitin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870017377-5

Семейно-брачные отношения сибиряков привлекали внимание многих исследователей. Дореволюционные историки обычно сводили гендерные проблемы переселенцев к так называемому женскому вопросу — нехватке за Уралом в XVI—XVII вв. русских женщин и, как следствие, падению морали и массовой метисации населения, которая, по мнению некоторых авторов, привела к превращению сибиряков в «особую народность»¹. Главным обоснованием этого мнения являлись исходящие от высшего духовенства Сибири документы обличительной направленности, изображающие первопроходцев и первопоселенцев как людей, открыто и массово сожительствующих с «иноземскими жонками» и погрязших в «блудном пребеззаконном житье».

Из отправляемых из Тобольской епархии в Москву в 1620-х гг. сообщений следовало, что в Сибири того времени происходило то, «о чем не только писать, но и слышать гнусно». Патриарх Филарет узнал, что многие русские в Сибири «живут с некрещеными иноземками как со своими женами и детей с ними приживают», «женятся на сестрах двоюродных и родных, на дочерях своих, блудом посягают на своих матерей и дочерей». Сообщалось, что, отправляясь из дома надолго по каким-либо делам, многие закладывают своих жён (такое право по законодательству того времени мужья имели)². Принявшие их в заклад с ними «блуд творят беззаконно», и если вернувшиеся мужья жён своих не выкупят, то владельцы такого живого заклада их продают «на воровство и на работу всяким людям», а иные «бедных и убогих вдов и девиц беспомощных для воровства берут к себе насильно... А иные... на Руси жен своих и детей пометали, а в Сибири поймают иных жен; а у иных... и в Сибири на том городе жена и на другом другая, а иные... велят женам своим блуд десяти с чужими мужми»³.

Судя по таким сообщениям, сибиряки наладили и «контрабандный» вывоз женщин из Европейской России, для которого порой использовали изощрённые способы. Отправляясь «со всякими государевыми делы» в Москву, казаки за верхотурским волоком (т.е. на сибирской «границе») женились, затем жён своих там же оставляли, «на Руси» снова женились или просто подговаривали

© 2021 г. Н.И. Никитин

¹ Шапов А.П. Собрание сочинений. Дополнительный том. Иркутск, 1937. С. 129; Шапков С.С. Очерки русских нравов в старинной Сибири // Отечественные записки. 1867. № 17—20. С. 681—736; № 22—24. С. 232—272; Оглоблин Н.Н. «Женский вопрос» в Сибири в XVII в. // Исторический вестник. 1890. № 7. С. 195—207; Фирсов Н.Н. Чтения по истории Сибири. Вып. I. М., 1915. С. 64, 70—76.

² Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986. С. 152.

³ Оглоблин Н.Н. Указ. соч. С. 200; Фирсов Н.Н. Указ. соч. С. 70—71.

женщин ехать с собой в Сибирь (причём, как правило, на казённых подводах), а по возвращении всех вывезенных спутниц продавали «своей же братье». Практиковалось и похищение «женок и девок» друг у друга. Резюмируя такие факты, историки приходили к заключению, что на женщину в Сибири тогда смотрели как на ходовой товар, ради обладания которым переселенцы готовы были идти на тяжкие преступления. Отсюда следовал и, казалось бы, логичный вывод, повторяемый некоторыми современными исследователями: если пришельцы «не церемонились с русскими женщинами, то тем менее они церемонились с инородческими. Вся история покорения Сибири и история взимания с её обитателей ясака есть вместе с тем история похищения женщин у инородческого населения»⁴. Такие взгляды до 1930-х гг. бытовали не только среди историков, находя отражение и в поэзии. Марина Цветаева в стихотворении «Сибирь» упомянула казаков, которые «жёнок сманенных проигрывали в зернь».

Последующие исследования показали, что масштаб уродливых явлений, порождаемых гендерным дисбалансом и грубостью нравов, историками сильно преувеличен: такие явления могли получать заметное распространение лишь в ограниченный временной период, на самых ранних этапах колонизации, не носили глобального характера и к тому же касались почти исключительно служилых людей. Крестьяне (численно возобладавшие в Сибири к началу XVIII в.) в вышеприведённых «бесчинствах» замечены не были, хотя от нехватки женщин страдали больше других категорий русского населения. Об этом свидетельствовали челобитные, отправляемые в Москву холостыми крестьянами Сибири в 1620—1630-х гг. с просьбами прислать «женочек, на ком женитца». Главный мотив жалоб на одинокое житьё — невозможность наладить домашнее хозяйство: «Хлеб печем и есть варим, и толчем, и мелем сами. Опочиву нет ни на час. А кабы... женушки были, мы хотя бы избные работы не знали». «Спечь и сварить на них некому, живут непрочно», — подтверждали слова жалобщиков воеводы⁵. Реакцию служилых людей на такие ситуации охарактеризовал Н.Н. Оглоблин: «Как лица более самостоятельные и властные, более энергичные и предприимчивые, они считали излишним беспокоить государя челобитными о своих семейных делах и решали их самовольно, каждый по своему вкусу и обстоятельствам». Как считал Оглоблин, «произвол служилых людей в этих делах нередко принимал крайне безобразный характер»⁶.

В конце концов не в меру «предприимчивым» служилым людям в Сибири был дан окорот. Рядовое сибирское духовенство и светские власти, поначалу сквозь пальцы смотревшие на описанные «беззакония» (а порой и покрывавшие их), под давлением Москвы стали бороться с ними более последовательно и решительно. Но всё же главной причиной постепенного изживания всего этого «негатива» стало изменение демографической ситуации в Сибири.

По мере увеличения за Уралом числа русских женщин, укрепления позиций православной Церкви и складывания других благоприятных условий

⁴ Фирсов Н.Н. Указ. соч. С. 73; Хоменкер В.Р. Социальная структура, гендерный состав и семейные отношения русских переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке // Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. Новосибирск, 2019. С. 256.

⁵ Оглоблин Н.Н. Указ. соч. С. 199—200; Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII вв. (Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск, 2005. С. 131; Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI — XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 314.

⁶ Оглоблин Н.Н. Указ. соч. С. 200.

для создания у переселенцев полноценных семей внебрачное сожителство и наложничество уходило в прошлое, причём в Западной Сибири гораздо быстрее, чем в позже присоединённой и реже населённой Восточной. Разрыв в соотношении полов уменьшался путём перевода за Урал из европейской части страны «на вечное житьё» служилых людей и крестьян вместе с их семьями, а в ответ на жалобы одиноких сибиряков на трудности ведения домашнего хозяйства московское правительство озаботилось отправкой в Сибирь (нередко насильно, в ссылку) специально набранных партий «жонок и девок» с предписаниями выдавать их там замуж за служилых людей и крестьян. Семьям ссыльных разрешали следовать за мужьями и отцами в Сибирь. Среди добровольных переселенцев тоже неуклонно возрастало число людей семейных, включая тех, кто, устроившись в «новой государевой вотчине», возвращался на родину и легально вывозил оттуда свои семьи. Наконец, во второй половине XVII в. за Уралом развернулся процесс естественного воспроизводства пришлого населения, и к началу XVIII в. гендерный дисбаланс в целом сошёл на нет, а местами женщин среди русских становилось даже больше, чем мужчин⁷.

Численное соотношение одиноких и семейных людей могло сильно различаться в разных социальных группах и регионах. Доля женатых у крестьян обычно была выше, чем у служилых людей, а у тех — выше, чем у «промышленников» (охотников на пушного зверя). В целом картина получается пёстрой. В Енисейском уезде в 1669 г. люди семейные составляли 56,6% крестьянского населения, в 1680 г. — 67,6%. В Кузнецком уезде в середине XVII в. более половины крестьян оставались холостыми. Среди енисейских служилых в 1669 г. женатые составили чуть более 29%, в красноярском гарнизоне их доля возросла с 22,4% в 1637 г. и 61,4% в 1662 г. до 81% в 1693 г. В Туруханске в 1671 г. семьями обзавелись 64% стрельцов. В Сургуте уже в 1625/26 г. почти 70% служилых людей имели семьи. Эта цифра была вообще характерна для городов Тобольского разряда (куда входил и Сургут), при том, что среди конных казаков людей семейных (и «прожиточных») оказывалось намного больше, чем среди казаков пеших⁸.

В представлении Н.Н. Оглоблина, большинство сибирских служилых людей XVII в. — «бессемейная и бездомовная голытьба, привязанная к известному городу или острогу единственно получаемым здесь “государевым жалованьем”, да возможностью “погулять” тут после походных лишений — добраться до “хмельнаго зелья”, “питья табаку”, игры “в зернь” и т.п. Ничто более прочное не привязывало их к населённым центрам». В этом он видел корень многих негативных последствий русской колонизации Сибири и полагал, что их можно было избежать при иной демографической ситуации: «Кто знает, какими путями пошла бы русская колонизация Сибири и какой характер она приобрела бы, особенно в отношениях к инородцам, если бы среди русских перонаселенников этого края люди семейные преобладали над бессемейною

⁷ Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. Вып. 1 / Сост. Е.Н. Ошанина. М., 1982. С. 65; *Емельянов Н.Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981. С. 20; Этнография русского крестьянства Сибири. XVII — середина XIX в. М., 1981. С. 10; *Каме-нецкий И.П.* Русское население... С. 115—116; *Вершинин Е.В.* Указ. соч. С. 315—316.

⁸ Этнография русского крестьянства... С. 15, 30; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 407; *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 138; *Барахович П.Н.* Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды). Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2016. С. 77—78; *Вершинин Е.В.* Указ. соч. С. 316—317.

вольницею»⁹. Выдающийся историк-архивист не владел тем материалом, которым располагают нынешние сибиреведы, а потому допускал большие преувеличения в оценках и выводах.

Нельзя не заметить, что слабость межсословных перегородок за Уралом отражалась и на брачных отношениях сибиряков. Хотя известны попытки воевод побуждать крестьян выдавать своих дочерей замуж за крестьян же, а не за служилых людей, такая практика большого распространения и успеха не имела. Женитьба промышленных или служилых людей на крестьянских или посадских вдовах и дочерях была за Уралом заурядным явлением¹⁰. Подобные браки заключались порой тоже под давлением администрации, пытавшейся в меру возможностей влиять на демографическую ситуацию. Воеводам предписывали под угрозой больших штрафов заставлять крестьян выдавать дочерей и племянниц за ссыльных, чтобы «тех ссыльных холостых людей от побегу унять»¹¹.

Кроме русских в сибирской ссылке нередко оказывались и «иноземцы» европейского происхождения — как правило, из числа военнопленных. В документах этот контингент чаще всего обозначался термином «литва», поскольку основная масса ссыльных «иноземцев» являлись выходцами с территории Речи Посполитой. Этнических литовцев среди них было менее всего — гораздо больше за Уралом оказывалось поляков и «немцев». Порой они попадали в Сибирь семьями — с жёнами, детьми, даже более дальними родственниками, с «работницами» и «челядницами», поэтому неудивительно, что некоторые из ссыльных «литвинов», устраивая жизнь на новом месте, «жилились на ссыльных же паньях» или «иноземческих» вдовах. Однако большинство «иноземцев», желавших завести в Сибири семью, рождались с русскими, что нашло отражение и в «росписи ссыльным людям»: «В прошлом во 162-м году октября в 5 день... присланы с Москвы в Тоболеск литовские выходцы Панка Коченовский да Зиновко Клестов. И Панка Коченовский в Тобольску крестился и женился на русской казачьей жене, и ныне в Тобольску и государеву службе служит в детях боярских»; «Мая в 17 день по государеве грамоте прислан с Москвы в Тобольск шляхтич новокрещен Яков Стабровский да с ним человек ево Бартошко Микулаев; и в Тоболску тот Яков женился на ссыльной русской девке на Анютке Дмитриеве дочери Второго, и ныне в Тобольске в детях боярских». Записи такого рода преобладают над теми, где говорится о заключении ссыльными браков в своей же «иноземческой» среде¹².

«Женский вопрос» в Сибири историки рассматривают в самых различных аспектах, и из приведённого материала может сложиться впечатление, что оказавшиеся за Уралом представительницы «слабого пола» являли собой лишь безответные жертвы мужского деспотизма и насилия. Это, однако, далеко не так. Надо отметить, что многие из происходивших за Уралом «насильств» и «беззаконий» по отношению к женщинам стали известны нам только благодаря тому, что жертвы произвола обращались в воеводскую администрацию за защитой, т.е. активно отстаивали свои права. Дошедшие до нас документы свидетельствуют и о том, что в Сибири женщины не только пытались, но и брали судьбу в свои руки. Например, прапорщик Михаил Клосинов, отправленный в ссылку вместе с женой Варварой, приехал в Сибирь один, поскольку

⁹ Оглоблин Н.Н. Указ. соч. С. 195—196.

¹⁰ Барахович П.Н. Служилое население... С. 78.

¹¹ Этнография русского крестьянства... С. 45—46; Каменецкий И.П. Русское население... С. 131.

¹² Белокуров С.А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903. С. 39—75.

ку «та жена ево на Москве збежала безвестно»¹³. Томский воевода кн. Пётр Пронский столкнулся в 1640 г. с другой ситуацией. У приехавших «с Руси» служилых обнаружилось несколько «привозных русских жонок», на которых были незаконно составлены «крепости». Попытка освободить их не увенчалась успехом: оказалось, что они ничего не имели ни против «крепостей», ни против сожительства с доставившими их в Сибирь людьми и заявили воеводе, «что они — вдовы вольные, а били челом томским служилым людем своею волею и впредь у них жить хотят»¹⁴. «Шекспировские страсти» разыгрались в 1627 г. в г. Таре. Неверная жена казака Афанасия Прокудина наняла ясачного татарина убить мужа, и после того, как тот ночью отрубил топором голову спящему Афанасию, с помощью «полюбовника» сожгла тело супруга под овином. Ещё одной «леди Макбет Тарского уезда» оказалась казачья жена Аксинья. Узнавший о её похождениях муж попытался убить соперника, но Аксинья сначала спасла любовника от расправы, а затем сама «зарезала мужа до смерти», отвезла его тело на речку и закопала¹⁵. Подобные случаи, конечно, выходят за рамки обыденного семейного быта (в силу естественных причин менее всего фиксируемого источниками), но всё же весьма показательны.

Что же касается отношений переселенцев с представительницами аборигенного населения, то и здесь складывалась более сложная ситуация, чем та, что изображалась дореволюционными авторами. Прежде всего следует отметить сильное преувеличение ими степени метисации сибиряков. Смешанные русско-аборигенные семьи и рождённые в них дети не являлись в Сибири редкостью, не запрещались Церковью, требовавшей лишь, чтобы переселенцы шли под венец с *крестившимися* «иноземками». Дети в таких семьях в правовом отношении никак не ущемлялись. Нередки были ситуации, когда официальные браки с «иноземческими женками» заключались «задним числом» — после появления у сожителей потомства. Из всех категорий русского населения Сибири такая «легализация» семейных отношений практиковалась чаще всего служилыми людьми и объяснялась понятным желанием устроить будущее детей. Согласно российскому законодательству, лишь воспитываемые законными супругами дети являлись полноправными наследниками имущества и социального статуса отца. Не последнее место имел и «материальный» интерес: служилый человек мог получать прибавку к хлебному и соляному жалованью («женатый» оклад), лишь находясь в законном браке¹⁶.

Однако следует обратить внимание на то, что браки с туземными женщинами получали заметное распространение только там, где русские сближались с аборигенами по образу жизни, т.е. занимались главным образом охотой и рыбной ловлей и потому широко заимствовали элементы бытовой культуры местных народов. В районах русской земледельческой колонизации, где и оседало большинство переселенцев, метисация носила незначительный характер. Поскольку «русскими» навыками домоводства представительницы аборигенного населения, как правило, не обладали, то и не могли стать для сохранявших традиционный уклад переселенцев хорошими жёнами, и поэтому документы

¹³ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 58—59.

¹⁴ Оглоблин Н.Н. Указ. соч. С. 201.

¹⁵ Резун Д.Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005. С. 59.

¹⁶ Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 32—33.

XVII в. фиксируют незначительное число межэтнических браков в западной и южной части Восточной Сибири (за исключением Забайкалья)¹⁷.

Другая ситуация складывалась в Якутии — особенно там, где русские расселялись в окружении намного превосходящих их по численности аборигенов и вели в основном охотничье-промысловое хозяйство. Из-за смешанных браков и культурно-бытовых заимствований некоторые изолированные группы русских промысловиков на Индигирке, Колыме и Анадыре со временем утратили не только внешнее сходство с сородичами из Европейской России, но и этническое самосознание. На северо-востоке Сибири вообще гораздо чаще и дольше, чем в других её регионах, практиковались и невенчанные браки с женщинами из местных народов, и простое сожительство с ясырками, которых либо захватывали во время военных столкновений с аборигенами, либо забирали у родственников за долги, а то и покупали: торговля «живым товаром» в Сибири XVII в. была обыденным явлением.

Примечательно, что на северо-востоке Сибири ясырки могли сопровождать своих хозяев — служилых и промышленных людей — в их длительных походах на «заморские» и «захребетные» реки. Самым известным тому примером явилось участие в экспедиции Семёна Дежнёва, обогнувшей Чукотский полуостров в 1648 г., некоей «якутской бабы», принадлежавшей инициатору этого плавания «торговому человеку» Федоту Алексею Попову (некоторые историки безосновательно называют её «женой» Попова и даже «проводником и толмачом» экспедиции)¹⁸. В связанных с этим походом документах упоминается и некая «чукотская женка» Фомы Пермяка — одного из спутников Дежнёва, а также «якутская женка именем Бычия» — ясырка промышленника Михаила Захарова. Таких невольниц в дежнёвском «войске», скорее всего, было намного больше: на Анадыре ему не раз приходилось брать штурмом «острожки» местных жителей, и среди взятых пленными, конечно, преобладали женщины и дети. Не вполне ясен статус находившихся при промысловых ватагах «иноземческих женок», выполнявших обязанности толмачей. Между тем их присутствие среди первопроходцев не являлось редкостью. На Анадыре во время пребывания там Дежнёва ему «толмачила» некая «юкагирская баба Нюрка» (судя по имени — крещёная). К экспедиции Юрия Селиверстова, отправившейся в 1651 г. вниз по Лене, специально придали для «толмачества» тоже какую-то юкагирку (она находилась на экспедиционном судне вместе с дочерью и сбежала с него из-за домогательств Селиверстова)¹⁹. Скорее всего, они тоже были ясырками.

О взаимоотношениях служилых и промышленных людей с ясырками по имеющимся источникам судить трудно — такие сведения крайне скудны, не всегда репрезентативны и толкуются неоднозначно. Хорошо известны случаи бесцеремонного и жестокого отношения первопроходцев к «иноземкам». Упомянутый Селиверстов дошёл в своем самодурстве до того, что, отнимая у подчинённых продовольствие и собак, не остановился и перед тем, чтобы отобрать у одного из промышленников его ясырку, а раздосадованный бегством

¹⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 258; Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. М., 1973. С. 31; Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 94—97; Этнография русского крестьянства... С. 47—48; Крестьянство Сибири... С. 412—413; Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 314.

¹⁸ Васильевский Р., Резун Д. Воспитание историей. Новосибирск, 1987. С. 63.

¹⁹ Никитин Н.И. Землепроходец Семён Дежнёв и его время. М., 1999. С. 75, 108, 112, 118—119, 130—131, 142.

юкагирки-переводчицы, выбросил её дочь за борт. Вместе с тем упомянутый промышленник Михаил Захаров в своей «изустной памяти»²⁰ хоть и завещал свою «якутскую женку» продать (оценив её в 250 соболей), но в то же время озаботился сохранением за ней личного имущества: «А у ясыря моего кожан ровдужей, а опушка соболя и с срядой, шуба недоростинная, опушена лапками соболями, шапка соболя вершок парпяной, плат шитой, рубаха золотная. И то платье и медная сряда, чарки и чулки — тое и все, как еста — не продавать ничего, с нее не снимать, и двое серги серебряные». Отношения Захарова с якуткой Бычией можно было бы, наверное, назвать на современный лад «гражданским браком», если бы не их планируемый финал — продажу «гражданской жены» с последующей передачей вырученных средств монастырям. И уж совсем далёкая от благостности картина вырисовывалась на Камчатке и в смежных с нею областях. Как выяснил Г.Ф. Миллер, у местных народов женщина вообще считалась низшим и нечистым даже в сакральном значении существом, и поселившиеся на Камчатке русские быстро перенимали подобное отношение к «иноземкам»: «Жена должна одна выполнять всю домашнюю работу, одевать и раздевать мужа, прислуживать за столом и т.д. А чтобы мужчина хоть иногда помог жене в чём-нибудь или посадил во время еды рядом с собою за стол, это является там совершенно неслыханным делом»²¹. Самые безобразные случаи поведения русских на Камчатке современные историки описывают, ссылаясь на Г.В. Стеллера. Он был очевидцем того, как казаки в кабаке проигрывали ясырок в карты: «Случалось, что рабыня в течение вечера переходила к трём или четырёх хозяевам, причём каждый, кто выигрывал, её насиловал»²².

При всём непотребстве таких сцен их, однако, не следует объяснять лишь «грубостью нравов» камчатских служилых и тем, что среди них было много ссыльных уголовников. Следует учитывать и особенности менталитета коренных жителей региона, чьи моральные нормы в глазах европейских наблюдателей порой тоже выглядели как «дикость» и «бесстыдство». И это не только хорошо известный и широко распространённый среди местных племён обычай предлагать гостям на ночь своих жён и дочерей. Благодаря тому же Миллеру стала известна ещё одна любопытная сторона гендерных отношений на северо-востоке Азии, на которую обратил внимание А.Х. Элерт: «Во время военного похода против чукчей в 1730 г. капитан Павлуцкий запретил связи с пленницами, “и женщины, и девушки пришли в такое негодование, что осыпали русских солдат и казаков презрительными словами и говорили, что они не настоящие мужчины, если так плохо ухаживают за своими гостями”... чукотские и корякские пленницы, обращённые в рабство, отказывались работать, если хозяин не соглашался на сожительство с ними. О том же они сообщали и в отношении рабынь-камчадалок, которые в случае нежелания или неспособности своего господина уделять им мужское внимание, считали нарушенными их естественные права и убегали от хозяина»²³. В этой связи поразившее Стеллера обращение камчатских казаков с выигранными в карты ясырками может

---

²⁰ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов на северо-востоке Азии. М., 1951. С. 351—355.

²¹ Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. С. 154—155.

²² Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002. С. 136.

²³ Элерт А.Х. Указ. соч. С. 155.

получить иное толкование: возможно, это было не банальное насилие, а нечто вроде ритуала вступления в права собственности на новую рабыню?

Как бы то ни было, рассматривать ситуацию с «женским вопросом» на крайнем северо-востоке Азии как типичную для всей Сибири нет оснований, так же как считать, что «иноземки», рожавшие русским детей, были сплошь рабынями. Многообразие отношений переселенцев с представительницами аборигенного населения нельзя сводить только к «насильствам» и прочему произволу. При установлении между пришлым и коренным населением мирных отношений русские могли приобретать себе спутниц жизни «по уговору» с нерусскими соседями, в том числе и через выплату «калыма». О некогда широком распространении подобной практики свидетельствует то, что обычай давать за невесту калым нередко приживался в Сибири и среди русских и просуществовал у них вплоть до начала XX в. — особенно в местах чересполосного расселения с аборигенами²⁴.

При любом раскладе отношений переселенцев с «иноземками» итог их вольного или невольного сожительства не соответствовал представлениям историков, убеждавших читателей в массовой метисации русских жителей Сибири, приведшей к «созданию здесь своеобразного русско-сибирского типа», «особой народности»²⁵. Метисные (русско-аборигенные) группы населения за Уралом действительно существовали, однако их общая численность была сравнительно невелика и на генофонд основной массы сибиряков повлияла мало. Как показали специальные историко-антропологические исследования, в целом у русских старожилов Сибири доля предков из аборигенного населения не превышает 5—10%²⁶.

---

²⁴ *Никитин Н.И.* О взаимоотношениях русских и татар в Сибири XVII—XX веков // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII—XX вв. Сборник научных трудов. Новосибирск, 2005. С. 32.

²⁵ *Фирсов Н.Н.* Указ. соч. С. 76.

²⁶ Русские старожилы Сибири... С. 174.

Российские дети боярские на службе в Сибири в XVII в. (по материалам челобитных)

Евгений Вершинин, *Георгий Визгалов*

Russian boyar scions in service in Siberia in the 17th century
(based on petition materials)

Evgeniy Vershinin (*Institute of Archeology of the North,
Nefteyugansk, Russia*),
Georgiy Vizgalov (*Surgut State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S086956870017393-3

В специальной литературе на конкретно-историческом материале убедительно доказано гетерогенное (социальное и этническое) происхождение сибирского казачества, которое в первый век русской колонизации Сибири предстаёт как совокупность отдельных гарнизонов возникавших городов (центров уездов)¹. Военно-служилая верхушка этих гарнизонов Сибири (своего рода сибирская «служилая аристократия») в той же мере, что и рядовой контингент, продемонстрировала свою разнородность. При назначении на командные должности военно-служилым населением Сибири действовали две тенденции — назначение кандидатур центральным правительством (казачьи и стрелецкие головы гарнизонов, иногда приказчики крупных острогов) и принцип, идущий от традиций казачьего самоуправления (выборность атаманов казачьим «войском» города, которая, как правило, подтверждалась центральной властью). В состав служилой верхушки сибирского города входили и дети боярские, которые по-разному достигали этого чина-звания.

Городовые дети боярские ко времени начала русской колонизации Сибири уже составляли низший слой формирующегося дворянского сословия на основной территории России. Дети боярские, хотя часто беспоместные, имели право (как служилые люди «по отчеству») на получение поместья. Время Смуты (1604—1618) особенно способствовало пополнению прослойки детей боярских выходцами из податных слоев общества. В Сибири верстание в дети боярские представителей верхушки местного казачества (атаманов, пятидесятников и их родственников, находившихся на государственной службе) являлось обычной практикой. Дети боярские в составе сибирских гарнизонов обычно назначались на командные должности или выполняли ответственные поручения воеводской власти. Выполняя фактически одинаковые обязанности с верхушкой служилых людей «по прибору», они сливались в одну группу «начальных людей» военно-служилого населения². Другое дело — трудноуловимое для историка самосознание потомственного сына боярского из центральной России, при-

© 2021 г. *Е.В. Вершинин*, Г.П. Визгалов

¹ *Никитин Н.И.* Начало казачества Сибири. М., 1996. С. 4—16; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 75—107.

² *Каменецкий И.П.* Атаманы Сибири в XVII в. (к социальному портрету сибирских военачальников) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 4(28). С. 151—162; *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 37—42; *Солодкин Я.Г.* Атаманы и дети боярские Берёзова середины 1590-х — 1620-х годов // Вестник «Альянс-архео». 2017. Вып. 21. С. 3—12.

бывшего в Сибирь на время, и сына боярского, достигшего этого чина своей и родительской службой на месте, в Сибири. Говорить просто о «сибирских детях боярских», не учитывая их происхождения, не совсем корректно.

В фонде Сибирского приказа РГАДА (ф. 214) в разрозненном виде сохранилось немало челобитных сибирских служилых людей первого столетия русской колонизации, написанных с целью повышения чиновного статуса или улучшения материального положения. Среди них есть челобитные и детей боярских — как «природных», потомственных, так и выбившихся в этот чин из служилых людей «по прибору»³. Будучи документами личного происхождения, они отчасти заменяют отсутствовавший в XVII в. жанр автобиографической мемуаристики. Зачастую они являются единственным подробным источником сведений о людях, чьи имена связаны с теми или иными историческими событиями, но чьё происхождение, возраст, предшествующая карьера остались неизвестны историкам. Челобитные могут содержать и уникальную информацию о событийной канве освоения Сибири, которая не сохранилась в документах иного характера⁴.

К 1669 г. относится челобитная тобольского сына боярского Андрея Силича Княжнина, человека «родословного», который хорошо знал свою генеалогическую легенду. Его предок Лев при великом князе Василии Дмитриевиче «вышел из немец». От Льва и пошла череда предков Княжнина: у Льва был сын Гаврило, «а из Гаврила уродилися два сына — Елизарий и Дмитрий. А из Елизарья уродилися два сына — Федор Беклемишов да Афанасий Княжнин». Эти сведения челобитной Княжнина совпадают со сведениями Государева родословца 1555 г.⁵ При Иване Васильевиче Грозном и царе Фёдоре Ивановиче дед Андрея, Матвей Акакиев сын Княжнин, «по Пскове служил многое время». При царе Борисе Фёдоровиче, писал челобитчик, «отец мой Сила Матфеев Княжнин служил многое время по Пустой Ржеве, а иные родители мои служили великим государем по Москве»⁶. Далее в экскурсе Андрея Княжнина в семейную генеалогию следует значительный пробел, охватывающий 1605—1629 г. — ничего не говорится о службе его и отца в годы Смуты. Можно предположить, что Андрею Княжнину нечем было похвастать перед династией Романовых. Сам же он около 1629 г. начал служить сыном боярским по Тобольску и пребывал в этом чине следующие 40 лет.

Нам ничего неизвестно об обстоятельствах, забросивших Княжнина, сына боярского, с северо-запада России, на долгую службу в Сибирь. Его военная служба была связана с обороной южного пограничья Западной Сибири от кочевников — калмыков и киргизов. При тобольском воеводе кн. А.Н. Трубецком (1628—1631) Княжнина послали на Тару под началом головы Назария Жидовского. Он участвовал в походе на «государевых изменников» (видимо, отложившихся от русского подданства татар) во главе с Ябалаком и его братом Авбеляком. Ябалака Княжнин взял в плен «своими руками», «и тот Ябалак вам, великим государем, и з братом своим Авбеляком и со всею ордою три-

³ Пузанов В.Д. Дети боярские и дворяне Западной Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2019. № 4. С. 34—56.

⁴ Итогом многолетнего сбора фрагментарного материала биографического характера является монография Д.Я. Резуна, пока что единственная в своем роде (*Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. История Сибири в биографиях и родословных.* Новосибирск, 1993).

⁵ Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 134.

⁶ РГАДА, ф. 214, стб. 1560, л. 451.

ста пятьдесят луков приклонился к тебе, великому государю, ясак платят и по нынешнее время»⁷. В 1630-х гг. Княжнин неоднократно участвовал в походах против калмыков, где «бился явственно» и убил двух «мужиков». При тобольском воеводе кн. М.М. Темкине-Ростовском (1635—1639) он был послан к калмыкам по поводу возвращения ясачных людей Каурдацкой волости — «и тех погромленных людей царевич отдал». Далее Княжнин кратко отметил, что служил он и в Томске против «киргиз» и «жил многое время на многих боях». Среди «мирных» служб Княжнин перечислил сбор выдельного хлеба и прибор в ясачные люди, которые он осуществлял при посылках в волости по Иртышу и Тоболу. Видимо, трафаретно Княжнин писал: «А во всех тех службах вам, великим государем, яз, холоп, работал и радел прямою душею, лица своего не скрывал и головы своею не щадил и терпел голод, и холод, и всякую большую нужу». В 1666 г. стареющий сын боярский был переведён на службу в далёкий Илимский острог, «без твоего государева денежного и хлебного жалованья». К слову сказать, в 1666 г. Илимск сгорел; может быть, поэтому Княжнин задержался в Енисейске, не определённый с местом службы и жалованьем. Судя по всему, семьи у него не было: «А живу яз, холоп твой, в Енисейском больши трех лет, в миру скитаюся, помираю голодною смертию». Княжнин просил поверстать его в дети боярские по Енисейску и назначить окладное жалованье⁸. Реакция центрального правительства на челобитную неизвестна.

В сибирских условиях должность атамана служилых людей и чин сына боярского оказывались близки. Несмотря на то что речь в данной статье идёт о «природных» детях боярских, нельзя не отметить случаи, когда атаманство служило ступенью к получению чина сына боярского. В 1652 г. о поверстании его в дети боярские просил томский конный казак Фёдор Олпатов. Основанием были «службы» его отца, Леонтия, и самого Фёдора. Леонтий Олпатов находился в свое время в числе тех, кто «ставил» Сургут и служил затем в составе сургутского гарнизона. В 1604 г. Леонтий был пожалован атаманством и послан далее на восток. Он участвовал в строительстве Томска, в составе гарнизона которого и остался⁹. Томские «службы» Леонтия связаны в основном с военными походами в степь против калмыков и киргизов и с дипломатическими миссиями к ним же. Его сын Фёдор в челобитной специально отметил, что 12 марта 1620 г. Леонтия во главе отряда из 38 служилых людей послали «в Кузнецкую землю на усть Кондомы реки», где он «острог поставил и башни сделал со всякими крепостми». Основанный в 1618 г. Кузнецкий острог летом 1620 г. был перенесён на правый берег р. Томи (ниже устья р. Кондомы); возможно, сообщение Фёдора Олпатова связано с возведением нового Кузнецкого острога. В марте 1652 г. томским воеводам Нащокину и Болтину указали поверстать челобитчика в дети боярские «за службы отца» и его самого окладом в 12 руб., хлебного жалованья по 10 четей ржи и овса и 3 пуда соли в год¹⁰.

⁷ Там же.

⁸ Там же, л. 447.

⁹ При отсутствии атаманских мест в штате местного гарнизона воеводы западносибирских городов вынуждены были поступать подобным образом. В 1629 г. в Тобольске в атаманы «за отцову службу» поверстали бывшего берёзовского казака Ивана Галкина, которого сразу отправили в Енисейск. Со временем он стал известным землепроходцем Восточной Сибири (*Вершинин Е.В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI — XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 294).

¹⁰ РГАДА, ф. 214, стб. 339, л. 12.

Странное впечатление производит челобитная «Сургутского городу атамана» Кузьмы Васильевича Горбунова (рассматривалась в Сибирском приказе 28 ноября 1640 г.), который заявил, что его отец служил «в Сибири с Ермаком с тех мест, как Бог поручил Сибирь под твою государеву руку»¹¹. В.А. Александров и Н.Н. Покровский отмечали: «Сибирские служилые люди, добиваясь повышения по службе и перечисляя свои заслуги, часто ссылались на службу “с Ермаком”... Челобитья о поверстании в службу подросших детей даже при их далёком родстве с участниками событий конца XVI в. не встречали возражений Сибирского приказа»¹². Возможно, Горбунов ложно воспользовался огромным авторитетом Ермака и участников «Сибирского взятия». Рядом с утверждением о службе отца (не названного по имени) в отряде Ермака Горбунов заявлял, что «родители отца моего служили тебе, государю, по Суздалю — Хметевские». В XVI в. в рядах мелкого дворянства Хметевские действительно были: погибший при взятии Казани «дмитровец» Иван Тимофеевич и московский жилец (по боярскому списку 1588/89 г.) Тимофей Иванович¹³. Однако принадлежность Горбунова к дворянскому роду Хметевских вызывает сомнения. Видимо, пытаясь «улучшить» свою служилую родословную, он, тарский конный казак, привёл сразу два малосовместимых аргумента: службу отца в отряде «вольных» казаков Ермака и принадлежность его «родителей» к служилым людям «по отечеству». Почему в «родственники» были выбраны Хметевские, известно только самому Кузьме Горбунову.

В челобитной Горбунов не очень умно пытался принизить «службы» старейшего сургутского атамана Тугарина Фёдорова: «Был, государь, в Сургутском городе отоман Тугарин Федоров, и он лежал в розслабленье 25 лет, и я за него служил всякие твои государевы... зимние, и летние, и струговые, и все службы, обнищал и задолжал великим долгом, вконец погиб. И того, государь, Тугарина не стало, преставился»¹⁴. Челобитная знаменитого атамана (ноябрь 1626 г.) с изложением его «служб», просьбами об отставке и поверстании в казачью службу его 20-летнего сына Петра опубликована¹⁵. Именно из неё известны основные вехи служилой биографии Фёдорова, начало которой относится к 1591 г.: участие в постройке Пелыма и Сургута, служба первым приказным человеком в новооснованных Нарымском и Кетском острогах, походы против неясачных «иноземцев» на Енисей и Томь, участие в военных событиях Смуты в центральной России, в которых он «бился явственно и многжды был ранен». Мотивируя просьбу об отставке, Тугарин Фёдоров заявил: «И ныне я... ото многих служб от ран увечен и твоей царской службы служить не смогу». Сургутский воевода Н.Е. Пушкин отослал челобитную атамана в Москву; к сожалению, реакция центральной власти на неё нам неизвестна.

В конце 1630-х гг., как следует из челобитной Кузьмы Горбунова, Тугарин Фёдоров умер. Сам Горбунов был переведён с Тары в Сургут в 1633/34 г. на «выбылое место» атамана Б.С. Зубакина. Лежал в последние годы жизни «в розслабленье» атаман Фёдоров или нет, но Горбунов не мог выполнять за него

¹¹ Там же, стб. 88, л. 267.

¹² Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 80.

¹³ Памятники истории русского служилого сословия. С. 182, 200; Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI — XVII веков. М., 2004. С. 209.

¹⁴ РГАДА, ф. 214, стб. 88, л. 268.

¹⁵ Там же, стб. 8, л. 133—137; см. также: Вершинин Е.В., Шапков А.Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Вып. I. Екатеринбург, 2002. С. 172—173.

«всякие службы» в течение 25 лет. Оказавшись в 1640 г. в Москве, последний лично подал челобитную в Сибирский приказ, где просил о пожаловании ему окладного денежного и хлебного жалования умершего Т. Фёдорова (оно было намного больше, чем у покойного же атамана Зубакина). Эту просьбу приказ удовлетворил¹⁶. В дальнейшем мы не находим в служилой среде Сургута потомков первых атаманов — Фёдорова, Зубакина и Горбунова.

В ноябре 1649 г. подал челобитную о прибавке к денежному и хлебному окладам енисейский сын боярский Дмитрий Фирсов. Его отец, енисейский казачий и стрелецкий голова Поздей Фирсов, историкам прежде всего известен фактом своей смерти: осенью 1625 г. он, возвращаясь через Тобольск в Енисейск, утонул в Оби¹⁷. В челобитной Дмитрий приводит сведения из служилой биографии Поздея Фирсова: «До Московского разоренья служил много лет, а в Московское сиденье в осаде сидел и ранен, замерло в нем 12 пуль»¹⁸. Именно за это Поздей получил должность казачьего и стрелецкого головы в первые годы существования Енисейска. На место утонувшего Поздея быстро нашлись претенденты: потомственный сын боярский из центральной России Пётр Бекетов и выдвинутый казачьим «войском» Енисейска местный подьячий Максим Перфильев. В приказе предпочтение отдали Бекетову, назначив его стрелецким и казачьим сотником в Енисейск. Эта должность была идентична должности казачьего и стрелецкого головы, поскольку в 1628 г. в енисейском гарнизоне числились всего 105 стрельцов. Поздей Фирсов был, скорее всего, выходцем из «вольных казаков» и поступил на государеву службу, имея уже воинский чин атамана. Его сын стал енисейским сыном боярским. Дмитрий Фирсов остался в памяти потомков прежде всего как основатель Балаганского острога (на левом берегу Ангары, ныне скрыт водами Братского водохранилища), который привёл в подданство Московского государства окрестных «балаганских братских людей». По заданию енисейского воеводы А.Ф. Пашкова Дмитрий Фирсов построил Балаганский острог в мае—июне 1654 г.¹⁹

П.И. Бекетов, ставший известным землепроходцем Восточной Сибири²⁰, всю свою жизнь связал со службой в енисейском гарнизоне. В XVI—XVII вв. Бекетовы принадлежали, очевидно, к провинциальным детям боярским, на что указывает в челобитной 1641 г. сам Пётр Иванович: «А родители, государь, мои служат тебе... по Твери и по Арзамасу, по дворовому и по выбору»²¹. В знаменитой Бархатной книге конца XVII в. Бекетовы по каким-то причинам не зафиксированы, но фрагментарные сведения о представителях этого рода в разных источниках обнаруживаются. В нескольких актах за 1510—1541 гг. отмечены дмитровский землевладелец Константин Васильевич Бекетов и его сын

¹⁶ Вершинин Е.В. Русская колонизация... С. 309.

¹⁷ Вершинин Е.В. Землепроходец Пётр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 37.

¹⁸ РГАДА, ф. 214, стб. 339, л. 175.

¹⁹ Сборник документов по истории Бурятии / Сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. Вып. 1. XVII век. Улан-Удэ, 1960. С. 200.

²⁰ П.И. Бекетов считается основателем от пяти до восьми острогов в Восточной Сибири; уже в XXI в. в Чите и Якутске появились памятники Бекетову как основателю Ингодинского острожка и Якутского острога.

²¹ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов / Сост. Н.С. Орлова. М., 1951. С. 95.

Андрей²². В 1643 г. в Москве не смогли допросить стрелецкого сотника Алексея Бекетова по поводу ссоры на Красном крыльце в Кремле жильцов Чириковых и Измайловых, потому что Бекетов «съехал» в свою деревню²³. В архиве переславского Успенского Горичского монастыря среди прочих актов находилась «купчая Родиона Иванова сына Бекетова на дворовое место в городе Переславле» (от 12 июля 1660 г.)²⁴. Сохранилась жалованная грамота от 30 августа 1669 г. (в копии) «тверитину» Богдану Бекетову: «за многую службу» во время войны с Польшей часть поместных земель Богдана была пожалована ему в вотчину²⁵. Принадлежность рода Бекетовых к слою провинциального дворянства не подлежит сомнению.

Вакантное место стрелецкого и казачьего головы в Енисейске (после смерти Поздея Фирсова) занял «сынчишко боярский» Пётр Бекетов. На вопросы, когда и по какому городу он начал службу, определённых ответов нет. В более поздних челобитных (1651) сам Бекетов указывал на начало своей «службы» с 1626/27 г. в Енисейске²⁶. В первой челобитной, добываясь должности стрелецкого сотника в Енисейском остроге, он стандартно писал: «Чтоб я, холоп твой, волочась меж двор, голодною смертию не умер». Похоже, что Бекетов, будучи «природным» сыном боярским, не был ещё «верстан» в какую-либо определённую службу. Его просьба о назначении относится к концу осени 1626 г. 13 декабря 1626 г. в Москве состоялся указ о военной экспедиции А.А. Дубенского, которой предстояло основать Красноярск. Среди прочего Дубенскому указали взять по пути в Енисейске у сотника Бекетова долото, напарью (большое сверло) и скобель для плотничьих поделок. Следовательно, в приказе Казанского дворца назначение Петра Ивановича считалось уже вопросом решённым. 12 января 1627 г. последовал указ об отпуске Бекетова «на Поздеево место Фирсова и велеть его в Тобольску поверстать, кому он службою и отечеством в версту». Указ был продублирован в грамоте тобольским воеводам кн. А.А. Хованскому и И.В. Волынскому²⁷. Бекетов стал стрелецким сотником в Енисейске, и в качестве такового несколько лет возглавлял походы енисейских служилых людей по Ангаре и Лене в земли «немирных» тогда ещё бурятов и якутов²⁸. В 1632 г. головой у енисейских служилых людей (гарнизон Енисейска в то время достиг 300 человек) стал Богдан Болкошин²⁹. Бекетов, связавший жизнь с Сибирью, стал в этом гарнизоне просто сыном боярским с денежным окладом 10 руб., хлебным 6 четей ржи и 4 чети овса. В XVI в. Болкошины, видимо, относились к провинциальному дворянству: в походе в феврале 1550 г. под Казанью был

---

²² Акты российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начала XVII вв. / Изд. подгот. Т.Н. Алексинская. М., 1998. С. 119—120, 448.

²³ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор, или дворец. М., 1990. С. 272.

²⁴ Антонов А.В. Историко-археографические исследования: Россия XV — начала XVII века. М., 2013. С. 535.

²⁵ РГАДА, ф. 199, оп. 3, № 150, ч. 9, д. 1, л. 1—10.

²⁶ Сборник документов по истории Бурятии. Вып. 1. С. 175, 177.

²⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV. М., 1959. С. 19; РГАДА, ф. 214, стб. 12, л. 92—93.

²⁸ Вершинин Е.В. Землепроходец Пётр Иванович Бекетов. С. 37—39.

²⁹ Ещё в 1631 г. Б. Болкошин был головой у служилых татар Томска (*Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Т. 112. Томск, 1950. С. 108).

убит Данил Васильевич Болкошин. В Боярском списке 1588/89 г. зафиксирован ржевский выборный дворянин Михей Левонтьевич Болкошин³⁰.

В декабре 1640 г. Бекетов оказался в Москве с отписками воеводы Н.Л. Веревкина и, пользуясь случаем, подал челобитную с изложением своих «служб» и просьбой о назначении его казачьим и стрелецким головой в Енисейске на место Б. Болкошина. По поводу последнего Бекетов писал: «А тот Богдан Болкошин стар и увечен, такой твоей государевой дальней службы служить не может». Сибирский приказ вынес по челобитной положительное решение: 13 февраля 1641 г. Бекетову выдали память о должностных обязанностях стрелецкого и казачьего головы. Денежный оклад ему назначили, как и Болкошину, 20 руб., а за хлебное жалованье он должен был служить «с пашни». Пётр Иванович не стал подавать в Сибирский приказ челобитной о разрешении провоза «с Руси» к месту службы всякого рода «запасов». Это и понятно: он давно уже осел в Енисейске и имел, разумеется, своё хозяйство. Известно, что в Енисейске у Бекетова были жена, дети и «людишки» (холопы). К 1637 г. он имел 18 десятин пашни и 18 десятин перелога. В 1641 г. землепроходец жаловался, что пока он был в отъезде, воеводы брали из его двора для выполнения подводной повинности лошадей, которые гибли на Илимском волоке, и просил избавить себя от «волоковой возки». До нас дошло описание этого двора (1640-е гг.): горница на подклете и сени с подклетью и крыльцом, повалуша «о трех житьях», на заднем дворе — изба «на замостье», сени и клеть. На дворе же находились «сушило» и баня³¹.

В июле 1647 г. казачий голова П.И. Бекетов получил из Москвы грамоту с необычным распоряжением. Ему указали на три дня посадить в тюрьму енисейского воеводу Ф.Ф. Уварова, писавшего отписки томским воеводам «непристойною речью». Бекетов выполнил указание, о чём доложил в Москву: 8 июля он поместил Уварова в тюрьму, а 11-го освободил³². Думается, что казачий голова получил это указание именно по причине принадлежности к служилым людям «по отечеству». В то время он, видимо, ещё не знал о своей отставке: 6 апреля 1647 г. место казачьего и стрелецкого головы в Енисейске получил Ларион Андреевич Одинцов. Одинцову было известно, что Бекетов «живет в Енисейском остроге в головах 6 лет» и что его оклад как сына боярского до сих пор «порозжий». Сам Ларион Андреевич служил царям Михаилу Фёдоровичу и Алексею Михайловичу «на государевой конюшне» 28 лет, пока не получил приписку по службе к Владимиру, не имея при этом никакого местного жалованья. Он получил разрешение на провоз с собой в Енисейск продуктовых и иных запасов (на два года): 100 вёдер вина, 10 — масла конопляного, 10 — уксуса; 30 пудов мёда, 4 — воска, 15 — коровьего масла, 10 — сала; 40 полостей свиного мяса; 10 четей муки ржаной, 5 — пшеничной; по 5 четей круп гречневой, овсяной и ячневой, толокна и сухарей, а также сукна, кожи и обувь. Одинцова сопровождали холопы: «5 человек с женами и детьми»³³. О ратных подвигах Одинцова как казачьего головы Енисейска ничего не известно.

³⁰ Памятники истории русского служилого сословия. С. 179; *Станиславский А.Л.* Труды по истории... М., 2004. С. 225, 344.

³¹ Открытия русских землепроходцев... С. 95; *Барахович П.Н.* Енисейск в XVII—XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. Красноярск, 2019. С. 51; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 87. М., 1964. С. 165.

³² РГАДА, ф. 214, стб. 289, л. 54.

³³ Там же, стб. 339, л. 320—347.

Бекетов же не смирился с ухудшением своего материального положения. 1 января 1651 г. он объявился в Москве в Сибирском приказе с отписками воеводы Ф.И. Полибина и, видимо, тогда же подал две собственные челобитные. В первой землепроходец перечислил свои службы в Енисейском остроге с 1627 по 1650 г.: «А в те годы я, холоп твой, по многим рекам и по многим землицам разным по Тунгуске реке и на Рыбной, и на усть Оки реки, и на Илимском волоку, и верх Лены реки, и на низу реки Лены в Якутах острошки и зимо-вья поставил многие... многих розных землиц князей и их улусных людей под твою царскую высокую руку привел, тунгуских, и брацких, и якуцких»³⁴. С явной обидой Пётр Иванович писал: «Да я ж... в Енисейском остроге был у служилых людей головством, а ныне я, холоп твой, головства отставлен без вины, неведомо почему» и просил велеть ему быть «по-прежнему головством за мое службишко». Предваряя отрицательный ответ на свою просьбу, Бекетов подал вторую челобитную, в которой просил повысить свой оклад как енисейского сына боярского (после отставки он снова составил 10 руб., «а хлебнова и соляного ничего не указано»). Вторая челобитная имела успех. Ему назначили годовой оклад 20 руб. и 5 пудов соли; воеводе А.Ф. Пашкову указали отправить его приказчиком в Братский острог³⁵. В июне 1652 г. отряд енисейских служилых людей во главе с сыном боярским Бекетовым отправился в Забайкалье. В конце концов Бекетов оказался на Амуре в сборном «войске» приказного человека Онуфрия Степанова. В марте 1655 г. он участвовал в обороне Кумарского острога от маньчжурских войск — «бился явственно». Апрелем 1655 г. датирована последняя достоверная отписка от Петра Бекетова из-под Кумарского острога. Видимо, с Амурского острога он не вернулся³⁶.

Дети боярские, оказавшиеся на службе в Сибири в XVII в., были людьми разных судеб. К рядовым детям боярским относится Богдан Андреевич Назимов. Его «родители» служили по Новгороду и «в немецкое разоренье» многие были побиты, «а иные по городам разошлись». В 1624 г. в Тобольск назначили второго архиепископа Сибирского — Макария. Назимов «с бедности своей» оказался среди пяти архиепископских детей боярских, отправившихся вместе с Макарием в Сибирь. Однако служба архиепископу никаких выгод Назимову не дала, и в 1635 г. он попросился служить в детях боярских на Таре. Разрешение было дано, однако на Таре не оказалось «выбылых мест» детей боярских. Тогда Назимов подал другую челобитную с просьбой поверстать его на место тобольского сына боярского Ивана Бовыкина (тоже из бывших детей боярских Софийского дома), убитого в 1635 г. под Тюменью калмыками. Наконец Назимов добился желаемого: в июле 1640 г. его поверстали в тобольские дети боярские с окладом в 12 руб. и 12 четей ржи³⁷.

О сложных, хотя и обычных коллизиях своей жизни поведал красноярский конный казак «белянин» Василий Сергеевич Кольчугин. Его отец погиб в годы Смуты; сам он, служивший «з городом по Белой», был взят «в полон в Литву», где провёл 17 лет. Его мать вместе с младшим братом тоже попала в плен, где они «живот мучили» 28 лет. За «многое полное терпение» и за верность православной вере его брата, тоже Василия, пожаловали поместьем в Галиц-

³⁴ Сборник документов по истории Бурятии. Вып. 1. С. 176.

³⁵ Там же. С. 175—186.

³⁶ *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. С. 138; *Вершинин Е.В.* Землепроходец Пётр Иванович Бекетов. С. 41—47.

³⁷ РГАДА, ф. 214, стб. 339, л. 285.

ком уезде. Вскоре брат умер, и поместье пожаловали челобитчику — Василию Кольчугину. В 1642 г. «взыскалась» на Василии вина: «за корчемное продажное питье» его сослали в конную службу в Красноярск. Впрочем, сам Кольчугин уверял, что «скляницу» вина у него украл и продал его дворовый человек. Присланный в 1650 г. в Москву с соболиной казной, Кольчугин подал челобитную: «Вели меня из Сибири освободить и свою службу по-прежнему по Белой службе, чтоб мне, бедному, в Сибири вконец не погинуть». В Сибирском приказе разрешили Кольчугину соединиться с семьёй и велели ему служить в Енисейске в детях боярских с окладом 7 руб. и 5 четей ржи³⁸.

В 1636 г. в Томск сослали Василия Сергеева сына Прокофьева, которого по государеву указу воевода кн. И.И. Ромодановский поверстал в дети боярские с окладом в 10 руб., 10 четей ржи, 4 чети овса и 2 пуда соли. В 1641 г. он участвовал в экспедиции под началом тарского воеводы Я.О. Тухачевского, в результате которой был основан Ачинский острог. Когда Прокофьев, посланный Тухачевским с отписками в Москву, находился в столице, в Томске воевода кн. Клубков-Мосальский поверстал на его место Ивана Молчанова сына Лаврова, а «его отставил безвинно». По словам Прокофьева, он с 1641 по 1653 г. с женой и детьми «волочил меж двор» без государева жалованья. Во время сыска о Томском восстании 1648 г. его выслали в Тобольск, где он провёл три с половиной года. В 1653 г. в Тобольск пришёл указ о высылке обратно в Томск взятых к сыску детей боярских и казаков. Имя Прокофьева находилось в списке детей боярских. Прокофьев просил зачислить его в службу с прежде назначенным окладом или давать какой-нибудь «кормец». Воевода Н.О. Нащокин утвердил прежнее жалованье челобитчика «с порукой» и послал его с отписками в Москву, чтобы там попутно подтвердили назначение Прокофьева в чин сына боярского³⁹.

В 1649 г. казанскому воеводе указали выбрать из местных детей боярских (беспоместных и с небольшими окладами) пять человек для посылки в Якутию с первыми воеводами П.П. Головиным и М.Б. Глебовым. В Якутию отправились Воин Татаринов сын Богданов, Василий Оксентьев сын Власьев, Григорий Родионов сын Демьянов, Алексей Семёнов сын Бедарев, Иван Пархачев сын Пильников⁴⁰. На подъём на три года им выдали по 40 руб. Так Г.Р. Демьянов на долгие годы оказался в Якутии под началом Головина, воеводы, прославившегося жестокостью и самодурством. Если Бедарев вошёл в число «ушников» воеводы, то Демьянов, как и многие другие, попал в немилость. Его Головин приказал бить батогами и бросить в тюрьму⁴¹. Демьянов три года провёл в тюрьме, запертый «в казенке наглухо». Покупая хлеб по дорогой цене, он «задолжал великими некупными долгами»; своё жалованье сына боярского (7 руб.) он от воеводы не получал.

После получения в Якутске царской грамоты (июль 1645 г.) из тюрем были освобождены более 100 человек. При новом воеводе В.Н. Пушкине Демьянова послали приказным человеком на Илимский волок с приказанием поставить там острог. В 1649 г. Пушкин доложил в Москву, что «поставлен Илимский острожек с башнями новой», в нём построена церковь во имя Нерукотворного образа Спаса. Илимский острог возвели в 1647 г., а его основателем

³⁸ Там же, л. 295, 301 об.

³⁹ Там же, стб. 446, л. 60—62.

⁴⁰ Там же, стб. 339, л. 404.

⁴¹ Якутия в XVII в. (Очерки). Якутск, 1953. С. 241.

надо считать казанского сына боярского Г.Р. Демьянова. При Демьянове в остроге построили съезжую избу, два воеводских двора (один — для якутского воеводы, который следовал к месту назначения), казённый амбар и «иные дворы». В Илимске учредили самостоятельное воеводство. Первый воевода Илимска Т.В. Шушерин, приехавший к месту службы 2 сентября 1650 г., не нашёл в остроге никого. В 1648/49 г. там зимовал очередной якутский воевода Д.А. Францбеков, забравший с собой самого Демьянова, острожные башни с пушками, дела съезжей избы и церковные книги. В марте 1651 г. в Москву с соболиной казной из Якутска приехал Демьянов, подавший челобитную с описанием своей сибирской жизни и просьбой служить по-прежнему по Казани. В Сибирском приказе пошли навстречу Демьянову: ему указали служить в детях боярских по Казани с окладом в 14 руб. и 300 четей поместья. В Сибири он провёл 12 лет⁴².

Как доказано специальными исследованиями, на службу в Сибирь попадали представители провинциального дворянства метрополии — этнической территории России. В дети боярские могли быть повёрстаны выходцы из непривилегированного слоя служилых людей «по прибору» — казачьи атаманы, пятидесятники и их родственники. Наконец, чином сына боярского часто жаловали представителей польско-литовской шляхты — военнопленных, направленных на службу в сибирские гарнизоны. Отношение правительства к детям боярским — «иноземцам» было более покровительственным, чем к «природным» русским детям боярским. В 1649 г. денежный оклад енисейского сына боярского ссыльного «литвина» Андрея Бернадского составлял 20 руб., в то время как у заслуженного сына боярского Петра Бекетова — 10 руб. Принявший православие А.А. Барнешлев (сосланный в Сибирь англичанин Вильям Барнсли) стал енисейским сыном боярским, а затем якутским воеводой.

Как видим, в России дети боярские просились на службу в Сибирь только в случае крайней бедности, рассчитывая на получение жалованья и единовременные награждения за выдающиеся заслуги. Запрещение за Уралом частного феодального землевладения не стимулировало стремления дворян переселяться в Сибирь.

---

⁴² РГАДА, ф. 214, стб. 339, л. 409—410, 419.

Попытки подчинения Русским государством центрально-азиатских кочевников в XVII в.: аргументы русской дипломатии

Андрей Зуев, Дмитрий Попов

**Attempts to subjugate the Central Asian nomads by the Russian state
in the 17th century: arguments of the Russian diplomacy**

Andrey Zuev

(Novosibirsk State University, Russia),

Dmitriy Popov

*(Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk)*

DOI: 10.31857/S086956870017300-1

В конце XVI в. Русское государство начало экспансию в Сибирь, что привело к включению в его состав новых территорий и народов. При их подчинении русская власть применяла в разных пропорциях и сочетаниях как военные, так и мирные методы, ориентируясь преимущественно на бесконфликтное развитие отношений с автохтонным населением. Универсальной рекомендацией, поступавшей из Москвы сибирским воеводам, а от них — командирам землепроходческих отрядов, было предписание действовать «ласкою, а не жесточью». Это подразумевало выстраивание мирного диалога с теми этнотерриториальными группами, которые подчиняли или стремились подчинить, прежде всего с их потестарно-политическими элитами. В диалоге русская сторона активно использовала вербально-символические концепты и материально-символические атрибуты, транслировавшие контрагентам русские представления о политическом мироздании в формате Русского православного царства, а также аргументировавшие необходимость признания ими власти русского царя¹.

В начале XVII в. сибирская администрация, действуя по указаниям из Москвы, установила дипломатические контакты с центрально-азиатскими номадами — тюркоязычными телеутами («белыми» калмыками), енисейскими киргизами и монголоязычными ойратами («чёрными» калмыками, джунгарами), хотогойтами и халхасцами. Целью контактов являлось поддержание мирных отношений, вовлечение названных народов в орбиту политического влияния Русского государства с последующим их превращением в подданных русского царя. Стратегия и тактика русской дипломатии, адресованной кочевникам, а также её реализация на практике обстоятельно изучена в историографии. Однако в исследованиях, посвящённых взаимоотношениям Русского государства и различных кочевых военно-политических объединений северных регионов Центральной Азии в XVII в., рассматривается преимущественно содержательная часть дипломатического диалога. Отмечая попытки русского пра-

---

© 2021 г. А.С. Зуев, Д.К. Попов

¹ См. подробнее: *Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А.* Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI — начале XVIII в. Новосибирск, 2017; *Трепавлов В.В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI—XIX вв. СПб., 2018.

вительства установить контроль над кочевниками, исследователи, как правило, акцентировали внимание на политико-правовой процедуре — принесении представителями кочевой элиты шерты (присяги), фиксировавшей оговоренный в ходе переговоров набор их обязательств перед русским монархом. Вне поля зрения оставалась аргументация, с помощью которой русские послы, действуя в соответствии с инструкциями центральной власти, пытались убедить контрагентов принять на себя эти обязательства и дать шерть². Аналогичный подход присутствует и в исследованиях, посвящённых взаимодействию русской власти с кочевниками юго-восточной Европы (татарами, ногайцами, башкирами, калмыками)³.

Разумеется, принятие (или непринятие) кочевниками русских предложений зависело не столько от аргументации русской стороны, сколько от военной-политической ситуации, в которой в каждый конкретный момент времени оказывалось то или иное кочевое объединение. Тем не менее обращение к анализу этой аргументации представляет большой интерес. Оно позволяет выявить, во-первых, специфику вербально-коммуникативного аспекта взаимодействия Русского государства с номадами, во-вторых, параметры самопрезентации русского царя перед кочевыми сообществами севера Центральной Азии, отношения с которыми изначально строились как неравноправные, в-третьих, те доводы, которыми русская сторона обосновывала своё право на владение территориями и народами.

Необходимо отметить, что в последнее время вербально-коммуникативный аспект отношений Русского государства с иноэтничным населением Сибири и сопредельных с ней территорий всё чаще становится предметом специальных исследований. Внимание историков привлекают семантика «государева жалованного слова», маркирование социально-потестарных институтов местных народов словами, имевшимися в русском социально-политическом лексиконе, параметры образа Сибири в дипломатическом дискурсе Русского государства, а также различные приёмы аргументации, используемые русской властью при подчинении населения⁴. К последней теме, в частности, обращался

---

² *Шастина Н.П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. С. 36; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978. С. 19—21, 23—25, 26, 28, 35, 37, 55—56, 73; *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII—XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 11—33, 35; *Боронин О.В.* Двоедланничество в Сибири. XVII — 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002. С. 43, 48, 50—51, 58; *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика в XVII — начале XX века. Новосибирск, 2005. С. 76—79, 86; *Чимитдоржиева Л.Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ, 2006. С. 56—66; *Бутанаев В.Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. С. 58—92; *Кушнерик Р.А.* Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII — 50-е гг. XVIII в.). Барнаул, 2008. С. 25—28, 32, 48—49.

³ *Викторин В.М.* Российское государство и кочевые народы // Россия и степной мир Евразии. Очерки. СПб., 2006. С. 319—326, 329—337; *Трепавлов В.В.* Присоединение народов Поволжья и Южного Урала // Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012. С. 152—173; *Почекаев Р.Ю.* Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды. СПб., 2017. С. 45—50; *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500—1800. М., 2019. С. 64—73, 79—88, 202—206.

⁴ *Зуев А.С.* Освоение и присвоение Московским государством социально-политического пространства Сибири в конце XVI — XVII веке // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 8. История. С. 61—72; *Зуев А.С., Слугина В.А.* Право на челобитье и обязанность доносить: регламент коммуникации царской администрации с иноземцами Сибири в XVII в. // Коммуникативная культура: история и современность. Материалы IX международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2019. С. 200—205;

П.С. Игнаткин. Анализируя риторику русской власти в отношениях с сибирскими аборигенами, он пришёл к заключению об однотипности риторических приёмов. Кроме того, ему удалось выявить специальную направленность различных эмоционально-психологических и речевых конструкций — их целевой установкой было формирование у контрагентов в кратчайшие сроки желания подчиниться «всемогушему» московскому государю⁵.

В данной статье на основе анализа дипломатических документов, прежде всего расспросных речей и статейных списков русских послов, ездивших с поручениями к главам кочевых объединений, ставится задача выявить набор аргументов, которые использовала русская власть, доказывая кочевой элите необходимость подчинения и службы русскому царю. При этом за рамками исследования мы оставляем те вопросы, которые требуют специального рассмотрения, а именно: появление и эволюция различных типов аргументации, сочетание в них «европейских», «византийских» и «ордынских» компонентов, а также действенность аргументации и степень её восприятия контрагентами.

Исследование хронологически охватывает весь XVII в. Нижняя граница — начало XVII в. — обусловлена установлением первых дипломатических контактов Русского государства с кочевниками на южных рубежах Западной Сибири. Верхняя граница — конец XVII в.: к этому времени изменилась военно-политическая обстановка в Центральной Азии вследствие исчезновения хотогойтского ханства, подчинения маньчжурами халхасских ханств, а джунгарами (ойратами) — енисейских киргизов и большей части телеутов; к началу XVIII в. основными акторами международных отношений на севере Центральной Азии оказались три государства — Россия, Джунгария и Цинский (маньчжурский) Китай. Контакты же России с Джунгарией и Китаем строились уже на иных принципах, нежели с аморфными кочевыми объединениями. К тому же с начала XVIII в. в дипломатическом дискурсе и дипломатической практике России стало активно проявляться западноевропейское влияние.

На протяжении всего XVII в. Москва стремилась вывести свои отношения с кочевниками на уровень безусловного признания ими тех правил поведения, которые она предлагала. Именно поэтому русская сторона постоянно предпринимала попытки привести представителей кочевых элит к шертованию. Нередко это удавалось: главы кочевых объединений (лично или через доверенных лиц) давали шерть, согласно которой обязывались «служить и радеть» русскому царю и не совершать нападений на подвластные ему территории и население. Но эти обещания чаще нарушались, чем соблюдались. Как отмечает Н.И. Никитин, кочевники рассматривали своё присоединение к какому-либо политическому образованию «не как окончательное принятие подданства, а как очередной выбор сюзерена (по сути дела, как свободный “вассалитет”), и в случае нарушения им оговорённых ранее условий или изменения внешнеполитических обстоятельств более не считали себя связанными прежними

Игнаткин П.С. К вопросу о дипломатических методах конструирования образа Сибири в Русском государстве в конце XVI — начале XVII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Новосибирск, 2012. С. 39—43; *Игнаткин П.С.* Официальный образ Сибири в Московском государстве конца XVI — начала XVII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1. История. С. 99—103; *Игнаткин П.С.* К вопросу о вербально-коммуникативных аспектах подчинения аборигенов Сибири Московским государством в конце XVI — начале XVIII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Новосибирск, 2013. С. 55—65.

⁵ *Игнаткин П.С.* К вопросу о вербально-коммуникативных аспектах... С. 65.

обязательствами»⁶. Во взаимоотношениях Русского государства и кочевников происходило столкновение двух разных политических культур. «Клятвы в верности, — констатирует А. Каппелер, — интерпретировались сторонами по-разному. В то время как в глазах кочевников это означало временное подчинение, не обязательное для других “вождей” или кланов, Москва с её патримониальным мышлением, характерным для оседлых народов, выводила из этого претензии на своё полное господство, на территории соседей, на их объединение под своим началом»⁷. Несмотря на постоянные изменения «политического курса» кочевников, русское правительство упорно добивалось от них принесения шерты и постоянно напоминало о необходимости её соблюдения. Это предварялось и сопровождалось переговорами, которые с русской стороны по заданию правительства организовывали сибирские воеводы, а осуществляли послы из числа сибирских служилых людей, преимущественно детей боярских.

Основные параметры дипломатического диалога с кочевниками задавались в инструктивных документах, направляемых из высших государственных органов — Посольского, Казанского, Сибирского приказов сибирским воеводам, которые на их основе составляли «инструкции» послам — наказы и наказные памяти. В этих «инструкциях» с разной степенью полноты и детализации, соответствовавших конкретной ситуации, желаемым целям и политическому статусу контрагента, прописывался алгоритм переговоров, в том числе набор аргументов, призванных убедить противоположную сторону признать власть русского царя или хотя бы поддерживать с ним мирные отношения. При всех вариациях переговорного процесса послы должны были общаться с кочевниками так, чтобы не «умалить», а «повышать» «государеву честь»⁸. Большую роль в дипломатическом диалоге играли толмачи — переводчики устной речи. От их эрудиции, знания тюркского и/или монгольского языков, владения этическими и коммуникативными нормами, принятыми среди кочевников, во многом зависел успех переговоров⁹. Толмачи должны были грамотно и внятно перевести «речи» переговорщиков и самое главное — верно передать смысл слов, сказанных дипломатами.

Проведённый нами анализ дипломатических документов показал, что набор и сочетание аргументов, применяемых русской властью и её представителями на переговорах для убеждения кочевников подчиниться русскому царю, варьировались в зависимости от предыстории русско-кочевнических отношений, их характера и конкретных обстоятельств, вызвавших переговорный процесс. Но при всех вариациях и нюансах вполне отчётливо выявляются те аргументы, которые наиболее часто и последовательно использовались русской

---

⁶ *Никитин Н.И.* Русская колонизация с древнейших времён до начала XX века (исторический обзор). М., 2010. С. 67.

⁷ *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 36. См. также: *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XVI—XVIII вв. М., 2007. С. 136—139, 144, 176; *Трепавлов В.В.* Присоединение народов Поволжья и Южного Урала. С. 167—168, 170; *Уманский А.П.* Телеуты и русские... С. 18, 20, 23; *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские... С. 79, 80; *Боронин О.В.* Двоеданничество... С. 49—50; *Чимитдоржиева Л.Ш.* Русские посольства... С. 25; *Ходарковский М.* Степные рубежи... С. 85.

⁸ См., например: Русско-монгольские отношения (далее — РМО). 1607—1636. М., 1959. С. 162, 194, 234; 1636—1654. М., 1974. С. 20, 40, 338, 346.

⁹ *Карпова Ю.А.* Языковая личность переводчика в устном переводе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. Вып. 57. С. 233—235.

сторонами, вследствие чего их вполне уверенно можно определить как базовые и принципиальные¹⁰.

В первую очередь к ним относилось обещание покровительства и награды со стороны русского царя. Во всех обращениях русской дипломатии к контрагентам декларировались «государева милость и жалованье»¹¹, которые жёстко увязывались с необходимостью службы в интересах царя и его государства. Эта связь озвучивалась в формулировках, которые при всех вариациях применительно к конкретным обстоятельствам предлагали кочевникам следующую парадигму взаимоотношений: «И он бы... видя к себе наше царского величества жалованье и милость, нам, великому государю, служил и добра всяково нам и нашему государству хотел»¹².

«Государева милость и жалованье» выражались прежде всего в материальных ценностях — подарках, которые выступали важным атрибутом «посольского обычая» Русского государства в XVI—XVII вв., и не только в отношениях с разноформатными кочевыми сообществами, но и с государствами Европы и Азии¹³. Обмен подарками и услугами являлся, как известно, важнейшим элементом института дарообмена, который в полной мере функционировал в архаичных и традиционных обществах, в том числе и кочевых. Дарообмен в обязательном порядке сопровождал установление и поддержание мирных отношений¹⁴. Русская власть вполне владела технологией дипломатического дарообмена, поэтому в целях привлечения кочевой элиты «под высокую

---

¹⁰ Прочая, не рассматриваемая в данной статье, аргументация употреблялась от случая к случаю и адресовалась каким-либо конкретным кочевым объединениям. Это, например, могло быть предоставление кочевникам права кочевать на территории, находившейся под прямым контролем русских властей, и вести торговлю в русских порубежных городах.

¹¹ Лексема «милость» в XVII в. имела значения «благосклонность, любовь», «готовность помочь, оказание милости, поддержки, одаривание», «прошение, снисхождение» (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 9. М., 1983. С. 150—151; *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1895. Стб. 137). Под жалованьем в данном контексте понимались вознаграждение за службу, а также подарки.

¹² РМО. 1636—1654. С. 97. См. также: РМО. 1607—1636. С. 62, 63, 68; 1636—1654. С. 19, 24—25, 39, 98, 99, 100, 151, 152, 168, 196, 197, 268, 270, 273, 337; 1654—1685. М., 1996. С. 337; 1685—1691. М., 2000. С. 67, 170, 183, 202, 296, 337, 363; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. X. СПб., 1867. С. 267; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 3. М., 2005. С. 295, 296; РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 478, ч. 3, д. 29, л. 2; д. 32, л. 3; ф. 214, оп. 3, стб. 49, л. 236; стб. 252, л. 162; стб. 455, л. 778—779, 781.

¹³ *Юзефович Л.А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV — первая половина XVII в. СПб., 2007. С. 116—132; *Загородняя И.А.* Типология дипломатических даров из европейских стран: общее и особенное // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV — первой трети XVIII века. Третья международная научная конференция цикла «Иноземцы в Московском государстве», посвящённая 200-летию музеев Московского Кремля, 19—21 октября 2006 г. тезисы докладов. М., 2006. С. 46—48; *Хеннинес Я.* Неудачный подарок: культурный шок или политическая культура? О функции и значении дипломатического дара в англо-русских отношениях XVII в. // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000—1700 гг. М., 2016. С. 201—225; *Бережная Л.А.* Символика даров в дипломатических отношениях между Речью Посполитой и Московским царством во второй половине XVII в. // На языке даров... С. 226—251.

¹⁴ На роль дарообмена у кочевников впервые указал первый исследователь истории Сибири Г.Ф. Миллер: «Брать и получать подарки настолько в обычае у всех восточных народов, что никакая дружба не может без них существовать» (*Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 13). См. также: *Жуковская Н.Л.* «Подарок-отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов // *Mongolica-I.* Памяти Бориса Яковлевича Владимирцова. 1884—1931. М., 1986. С. 160—168; *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские... С. 72.

государеву руку» (в том числе к шертованию) обнадёживала её «государевой милостью и жалованьем». В отдельных случаях при убеждении особо важных персон могли давать весьма обширные обещания. В 1636 г. русские посланцы сын боярский С. Греченин и подьячий А. Самсонов, общаясь в ставке хотогойтского алтын-хана Омбо-Эрдени с его доверенным лицом табуном Дуралом, убеждали последнего склонить алтын-хана к шертованию царю на условиях «холопства» (т.е. вечного подданства), а взамен обнадёживали его следующими словами: «Только ты, Дурал, на то приведешь Алтына-царя, что Алтын-царь сам шертует великому государю в холопстве, и ты, Дурал, у великого государя будешь пожалован лутчи прежнево: чево твой разум не сяжет — тем тебя государь пожалует»¹⁵.

Нередко в качестве аргумента, как разновидность «государевой милости», выступало обнадёживание военной помощью, но исключительно взамен признания власти русского монарха: «чтоб колмацкие князи и мурзы и всякий улусные люди были под нашею царскою высокою рукою и шерть, и утвержение, и заклады дали, что им быти вперед под нашею царскою высокою рукою неотступным, и наш ясак с себя платить по вся годы безпереводно... а мы их также велим беречи и от недругов оберегати»¹⁶; «и он бы, контайша, великому государю... служил во всем, и под его царского величества высокою рукою был... а великий государь... тебя, контайшу, пожалует, учнет держати в своем царском жалованье и от недругов твоих оборонять»¹⁷; «только ты, Алтын-царь, государское повеленье исполнишь, великому государю сам шерть дашь и учнешь великому государю служить и немирные земли подводить под государеву царскую высокую руку, и великий государь тебя, Алтына-царя, по твоему челобитью и прошенью ратными людьми с огненным боем пожалует»¹⁸. Подобного рода обещания, иногда наполненные конкретикой, звучали во многих обращениях русской стороны, адресованных кочевникам в ситуации как их призыва в подданство, так и непосредственно принесения ими шерти¹⁹.

Но в то же время, по причине того, что кочевники в силу своего менталитета, образа жизни и способов жизнеобеспечения, а также исходя из своей оценки взаимоотношений с северным соседом, часто совершали нападения на русское и ясачное население, находившееся в подданстве царя, русская сторона в качестве аргумента — принуждения к миру и покорности — использовала также устрашение силовым воздействием. В случае отказа кочевников дать шерть, подчиниться воле царя и прекратить враждебные действия она угрожала им «государевым гневом», «войной» и «разорением»²⁰. Предлагался и несколько иной сценарий, когда русская сторона отказывалась от применения силы в обмен на шертование: «мы, великий государь, их, колмацких людей, пожаловали, воевати их не велели и велели им быти под нашею царскою рукою, и к шерти их, колмацких тайшей и всех колмацких улусных людей, велели привести на

¹⁵ РМО. 1636—1654. С. 39.

¹⁶ Там же. 1607—1636. С. 21.

¹⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. С. 293, 295.

¹⁸ РМО. 1636—1654. С. 41.

¹⁹ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 252, л. 162; РМО. 1607—1636. С. 22—23, 99; 1636—1654. С. 20, 337; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 416.

²⁰ РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 478, ч. 3, д. 32, л. 3, 6; Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. СПб., 1882. С. 21; РМО. 1607—1636. С. 166, 269; Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии... С. 154, 178.

том, что им нам, великому государю, служить и прямити во всем вправду»²¹; «мы, великий государь... Цысана мугальского и зятя ево Турукая-табуна пожаловали, хотим их вперед держать в нашем царском милостивом жалованье и в защищенье под нашею царского величества высокою рукою в подданстве и наших царского величества ратных людей на их улусы войною посылать не велели»²².

При этом в отдельных случаях (надо полагать, для усиления психологического воздействия и большего устрашения) русские переговорщики стремились представить царя как безусловно сильного правителя, который в состоянии собрать большую армию. Царская грамота от 1657 г., адресованная томскому воеводе кн. И.Н. Приимкову-Ростовскому, требовала отправить дипломатов к телеутским князьям Коке и Мачику с требованием «отстать» от «неправд» и дать шерть. Послам следовало убедить кочевников, что в случае их неповиновения царь «велит послати на них ис Казани, и ис Астрахани, ис Терка, ис Дона, и из дальних Запольных рек, и из Сибири многих наших ратных людей с вогненным боем и з большим нарядом, и их, и улус их велит разорить без остатку»²³.

В дипломатическом общении с главами кочевых объединений русская сторона, имея в виду перспективу их подчинения царской воле (на каких-то условиях) и даже полного безусловного подданства царю, в качестве аргумента активно использовала сформировавшийся в русском социально-политическом дискурсе образ московского правителя как «царя царей», которому подвластны многие территории и народы. В царских грамотах, адресованных кочевым «вождям» и оглашаемых дипломатами, в соответствии со сложившейся внутриполитической и внешнеполитической практикой вербальной презентации «великого государя» излагалась его полная титулатура, включавшая перечисление всех титулов (великий государь, царь, великий князь, самодержец, повелитель, обладатель), а также подвластных ему «многих государств и земель восточных и западных и северных». Это безусловно преследовало цель представить русского царя сильнейшим в мире властителем. И русские дипломаты непосредственно в ходе переговоров с кочевниками стремились, как правило, убедить их в этом, упоминая в своих речах (обычно в самой общей форме, без конкретики) о том, что многие иные правители служат или хотят служить московскому государю.

В 1616 г. атаман В. Тюменец и десятник И. Текутьев во время аудиенции у хотогойтского алтын-хана Шолой Убаши сообщили последнему: «Великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец, государь преславной и великой: многие цари и царевичи и короли под ево царскою высокою рукою и в его царском милостивом жалованье и в призренье»²⁴. В 1636 г. сын боярский С. Греченин убеждал посланцев халхасского Дзасакту-хана Субуди в том, что «не один Алтын-царь под государевою царскою высокою рукою, и многие государства под ево государевою царскою рукою учились»²⁵. В царской грамоте 1638 г., адресованной алтын-хану Омбо Эрдени, содержалась следующая фраза: «да и все государи, которые кочуют около тебя, Алтына-царя, хотят быти под нашею царскою высокою рукою и дань нам, великому государю, учнут давати, а нам бы их пожаловати своим государевым

²¹ РМО. 1607—1636. С. 22, 24.

²² Там же. 1636—1654. С. 337.

²³ РГАДА, ф. 126, оп. 1, 1657 г., д. 1, л. 10.

²⁴ РМО. 1607—1636. С. 63.

²⁵ Там же. 1636—1654. С. 46.

жалованьем»²⁶. В 1647 г. казачий десятник К. Москвитин говорил халхасскому Цецен-хану, «что государь наш царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси надо всеми неверными и непокорными цари грозен и силен»²⁷. В 1683 г. томский сын боярский И. Петров уверял посланца джунгарского Бошокту-хана Галдана в том, что «великие государи цари и великия князья Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич... многих государств отчичи и дедичи, и наследники, и государи, и обладатели»²⁸.

Иногда, когда того требовал контекст переговоров, русская сторона детально информировала контрагентов о количестве правителей, покорившихся царю. К примеру, в 1684 г. иркутский воевода Л. Кислянский «просветил» посланцев халхасского Очирой Саин-хана следующим образом: «Царь и великий князь Алексей Михайлович... царь и великий князь Федор Алексеевич всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержец повоевали противников и непослушников и многие государства и королевства и княжества под свою великих государей высокую руку мечем подклонили и царей в полон побрали в вечное холопство и в подданство: царя казанского, царя астраханского, царя касимовского и иные многие немецкие королевства и княжества литовские, черкасы горские и многие орды татарские и черкасы запорожские. Все сии государства и княжества, и орды покорны им, великим государям, и служат в подданстве и в холопстве. А иные цари и царевичи и княжества, слыша их, великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, счастье и храбрость, и множество воинских людей, били челом великим государем и поклонились в подданство и в вечное холопство служить им, великим государем, — царь грузинский и царевичи и многолюдственный князь шляхочетский и многие царства и княжества, и ныне служат им, великим государем»²⁹.

Случалось, что русские посланцы в соответствии с господствовавшим в Московской Руси политико-религиозным представлением о мироздании и, надо полагать, совершенно искренне, убеждали кочевников в том, что русский царь как «помазанник Божий» является верховным земным владыкой. В 1638 г. сын боярский В. Старков произнёс перед алтын-ханом Омбо Эрдени речь, не лишённую эмоций: «А на земли хто есть иной царь, кроме великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси? Бог на небе, а он, государь... один на земли Богом венчанный и Богом дарованный царь и государь надо всеми цари и короли, и нет иного царя»³⁰. Схожую мысль, уже другому алтын-хану — Лубсану Сайн Эринчину, озвучил С. Греченин: «Свыше от всемогущаго Бога дана ему, великому государю... честь великая и непобедимая сила превыше всех царей, что есть на земли»³¹.

Апеллируя к «богоизбранности» русского царя, его дипломаты стремились донести до контрагентов совершенно простой и абсолютно логичный с их точки зрения тезис: русский царь имеет власть от Бога над всем земным миром, а значит все остальные земные правители априори уже подвластны ему и обя-

²⁶ Там же. С. 99.

²⁷ Сборник документов по истории Бурятии / Сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. Вып. 1. XVII век. Улан-Удэ, 1960. С. 116.

²⁸ Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии... С. 209.

²⁹ Сборник документов по истории Бурятии. Вып. 1. С. 279.

³⁰ РМО. 1636—1654. С. 109.

³¹ Там же. 1654—1685. С. 65.

заны подчиняться. Этот тезис, а также упоминание множества «царей, королевичей и князей», находившихся под скипетром русского монарха, должны были способствовать осознанию кочевыми предводителями бессмысленности сопротивления тому, кого Бог поставил властвовать над миром.

В связи с этим обратим внимание на аргументацию, использованную в 1636 г. С. Гречениным в попытке склонить «под государеву руку» алтын-хана Омбо Эрдени. Последний категорически не желал считать себя «холопом» «великого государя», заявляя, что шертовал он на условиях несения службы и уплаты дани «великому государю», а также ради получения от него военной помощи, а не для того, чтобы оказаться в «холопстве». При этом он указывал на то, что «холопство... в Мугальской земле бесчестно» и вообще там «не ведетца, что царь царю шертует сам», и просил, чтобы впредь «государь» не называл его «холопом». В ответ Греченин дал следующее разъяснение: «Многие государства учинились под ево государевую царскою высокою рукою в холопстве, и х кому великий государь пишет холопством, и то ему от великого государя честь, а не бесчестье»³². Эти же аргументы он в 1660 г. привёл алтын-хану Лубсану, который также не желал быть «холопом»: «многие цари и короли, и князи, и властели покорились нашему великому государю... и пишутца оне великому государю холопами и подданными. И то им великая честь, а не бесчестье»³³. Таким образом, согласно аргументации, изложенной Гречениным, вступление кочевого правителя в «холопство» — подданство «великому государю» являлось не унижением, а, наоборот, повышением статуса, поскольку в мире нет большей чести, гордости и радости, нежели служба «настоящему» и «истинному» царю — владыке мира. Именно поэтому принятие кого бы ни было в службу и подданство расценивалось русской стороной как высочайшее царское «пожалование»: «мы ево... пожаловали, велели ему и улусным ево людем быть под нашею государевую высокою рукою в холопстве»³⁴.

Ещё одним часто встречающимся аргументом являлась апелляция к прежде данной шерти. Русская власть использовала её в двух случаях. Во-первых, когда стремилась пролонгировать шертные обязательства кочевых правителей. Эта потребность, в свою очередь, возникала в ситуации либо необходимости предотвратить возможную «измену» кочевников и напомнить им об их обязательствах, либо смены правящих лиц как в кочевых объединениях, так и на российском престоле. При этом русская дипломатия, как правило, стандартно ссылалась на шерти, данные ранее как здравствующим правителем, так и его предками: «а он бы, князец Кока, помня службу отца своего к тебе, великому государю, тебе, государю, служил и прямил»³⁵; «чтоб они, князцы и лутчие их улусные люди, ехали... в Томской город шертовать за государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси... по-прежнему по шертовальной записе, как они шертовали блаженные памяти государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси»³⁶; «как отец твой алтын-царь и ты, Лоджан алтын-царь, в прежних годах блаженные памяти великому государю царю и

³² Там же. 1636—1654. С. 37, 39, 42.

³³ Там же. 1654—1685. С. 65.

³⁴ Там же. С. 24—25. См. также: Там же. С. 70, 228, 270, 337; 1607—1636. С. 22—23, 193; 1654—1685. С. 192; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. СПб., 1842. С. 48.

³⁵ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 49, л. 181; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 241.

³⁶ РМО. 1636—1654. С. 283.

великому князю Михаилу Феодоровичю... и блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю... шерть свою дали... также б и ныне ты, Лоджан алтын-царь, с своими детьми и с яйзаны и со всеми своими улусными людьми буди в подданстве у великого государя, и великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю... шерть дай з детьми свои, и с яйзаны, и со всеми улусными людьми»³⁷.

Во-вторых, упомянутая апелляция присутствовала тогда, когда русская сторона убеждала кочевников (либо они сами желали) возобновить шертные обязательства перед царём, прерванные ими в силу разных обстоятельств. Кочевых правителей призывали «вспомнить прежнюю шерть», причём опять-таки не только свою, но и нередко своих предшественников: «чтоб он, Абак, помня прежнюю свою к государю правду и шерть, на чом он преж сего великому государю... шерть дал, от измены своей отстал и ко государской милости обратился, и был бы под государевою царскою высокою рукою в прежнем холопстве навеки неотступен»; «и они б, колматцкие тайши, не дожидаяся такого себе разоренья, великому государю нашему... служили и прямили по своей шерти по прежнему»; «чтоб... впредь бы от такова дурна престали и русских и ясашных людей не грабили, и во всем великим государем против прежней своей шерти прямили и радели не ложно»³⁸.

Апеллируя к прежним шертованиям, русская сторона явно стремилась подчеркнуть давность (пусть даже и весьма относительную) пребывания кочевников под «великой государевой рукою». Для неё исходным моментом отчёта давности являлось принесение присяги-шерти и тем самым признание контрагентами власти русского монарха. При этом русскую дипломатию совершенно не смущал характер реальных отношений своего государства с кочевниками. Эти отношения она при необходимости интерпретировала в нужном для себя смысле. Вот как, например, в царской грамоте 1645 г. джунгарскому контайше (хунтайджи) Эрдени Батуру доказывалось его давнее «подданство» царю: «Ведомо вам самим, что из давних лет у великих государей царей и великих князей росийских калмыцкие тайши со всеми своими калмытцкими с улусными людьми были в повеленье и в послушанье, а они, великие государи, их жаловали и берегли, и воевать их своим государевым ратным людем не велели. Также и у отца нашего, блаженные памяти у великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца, отец твой Каракула-тайша и ты, Контайша, з братьею своею, и з детьми, и с племянники, и все калмыцкие тайши со всеми своими улусными людьми были под его царского величества высокою рукою в повеленье и в послушанье... и правду ему, государю, давали, по своей вере шертовали, и служили ему, великому государю, правдою, и николи от отца нашего, великого государя, вы отступны не бывали»³⁹. В этой информации, за исключением отсылки к факту царского «пожалования» в 1620 г. контайши Хара-Хулы «под высокую государеву руку»⁴⁰, всё остальное

³⁷ Там же. 1654—1685. С. 337; РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 605, л. 258 об.—259; РМО. 1636—1654. С. 229, 270; *Бутанаев В.Я.* История вхождения Хакасии... С. 167, 228.

³⁸ РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 478, ч. 3, л. 32, л. 4; ф. 214, оп. 3, стб. 70, л. 6; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 373, 454, 472; Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. С. 20—21; *Бутанаев В.Я.* История вхождения Хакасии... С. 178.

³⁹ РМО. 1636—1654. С. 269. Позже, в 1649 г., аналогичную апелляцию к ранее данной шерти и «службе» предков русская дипломатия использовала в обращении к калмыцкому (торгоутскому) тайше Дайчину (Там же. С. 355).

⁴⁰ Там же. 1607—1636. С. 99.

не соответствовало действительности: ни Хара-Хула, ни Эрдени Батур, ни прочие калмыцкие тайши не были «в повеленье и в послушанье» у русского царя, многие из них неоднократно совершали набеги на русские владения, а сибирские воеводы организовывали ответные походы в «Колмацкую землю»⁴¹.

Подытоживая вышеизложенное, можно констатировать, что активное и осмысленное применение русской дипломатией в разных сочетаниях и вариациях аргументов, призванных убедить центрально-азиатских кочевников признать своё подчинение власти русского царя, свидетельствует о том, что вербальная коммуникация являлась для русской стороны очень важным элементом воздействия на контрагентов. Центральным смыслообразующим компонентом аргументации выступала идея о русском царе как богоизбранном, а соответственно «настоящем» и «единственном» владыке земного мира, который «жалует» (принимает) под свою «высокую руку» тех, кто ему служит, даруя им взамен покровительство, защиту и высокий статус «государева холопа». Русская сторона явно стремилась сформировать как для кочевников, так и для себя самой представление о легитимности притязаний Русского государства на новые народы и территории. Кроме того, логика аргументации вполне соответствовала технологии осуществления экспансии, известной с древнейших времён — сочетании «кнута и пряника», или, в русском варианте, — «ласки и жесточи»: тем, кто противодействовал «настоящему» царю, грозили «государевым гневом».

---

⁴¹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 444—450, 455, 462—464, 466—468, 475—476, 479—481, 484—489; *Пузанов В.Д.* Русско-ойратские отношения на юге Сибири в первой трети XVII в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 2(76). С. 64—76; *Кушнерик Р.А.* Первые русско-ойратские официальные контакты и их особенности (конец XVI — XVII вв.) // Мир Евразии. 2009. № 2(5). С. 17—21; *Матвеев А.В.* Русско-джунгарская война в Среднем Прииртышье в XVII в. // Казачество Сибири: от Ермака до наших дней (история, язык, культура). Тюмень, 2009. С. 113—117.

«Советская власть» в годы Смуты: об одном историографическом мифе

Дмитрий Лисейцев

«Soviet Power» in the Time of Troubles: about a historiographical myth

Dmitry Liseitsev

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870017311-3

Среди наиболее значимых событий Смутного времени особое место по праву принадлежит деятельности Второго (Нижегородского) ополчения под руководством кн. Д.М. Пожарского и К. Минина. Собранная в Нижнем Новгороде рать, выступив в начале 1612 г. в поход, сыграла решающую роль в деле консолидации патриотических сил и, объединившись с отрядами Первого ополчения, освободила от польско-литовского оккупационного гарнизона столицу Московского государства, переломив тем самым ход событий многолетней Смуты и дав измученной стране возможность выйти из гражданской войны. В отечественной исторической науке утвердилось мнение о том, что Второе ополчение открыло новую страницу в истории сословного представительства в России, собрав в Ярославле едва ли не первый в истории страны Земский собор «правильного состава» — с широким привлечением выборных представителей от разных слоёв населения, выразивших интересы большинства городов и уездов Московского государства. Считается, что Земский собор под именем «Совета всея земли» принял на себя функции временного правительства и управлял державой вплоть до избрания на престол Михаила Фёдоровича Романова. Этот «Совет всея земли», сложившийся, по представлениям учёных, в Ярославле весной 1612 г., и является предметом рассмотрения в настоящей статье¹.

Анализ исторической литературы, посвящённой Смутному времени, показывает, что «Совет всея земли» — явление в историографии относительно молодое. В первых исследованиях по истории Смуты речи о нём не идёт. С.М. Соловьёв, например, писал, что Пожарский и Минин «начали думать со всею ратью, духовенством и посадскими людьми», не упомянув при этом ни о Земском соборе, ни о «Совете всея земли»². Не писал о соборе в Ярославле и главный оппонент Соловьёва — К.С. Аксаков, отметивший, однако, что «именно 1612 год показывает, как силен в России общинный элемент, в эту пору

© 2021 г. Д.В. Лисейцев

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ В рамках этой статьи вопросы о «Совете всея земли» в лагере Первого ополчения, равно как и в объединённой рати Пожарского—Трубецкого, заслуживающие отдельного изучения, рассматриваться не будут.

² Соловьёв С.М. История России с древнейших времён // Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. IV. Т. 8. М., 1989. С. 649.

достигший объёма всерусской общины»³. О попытке собрать в Ярославле Земский собор (не употребляя, правда, привычной современному читателю терминологии) впервые написал А.П. Шапов, отметивший, что «Пожарский собирал представителей городов на земский совет»⁴. Н.И. Костомаров в исследовании о Смутном времени, равно как и в специальном очерке об истории Земских соборов, написал лишь о рассылке Пожарским из Ярославля грамот с приглашением прислать выборных земских людей, отметив стремление князя окружить себя «земским собором, правильно выбранным», полномочным «решать судьбу всей земли»⁵. В известных очерках по истории Смуты И.Е. Забелина об организации управления в лагере Второго ополчения также не сказано почти ничего, кроме отмеченного стремления Минина и Пожарского к «общему соединению всех городов в одной мысли», ради которого они настаивали на присылке к ним выборных людей «для общего Земского совета»⁶. Насколько удачной была эта попытка, Забелин умалчивает.

Впервые о «Совете всей земли» как о некоем политическом институте написал С.Ф. Платонов. Свои первые рассуждения о нём он изложил на страницах магистерской диссертации, посвящённой истории Земских соборов (1883). Платонов предположил, что рядом с князем Пожарским в Ярославле весной-летом 1612 г. Земский собор действительно функционировал. В подтверждение своей гипотезы он привёл следующие аргументы: «Тотчас по приходе в Ярославль и в последующее время кн. Пожарский заботится о том, чтобы в его войске были из городов выборные люди. Эти выборные — *надо думать* (здесь и далее курсив мой. — Д.Л.) — вызывались не только для выбора царя». Далее Платонов отметил: «*Во всех грамотах*, исходивших от лица князя Пожарского и бояр, *неукоснительно* говорилось, что распоряжения, которые делаются в этих грамотах, делаются “по совету” или “по приговору всей земли” и т.п.; и в-третьих, летописи свидетельствуют, что все важные дела в войске решались при участии всей рати, властей (т.е. духовенства) и даже посадских. Имея такие данные, мы можем, *кажется*, безо всякого риска сделать заключение, что в Ярославле дела решались не немногими лицами, а собором». Убедив себя в том, что при лагере Второго ополчения действовало не что иное, как Земский собор, С.Ф. Платонов перешёл к построению гипотез относительно его состава: «*Вероятно*, наличное духовенство, высшие чины, которых в Ярославле было более 10 человек, также приехавшие из городов люди “по два, по три изо всякаго чина”, затем выборные от городовых дружин, бывших в Ярославле, и посадских, находившихся в войске, составляли постоянный совет около начальствующих лиц». Затем последовало и предположение, что гипотетически действовавший в Ярославле Земский собор предположительного состава вместе с Ополчением переместился в Москву: «Что же касается до того *предположения*, что собор, окружавший князя Пожарского в Ярославле, следовал за ним и в Москву, то оно подтверждается одною позднейшею грамотой: в ней заключается

³ Аксаков К.С. Замечания на статью г. Соловьёва «Шлёцер и антиисторическое направление» // Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. I. М., 1861. С. 203.

⁴ Шапов А.П. Великорусские области в Смутное время (1606—1613 гг.) // Отечественные записки. 1861. Ноябрь. Т. СXXXIX. С. 106.

⁵ Костомаров Н.И. Старинные земские соборы // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т. XIX. СПб., 1887. С. 346—347; Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604—1613 гг. М., 1994. С. 732.

⁶ Забелин И.Е. Минин и Пожарский. «Прямые» и «кривые» в Смутное время. СПб., 2005. С. 73.

намёк, что в Москве до съезда избирательного собора 1613 г. имел место приговор, составленный “всею землею”. В грамоте этой собор 1613 г. пишет царю Михаилу Фёдоровичу: “И до нас, холопей твоих, послал боярин князь Дмитрией Тимофеевич Трубецкой да столник князь Дмитрий Пожарский, для твоих государевых обиходов, отписывать дворцовых сел... по приговору Кирила, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, и всего Освященнаго собору, и по совету всеа земли”. Увидев в этом упоминании «совета» всё тот же постоянно действовавший при временном правительстве орган власти, исследователь подтвердил свою догадку риторическим вопросом: «Кто же мог составить этот “совет всей земли” как не тот собор, который был около Пожарского ещё в Ярославле?». В опубликованной тогда же статье Платонова, правда, отмечена слабость аргумента о постоянных апелляциях в грамотах Второго ополчения к «приговорам всей земли»: «Соборное начало находилось в большом почёте в земском ополчении 1612 г., если его начальники распоряжались именем земского совета; но отсюда ещё нельзя заключать, строго говоря, о действительном существовании при князе Пожарском совета выборных от земщины. В Смутное время, до образования Второго ополчения, зачастую злоупотребляли именем земщины и её инициативе приписывали такие дела, в которых она совершенно не участвовала». Гораздо более убедительным и неопровержимым доказательством функционирования собора в Ярославле учёный считал упоминание о соборах в летописях⁷. Позже в докторской диссертации по истории Смутного времени (1899) Платонов писал о созданном в Ярославле «временном правительстве», которое «в совокупности своей... представляло собою земский собор обычной московской конструкции». Ясности в вопрос о характере ярославского правительства эта работа не внесла: охарактеризовав сначала его как «временное правительство — земский собор», учёный далее заявил, что оно делилось на «ратный совет» и «руководителей рати», полагая при том, что современникам «ратный совет казался правильным и полномочным народным собранием», а его приговоры «прямо называются “советом всеа земли” и признаются за распоряжения верховного правительства»⁸. Платонов оставил, таким образом, открытым вопрос о том, чем же являлось правительство, обосновавшееся весной 1612 г. в Ярославле, — Земским собором «обычной московской конструкции» или же «ратным советом», решения которого (но не он сам) именовались «советом всеа земли».

В более поздней своей работе (1905) Платонов, уже маститый учёный, писал о «совете всей земли» гораздо более уверенно. При этом он распространил понятие «совет всеа земли» на Земские соборы вообще: «совещательный орган, называемый в науке “земским собором”, а в памятниках того времени “советом всеа земли”, “всею землею”, или просто “собором”». Гадательных интонаций и основанных на намёках предположений относительно собора в Ярославле в этой работе Платонова уже не обнаруживается, более того, следует уверенный вывод: «Впервые в Московском государстве был осуществлён земский собор на начале выборного представительства»⁹. В дальнейшем (1912)

---

⁷ Платонов С.Ф. Московские земские соборы XVI и XVII веков // Платонов С.Ф. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. М., 2010. С. 81, 84—85; Платонов С.Ф. Заметки по истории московских земских соборов // Там же. Т. 3. М., 2012. С. 10.

⁸ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII веков. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937. С. 416, 418.

⁹ Платонов С.Ф. К истории московских земских соборов // Платонов С.Ф. Собрание сочинений. Т. 3. С. 211, 214, 234, 235.

учёный несколько уточнил прежние выводы, отметив, что термин «совет всея земли» впервые появился в политическом лексиконе Московского государства только в 1611 г., будучи результатом объединения в один собор появившихся в Смутное время почти повсеместно городских сословных мирских советов. Ярославскому «совету всея земли» Платонов вновь отвёл особую роль в политической истории Московского царства: «теперь “вся земля” не только была советом при воеводах, но и правила всем государством, “строила” земский порядок... Из редкого и пассивного совещания, каким в сущности были соборы XVI века, “вся земля” выросла в орган верховного управления, который действовал постоянно и руководил всеми делами страны»¹⁰.

Понятие «совет всея земли», однако, утвердилось в историографии далеко не сразу. Работавший над историей Земских соборов одновременно с С.Ф. Платоновым В.Н. Латкин, утверждая, что в 1612 г. в Ярославле собор сформировался, чтобы «править государством в “безгосударное время”», от употребления понятия «Совет всея земли» воздержался¹¹. В словаре Брокгауза—Ефрона в статье «Смутное время» (1900) об организации власти с весны 1612 до весны 1613 г. сказано только, что в Ярославле Второе ополчение простояло три месяца, «потому что надо было “строить” не только войско, но и землю; Пожарский хотел собрать собор для выбора царя, но последнее не удалось»¹². Исследователь истории сословного представительства С.Л. Авалиани (1910) без колебаний принял тезис о том, что в Ярославле рядом с кн. Пожарским заседал Земский собор, который, однако, «советом» не именовал¹³. В историографии земских Ополчений не могло не оставить следа празднование в Российской империи в 1912—1913 гг. 300-летия династии Романовых. Профессор А.Е. Пресняков на страницах научно-популярного сборника «Три века», повествуя о событиях, предшествовавших воцарению Михаила Романова, отметил: «Так образовался в Ярославле, при ополчении, земский собор, который можно признать первым русским “народным представительством”, по смыслу и характеру созыва уполномоченных местными обществами “для земского совету”»¹⁴. Л.М. Сухотин, выступая на торжественном заседании Совета Московского университета и Общества истории и древностей российских 24 февраля 1913 г., отметил, что «в Ярославле власть ополчения почувствовала себя новой властью всей русской земли. Здесь вокруг Пожарского организовалось правительство, совет “начальников” или синклит, подобие боярской думы, и совет “всей рати и посадских людей” — подобие земского собора. Новое правительство учреждает приказы и от имени “бояр и воевод и всей земли” правит северо-восточной половиной Московского государства»¹⁵.

Утвердить в исторической науке понятие «совет всея земли» попытался в своей впервые опубликованной в 1913—1914 гг. магистерской диссертации о

¹⁰ Платонов С.Ф. «Вся земля» // Там же. С. 438—443.

¹¹ Латкин В.Н. Земские соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб., 1885. С. 118—122.

¹² Лучинский Г. Смутное время // Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона. Т. XXXа. СПб., 1900. С. 590.

¹³ Авалиани С.Л. Земские соборы. Одесса, 1910. С. 74—78.

¹⁴ Пресняков А.Е. Московское государство первой половины XVII в. // Три века. Т. 1. Россия от Смуты до нашего времени. М., 1912. С. 24.

¹⁵ Сухотин Л.М. Народные движения 1611 и 1612 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — ЧОИДР). 1913. № 4. С. 17.

Нижегородском ополчении ученик С.Ф. Платонова П.Г. Любомиров. Существование в Ярославле Земского собора он, ссылаясь на работы учителя, считал доказанным фактом, пусть и с некоторыми оговорками: «Хотя в ярославском совете и не было представителей буквально всей земли, однако он мог именовать себя “всею землею” с бóльшим правом, чем все другие собрания эпохи Смуты (кроме собора 1613 г.), присваивавшие себе это наименование. Всё же с точки зрения современной научной теории и ярославский “совет всея земли” вряд ли может быть назван... “земским собором правильного состава”. Ближе, чем к нормальному земскому собору, подходит он к совету ляпуновского ополчения»¹⁶. Но и после этого историки, обращавшиеся к ярославскому периоду истории нижегородской рати, предпочитали говорить не о «совете всей земли», а о Земском соборе. В 1918 г. была защищена магистерская диссертация Г.А. Замятина. Рассказывая о переговорах между Вторым ополчением и Новгородом в 1612 г., исследователь писал: «Наличность “всей земли”, другими словами, земского собора в Ярославле, никто из историков в настоящее время не решается отрицать. К сожалению, состав этого собора также не удастся выяснить с желаемой полнотой». Впрочем, Замятин был солидарен с мнением Любомирова относительно того, что ярославский совет вполне имел право зваться «всей землей»¹⁷. Не стал употреблять в своём очерке по истории Смуты для обозначения ярославского правительства формулировки «совет всея земли» и Ю.В. Готье, вместо того употребивший выражения «временное правительство» и «совет всего ополчения, как бы подвижной Земский собор»¹⁸.

Понятие «совет всея земли» так и не утвердилось ни в дореволюционной, ни в ранней советской историографии. Автор опубликованной в 1939 г. работы о разгроме «польской интервенции» А.И. Козаченко констатировал, что «при решении важных дел Минин и Пожарский всегда совещались “со всею ратью”, со всеми властями и с посадскими людьми»; исследователь заметил также, что «в Ярославле была создана государственная власть»¹⁹. О «Совете всея земли» и даже о Земском соборе в книге не упоминается. Однако в том же году было переиздано четвертьвековой давности исследование П.Г. Любомирова, и на этот раз «Совет всея земли» был замечен советскими историками. Л.Б. Генкин, исследовавший борьбу с «польско-литовскими захватчиками», определил «совет всея земли» как «правительство, руководящее борьбой всего Московского государства против интервентов», в которое входили «представители дворянства, посадских людей, казаков, стрельцов, пушкарей. Не исключено, что в совете могли присутствовать и представители от черносошных крестьян»²⁰. В 1943 г. о ярославском «Совете всея земли» как об органе верховной государственной власти писал Ф.В. Чебаевский, утверждавший, что «самое многочисленное

---

¹⁶ Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). Новая серия. Ч. L. 1914. Март. С. 28—29, 38—39.

¹⁷ Замятин Г.А. Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII века. Падение кандидатуры Карла Филипа и воцарение Михаила Фёдоровича // Замятин Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 77—78.

¹⁸ Готье Ю.В. Смутное время. Очерк истории революционных движений начала XVII столетия. М., 1921. С. 99.

¹⁹ Козаченко А.И. Разгром польской интервенции в начале XVII века. М., 1939. С. 148.

²⁰ Генкин Л.Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. Ярославль, 1939. С. 163.

представительство в “Совете” составляли “земские люди” (посадские и “всякие жилецкие люди”)²¹.

Временем, когда идея Платонова и Любомирова о некоем правительстве-соборе стала утверждаться в советской историографии, стали послевоенные годы. Именно тогда отечественные историки активным образом разрабатывали концепцию «сословно-представительной монархии», достигшей расцвета в России в первой половине XVII в. При этом утвердилось мнение, что правительство при Втором ополчении именовалось именно «Советом всея земли». И если в соответствующей статье первого издания Большой советской энциклопедии (1940) данный сюжет полностью обойдён вниманием²², то во втором издании (1954) в статье о Втором ополчении уже появилось упоминание о том, что «пребывание в Ярославле было использовано для превращения Совета ополчения в “Совет всей земли”, т.е. в общерусское правительство»²³. Спустя год, в 1955 г., вышел посвящённый событиям российской истории XV—XVII вв. том «Очерков истории СССР», где в написанном Ю.В. Готье тексте о Втором ополчении «Совет всея земли» также совершенно определённо характеризовался как некая правящая структура: «Здесь же (в Ярославле. — Д.Л.) было официально создано правительство, возглавленное Пожарским и “выборным человеком” Мининым. Кроме того, в Ярославле был создан “Совет всей земли” в составе представителей от дворянства, участвовавшего в ополчении, видных ярославских посадских людей и местного духовенства во главе с бывшим митрополитом ростовским Кириллом. Пожарский пытался привлечь представителей и из других городов и обращался с призывом “пожаловати прислати в Ярославль всяких чинов человек” “для общего земского Совета”. В отдельных грамотах, рассылавшихся “Советом”, иногда упоминаются “уездные люди” — термин, обозначавший обычно крестьянское сельское население. “Совет всей земли” (хотя бы в его ограниченном составе) участвовал в разрешении всех важнейших политических вопросов. Круг полномочий общеземского правительства был чрезвычайно широк и разнообразен, а результаты его деятельности весьма плодотворны. Минин и Пожарский и их ближайшие соратники от имени “Совета всей земли” ведали не одними только военными делами, но и управлением всей страны... Всё это делалось “по Совету всей земли”, т.е. с ведома созданного в Ярославле правительства»²⁴. Та же мысль о «Совете всея земли» как о правительственном органе повторена в другом обобщающем труде по отечественной истории: «В Ярославле окончательно было сформировано временное правительство. Здесь был создан “Совет всей земли”, состоявший, как и земские соборы, из представителей духовенства, Боярской думы и выбор-

---

²¹ Чебаевский Ф.В. Триумфальное шествие народной рати // Великое дело Минина и Пожарского. Труды Горьковского государственного педагогического института им. М. Горького. Вып. XI. Горький, 1943. С. 21.

²² Подорожный Н.Е. Польско-шведская интервенция в Московское государство в начале 17 века // Большая советская энциклопедия. Изд. 1. Т. 46. М., 1940. Стб. 248—259.

²³ Народное ополчение под руководством Минина и Пожарского // Большая советская энциклопедия. Изд. 2. Т. 29. М., 1954. С. 142.

²⁴ Готье Ю.В. Второе ополчение. Освобождение Москвы и победа русского народа над интервентами // Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. Укрепление Русского централизованного государства (конец XV — XVI вв.). Крестьянская война и борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в. М., 1955. С. 584.

ных от дворян и посадских людей»²⁵. В том же году в написанной А.М. Сахаровым статье «Народное ополчение под руководством Минина и Пожарского» (Советская историческая энциклопедия) помещена информация о том, что в Ярославле в лагере Второго ополчения «был создан временный “Совет всей Земли” — правительственный орган, в котором главную роль играли посадские люди и представители мелкого служилого дворянства»²⁶. В третьем издании Большой советской энциклопедии статья, написанная тем же автором, дословно повторяет формулировку из Советской исторической энциклопедии²⁷.

На исходе 1970-х гг. историография вопроса обогатилась трудом Л.В. Черепнина. Исследователь был солидарен с С.Ф. Платоновым в его определении ярославского «совета всея земли» как «земского собора обычного состава», полагая также (вслед за П.Г. Любомировым), что «Совет всея земли» был создан в Нижнем Новгороде в конце 1611 г., а весной 1612 г., уже в Ярославле, «приобрёл характер верховного правительственного органа», решавшего «все основные вопросы внутренней и внешней политики». Несомненным шагом вперёд в деле исследования истории ярославского правительства стало привлечение Черепниным широкого круга источников — как опубликованных, так и вновь выявленных²⁸. Работа Черепнина утвердила в отечественной историографии тезис о действовавшем в Ярославле под именем «Совета всея земли» Земском соборе, и в дальнейшем исследователи истории Смуты писали о нём как о чём-то очевидном. В.И. Буганов в статье, посвящённой реконструкции биографии Кузьмы Минина, определил «Совет всея земли» как правительство, в которое входили «представители знатных родов... Фактически же его возглавляли Пожарский и Минин»²⁹. В монографии Р.Г. Скрынникова, впервые изданной в 1981 г., для обозначения ярославского правительства использовались термины «Совет земли», «второе земское правительство», «ярославский Земский собор», «Земский совет», «ярославский совет» и просто «совет»³⁰. Автор защищённой в 1993 г. диссертации В.А. Волков отметил, что руководители Второго ополчения «сразу же после вступления в Ярославль... приступили к созданию общеземского “Совета всей земли”»³¹.

Новый всплеск исследовательского интереса к событиям начала XVII в. был связан с приближением юбилейных торжеств в честь 400-летия завершения Смутного времени. Появилось немало публикаций, фокус внимания в которых приходился на события 1612—1613 гг. — период, который многие исследователи считали если не концом, то, по крайней мере, переломным моментом в Смутном времени. В 2008 г. в 10-м томе «Большой российской энциклопедии» была размещена статья И.О. Тюменцева «Земское правительство», где появилась информация о том, что «земское правительство (Совет всей земли),

²⁵ Тихомиров М.Н. Иностранная интервенция и борьба России за независимость // История СССР с древнейших времён до наших дней. Т. 2. М., 1966. С. 289.

²⁶ Сахаров А.М. Народное ополчение под руководством Минина и Пожарского // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966. Стб. 949.

²⁷ Сахаров А.М. Народное ополчение под руководством Минина и Пожарского // Большая советская энциклопедия. Т. 17. Изд. 3. М., 1974. С. 270.

²⁸ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства XVI—XVII вв. М., 1978. С. 180, 183.

²⁹ Буганов В.И. «Выборный человек всею землею» Кузьма Минин // Вопросы истории. 1980. № 9. С. 100.

³⁰ Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М., 2011. С. 225, 226, 227, 228, 230, 231.

³¹ Волков В.А. Организация государственной власти в земских освободительных движениях Смутного времени. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 10.

чрезвычайный орган высшей власти в Русском государстве, существовавший с весны 1611 до февраля/марта 1613». Новое «земское правительство», созданное в Ярославле, «было составлено из выборных представителей городов и по сути являлось нижней палатой Земского собора»³².

О «Совете всея земли» в ряде работ, посвящённых истории Смутного времени, писал В.Н. Козляков, отметивший, что вскоре по прибытии в Ярославль руководство Второго ополчения выступило с инициативой создания «нового «Совета всей земли»» (далее периодически именуемого исследователем также «земским советом», «собором» и «земским правительством»). Учёный констатировал, что в Ярославле «решения... принимались общие, по приговору «Совета всей земли»». После освобождения Москвы — с 26 октября 1612 г. по 25 февраля 1613 г. — «Совет всей земли» осуществлял функции верховной власти³³. В научно-популярной работе автора присутствует объёмная глава «Совет всея земли», который был определён как «настоящее земское правительство», куда включались по мере прибытия «выборные представители» различных городов³⁴. Не обошёл вниманием «Совет всей земли» и автор наиболее глубоких исследований биографии кн. Д.М. Пожарского Ю.М. Эскин. Повествуя о ярославском периоде истории возглавленного князем Ополчения, учёный упомянул и «собранный в Ярославле Совет всей земли, куда вошли примкнувшие к Пожарскому съехавшиеся туда представители знати, городского дворянства и купечества... Есть версия, что это собрание уже готово было считать себя земским собором». Историк заметил, что «Совет всей земли в Ярославле, по сути, сформировал правительство», и в городе «постепенно сформировался круг из нескольких бояр, формально возглавивших Совет всей земли»³⁵. Разумеется, мимо «ярославского сюжета» не могли пройти и авторы новейшей биографии другого вождя Второго ополчения — Кузьмы Минина. На страницах монографии А.В. Морохина и А.А. Кузнецова обнаруживаются сведения о том, что весной 1612 г. «продолжалось создание нового представительского высшего органа власти — «Совета всея земли». В Ярославле формировался круг из нескольких бояр, формально его возглавивших». В состав «Совета всея земли», как отметили исследователи, вошли оказавшиеся вне Москвы представители столичной власти, а после освобождения столицы он взял на себя «функции временного правительства», сохраняя эту позицию *de jure* до 2—3 марта, а *de facto* — до прибытия избранного царя Михаила Фёдоровича в Кремль в начале мая 1613 г.³⁶

Для перечисленных авторов «Совет всея земли» не был центральным сюжетом, о нём писали постольку, поскольку он пересекался с основными ли-

---

³² Тюменцев И.О. Земское правительство // Большая российская энциклопедия (URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3866601 (дата обращения: 24.08.2021)).

³³ Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 381—385; Козляков В.Н. Развитие земской идеи в Нижегородском ополчении // Мининские чтения. Труды научной конференции. Н. Новгород, 2007. С. 173—176; Козляков В.Н. Земские ополчения и избрание царя Михаила Фёдоровича // День народного единства: Биография праздника. М., 2009. С. 54, 56, 59, 71.

³⁴ Козляков В.Н. Герои Смуты. М., 2012. С. 197, 219.

³⁵ Эскин Ю.М. Опыт жизнеописания боярина князя Козьмы-Дмитрия Михайловича Пожарского // День народного единства... С. 160—167. С теми же формулировками относительно «Совета всея земли» читатель встречается на страницах более поздней работы учёного (Эскин Ю.М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013. С. 67—72).

³⁶ Морохин А.В., Кузнецов А.А. Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. М., 2017. С. 61, 77, 80.

ниями их исследований. Собственно, единственной работой последних лет, где «Совет всея земли» оказался непосредственно темой рассмотрения, стала опубликованная в 2013 г. статья В.Д. Назарова. Учёный предпринял попытку найти корни «Совета всея земли» в предшествующей политической практике, отметив появление формулировки «совет всея земли» в самом начале 1611 г., во время образования Первого ополчения. При этом исследователь поставил важный вопрос о смысле и содержании этого выражения: «Что перед нами — узловые термины политического дискурса русского общества тех лет, не находящие применения в практиках? Или реальный высший институт сословного представительства, то, что в историографии обычно именуется земским собором? Или действующий орган центральной исполнительной власти с широким набором функций и прерогатив? Или же своеобразный симбиоз обеих “ветвей власти”»? Продемонстрировав употребление в политической риторике эпохи Смуты семантически близких понятий — «общий совет», «совет всех людей государства» и т.д., а также приведя примеры использования терминов «совет» и «земля» в источниках, описывавших события истории Московского государства и Казанского ханства конца XV—XVI в., исследователь пришёл к выводу, согласно которому «оба понятия коррелируют с высшим институтом сословного представительства, причём “вся земля” не его синоним и не охватывает в ряде контекстов основные курии собора, “совет” же говорит о процедурах в деятельности института, и опосредованно о нём». В распорядительных актах Ополчений «“вся земля” выступает высшим институтом сословного представительства». При этом Назаров предлагает различать два уровня понимания «всей земли» — в одном случае за этой формулировкой скрывается «вся совокупность служилых людей “по отечеству” и “по прибору”, а также вольных казаков», которые «в определённые моменты... дополняются... представителями иных сословных групп из городов (возможно, выборными)». В более узком смысле учёный, рассуждая о «всей земле», склонен говорить «о какой-то части ополчений, выделенной или выбранной по неясной для нас процедуре и функционировавшей (в идеале) в постоянном режиме». Равным образом Назаров отмечает и «двойственность института», обозначаемого формулой «совет всея земли»: здесь усматривается, с одной стороны, «и обсуждение вопроса, и решение по нему представительного института», а с другой — речь следует вести «о ещё одном центральном (в рамках ополчения) органе исполнительной власти рядом и наряду с боярами»³⁷. На страницах опубликованного в 2013 г. обобщающего очерка о событиях Смутного времени историк охарактеризовал «Совет всея земли» как «военно-политический центр», который составляли «депутаты от духовенства, представители двора, служилых дворян, приборных людей, горожан и даже от черносошных и дворцовых крестьян»³⁸.

* * *

Таковы, в общих чертах, сведения о «Совете всея земли», почерпнутые *ex libris*. Отойдя от книжной полки, обратимся *ad fontem*, привлекая для это-

³⁷ Назаров В.Д. «Совет всей земли» ополчений и сословное представительство в России в годы Смуты (традиции и изменения, понятия и практики) // Сословное представительство в России в контексте европейской истории (вторая половина XVI — середина XVII вв.). Международная научная конференция. 7—10 октября 2013 г. Тезисы докладов. М., 2013. С. 101—106.

³⁸ Назаров В.Д. Смута в России в конце XVI — начале XVII века // Всемирная история. Т. 3. Мир в раннее Новое время. М., 2013. С. 303—304.

го документальный след, оставленный Вторым ополчением. И прежде всего приходится констатировать, что, вопреки предположениям П.Г. Любомирова, поддержанным и развитым Л.В. Черепниным³⁹, никакого «Совета всея земли» при земской рати во время её формирования в Нижнем Новгороде не существовало. В деятельности Минина и Пожарского в конце 1611 — начале 1612 г. учёные видели едва ли не скрытую «оппозицию» подмосковным боярам, выраженную в создании альтернативного правительственного органа — «Совета всея земли». Предположение Любомирова, переросшее у Черепнина в твёрдую уверенность, подкрепляется апелляцией к написанному спустя два десятилетия после создания Второго ополчения «Новому летописцу» («в городах же слышаху в Нижнем собрания, ради быша и посылаху к нему на совет, и многую казну к нему посылаху») ⁴⁰. В формулировке «Нового летописца» действительно фигурирует некий «совет» (впрочем, какой смысл следует вкладывать в данное слово, остаётся делом вкуса исследователя).

Как доказательство существования «Совета всея земли» в Нижнем Новгороде привлекались и материалы переписки нижегородских властей с воеводой соседнего Курмыша. В одной из нижегородских грамот, в частности, обнаруживается призыв «для земскаго совету... быть в Нижнем Новгороде старостам и целовальникам, и лутчим людем». Это, впрочем, не свидетельствует о каком-то общенациональном объединении — речь шла лишь о присылке в Нижний Новгород представителей сёл, относившихся к Нижегородскому уезду. В Нижний вызывали также из Курмыша «для справки... дворян и детей боярских из земских лутчих людей и изо всех чинов по человеку». Действительно, приведённая цитата способна породить иллюзию относительно намерений князя Пожарского собрать в Нижнем Новгороде что-то вроде Земского собора с привлечением «людей изо всяких чинов». Но иллюзия эта развеивается при ознакомлении с полным текстом документа: речь в нём идёт о предполагаемом «воровстве» одного из курмышских детей боярских, и руководство Ополчения лишь требовало прислать к себе свидетелей. Упоминание о высылке курмышских служилых людей на службу «по боярскому приговору и по совету всей земли» и вовсе не имеет отношения к нижегородской рати — соответствующее указание содержится в отписке в Курмыш арзамасского воеводы, транслировавшего распоряжение бояр Первого ополчения — кн. Трубецкого и Заруцкого. Упоминание о челобитье ограбленной татарки «бояром и всей земли» в отписке из Ядрина в Курмыш также относится к подмосковным боярам, а не к нижегородскому «совету». Отправление в феврале 1612 г. «по совету всей земли» из Нижнего Новгорода на смену курмышскому воеводе сына боярского и дьяка также не означает появления в рати Пожарского некоего властного центра, бросившего вызов «подмосковным боярам». Формирование земской рати в Нижнем Новгороде происходило с ведома руководства Первого ополчения и было им санкционировано. Об этом обнаруживаются сведения и непосредственно в переписке князя Пожарского с курмышским воеводой, в частности, в грамоте от 26 декабря 1611 г.: «ис-под Москвы бояре в Нижней пишут же, чтоб с Алатыря, и с Курмыша, и с Орзамаса всякие всякие денежные доходы збирати, а збирая, отдавати дворяном и детем боярским, и всяким служивым людем на жалованье, а дав жалованье, посылати их под Москву... А ведаешь, господине, сам,

³⁹ Любомиров П.Г. Очерк по истории Нижегородского ополчения... // ЖМНП. Новая серия. Ч. XLVII. 1913. Октябрь. С. 295—297; Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 179—180.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. XIV. СПб., 1910. С. 117.

что все города согласились с Нижним, Понизовские и Поморские, и Поволжские, и Рязань, и всякия доходы посылают в Нижней Новгород»⁴¹. И совсем уж странным выглядит приведённый Черепнинным аргумент в поддержку гипотезы об образовании в Нижнем Новгороде в конце 1611 — начале 1612 г. «совета всей земли»: исследователь ссылается на посланную из Нижнего Новгорода в Вологду грамоту с призывом «прислати к нам для договору и о добром совете людей добрых изо всех чинов». Процитированный исследователем документ, однако, был составлен в феврале 1611 г., в нём отразился начальный период формирования Первого ополчения под руководством Прокопия Ляпунова⁴².

Таким образом, формирование земской рати в Нижнем Новгороде было санкционировано руководством Первого ополчения и в начале 1612 г. не было ему «антитезой». Разрыв между ними произошёл лишь после присяги под Москвой Лжедмитрию III. До этого причин собирать в Нижнем Новгороде сепаратный Земский собор или «Совет всея земли», альтернативный власти подмосковных бояр, у предводителей нижегородской рати не было.

Первое упоминание «совета всей земли» в документах, исходивших из ярославского лагеря Второго ополчения, выступающего уже от своего собственного лица, обнаруживается в окружной грамоте от 8 апреля 1612 г. с подтверждением тарханных грамот Кирилло-Белозерского монастыря, разосланной по различным уездам Московского государства. Ни «совет всея земли», ни просто «вся земля» в этом документе не фигурируют в качестве адресанта («Великия Российския державы Московского государства от бояр и воевод и столника и воеводы от князя Дмитрея Михайловича Пожарского с товарищи»). «Совет всей земли» появляется лишь в резолютивной части грамоты: «И мы, господа, по совету всей земли... тарханные грамоты... рудити никому ничем не велели»⁴³. Нетрудно заметить, что формула «совет всей земли» здесь отнюдь не обозначает собою некоего правительственного органа (в противном случае формулировка была бы иной, например, «по приговору совета всей земли» или «по указу совета всей земли»). Слово «совет» здесь означает не орган власти, а процедуру совещания (кстати, вовсе не обязательно реально состоявшуюся), равно как и оборот «вся земля» совсем не обязательно подразумевает непременно присутствие представителей всех городов и чинов Московского царства (тем более, что с призывом присылать в Ярославль своих представителей руководство земской рати обратилось в другие города лишь накануне, 7 апреля). Формула «по совету всей земли» в грамоте от 8 апреля 1612 г. синонимична выражению «с общего согласия»; видеть в ней указание на какой-то правительственный или сословно-представительный орган вряд ли можно. Обращение к конструкту «по совету всей земли» не было изобретением вождей Нижегородского ополчения: он был введён в активный политический лексикон Московского царства Прокофием Ляпуновым ещё в марте 1611 г. и активно употреблялся подмосковным правительством (как Ляпуновым, так и дуумвиратом Трубецкого—Заруцкого). За март 1611 — апрель 1612 г. сохранилось не менее четырёх десятков грамот,

⁴¹ Грамоты и отписки 1611—1612 г. курмышскому воеводе Елагину // *Летопись занятий Археографической комиссии*. 1861 год. Вып. 1. СПб., 1862. № 6, 12, 13, 19. С. 12, 14, 18, 19, 24. На отсутствие в начале 1612 г. у руководителей нижегородской рати принципиального конфликта с «подмосковными боярами» указал В.Н. Козляков (*Козляков В.Н. Развитие земской идеи...* С. 167).

⁴² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук (далее — ААЭ). Т. II. СПб., 1836. № 175. С. 296.

⁴³ Там же. № 204. С. 258—259.

составленных в канцелярии Подмосковного ополчения с употреблением этой формулы, укреплявшей легитимность решений военных предводителей земской рати)⁴⁴; использовалась она и позднее.

Второе упоминание «совета всей земли» в документах, исходивших от Второго ополчения, датировано 9 апреля 1612 г., когда деньги с жителей Усольского уезда были взяты «по указу Московского государства стольника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского с товарищи и по совету всей земли»⁴⁵. Здесь также «совет» выступает не как орган власти, а как дополнительное обоснование правомочности действий «князя Пожарского с товарищи». Следующий раз «совет всей земли» в ярославских грамотах упомянут 4 мая в грамоте в суздальский Покровский девичий монастырь, откуда указали выслать поселившихся в кельях казачьих жён и детей⁴⁶. Посланием на Белоозеро от 10 мая «бояре и воеводы и Дмитрей Пожарской с товарищи» уведомили жителей этого города о том, что «по совету всей земли» отпустили назад часть прибывшей в Ярославль белозерской делегации⁴⁷. 11 мая «по совету все земли» от уплаты денег и кормов были освобождены вотчины суздальского Покровского монастыря⁴⁸. После этого «совет» в Ярославле был «забыт» до июня 1612 г., когда в грамоте в Нижний Новгород с распоряжением выделить поместье служилому немцу его упомянули при воспроизведении просьбы челобитчика: «И нам бы по совету всей земли велеть ему дать в Нижнем... поместья»⁴⁹. В июньском послании в Путивль «совет всей земли» оказался обозначен даже дважды: первый раз для обличения «подмосковного дуумвирата», присягнувшего Лжедмитрию III («преступя всемирное крестное целованье... что было им без совета всей земли государя не выбирать»); второе упоминание связано с сообщением об отъезде части ратных людей из-под Москвы в Ярославль «ко общему всея земли совету»⁵⁰. 24 июня грамота во Владимир «по совету все земли» освободила крестьян и слуг суздальского Покровского монастыря от подсудности местному воеводе⁵¹.

⁴⁴ Там же. № 192. С. 241; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АИ). Т. II. СПб., 1841. № 328. С. 394—395; *Борисов В.А.* Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. М., 1853. № 3. С. 6; Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал А. Юшков (далее — Акты Юшкова). Ч. I. М., 1898. № 298. С. 319; Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг. (далее — АПО) // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. № 3, 13, 14, 19, 24, 28. С. 4—5, 20, 25, 31, 35; Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.) (далее — АПА). М., 1915. № 289, 293. С. 379, 384; *Азовцев А.В.* Грамоты 1571—1612 годов из архива Рязанского дворянского депутатского собрания // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 350, 357; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. Сборник документов (далее — АСЗ). Т. II. М., 2001. № 111, 139, 258, 322, 350, 381, 391, 479. С. 115, 136, 233, 285, 306, 327—328, 337, 411—412; Т. III. М., 2002. № 39, 43, 62, 70, 74, 87, 140, 183, 199, 211, 329, 393, 465, 469. С. 34, 36—37, 49, 55, 57—58, 77—78, 120, 153—154, 165, 174, 270, 317, 384, 388; Т. IV. М., 2008. № 137, 138, 150, 184, 258, 315, 518. С. 101, 102, 115, 140, 192, 233, 417—418.

⁴⁵ АПО. № 119(22). С. 164.

⁴⁶ Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI — начала XVII века (далее — АПСМ). М., 2019. № 414. С. 385.

⁴⁷ Ярославский край. Сборник документов по истории края (IX век — 1917 год). Ярославль, 1972. С. 40.

⁴⁸ АПСМ. № 415. С. 386.

⁴⁹ АСЗ. Т. III. № 414. С. 339.

⁵⁰ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГид). Ч. II. М., 1819. № 281. С. 595.

⁵¹ АПСМ. № 417. С. 388.

9, 10 и 13 июля 1612 г. в Ярославле были оформлены восемь отписей о принятии денег в казну Ополчения: все они составлены по одному образцу: в преамбуле фигурирует формула «по наказу Великие Российские державы Московского государства бояр и воевод стольника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского и по совету всей земли»⁵². 25 июля «совет всей земли» мелькнул в отписке, которую отправили на Соловки «бояре и воеводы и Дмитрей Пожарской с товарищи», распорядившиеся «по совету всей земли» перевести «старца Стефана Бекбулатова» в Кириллов монастырь на Белоозеро⁵³. 29 июля в грамоте в Казань сообщалось о наречении «по совету всея земли» Крутицким митрополитом игумена Саввина Сторожевского монастыря Исайи⁵⁴.

После длительного перерыва, уже во время пребывания под Москвой, руководство Второго ополчения 6 сентября 1612 г. в тексте ввозной грамоты на поместье в Суздальском уезде вновь вернулось к интересующему нас обороту — сначала в пересказе просьбы челобитчика («и нам бы по совету всей земли велети»), а затем в резолюции («и мы по совету всей земли... велели») ⁵⁵. Спустя три дня, 9 сентября, ввозная грамота на поместье в Костромском уезде также была выдана «Московского государства от бояр и воевод и от столника и воеводы князь Дмитрея Михайловича Пожарского с товарищи... по совету всей земли»⁵⁶. В тот же день руководство Второго ополчения грамотой оповестило жителей Вологды о приходе их рати под Москву «по совету и по приговору всей земли»⁵⁷. Ещё одна грамота, датируемая сентябрём 1612 г., была отправлена в Соль Вычегодскую с указанием освободить от сбора податей соляные варницы московского Симонова монастыря «по нашему боярскому приговору и по совету всей земли»⁵⁸.

Всего за апрель—сентябрь 1612 г. мы располагаем текстами 19 грамот, составленных в лагере Второго ополчения, где упоминается «совет всея земли». Почти половина из них (девять документов) — платёжные отписи, где особенной необходимости апеллировать к авторитету «временного правительства» или Земского собора не имелось: 14 аналогичных документов от 12 мая, 4, 20, 24 и 29 июня, 20 и 29 июля 1612 г. были оформлены просто «по указу Московского государства бояр и воевод стольника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского», без упоминания о «совете»⁵⁹. К числу документов высокой важности среди грамот, где использовалась формулировка «по совету всея земли», может быть отнесена, пожалуй, лишь посланная в Казань к митрополиту Ефрему грамота с просьбой рукоположить в сан Крутицкого митрополита (а в отсутствие патриарха — местоблюстителя патриаршей кафедры) игумена Исайю (интересно, что прошение это казанский иерарх проигнорировал). Помимо того, «совет всей земли» оказался упомянут в двух грамотах, подтверждавших податные льготы монастырей, в трёх — об отделе поместий, две были частью переписки с жителями Белоозера и Вологды, одна обращена к жителям Пу-

⁵² АПО. № 119(35—42). С. 167—169.

⁵³ ААЭ. Т. II. № 209. С. 266.

⁵⁴ СГГид. Ч. II. № 283. С. 599—600.

⁵⁵ АСЗ. Т. III. № 432. С. 353.

⁵⁶ Там же. № 216. С. 177—178.

⁵⁷ Акты, относящиеся до юридического быта древней России (далее — АЮБДР). Т. II. СПб., 1864. № 191. Стб. 601.

⁵⁸ АИ. Т. II. № 339. С. 404.

⁵⁹ АПО. № 119(23—34, 43, 44). С. 164—167, 169, 170.

тивля с призывом примкнуть ко Второму ополчению, одна касалась перевода бывшего «царя» Симеона Бекбулатовича из одного монастыря в другой.

При этом многие важные документы, вышедшие из канцелярии Второго ополчения, упоминаний о «совете всей земли» не содержат. Их нет в грамоте в Соль Вычегодскую от 7 апреля 1612 г. (а ведь именно этот документ исследователи считают едва ли не манифестом о создании нового «временного правительства»)⁶⁰. Не упомянут «совет всей земли» и в грамотах от Второго ополчения к «цесарю» Священной Римской империи от 20 июня. В этих дипломатических посланиях встречается оборот «вся земля», но исключительно для объяснения статуса князя Пожарского: «и по избранию всея земли Московского государства всяких чинов людей у ратных и у земских дел столник и воевода князь Дмитрий Пожарской»⁶¹. Предлагая 26 июля новгородцам и шведским оккупационным властям Великого Новгорода вступить в переговоры относительно совместного избрания царя, руководители Второго ополчения вовсе воздержались говорить от имени «всей земли», не упомянув, разумеется, и о её «совете»⁶². Приглашая жителей сибирских городов прислать своих представителей для совместных консультаций о возможном избрании на российский престол шведского принца, руководители Второго ополчения в грамоте от 10 июня о «совете всей земли» умолчали⁶³. Приставу, назначенному 9 августа сопровождать немецких наёмников до Переславля-Залесского, наказ был дан «по указу бояр и воевод и столника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского с товарищи» без всяких отсылок к воле «совета всей земли»⁶⁴. Не посчитали необходимым упомянуть о нём и в грамоте иноземным наёмникам от августа 1612 г. с официальным отказом от их услуг⁶⁵.

Нет упоминания «совета» в грамоте на Белоозеро от 14 апреля с известием о назначении туда дьяка в помощь воеводе (впрочем, «вся земля» в документе всё же упомянута — «По приговору бояр и воевод и всей земли послали есмь...»)⁶⁶. «Вся земля» без сочетания с «советом» фигурирует в грамоте на Двину от 25 апреля с указанием соблюдать податные льготы Соловецкого монастыря, игумен которого «бил челом бояром и воеводам, и всей земле», а распоряжение соблюдать прежние жалованные грамоты отдавали «по приговору всея земли». Из направленного 5 мая на Белоозеро послания узнаём, что бросить в тюрьму крестьян, отказавшихся участвовать в ремонте крепостных стен, в Ярославле «приговорили всею землею»⁶⁷. Упоминание о челобитье «нам и всей земле» обнаруживается в указной грамоте в Суздаль от 13 мая⁶⁸. 15 мая в грамоте в Галич «бояре и воеводы и Дмитрий Пожарской с товарищи» сообщали о том, что «нам и всей земле» била челом братия Симонова монастыря, просившая освобождения их соляных варниц от уплаты податей; соответствующее распоряжение было дано «по нашему указу и по приговору всея земли». В грамоте

⁶⁰ ААЭ. Т. II. № 203. С. 253.

⁶¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. II. СПб., 1852. Стб. 1408, 1429—1430.

⁶² ААЭ. Т. II. № 210. С. 267, 269; Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. Т. I. СПб., 1846. № 164. С. 287.

⁶³ СГГид. Ч. II. № 282. С. 598—599.

⁶⁴ Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля — 1613 г.). М., 1915. С. 52.

⁶⁵ СГГид. Ч. II. № 285. С. 604.

⁶⁶ АПО. № 70. С. 84.

⁶⁷ ААЭ. Т. II. № 205, 206. С. 259—261.

⁶⁸ АПСМ. № 416. С. 387.

в сибирское Верхотурье от 26 мая с распоряжением взимать с торговых людей деньги и хлебные запасы на жалованье служилым людям отдали даже «по указу всей земли»⁶⁹. Такой формуляр документов также не был отличительной чертой ярославского правительства: от первого года существования Первого ополчения грамот с упоминанием «всей земли» без сочетания с «советом» известно около двух десятков⁷⁰.

Без упоминания «совета» и даже «всей земли» обошлось при составлении отказных и ввозных грамот на поместья в Углич (16 апреля и 22 июня)⁷¹, Кострому (9 июня)⁷², Нижний Новгород (18 июня)⁷³, Юрьев-Польской (15 июля)⁷⁴, Ярославль (22 июля)⁷⁵, как и в семи грамотах, направленных в Арзамас (12, 15, 19 и 25 сентября)⁷⁶. Без соответствующей фразеологии обошлось и в грамоте на Двину от 4 июля с требованием защитить недвижимость Никольского монастыря от покушений местных крестьян⁷⁷. 12 июля по похожему поводу была составлена грамота в Суздальский и Шуйский уезды, и здесь также нет упоминаний «всей земли» и её «совета»⁷⁸. Власти Ополчения не сочли нужным подкреплять свои распоряжения авторитетом «всей земли» в грамотах от 17 августа к воеводам в Ярославль, Вологду и на Двину с предписанием контролировать перемещения иностранцев и сообщать о них «к нам» (т.е. к боярам и воеводам)⁷⁹.

Анализ документов, исходивших из приказов, функционировавших при Втором ополчении, позволяет констатировать: формулировка «совет всея земли» не была обязательной, поскольку она фигурирует далеко не во всех документах. Какой-то системы в её употреблении не прослеживается: в однотипных документах (например, платёжных отписях) она может как использоваться, так и игнорироваться. Равным образом, в составленных в один и тот же день документах этот оборот могли как употребить, так и опустить⁸⁰. Нельзя утверждать также, что оборот «совет всея земли» использовался в наиболее важных документах: таковые нередко составлялись без этого словосочетания, тогда как вполне рядовые распоряжения могли быть написаны с присутствием этой формулировки.

Та же картина складывается при анализе документов, составленных на местах (на территориях, подконтрольных Ополчению). Мною учтены 47 таких документов за май 1612 — январь 1613 г.⁸¹ — преимущественно это отдельные

⁶⁹ АИ. Т. II. № 336, 337. С. 402.

⁷⁰ СГГид. Ч. II. № 256, 261. С. 541, 546; *Берх В.Н.* Древние государственные грамоты, наказные памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии. СПб., 1821. С. 65—66; АПО. № 1, 5, 22, 42, 65, 75, 76. С. 1, 3, 6, 28, 54, 79, 91, 93—94; Акты времени междуцарствия... С. 38—40; АПА. № 288, 390. С. 378, 380; АСЗ. Т. II. № 24, 194, 279, 424. С. 39, 183, 249, 361; Т. III. № 278, 528, 530. С. 228, 450, 451.

⁷¹ АСЗ. Т. II. № 195, 263. С. 183—184, 236.

⁷² Там же. Т. III. № 215. С. 117.

⁷³ Акты нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. М., 1898. С. 43—44.

⁷⁴ АСЗ. Т. II. № 237. С. 217—218.

⁷⁵ Там же. № 41. С. 55—56.

⁷⁶ АПА. № 310—313, 315, 317, 318. С. 412—415, 417, 419, 420.

⁷⁷ АИ. Т. II. № 338. С. 403.

⁷⁸ АСЗ. Т. III. № 405. С. 330.

⁷⁹ Акты времени междуцарствия... С. 57—60.

⁸⁰ См., например, два документа, составленных в лагере Ополчения 29 июля 1612 г. (АПО. № 119(44). С. 170; СГГид. Ч. II. № 283. С. 599—600).

⁸¹ Объединение Первого и Второго Ополчений произошло в конце сентября — начале октября 1612 г. (*Лисейцев Д.В.* Синтез управленческих структур I и II Народных ополчений // *Смутное*

выписи на поместья — в Арзамасском, Кинешемском, Костромском, Луховском, Ростовском, Суздальском, Угличском, Шуйском, Ярославском уездах и в Пошехонье⁸². Они составлялись местной администрацией по распоряжению воевод, инициированному, в свою очередь, руководством Ополчения. При этом лишь в трёх случаях такие документы содержат упоминания о «совете всей земли». Среди них — отдельная выпись на поместье дьяку Ф.Ф. Лихачёву в Костромском уезде, составленная в начале мая 1612 г. Она была оформлена «по указу бояр и столника и воевод князя Дмитрия Михайловича Пожарского с товарищи, и по совету всей земли, и по наказу воевод князя Романа Ивановича Гогарина да Григорья Григорьевича Желябовского». Отмечу, что в составленной 12 мая 1612 г. отдельной выписи тому же дьяку на те же деревни преамбула повторяется дословно, но уже без упоминания «совета всей земли»⁸³. В тот же день — 12 мая — составили отдельную выпись о наделении поместьями в Суздальском уезде перешедших на сторону Второго ополчения черкас. Здесь фигурирует формулировка «Великие Росиские державы Московского государства по указу бояр и воевод и по совету всеи земли»⁸⁴. Третий случай встречается в отправленной 20 сентября 1612 г. суздальским воеводой шуйским кабацким откупщикам памяти о порядке уплаты денег в казну: документ написан «по указу Московского государства бояр и воевод и по грамоте столника и воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского и по совету всея земли от воеводы от князя Романа Петровича Пожарского»⁸⁵. К этой группе документов условно можно отнести отписку в лагерь Ополчения воеводы из Холмогор (конец июля 1612 г.). При отсутствии упоминаний о «совете» в ней всё же фигурирует «вся земля»: по сообщению воеводы, посланник от немецких наёмников «едет к вам, бояром, и ко всей земле»⁸⁶. Любопытный образец употребления похожей формулировки обнаруживает июльская 1612 г. грамота в Казань о передаче казанскому митрополиту пустоши одного из местных помещиков: дьяки Никанор Шульгин и Степан Дичков распорядились по данному вопросу «по указу Великого Росийского Московского государства и всей земли бояр», опираясь при том на приговор «всее земли Казанского государства». Последнее указывает на то, что формула «вся земля» совсем не обязательно должна трактоваться как синоним общенационального согласия⁸⁷.

время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П.П. Ляпунова. Сборник трудов Всероссийской научной конференции. Рязань, 11—12 апреля 2011 г. Рязань, 2011. С. 60—73). Однако на местах ещё довольно долго продолжали отделять поместья по грамотам, составленным в земской рати кн. Пожарского. Последний известный мне случай, когда поместье в Кинешемском уезде отделили по распоряжению «Великие Росийские державы Московского государства бояр и воевод, и столника, и воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского с товарищи», имел место 14 января 1613 г. (АСЗ. Т. III. № 433. С. 354).

⁸² Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Т. II. СПб., 1838. № 219(II). С. 236; АЮБДР. Т. I. № 21. Стб. 54; Т. II. № 232. Стб. 719; Акты Юшкова. № 304. С. 325; АПА. № 309, 316. С. 410, 417; АСЗ. Т. II. № 3, 26, 102, 116, 120, 135, 173, 186, 188, 199, 200, 240, 241, 250, 260, 265, 278, 351, 352, 361, 369, 407, 416, 418, 420, 433, 482, 485. С. 24, 64, 109, 119, 120, 122, 133, 166, 175, 178, 186, 187, 219, 220, 226, 234, 238, 248, 306, 307, 312, 318, 349, 356—358, 369, 415, 417; Т. III. № 36, 73, 127, 138, 139, 161, 213, 214, 338, 353, 354, 433. С. 30, 57, 108, 117, 118, 138, 175, 176, 278, 289, 290, 354; Т. IV. № 434. С. 323; АПСМ. № 413, 420. С. 384, 393; *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 239.

⁸³ АСЗ. Т. III. № 213, 214. С. 175—176.

⁸⁴ Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984. С. 6.

⁸⁵ *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения... С. 239.

⁸⁶ Акты времени междуцарствия... С. 51.

⁸⁷ Акты XVI—XVIII вв., извлечённые А.Н. Зерцаловым. М., 1897. № 15. С. 89—90.

Наконец, три грамоты от 19 мая 1612 г., присланные к руководству Второго ополчения из неподконтрольного ему Великого Новгорода (от митрополита Исидора, боярина Ивана Одоевского и генерала Якова Делагарди), адресованы «Великия Росии державы Московского государства бояром и воеводам, и по избранию всех чинов людей Росийского государства многочисленного войска у ратных и у земских дел столнику и воеводе князю Дмитрею Михайловичю с товарищи, и чашником, и столником, и дворяном болшим, и стряпчим, и приказным людем, и жилцом, и дворяном из городов, и детем боярским, и головам стрелецким и казачьим, и сотником, и гостем, и торговым людем, и стрельцом, и казаком, и Понизовых городов царства Казанского, и иных всех городов князем, и мурзом, и татаром, и литве и немцом, которые служат в Московском государстве, и всех чинов всяким людем всех городов Московского и Казанского государства»⁸⁸. Перед нами стандартный для деловой переписки тех лет предельно широкий перечень представителей «всех чинов» (за одним важным изъятием — в нём отсутствуют упоминания о духовенстве), но ни «совета», ни «всей земли» новгородцы не упомянули. Между тем их грамоты были ответом на апрельское посольство из Ярославля. Если предположить, что последнее действовало от имени «совета всей земли», игнорирование в ответных посланиях этого правительства выглядит странно. И это не единственная странность. Исходя из тезиса, что в ярославском лагере, а затем и под Москвой действовало правительство, именовавшееся «советом всей земли», трудно объяснить, почему об этом правительстве так часто забывают в самом Ополчении и почти не вспоминают в городах и уездах, ему подконтрольных. Наконец, обращает на себя внимание то, что челобитные руководству земской рати всегда подавали на имя «бояр и воевод», иногда — «боярам и воеводам, и всей земле», но никогда — «боярам и воеводам, и совету всей земли». Напрашивается вывод: правительство, функционировавшее при Втором ополчении, никогда не называлось «Советом всей земли». Ни в одном известном случае употребления этой формулировки мы не имеем оснований видеть в ней обозначение какого-либо действующего органа власти (временного правительства или Земского собора). В материалах переписки канцелярии земской рати с администрацией городов и уездов оборот «по совету всея земли» синонимичен выражению «по всеобщему согласию».

Впрочем, можно предположить, что при руководстве Второго ополчения действовал некий консультативный орган власти, звавшийся не «советом», а просто «всей землёй». Встречающиеся в грамотах Ополчения формулировки («и мы по совету всей земли велели», «по приговору бояр и воевод и всей земли послали», «бил челом бояром и воеводам и всей земле», «и по приговору всее земли», «и ныне по указу всей земли») как будто допускают возможность такого толкования документов. Нельзя ли в таком случае предположить, что в Ярославле и под Москвой Земский собор действовал под именем «всей земли»? Однако и от этой версии приходится отказаться. Документы, оформленные в канцелярии Второго ополчения в связи с переговорами о приёме иностранных наёмников на российскую службу, указывают на тот смысл, который вкладывался в Ярославле и под Москвой в понятие «вся земля». 10 августа 1612 г. «бояре и воеводы и столник и воевода князь Дмитрей Михайлович Пожарской с товарищи, выслушав переводу с немецкие грамоты... велели тот перевод чести чашником и столником, и дворяном болшим, и дворяном из городов,

⁸⁸ СГГид. Ч. II. № 278—280. С. 588—591.

и всяких чинов людем, *которые в то время были в полках*, и советовали о том всяких чинов с людми». Вслед за тем немца отпустили ни с чем «по приговору бояр и воевод и столника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского с товарищи и *по совету всяких чинов людей*»⁸⁹. Очевидно, что князь Пожарский спросил совета у ратных людей, «которые в то время были в полках», и именно их мнение было представлено в итоге как «совет всяких чинов людей» или «всей земли». Под «всей землёй», таким образом, понималось войсковое собрание (чем и объясняется отсутствие в перечне «чинов» представителей духовенства, которые, безусловно, находились при войске, но в его состав в силу духовного сана не входили).

В этом войсковом собрании не следует видеть аналогий институтам «военной демократии»: решения руководства далеко не обязательно принимались «с совета всей земли», даже если это утверждалось в официальных документах. Приведу несколько примеров. В июне 1612 г. сёстры суздальского Покровского монастыря обратились с челобитной к «Великие Росейские державы Московскаго государства бояром и воеводам»; обращения «ко всей земле» в челобитной не было. Тем не менее, составляя 24 июня указную грамоту по этой челобитной, дьяк Михаил Данилов посчитал нужным приписать над строкой к словам «Била, господа, нам [челом]» оборот «и всей земле»; далее в тексте указной грамоты появились и слова «по совету всеи земли». Более того, есть основания полагать, что некоторые вопросы решались не только без участия «всей земли», но даже и без «бояр» — единолично князем Пожарским. Другая челобитная игуменьи той же обители была адресована «Великия Росейския державы Московскаго государства бояром и воеводам», но положительное решение по ней, судя по помете на челобитной, 2 августа принял главный воевода Ополчения: «по приказу столника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского по сей челобитной даточных людей и кормов никаких с их вотчины не имать»⁹⁰. Ведя 10 августа предварительные переговоры с представителем наёмников, посольский дьяк Савва Романчуков заявил, что говорить с ним его уполномочили «бояре и воеводы и по избранью всех чинов людей Росийского государства столник и воевода князь Дмитрий Михайлович с товарищи». Между тем на самом деле дьяк говорил с немцем только «по приказу столника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского»⁹¹. И, судя по всему, подобная практика была широко распространена. Например, реальный образ ведения дел при Первом ополчении в начальный момент его формирования отлично иллюстрируется порядком принятия решения по челобитной Андрея Микулина 9 марта 1611 г., когда земские отряды ещё не успели подступить к Москве и даже не объединились для совместной борьбы за освобождение столицы. Между тем в грамоте по челобитной Микулина о выделении ему поместья уже фигурирует знакомая нам формулировка: он бил челом «бояром и всей земле», результатом чего стало решение — «бояря ему велели дать... поместье». Возможно было бы спорить относительно круга этих «бояр» и статуса «всей земли», если бы не пометы на документе: «А на челобитной его помета думного дворянина Прокофья Ляпунова: то поместье Ондрею дать в егоклад до московского строенья. А под челобитною в грамоте написано: Великие Росийские державы Московскаго государства бояре и воеводы и думной дворянин по совету

⁸⁹ Акты времени междуцарствия... С. 55—56.

⁹⁰ АПСМ. № 412, 417, 420. С. 383—384, 388, 393.

⁹¹ Акты времени междуцарствия... С. 52.

всей земли дали в поместье». Прикрывая свои действия авторитетом «бояр», с которыми его рать ещё даже не успела сойтись в одном месте, а также апеллируя к «совету всей земли», Прокофий Ляпунов фактически принимал решения единолично (характерно, что и печать к грамотам, выдававшимся от имени Первого ополчения, Ляпунов прикладывал свою личную). Такая практика кулуарного принятия решений сохранилась и в Объединённом ополчении Трубецкого—Пожарского в освобождённой Москве. 19 ноября 1612 г. по челобитной всё того же Микулина дьяки Поместного приказа «докладывали боярина князя Дмитрея Тимофеевича Трубетцкого да столника князя Дмитрея Михайловича Пожарского. И боярин и столник приговорили»⁹². Впрочем, случалось кн. Пожарскому отдавать распоряжения единолично — даже без «товарища» по «дуумвирату» — кн. Трубецкого. В конце 1612 г. посадские люди Шуи подали в Москве челобитную «Великие Росиские державы Московского государства бояром и воеводам» (интересно, что челобитчики в тексте своего прошения то и дело сбивались на традиционное обращение «государь»). Решение по челобитной шуян последовало 2 декабря и было сформулировано как распоряжение обоих князей-дуумвиров: «Боярин и воевода князь Дмитрей Тимофеевич Трубетцкой да стольник и воевода князь Дмитрей Михайлович Пожарской велели дать грамоту в Шую к приказному человеку». Между тем документ имеет ещё одну крайне интересную помету: «121-го декабря в 2 день дать грамота. Приходил от стольника и воеводы от князя Дмитрея Михайловича Пожарского Василий Костентинов сын Ртищев, а сказал: велел де князь Дмитрей Михайлович дати грамоту против сей челобитной»⁹³.

Подводя итог, вынужден констатировать, что поиски «Совета всея земли» в лагере Второго ополчения не дали положительного результата. Фактов, свидетельствующих о том, что в 1612 г. в Ярославле и под Москвой под таким названием действовало «временное правительство» или Земский собор, выявить не удалось. Второе ополчение оставило после себя около 120 сохранившихся и известных специалистам грамот, и выражение «совет всея земли» встречается лишь в 25 из них. Это само по себе наводит на раздумья — если этот «совет» действительно был «временным правительством», почему он так часто игнорируется в официальных документах, в том числе исходящих от этого самого правительства (при том, что «бояре и воеводы» и лично князь Пожарский упоминаются в этих грамотах вполне исправно)? Это, однако, не главное. Даже одного-единственного упоминания «совета всея земли» как органа власти, некоего политического института, было бы достаточно для того, чтобы согласиться с мнением исследователей, видевших в нём Земский собор или временное правительство. Однако ни одного такого случая в известных мне документах не обнаруживается: везде употребление этого выражения совершенно очевидно обозначает собой не институт, а процедуру совещания или своеобразную формулу легитимизации решений руководства Ополчения «единодушным одобрением».

Разумеется, мои наблюдения вряд ли убедят сторонников традиционной схемы развития органов сословно-представительной власти, согласно которой Земский собор в Ярославле не только функционировал, но и стал качественно новым этапом в эволюции этого политического института. Известный логический парадокс гласит, что существование дьявола проще доказать, нежели

⁹² АСЗ. Т. IV. № 518. С. 417—418, 421.

⁹³ АПО. № 84. С. 101—103.

опровергнуть: в первом случае его всего лишь требуется предъявить; неудача же в поисках не доказывает отсутствия, ведь дьявол бесконечно хитёр и потому изощрённо прячется. Но одно можно констатировать с уверенностью: доказательствами присутствия Земского собора рядом с руководителями Второго ополчения под Ярославлем и позднее под Москвой мы не располагаем. Превращением догадки, гипотезы о «Совете всея земли» как о правившем страной органе сословно-представительной власти в утвердившийся в историографии и не вызывающий сомнений факт мы обязаны именно тем учёным, которые внесли самый весомый и неоспоримый вклад в изучение истории Земских соборов. Опираясь на документально зафиксированный призыв вождей Ополчения присылать в Ярославль представителей городов и уездов, исследователи предположили (а затем и убедили себя), что эти представители действительно приехали в лагерь земской рати и составили Земский собор «обычной московской конструкции». А поскольку подтверждений массового отклика на этот призыв обнаружить не удалось, а для собора «обычной московской конструкции» явно не хватало по меньшей мере представителей духовенства, пришлось несколько скорректировать тезис, предположив, что собравшиеся в Ярославле ратные люди могли «считать себя Земским собором», имея на то больше оснований, чем прочие собрания эпохи Смуты. В таком случае возникает вопрос о том, зачем было нужно людям, убеждённым в том, что они коллективно представляют собой полномочный Земский собор (напомню, что князь Пожарский приглашал их в Ярославль прежде всего для избрания царя), сразу по освобождении столицы инициировать созыв нового Собора для той же цели?

Означает ли отсутствие при лагере Второго ополчения Земского собора, что руководители земской рати игнорировали мнение «всея земли» и принимали все решения в узком кругу? Очевидно, нет — факты обсуждения князем Пожарским важных вопросов с войском и населением Ярославля документально подтверждены (как, впрочем, подтверждены и случаи принятия вождем Ополчения единоличных решений). Можно ли считать такие совещания Дмитрия Пожарского с войском заседаниями Земского собора? Думается, не в большей степени, чем собранный М.И. Кутузовым военный совет в Филях в 1812 г. мог считаться заседанием Государственной думы из проектов М.М. Сперанского. Это были войсковые собрания, и встречающиеся время от времени в документах Ополчения упоминания «всея земли» не должны вводить исследователя в заблуждение. Иначе, вольно трактуя встречающиеся в источниках формулировки, можно до бесконечности «множить сущности». Примером такого подхода является сделанное недавно «открытие»: «Организацией и созывом Земского избирательного собора ведал, как сейчас точно установлено, особый “Общий великий соборный совет”, определивший в ходе своих заседаний порядок выборов представителей-участников собора, число выборных лиц, круг их полномочий»⁹⁴. Источником этих «точно установленных» сведений, как выясняется, стала одна-единственная формулировка из грамоты, отправленной в конце 1612 г. из Москвы на Двину: «И мы ныне общим великим советом приговорили для великого земсково совету и государьсково обиранья ехать к нам, к Москве... чтобы вы для великово земсково общеву совету и для

⁹⁴ Волков В.А. Организация государственной власти... С. 12; Волков В.А. Освобождение Москвы от поляков и Земский собор 1613 года // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 1(8). С. 31; Волков В.А. Собор национальной демократии // Вопросы национализма. 2013. № 1. С. 196.

государьсково обиранья, выбрав из духовново и изо всяких чинов лутчих и разумных, крепких и постоятельных людей десяти человек, прислали к нам, к Москве»⁹⁵. Остаётся загадкой, почему автор «доказательства» счёл возможным утверждать, что слово «совет» здесь употреблено именно в значении учреждения, а не процедуры обмена мнениями; из чего следует, что «Общий великий соборный совет» действительно заседал и определял порядок выборов, число выборных лиц и круг их полномочий? Откуда в названии воображаемого учреждения появилось прилагательное «соборный», также остаётся лишь гадать. Другие источники «точно установленной» информации, указанные автором, формулировок, похожих на «Общий великий соборный совет», не содержат. Зато там встречаются выражения: «И из городов взять к доброму совету ко обиранию с посаду и с уезду... десяти человек добрых» или «для того доброго совету ехать к бояром к Москве»⁹⁶. Отчего бы, в таком случае, не предположить, что в Москве в конце 1612 г. заседал, например, специально созданный для выбора царя «Добрый совет»? Думается, однако, что при реконструкции исторического прошлого нужно опираться на исторический источник, не пытаясь извлечь из него доказательств существования того, чего источник не подразумевает.

---

⁹⁵ *Зимин А.А.* Акты земского собора 1612—1613 гг. // Записки отдела рукописей. Вып. 19. М., 1957. С. 187.

⁹⁶ АПО. № 82, 89. С. 99, 107.

«Русская благодарность»? Русско-пруссские отношения 1863—1864 гг. и их оценка в историографии

Александр Медяков

«Russian gratitude»? Russian-Prussian relations in 1863—1864 and their assessment in historiography

Alexander Medyakov
(*Lomonosov Moscow State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S086956870017312-4

На протяжении многих десятков лет позиция России по отношению к объединению Германии описывалась как «благожелательный нейтралитет». Упрощая, можно сказать, что русско-пруссские связи 1860-х гг. сводились к истории двух «делок» — конвенции Альвенслебена 1863 г. и соглашения 1868 г., в результате которых Петербург обеспечил тыл политике О. фон Бисмарка в обмен на поддержку, соответственно, в польском и восточном вопросах¹. Основы подобной трактовки заложили сам Бисмарк и современные ему историки-малогерманцы, особенно Г. Зибель², и она надолго превратилась в устойчивый историографический канон как в отечественной³, так и в мировой историографии, включая немецкую⁴. Так, А. Хилльгрубер считал, что конвенция Альвенслебена «создавала солидную исходную базу для новой пробы сил с Австрией»⁵.

В последнее десятилетие французская исследовательница С. Бюрго выпустила серию работ, посвящённых развенчанию этого «мифа» и обоснованию «нового взгляда», согласно которому в действительности Россия скорее сопротивлялась, нежели способствовала германскому объединению⁶. Вместе с тем

© 2021 г. А.С. Медяков

¹ Изображение русско-пруссских контактов как «делок» было особенно характерно для стилистики советской литературы 1930—1950-х гг. Так, оценивая значение конвенции Альвенслебена, А.С. Ерусалимский писал, что в обмен на эту услугу Бисмарк потребовал от России «уплаты» во время войны с Данией (*Ерусалимский А.С.* Бисмарк как дипломат // *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 1. М., 1940. С. XXIII). А Ф.А. Ротштейн утверждал, будто «отныне у Бисмарка открылся у царя политический текущий счёт для производства нужных ему операций» (*Potumteйн Ф.А.* Из истории прусско-германской империи. М.; Л., 1948. С. 66).

² *Lord R.H.* Bismarck and Russia in 1863 // *The American Historical Review.* Vol. 29. № 1 (Oct. 1923), P. 24.

³ См., в частности: *Нольде Б.Э.* Россия, Пруссия и Польша (1861—1863) // *Вопросы мировой войны.* Пг., 1915. С. 104.

⁴ *Zechlin E.* Bismarck und die Grundlegung der deutschen Grossmacht. Stuttgart, 1960; *Jelavich B.* Rußland und die Einigung Deutschlands unter preußischer Führung // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht.* 1968. Bd. 19.

⁵ *Hillgruber A.* Bismarcks Außenpolitik. Freiburg, 1972. S. 46.

⁶ *Burgaud S.* Déconstruire le mythe fondateur: la politique russe de Bismarck dans la voie prussienne vers l'unité allemande (1863—1871) // *Histoire, économie et société.* 2008. № 3; *Burgaud S.* Plädoyer für eine Reise nach Moskau. Eine neue Deutung der Bismarckschen Russlandpolitik (1863—1871) //

Э. Кольб справедливо назвал подход Бюрго «верным, но не новым», и указал, что она сознательно маргинализировала известные ей чужие исследования, дабы сильнее подчеркнуть оригинальность собственных выводов⁷. Больше всего от подобной практики пострадали работы советских историков, значение которых Бюрго фактически низводит до уровня путеводителя по архивам. По её словам, «их противоречивый и поверхностный анализ в конце концов сжимает их помощь до шагреновой кожи: упоминания некоторых первоисточников»⁸. Между тем ещё Л.И. Нарочницкая впервые показала, что Россия не только не оказывала Пруссии поддержку при развязывании «объединительных войн», но, напротив, стремилась не допустить их, а затем пыталась сдержать Пруссию, выступая за интернационализацию этих конфликтов⁹. Л.М. Шнеерсон утверждал, что сближение с Пруссией даже после польского восстания и конвенции Альвенслебена «не было программной линией русской политики», а в преддверии австро-прусской войны Россия оказывала дипломатическое противодействие шагам Бисмарка¹⁰. Л.К. Роотс показала, что и в шлезвиг-гольштинском конфликте Россия была далека от безоговорочной поддержки Пруссии¹¹.

Важно отметить, что наблюдения советских историков довольно быстро получили международное признание, причём не только в Германии¹². Конечно, их труды упоминались лишь немногими зарубежными учёными¹³, однако те, в свою очередь, способствовали более широкому распространению новых оценок¹⁴. И уже в 1970-х гг. в немецкой историографии прежние представления о поддержке Россией германского объединения уступили место более дифференцированным суждениям, затем получившим развитие¹⁵. Так, в 1990-е гг. авторы

Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. N.F. Bd. 18. Berlin, 2008. H. 1; *Burgaud S.* La politique russe de Bismarck et l'unification allemande. Mythe fondateur et réalités politiques. Strasbourg, 2010.

⁷ *Kolb E.* Rezension zu Burgaud's «La politique russe de Bismarck et l'unification allemande. Mythe fondateur et réalités politiques» // *Historische Zeitschrift*. 2011. Bd. 293. S. 233.

⁸ *Burgaud S.* La politique russe... P. 101.

⁹ *Нарочницкая Л.И.* Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX века за объединение Германии сверху. М., 1960.

¹⁰ *Шнеерсон Л.М.* Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав: из истории «германского вопроса». Минск, 1962. С. 52, 202.

¹¹ *Роотс Л.К.* Шлезвиг-Гольштинский вопрос и политика европейских держав в 1863—1864 гг. Таллин, 1957.

¹² См., например: *Stellner F.* Ursachen der russischen Neutralität im preußisch-österreichischen Krieg 1866 // *Prague Papers on History of International Relations*. 2007. № 10. P. 132—134.

¹³ *Kolb E.* Rußland und die Gründung des Norddeutschen Bundes // *Europa und der Norddeutsche Bund* / Hg. R. Dietrich. Berlin, 1968; *Beyrau D.* Russische Orientpolitik und die Entstehung des Deutschen Kaiserreiches 1866—1870/1871. München, 1974. Именно анализ советской историографии позволил Э. Фляйшхауэру ещё в 1976 г. сделать вывод о том, что, вопреки традиционному взгляду, на месяцы, непосредственно предшествовавшие войне 1866 г., пришлась «высшая точка русско-прусского отчуждения» (*Fleischhauer E.* Bismarcks Rußlandpolitik im Jahrzehnt vor der Reichsgründung und ihre Darstellung in der sowjetischen Historiographie. Köln, 1976. S. 105, 122).

¹⁴ *Rautenberg H.-W.* Der polnische Aufstand von 1863 und die europäische Politik. Stuttgart, 1979. S. 323.

¹⁵ *Liszkowski U.* Die russische Deutschlandpolitik nach dem Krimkrieg bis zum Abschluß des Zweibundes mit Frankreich im Spannungsfeld von innenpolitischer Modernisierung und imperialen Machtanspruch // *Preußen-Deutschland und Rußland vom 18. bis zum 20. Jahrhundert* / Hg. W. Baumgart. Berlin, 1991. S. 60—62; *Metzler G.* Großbritannien — Weltmacht in Europa: Handelspolitik im Wandel des europäischen Staatensystems 1856 bis 1871. Berlin, 1997. S. 209; *Schulze Wessel M.* Die Epochen der russisch-preußischen Beziehungen // *Handbuch der preussischen Geschichte* / Hg. W. Neugebauer. Bd. 3. Berlin, 2000. S. 775—

исследования о конвенции Альвенслебена писали о том, что «русская политика в отношении к Пруссии и прусским амбициям и в последующее время была в гораздо большей степени отмечена сдержанностью и недоверием, чем признательностью и идеей далеко идущей солидарности»¹⁶. Критике подвергалась и сама «малогерманско-бисмарковская легенда» о миссии Альвенслебена как части долгосрочной подготовки войны с Австрией¹⁷. Тем удивительнее выглядят рецензии, приветствующие новизну книги Бюрго¹⁸.

Впрочем, в некоторых публикациях значение конвенции Альвенслебена по-прежнему преувеличивается¹⁹, а в одном из справочников даже категорически заявляется, что она «обеспечила Пруссии доброжелательный нейтралитет России во время прусских объединительных войн»²⁰. Схожие мнения звучат и в отечественной историографии²¹, хотя в «Истории внешней политики России» последовательно проводится верная мысль о том, что в Петербурге опасались усиления Пруссии и стремились сохранить *status quo* в Германии²². Эти разногласия отражаются и на характеристике действий в середине 1860-х гг. возглавлявшего МИД вице-канцлера кн. А.М. Горчакова. Как правило, современные отзывы о нём «носят исключительно комплиментарный характер»²³. Но ещё П.А. Зайончковский отмечал, что роль князя «в исторической литературе... часто переоценивается», тогда как он «в ряде случаев проводил германофильскую

777; *Doering-Manteuffel A.* Die deutsche Frage und das europäische Staatensystem 1815—1871. München, 2001. S. 105.

¹⁶ *Jeismann K.-E., Trzeciakowski L.* Polen im europäischen Mächtesystem des 19. Jahrhunderts: die «Konvention Alvensleben». Frankfurt a/M, 1994. S. 93.

¹⁷ *Hayes B.B.* Bismarck and Mitteleuropa. L., 1994. P. 93.

¹⁸ *Bendick R.* Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2011. № 4 (URL: https://www.dokumente.iog-regensburg.de/JGO/erev/Bendick_Burgaud_La_politique_russe_de_Bismarck.html); *Becker J.* Francia Recensio. 2012. № 4 (URL: https://perspectivia.net/publikationen/francia/francia-recensio/2012-4/zg/burgaud_becker). Особняком стоят лишь отзывы Кольба и У. Лаппенкюпера: *Kolb E.* Rezension zu Burgaud's...; *Lappenküper U.* Francia Recensio. 2011. № 2 (URL: https://perspectivia.net/receive/ploneimport2_mods_00006277).

¹⁹ *Nipperdey Th.* Deutsche Geschichte 1800—1866. Bürgerwelt und starker Staat. München, 1994; *Engelberg E.* Bismarck: Sturm über Europa. München, 2014; *Rose A.* Deutsche Außenpolitik in der Ära Bismarck (1862—1890). Darmstadt, 2013.

²⁰ *Lukaschewski M.* Persönlichkeiten, Ereignisse, Zusammenhänge der Geschichte. Berlin, 2013. S. 33.

²¹ *Чубинский В.В.* Бисмарк. Политическая биография. М., 1988. С. 128, 190; *Ахтамзян А.А.* А.М. Горчаков и О. Бисмарк — школа европейской дипломатии XIX века // Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998. С. 136; *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи: 1801—1914. М., 2006. С. 254; *Азаров В.Н.* Объединение Германии и внешнеполитическая позиция России (1862—1871) // Научный диалог. 2016. № 12(60). С. 230. По мнению В.Н. Виноградова, объединение Германии прошло без помех с русской стороны из-за чувства благодарности Александра II за конвенцию Альвенслебена (*Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005. С. 109).

²² История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1999. С. 71—72. От характеристики нейтралитета России как «благожелательного» для Пруссии отказались также Н.С. Киняпина и Н.И. Хитрова (*Киняпина Н.С.* А.М. Горчаков: личность и политика // Канцлер А.М. Горчаков... С. 66; *Хитрова Н.И.* А.М. Горчаков и отмена нейтрализации Чёрного моря. 1856—1871 годы // Канцлер А.М. Горчаков... С. 131).

²³ *Жидкова О.В., Шаповская М.А.* Оценка деятельности канцлера А.М. Горчакова в отечественной историографии (к 220-летию со дня рождения А.М. Горчакова) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2018. № 4. С. 65. См. также: Канцлер А.М. Горчаков...

политику, противоречащую интересам России»²⁴. А.В. Игнатъев обращал внимание на то, что в 1860-е гг. кн. Горчаков колебался и то исключал «возможность тесного сближения» с Берлином, то признавал, что «тесное согласие с Пруссией есть наилучшая комбинация, если не единственная»²⁵. В.Н. Виноградов задавался вопросом, не являлось ли согласие Петербурга на превращение Германии в мощное военное государство «чрезмерной платой за осуществлённое одновременно избавление России от тяготивших её условий 1856 г.? Или надлежит расценивать случившееся как крупный промах её дипломатии?»²⁶. Всё это побуждает еще раз проанализировать отношение Петербурга к свершившейся в 1860-е гг. коренной перекройке карты Центральной Европы.

Х.Л. фон Швайниц, проведший долгие годы в Санкт-Петербурге на разных дипломатических постах, писал, оглядываясь на события австро-прусской войны 1866 г.: «Как объяснить, что Бисмарк с такой уверенностью рассчитывал на доброжелательный нейтралитет России? Ведь в тот момент он не мог ей ничего предложить или даже обещать»²⁷. Разумеется, в действительности активность России сдерживали в первую очередь не чьи-либо обещания, а собственные внутренние обстоятельства. Как отмечал 25 мая 1864 г. в политическом обозрении, составленном для наследника престола вел. кн. Николая Александровича, старший советник МИД и один из ближайших сотрудников кн. Горчакова барон А.Г. Жомини: «Первый и основной интерес России — *это покой* (выделено в документе. — А.М.). Опыт показал, как мало мы выигрываем и как много теряем, вмешиваясь в дела Европы. Мы должны жить нашей собственной жизнью, развивать наши институты, наши ресурсы и наши силы»²⁸. Опыт внешнеполитической изоляции в период Крымской войны и вызванное ею экономическое истощение, проходившие в стране преобразования подталкивали к проведению «политики успокоения» (*politique d'apaisement*), первым серьёзным вызовом для которой стало польское восстание 1863 г.

Как утверждал в докладе императору в сентябре 1865 г. кн. Горчаков, «наши современные взаимоотношения с иностранными державами определились во время польского кризиса»²⁹. Действительно, он существенно повлиял на внешнюю политику Петербурга, в том числе и в германском вопросе. Российские дипломаты осознавали, что империя не готова к возможным международным осложнениям³⁰, однако надеялись, что с польскими беспорядками, первоначально носившими небольшие размеры, удастся быстро справиться собственными силами. Поэтому миссия генерала Альвенслебена («прусского офицера в

²⁴ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 191.

²⁵ Игнатъев А.В. А.М. Горчаков — министр иностранных дел (1856—1882 гг.) // Отечественная история. 2000. № 2. С. 3.

²⁶ Виноградов В.Н. Балканская эпопея... С. 174.

²⁷ Schweinitz H.L., v. Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz. Bd. 1. Berlin, 1927. S. 210.

²⁸ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1360, л. 2.

²⁹ Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе / Публ. С. Лесника и Е. Моравской // Красный архив. 1939. № 2(93). С. 107.

³⁰ Так, посол в Лондоне барон Ф.И. Бруннов писал 25 января (6 февраля) 1863 г. кн. Горчакову: «Причины, которые парализовали наши усилия в 1854 г. — разве они устранены? Разве построены железные дороги, которые должны соединить север с югом? Наши арсеналы, наши финансы, одним словом, наши средства действовать готовы ли выдержать испытание долгой и дорогой войной?» (ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 337, л. 79).

старом смысле слова», как его рекомендовал в феврале 1863 г. давний знакомый кн. Горчакова генерал Э. Мантойфель³¹) стала для Александра II и его окружения большой неожиданностью³². Между тем изначальное желание прусских военных получить больше информации о происходившем в русской части Польши Бисмарк трансформировал в политическую акцию: Альвенслебен прибыл в Петербург 5 февраля, и уже через три дня была подписана конвенция, предусматривавшая сотрудничество русских и прусских военных в борьбе с восставшими вплоть до возможности преследовать их отряды на территории соседнего государства; дополнительная секретная статья обязывала стороны сообщать друг другу об опасностях, возникающих в их польских владениях³³.

Мотивы, которыми руководствовался Бисмарк, организуя эту миссию, в историографии трактуются по-разному. Скорее всего, прусский министр-президент не столько преследовал такие далеко идущие цели, как сознательное создание международного кризиса, который позволил бы ему выступить в роли друга России³⁴, или «введение Пруссии в европейскую игру»³⁵, сколько решал вполне конкретные и насущные задачи. Непосредственная цель миссии соответствовала официально заявленной, а именно установлению взаимодействия России и Пруссии на приграничных территориях³⁶. Судя по записям, сделанным 29 и 31 января в дневнике наместника в Царстве Польском вел. кн. Константина Николаевича, в Варшаве генерал достиг на сей счёт чётких договорённостей³⁷. Бисмарк тем самым хотел предупредить возможное распространение восстания на Познань и нанести серьёзный удар польскому национальному движению, которое он, как известно, считал смертельным врагом Пруссии³⁸.

Сам Бисмарк позднее признавал и своё желание укрепить позиции сторонников жёсткой позиции в Польше в русских правительственных кругах, одновременно расстроив наметившееся во второй половине 1850-х гг. русско-французское сближение. Несмотря на скептическое отношение некоторых историков к подобному объяснению³⁹, оно кажется вполне убедительным.

Конечно, Бисмарк был склонен преувеличивать влияние сторонников предоставления Царству Польскому частичной автономии во главе с вел. кн. Константином и кн. Горчаковым, будто бы даже готовых признать независимость

---

³¹ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 552, л. 4.

³² Вопреки устоявшемуся в историографии мнению, В.С. Дударев считает, что миссия Альвенслебена состоялась скорее по инициативе России: *Дударев В.С.* Бисмарк и Россия. 1851—1871. СПб., 2021. С. 175.

³³ Текст конвенции см.: *Нольде Б.Э.* Указ. соч. С. 110—111.

³⁴ *Zechlin E.* Reichsgründung. Frankfurt a/M, 1967. S. 99—100. О мнимом русофильстве Бисмарка см.: *Медяков А.С.* «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии // *Российская история.* 2015. № 6.

³⁵ Так, в частности, утверждает Бюрго (*Burgaut S.* La politique russe... P. 64), ссылаясь на слова Бисмарка времён Крымской войны о благотворном воздействии на судьбу Пруссии больших европейских кризисов. Однако из желания пользоваться ими (к тому же в совершенно ином политическом контексте) никак не следует стремление подобную ситуацию *создать*.

³⁶ Сам Альвенслебен понимал конвенцию как «объявление войны между поляками, с одной стороны, и Россией и нами — с другой» (*Verdy du Vernois J.* Im Hauptquartier der Russischen Armee in Polen 1863—1865. Berlin, 1905. S. 36).

³⁷ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1157, л. 10.

³⁸ *Pflanze O.* Bismarck and the Development of Germany: The Period of Unification 1815—1871. Princeton, 1971. P. 186—187.

³⁹ *Baumgart W.* Europäisches Konzert und nationale Bewegung. Internationale Beziehungen 1830—1878. Paderborn, 1999. S. 365.

поляков⁴⁰. Однако эти опасения, возникшие во время пребывания на посту посланника в Петербурге (1859—1862), он неоднократно высказывал и в донесениях, и в разговорах с самыми разными собеседниками, вплоть до своего учителя русского языка⁴¹. Некоторое смягчение политики в Польше в марте 1861 г. крайне обеспокоило Бисмарка, попытавшегося предостеречь русское правительство от «крайне опасных либеральных уступок»⁴². Согласно существовавшей тогда дипломатической практике, он передал кн. Горчакову выдержку из частного письма главы прусского внешнеполитического ведомства А. Шлейнича с аргументами против подобных мер. Любопытно, однако, что в оригинальном тексте⁴³, несмотря на очевидное сходство, отсутствовали отдельные пассажи, появившиеся в переданном документе и, вероятно, выражавшие собственные взгляды Бисмарка. Так, указывалось, что любое проявление слабости окрылит надеждой «всё польское мошенничество» (*den ganzen Polenschwindel*) и произведёт нежелательное воздействие «на наших познанцев»⁴⁴. В то же время Бисмарк сообщал в Берлин о том, что он не исключает связи между изменением отношения к полякам и возможными соглашениями России и Франции⁴⁵.

Иными словами, направляя в 1863 г. миссию Альвенслебена, Бисмарк, по сути, добивался того же, что и в 1861 г., а именно ужесточения действий русского правительства против восставших и ограничения воздействия на императора франкофильски настроенных «людей прогресса» (*«Fortschrittmänner»*). Вместе с тем в том же 1861 г. он констатировал, что, хотя известная признательность за позицию Берлина в Крымской войне ещё ощущалась, «Пруссию в Санкт-Петербурге всё больше забывают»⁴⁶. Протянутая в трудную минуту рука помощи должна была, по его мысли, исправить эту ситуацию.

Прусскую помощь в Петербурге и Варшаве встретили со смешанными чувствами. В окружении наместника преобладало недовольство, управляющий его дипломатической канцелярии Ю.Л. Тенгоборский писал посланнику в Берлине П.П. Убри, что Россия совершенно не нуждается в этой помощи и не видит особой угрозы⁴⁷. Александр II, напротив, был очень благодарен прусскому королю «за это новое доказательство нашей дружбы, основанной, кроме наших семейных связей, на нашем общем интересе»⁴⁸.

Князь Горчаков ни в коем случае не был противником сближения с Пруссией в польских делах, его сомнения касались лишь масштаба и характера со-

---

⁴⁰ Подробнее см.: Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957. С. 78—79, 87.

⁴¹ Dalwigk R. Die Tagebücher aus den Jahren 1860—71. Stuttgart, 1920, S. 42; Алексеев В. Воспоминания бывшего учителя русского языка князя Бисмарка // Исторический вестник. 1894. Т. LVIII. С. 454.

⁴² Нольде Б.Э. Указ. соч. С. 109.

⁴³ Bismarcks Briefwechsel mit dem Minister Freiherrn von Schleinitz, 1858—1861. Stuttgart; Berlin, 1905. S. 145.

⁴⁴ Нольде Б.Э. Указ. соч. С. 110.

⁴⁵ Bismarcks Briefwechsel... S. 156.

⁴⁶ Bismarck O. Die gesammelten Werke. Bd. 3. Berlin, 1925. S. 299.

⁴⁷ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 479.

⁴⁸ Его письмо Вильгельму I см.: Die auswärtige Politik Preußens 1858—1871 (далее — АРР). Bd. III. Oldenburg, 1932. S. 234. Брату о конвенции Александр II сообщил 27 января (8 февраля), причём это письмо должен был вручить наместнику на обратном пути сам Альвенслебен: Korespondencja namestników Królestwa Polskiego. Styczeń—sierpień 1863 г. Переписка наместников Королевства Польского. Январь—август 1863 г. Wrocław; М., 1974. С. 45—46.

трудничества. Так, консультации Альвенслебена в Варшаве он назвал в письме к Убри 20 января (1 февраля) «хорошей и плодотворной идеей»⁴⁹, но не приветствовал ни формальное дозволение перехода границы, ни даже само появление прусского генерала в Петербурге⁵⁰. Тем не менее в день подписания конвенции он в целом оценивал её вполне положительно⁵¹.

Едва ли можно принять категоричное утверждение, будто кн. Горчаков, подписав конвенцию против своей воли, не собирался её выполнять⁵². Вице-канцлера прежде всего тревожила возможная интернационализация конфликта, и потому ему хотелось всячески приглушить политическое звучание подписанного документа вопреки настояниям «нашего друга Бисмарка». Князь видел практический смысл конвенции в дополнительной защите российских застав и таможен, признавал её «моральное значение» для русско-прусских отношений, «но ничего более этого»⁵³. В этих границах он и действовал, заботясь, в частности, о реализации секретной статьи о взаимном информировании, которая обычно недооценивается исследователями. Непосредственная работа возлагалась при этом не на консулов двух стран в приграничных областях, а на специально уполномоченных военных агентов⁵⁴. Одновременно Убри поручалось делать выписки из поступавших из Парижа секретных сообщений, касавшихся Познани, и передавать их Бисмарку⁵⁵. Со своей стороны, кн. Горчаков делился имеющимися у него данными с прусскими дипломатами в Петербурге, прямо ссылаясь на «моё соглашение с Альвенслебеном»⁵⁶. В целом, можно констатировать, что конвенция Альвенслебена в этой её части заработала, что представляется весьма важным для её общей оценки.

Однако практически сразу, казалось бы, успешно завершившаяся миссия генерала превратилась в проблему. Уже через несколько дней после его возвращения в Петербурге стали получать от Убри тревожные известия из Берлина о том, что Пруссия якобы вынашивает планы превращения своей помощи в настоящую интервенцию⁵⁷ и даже имеет территориальные претензии. А после беседы Бисмарка с одним из депутатов ландтага о возможной оккупации прусскими войсками Царства Польского русский посланник отмечал: «Мне больше ничего не кажется невероятным»⁵⁸. Горчакову пришлось напомнить пруссакам «об истинном смысле» конвенции⁵⁹. Сам вице-канцлер всё больше тяготился ею. Уже 22 февраля он писал вел. кн. Константину Николаевичу, что был бы

⁴⁹ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1426, л. 268.

⁵⁰ APP. Bd. III. S. 310.

⁵¹ Причём не только в письмах Бисмарку и Мантойффелю, но и в инструкциях Убри и рекомендациях наместнику: ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1426, л. 276, 280, 285; APP. Bd. III. S. 234.

⁵² *Ревунков В.Г.* Указ. соч. С. 136.

⁵³ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1426, л. 308—309.

⁵⁴ Там же, л. 276.

⁵⁵ Там же, л. 283.

⁵⁶ Там же, л. 318.

⁵⁷ Там же, ф. 678, оп. 1, д. 499, л. 31; APP. Bd. III. S. 241. Между тем в Петербурге при подписании конвенции думали предоставить лишь русским частям возможность действовать на территории соседнего государства (*Korespondencja namestników...* С. 41—42). Правда, наместник изначально опасался со стороны Пруссии «чересчур горячего желания вмешиваться в наши дела и переходить нашу границу» (Там же. С. 73).

⁵⁸ *Poschinger H.* Fürst Bismarck und die Parlamentarier. Bd. II. Breslau, 1895. S. 24.

⁵⁹ ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 499, л. 31, 37, 47, 52.

рад вообще обойтись без неё⁶⁰. Но, когда Бисмарк под давлением общественного мнения внутри и вне страны начал свой «спешный отход»⁶¹ и практически объявил конвенцию лишённой силы, недовольство кн. Горчакова возросло ещё больше. В течение трёх последующих недель шли препирательства, в ходе которых министр-президент пытался переложить ответственность за своё решение на Россию⁶². Александр II был глубоко разочарован⁶³, но кн. Горчаков скорее испытывал облегчение и писал в феврале Убри, что не без удовлетворения смотрит на «унижение, которому подвергается наш друг Бисмарк»⁶⁴. Князь надеялся теперь избежать негативных международных последствий военного сотрудничества с Пруссией и поддержать авторитет России, показав, что она способна самостоятельно справиться с плохо вооружёнными «бандами»⁶⁵. Кроме того, сглаживалось невыгодное впечатление, что империи была навязана иностранная помощь.

В Варшаве также полагали, что «берлинский кабинет оказал нам плохую услугу». Хотя Тенгоборский признавал, что Пруссия скомпрометировала и себя, предоставив Австрии возможность во внутригерманском противоборстве «выступить в костюме либеральных цветов, который ей ничего не стоил, поскольку фасон оплатила Пруссия». Однако положение России оказалось гораздо хуже: «До этих пор восстание было ссорой внутри семьи... Конвенция открыла ту дверь, которую искали для *вмешательства* (выделено в тексте. — А.М.), которое может вскоре превратиться в официальную интервенцию, и из внутреннего дела возникнет европейский вопрос»⁶⁶.

И всё же нельзя согласиться с Бюрго, когда она пишет про «фиаско» миссии Альвенслебена⁶⁷. Вопреки встречающимся в литературе утверждениям, конвенция не «превратилась в пустую бумажку»⁶⁸ и не «потеряла какое-либо

⁶⁰ Ревуенков В.Г. Указ. соч. С. 136.

⁶¹ Pflanze O. Op. cit. P. 187.

⁶² APP. Bd. III. S. 290—296, 311—320, 329—333, 346—348. См. также: Lord R. Op. cit. P. 32—35; Ревуенков В.Г. Указ. соч. С. 171—194; Burgaud S. La politique russe... P. 108—114.

⁶³ 11—13(23—25) февраля император писал, что «Пруссия, как кажется, сама вызвавшаяся на вооружённое содействие, испугавшись, вероятно, критики Англии и Франции, теперь откладывает приведение в исполнение подписанной конвенции» (Korespondencja namestników... С. 85). 16(28) февраля он вновь упомянул, что «Пруссия, испугавшись, сама просит уничтожения конвенции, чему я и не противлюсь, так как мы можем и без неё обойтись». Однако его не покидало опасение, что «если нам не удастся скоро усмирить мятеж, то из нашего домашнего дела произойдёт европейский вопрос, и последствия его могут быть для нас неизмеримы, чего не дай Бог!» (Там же. С. 101). «[Е]го [в]еличество» не предлагал приостановить соглашение, — сообщал 14(26) февраля кн. Горчаков вел. кн. Константину Николаевичу, — но раз Пруссия проявила инициативу, он с ней согласился» (Там же. С. 94). См. также: Милютин Д.А. Воспоминания. 1863—1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 63—66.

⁶⁴ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1427, л. 44. Бруннову 16(28) февраля вице-канцлер писал: «Воображение увлекло Бисмарка. Он велел трубить в фанфары, когда следовало бы, напротив, преуменьшать [дело] в глазах публики. Когда же этот ненужный шум поднял грозу на западе, он издал крик бедствия и попросил нас отказаться от соглашения» (Там же, л. 47).

⁶⁵ Там же, л. 21.

⁶⁶ Там же, ф. 722, оп. 1, д. 378, л. 3—5. Делясь с Жомини анализом ситуации, Тенгоборский завершил его фразой, написанной по-немецки: «Боже, спаси нас от друзей!». Вел. кн. Константин Николаевич полностью разделял его мнение: Korespondencja namestników... С. 97, 109—111.

⁶⁷ Burgaud S. La politique russe... P. 107, 112, 115.

⁶⁸ Виноградов В.Н. Князь А.М. Горчаков — министр и вице-канцлер // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 190.

практическое значение»⁶⁹. Предусмотренный в ней обмен информацией продолжался, военные агенты остались на своих местах (пруссский полковник Тресков покинул Варшаву лишь в конце 1863 г.)⁷⁰. И это приносило свои плоды. Так, именно сведения русского военного агента при прусской армии послужили в январе 1864 г. основанием для репрессий по другую сторону границы⁷¹.

Не вполне обосновательным кажется и знаменитое заявление Бисмарка о том, что благодаря конвенции «мы дешёво обеспечили себе на будущее благодарность императора Александра и русские симпатии»⁷². Возникшие затруднения, по словам кн. Горчакова, не могли иметь негативных последствий для «*entente intime et sérieuse*»⁷³ между Петербургом и Берлином и затмить главное: Пруссия предложила помощь. К тому же ответственность за дипломатические трения вокруг конвенции в русском МИД были склонны возлагать не на всё соседнее королевство, а персонально на Бисмарка. И если осенью 1862 г. кн. Горчаков приветствовал назначение прусского министра-президента⁷⁴, то с 1863 г. «*ami*» применительно к нему использовалось вице-канцлером почти исключительно иронически, тогда как о дружбе с Пруссией говорилось со всей серьёзностью. Так, князь утверждал, что, несмотря на все «оплошности» (*bévue*) Бисмарка, Россия и Пруссия сохраняют тесное согласие, «как рука и перчатка»⁷⁵.

Таким образом, конвенция Альвенслебена сыграла важную, хотя и неоднозначную, роль в развитии русско-пруссских отношений. Она не являлась ни безусловным «успехом»⁷⁶, ни шагом, вызвавшим «неоспоримое охлаждение»⁷⁷. Скорее, это было «новое начало»⁷⁸, или «восстановление связи»⁷⁹ между Петербургом и Берлином. Не случайно кн. Горчаков сообщал туда через Убри, что «император не перестаёт рассматривать миссию Альвенслебена как доказательство горячей дружбы короля. Он видит здесь привязанность, которая проявилась в действии, и память о которой он сохранит навсегда»⁸⁰. Впрочем, подобные признания и сам факт русско-прусского сближения отнюдь не означали полной поддержки германского объединения вокруг Пруссии.

Знаменитая «война нот», т.е. попытка Англии, Франции и Австрии с помощью трёх одновременных демаршей в апреле, июне и августе 1863 г. оказать давление на Россию и заставить её изменить свою политику в Польше, подвергла наметившийся русско-пруссский альянс жестокому испытанию. 20 мая (1 июня) Александр II обратился к Вильгельму I с письмом, которое традиционно рассматривается в историографии как предложение заключить союз, а Бюргю считает не более чем зондированием, «пробным шаром», при отсут-

⁶⁹ Дударев В.С. Бисмарк и Россия... С. 184, 196.

⁷⁰ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 66.

⁷¹ ГА РФ, ф. 547, оп. 1, д. 285, л. 162.

⁷² Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismarck. Stuttgart; Berlin, 1901.

S. 52.

⁷³ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1427, л. 79, 83, 94.

⁷⁴ Там же, д. 1426, л. 30.

⁷⁵ Там же, д. 1427, л. 147.

⁷⁶ Критический анализ этой точки зрения см.: Kent G.O. Bismarck and his times. L.; Amsterdam, 1978. P. 46.

⁷⁷ Burgaud S. La politique russe... P. 107.

⁷⁸ Hillgruber A. Op. cit. S. 49.

⁷⁹ Clark Ch. Preußen. Aufstieg und Niedergang 1600—1947. München, 2007. S. 598.

⁸⁰ Цит. по: Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 78.

ствии реальной заинтересованности в помощи Пруссии⁸¹. Обосновывается же это тем, что в планы противников России не входило превращение дипломатического конфликта в вооружённое столкновение и, соответственно, «Россия не находилась в той угрожающей ситуации, в которой она должна была бы любой ценой искать себе военных союзников»⁸².

Однако в Петербурге в 1863 г. ситуация оценивалась иначе. С апреля и вплоть до осени в обществе и в правительственных кругах опасались начала войны, которая многим казалась скорой и неминуемой⁸³. В мае, по словам А.В. Никитенко, знакомые спрашивали друг друга при встрече: «Война или мир?»⁸⁴. От дипломатических агентов поступали крайне тревожные донесения: в середине мая Бисмарк сказал Убри, что «война, очевидно, более или менее близка»⁸⁵; о «неизбежности войны» сообщали из Вены⁸⁶. В июне кн. Горчаков не исключал, что тем же летом начнутся боевые действия, а министр внутренних дел П.А. Валуев записал в дневнике: «Важных известий ниоткуда нет, но как-то пахнет гарью. Без войны не обойтись»⁸⁷. Александр II, в феврале полагавший, что возмущение Запада ограничится одною «журнальною болтовнёю и, может быть, разменом депеш кисло-сладких, как то было и в 1831 г.»⁸⁸, с конца марта всё чаще писал об ожидании войны и готовности «лечь за правое дело»⁸⁹. На этом фоне велась передислокация полков на запад, шло лихорадочное строительство укреплений⁹⁰, две эскадры были отправлены в Нью-Йорк и Сан-Франциско⁹¹, проводилась полная мобилизация армии⁹².

В этой обстановке Александр II, особо оговорив, что отказывается от дипломатических экивоков, и сославшись на «братство по оружию 1813 г.», задал в письме прусскому королю прямой вопрос: может ли Россия рассчитывать на прусскую помощь?⁹³ Совершенно очевидно, что в ситуации, воспринимавшейся как чрезвычайная, царю было не до «пробных шаров»: он искал союзника в большой европейской войне. О том, что его обращение к дяде не было про-

⁸¹ *Burgaud S.* La politique russe... P. 129—134.

⁸² *Ibid.* P. 146.

⁸³ М.Н. Муравьёв вспоминал, что «во второй половине апреля между главными правительственными деятелями была всеобщая паника» («Готов собою жертвовать...»). Записки графа Михаила Николаевича Муравьёва об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём мятежа. 1863—1866 гг. / Сост. К.В. Петров. М., 2008. С. 74. Подробнее см.: *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 119—120, 205, 247—248; *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 464—467; *Ревуненков В.Г.* Указ. соч. С. 231—233, 245.

⁸⁴ *Никитенко А.В.* Записки и дневник. Т. 2. М., 2005. С. 417.

⁸⁵ ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 499, л. 214.

⁸⁶ *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 193.

⁸⁷ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2 т. / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 1. М., 1961. С. 225, 229.

⁸⁸ *Korespondencja namestników...* С. 122.

⁸⁹ См., в частности, его письма к вел. кн. Константину Николаевичу (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 683, л. 143—226) и наследнику цесаревичу вел. кн. Николаю Александровичу (Там же, ф. 665, оп. 1, д. 13, л. 35—37).

⁹⁰ *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 159—160, 205.

⁹¹ *Болховитинов Н.И.* Историки в поисках истины: визит русского флота в США в 1863—1864 гг. // Американский ежегодник. 1994. М., 1995.

⁹² В докладе военного министра утверждалось, что именно эта мера «дала нам возможность предупредить войну европейскую», Александр II, судя по оставленной им помете, также был уверен, что «в этом нет никакого сомнения» (ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 429, л. 7).

⁹³ *APP.* Bd. III. S. 596—597. В. Баумгарт назвал данное письмо «криком о помощи» (*Baumgart W.* *Op. cit.* S. 368). Ни о каком возрождении Священного союза, как утверждал В.Н. Виноградов, при этом, конечно, не говорилось (*Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 116).

стым зондированием, император сообщил 26 мая (7 июня) и вел. кн. Константину Николаевичу: «Я спрашиваю его *категорически* (выделено мною. — А.М.), какую роль намерена играть Пруссия в случае войны с Францией и Англией. С нетерпением ожидаю теперь ответа, ибо необходимо нам знать *à quoi nous en tenir*»⁹⁴.

Ответ из Берлина вызвал у царя сильнейшее разочарование: 5(17) июня Вильгельм I прикрылся ссылкой на правовые нормы Германского союза, воспрещавшие его участникам заключать наступательные альянсы⁹⁵. Даже через полгода, когда в ситуации кризиса вокруг Шлезвига-Гольштейна теперь уже в Пруссии заговорили о «братстве по оружию», Александр II раздражённо напомнил про недавний отказ⁹⁶. Тем не менее в условиях «дипломатического похода» трёх держав в Петербурге могли позволить себе лишь скрытое недовольство. Кроме того, Пруссии вновь было что записать на свой счёт: она отклонила союз, но и не присоединилась к враждебным демаршам, что российские государственные деятели весьма ценили⁹⁷. Таким образом, русско-прусское сближение не прерывалось. Но это вовсе не означало, что польский вопрос вынудил Россию поставить всё на прусскую карту. Напротив, Россия прилагала максимальные усилия, чтобы даже во время серьёзного кризиса сохранить внешнеполитическую свободу манёвра. Ключевую роль в расчётах Петербурга играла позиция Франции.

Оценивая последствия миссии Альвенслебена, Бисмарк настаивал на том, что она уничтожила сотрудничество России с Францией⁹⁸. В действительности кн. Горчаков всеми силами старался избежать её негативных последствий для франко-русских связей⁹⁹. Шансы на их укрепление ещё сохранялись, и лишь враждебная политика Парижа не позволяла ими воспользоваться¹⁰⁰. Александр II, ещё на штуттгартской встрече двух императоров в 1857 г. слышавший размышления Наполеона III о «коренной перекройке карты Европы», теперь опасался, что польский мятеж станет лишь предлогом для осуществления подобных планов¹⁰¹.

В меморандуме 3(15) мая 1863 г. кн. Горчаков, оправдывая политику, проводившуюся им с 1856 г., указывал на отсутствие глубоких противоречий между Россией и Францией, однако именно последняя признавалась главной виновницей «дипломатического похода» против Петербурга¹⁰², и это заставляло вице-канцлера выступать за поиск новых партнёров. Средством сдерживания наполеоновской «коронованной революции» и одновременно укрепления

⁹⁴ См.: Korespondencja namestników... С. 244.

⁹⁵ APP. Bd. III. S. 626—629.

⁹⁶ Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе. С. 65.

⁹⁷ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1427, л. 264.

⁹⁸ Poschinger H.R., v. Bausteine zur Bismarck-Pyramide. Berlin, 1904. S. 69.

⁹⁹ Александр II, в соответствии со штуттгартскими договорённостями 1857 г., поспешил сообщить о миссии Наполеону III, а кн. Горчаков заверял французоз через русского посла барона А.Ф. Будберга, что она не имеет политического характера (ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1427, л. 30).

¹⁰⁰ Rautenberg H.-W. Op. cit. S. 323.

¹⁰¹ Korespondencja namestników... С. 140—141.

¹⁰² В письме к вел. кн. Константину Николаевичу 20 июля (1 августа) вице-канцлер констатировал: «Правительство Франции является наиболее ожесточённым среди наших настоящих противников. Я не сомневаюсь ни на мгновение, что, если бы император Наполеон смог бы увериться в помощи, пусть даже частичной, со стороны Англии, военные действия были бы уже начаты» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 759, л. 69).

международных позиций России ему представлялось традиционное консервативное содружество трёх «северных дворов» с привлечением к нему Англии. Несмотря на пресловутую «неблагодарность» Австрии в годы Крымской войны, у Певческого моста были уверены в общности интересов с Веной в польском вопросе и в сохранении *status quo* в Европе. Ещё во время миссии Альвенслебена Александр II надеялся на присоединение к антипольской комбинации Австрии и даже дал соответствующие полномочия вел. кн. Константину Николаевичу¹⁰³. Неудача не смутила российские власти, и с начала марта кн. Горчаков предпринимал шаги в Вене и Берлине, убеждая австрийцев примкнуть к русско-прусской «антанте»¹⁰⁴. Помимо сотрудничества в усмирении поляков она должна была также сыграть роль «противовеса злой воле Франции»¹⁰⁵. Даже после участия Вены в первом демарше «войны нот» в апреле 1863 г. кн. Горчаков был убеждён, что её солидарность с Россией обеспечена «силою вещей», и поэтому следует сохранять контакты, избегая излишних упреков¹⁰⁶. Александр II, со своей стороны, рассчитывал, как передавал кн. Горчаков Убри, что «змея из Тюильри» сможет «зачаровать лишь колибри, но не германских орлов»¹⁰⁷. И в последующие месяцы царь и его вице-канцлер всеми возможными путями продолжали убеждать правящие круги Берлина и Вены в необходимости прочных консервативных связей «для будущего Европы»¹⁰⁸.

Их возобновление, помимо прочего, позволило бы России претендовать на влияние, а временами даже на роль арбитра в германских делах, хотя, конечно, весной—летом 1863 г. думать об этом не приходилось. Ближайшая задача «консервативной антанты» сводилась к тому, чтобы вывести Австрию из участия в «дипломатическом походе». Кроме того, кн. Горчаков полагал, что путь в Лондон лежал через Вену¹⁰⁹. В Петербурге уповали на то, что долгосрочные интересы Англии, несмотря на её заигрывание с польскими мятежниками, несовместимы с желанием Наполеона III «перекроить карту Европы на свой фасон», как выражался Александр II¹¹⁰. Таким образом, объективная заинтересованность четырёх держав в сохранении *status quo* и сдерживании бонапартистской «тяги к потрясениям» не только служила залогом мирного урегулирования споров об устройстве польских территорий, но и наилучшей гарантией на будущее.

Между тем в 1863 г. оживление наблюдалось и в Германии. Попытка согласовать реформу Германского союза, предпринятая в августе на созванном по инициативе Вены Франкфуртском съезде князей¹¹¹, закончилась неудачей из-за бойкота со стороны Берлина и привела лишь к обострению австро-прусского соперничества, что не соответствовало петербургским планам образования консервативной «антанты» для противодействия французским амбициям¹¹².

¹⁰³ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1426, л. 277, 312; Korespondencja namestników... С. 42.

¹⁰⁴ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1427, л. 148, 163, 176.

¹⁰⁵ Там же, л. 209.

¹⁰⁶ Там же, л. 315; ф. 722, оп. 1, д. 395, л. 16.

¹⁰⁷ Там же, ф. 828, оп. 1, д. 1427, л. 350.

¹⁰⁸ Там же, д. 1428, л. 171, 219, 243. Об этом, в частности, Александр II писал Вильгельму I и принцу Александру Гессенскому, брату императрицы Марии Александровны (APP. Bd. III. S. 583; *Dalwigk R. Op. cit.* S. 106).

¹⁰⁹ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1428, л. 173, 260, 291.

¹¹⁰ Korespondencja namestników... С. 140—141, 170, 191; ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1427, л. 278.

¹¹¹ Подробнее см.: *Wehner N. Die deutschen Mittelstaaten auf dem Frankfurter Fürstentag 1863.* Frankfurt a/M, 1993.

¹¹² ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1429, л. 11, 17, 89.

Характерно, что в России именно Пруссию считали тогда защищающейся стороной, хотя оказывать ей прямую поддержку не собирались даже после соответствующего зондирования Бисмарка и несмотря на участие Австрии в августовском продолжении «войны нот»¹¹³.

Тем временем твёрдая позиция Александра II и успешное подавление восстания положили конец дипломатическим демонстрациям в защиту поляков. За эти непожаренные месяцы — с зимы до осени 1863 г. — серьёзно изменились как положение России, так и расстановка сил в Европе. Ещё в начале января Горчаков делился с Убри мыслями об «интимной антанте» с Пруссией и Францией, призванной сдерживать стремление Англии к «преобладанию по всем сторонам»¹¹⁴. А уже весной он добивался объединения четырёх держав против Франции. Однако, подобно тому, как дружба с Берлином не гарантировала тому автоматической поддержки в будущем, так и трения с Парижем не означали полного отказа от сотрудничества с ним, например, в шлезвиг-голштинском конфликте.

Эта проблема имела для России скорее второстепенное значение¹¹⁵. В Петербурге желали тогда сохранения «внешнего покоя» и пытались по мере сил сдерживать эскалацию противоборства, дабы избежать непредсказуемых осложнений. Лучшей опорой при этом казалась всё та же «консервативная антанта» четырёх держав, и потому кн. Горчаков продолжил содействовать сближению между Пруссией и Австрией¹¹⁶. Связь шлезвиг-голштинского вопроса с германским в Петербурге в 1863 г. видели не вполне отчётливо.

В начале кризиса Россия стремилась не допустить открытого столкновения сторон, а когда это не удалось, старалась локализовать конфликт и, наконец, ограничить его последствия. Так, дипломаты Александра II настоятельно советовали датскому королю Кристиану IV не санкционировать конституцию 18 ноября, вопреки Лондонскому протоколу 1852 г. включавшую Шлезвиг в состав Дании¹¹⁷. Кн. Горчаков предлагал, чтобы представители всех пяти великих держав выступили в Копенгагене с коллективной рекомендацией изменить спорные статьи, нарушавшие прежние обязательства¹¹⁸. Одновременно он уговаривал Берлин дать датчанам больше времени для исправления законодательных норм.

Со своей стороны, Бисмарк настойчиво добивался благожелательной позиции России в случае войны: «Дайте нам ... обменяться с Данией несколькими пушечными выстрелами»¹¹⁹. При этом он то сообщал Александру II о «революционных тенденциях» датчан, то пугал его последствиями поражения Пруссии, после которого будто бы возникнет либеральная Германия, а Россия «едва ли останется равнодушным наблюдателем, если, например, Франция займёт Данциг». Подобные аргументы приходилось учитывать. Так, 11(23) января 1864 г. Убри признавал, что «разгром Пруссии и Австрии снова поставит нас лицом

¹¹³ Там же, л. 121, 151; APP. Bd. III. S. 678, 693, 694, 705.

¹¹⁴ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1426, л. 191.

¹¹⁵ 21 декабря 1863 г. Александр II писал вел. кн. Константину Николаевичу: «Можно надеяться, что по крайней мере нас оставят в покое» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 681, л. 129).

¹¹⁶ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1429, л. 322, 327; APP. Bd. III. S. 185.

¹¹⁷ APP. Bd. IV. Oldenburg, 1933. S. 183—184.

¹¹⁸ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1430, л. 1; APP. Bd. IV. S. 245, 272—273. Изначально Горчаков был готов сделать этот шаг и без Франции (ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1430, л. 22).

¹¹⁹ Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе. С. 74.

к лицу с Францией. Позиция же имп[ератора] Наполеона в польском вопросе не позволяет питать ни малейшего сомнения относительно последствий такого соседства»¹²⁰.

Вице-канцлер по-прежнему хлопотал о том, чтобы не потерять шанс на «антанту вчетвером». В январе—феврале 1864 г. он отклонил английское предложение направить идентичные ноты протеста от негерманских великих держав в Берлин, Вену и Франкфурт, а также не пошёл на переговоры с Лондоном о «материальном сотрудничестве» в датских делах¹²¹. Вместе с тем он игнорировал и намёки Бисмарка на «материальную помощь» России¹²². С другой стороны, сохранение «консервативной антанты» требовало, чтобы Пруссия и Австрия не зашли в своих притязаниях слишком далеко и не заставили тем самым Англию договариваться с Францией. В этом случае, как опасался кн. Горчаков, Наполеон III мог потребовать изменения и в положении Польши¹²³.

Но вскоре в Петербурге стали догадываться о наличии у Берлина тайных целей в северогерманских княжествах. После того, как прусские войска заняли весь Шлезвиг, кн. Горчаков начал писать о бисмарковской политике «фантазий и авантюра», способных привести к сближению Англии и Франции. В то же самое время он полностью одобрял стремление Вены к сотрудничеству с Лондоном¹²⁴. Узнав накануне Лондонской конференции по шлезвиг-гольштейнскому вопросу от прусского дипломата барона В. Пирха о территориальных претензиях Вильгельма I, кн. Горчаков заявил, что царь настаивает на целостности владений датской короны¹²⁵. Вместе с тем оказать действительное давление на Пруссию в России не могли и не хотели, ограничившись призывами к «умеренности»¹²⁶.

Инструкции русского уполномоченного на конференции барона Бруннова предписывали ему требовать скорейшего заключения перемирия, возвращения к Лондонскому протоколу 1852 г., а также установления как можно более тесной связи Шлезвига и Гольштейна с Данией. Если бы выяснилось, что договор 1852 г. придётся признать утратившим силу, следовало заявить, что в этом случае недействительным объявляется и отказ русского Гольштейн-готторп-романовского дома от наследственных прав в Шлезвиг-Гольштейне¹²⁷. Однако это рассматривалось как крайнее средство¹²⁸. Прибегнуть к нему разрешалось лишь тогда, когда исчезла бы надежда на «антанту вчетвером», а до того надлежало поддерживать Англию и, не одобряя аннексионистских планов, беречь хорошие отношения с Австрией и Пруссией — «важными элементами плотины против революции»¹²⁹.

Когда уполномоченные германских держав выступили на конференции за полное отделение герцогств от Дании, Россия заявила протест, поддержанный Англией и Швецией, но не Францией. С самого начала одной из причин неже-

¹²⁰ Там же. С. 65—66.

¹²¹ Там же. С. 61—62, 71, 76—77, 80.

¹²² ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1431, л. 204.

¹²³ Там же, л. 7; д. 1430, л. 32.

¹²⁴ Там же, ф. 828, оп. 1, д. 1431, л. 230, 247, 271.

¹²⁵ Там же, л. 275, 281, 287; APP. Bd. IV. S. 757—759.

¹²⁶ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1431, л. 305, 312.

¹²⁷ Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе. С. 82—85.

¹²⁸ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1431, л. 81.

¹²⁹ Там же, л. 41, 50.

лания России принять отторжение княжеств было опасение «скандинавизма»: в Петербурге допускали, что вследствие подобной ампутации Дания не сможет обеспечить своё государственное существование и окажется вынужденной вступить в унию со Швецией, а это повредит российским позициям на Балтике и превратит пролив Белт «во второй Босфор»¹³⁰. Не менее ясно русские дипломаты видели и то, что и усиление Пруссии на Балтике совершенно не соответствует интересам империи¹³¹.

Но всё же главным возмутителем спокойствия в глазах Петербурга оставался Наполеон III, «всегда настроенный мутить воду в Европе, чтобы выловить себе в ней какое-нибудь приращение», как говорилось в «Политическом обозрении», составленном бароном Жомини 25 мая 1864 г.¹³² Сильное недоверие к французской политике, несмотря на сохранявшиеся контакты и нежелание доводить дело до полного разрыва, по-прежнему подпитывало русско-прусскую связь и заставляло Петербург стремиться к «антанте четырёх», с помощью которой там всё ещё надеялись найти удовлетворительное решение в том числе и судьбы северогерманских герцогств.

Так или иначе, кн. Горчаков в своих отношениях с Берлином придерживался, по сути, оборонительной тактики — советовал «умеренность», выставлял вперёд Англию, напоминал о возможности её альянса с Францией, заставлял Бисмарка учитывать неопределённость и неоднозначность позиции России. Однако во время состоявшейся в июне 1864 г. встречи русского и прусского монархов в Берлине выяснилось, что эти ухищрения особого успеха не приносят. Смутные намёки на то, что Россия при определённых обстоятельствах может поддержать английские морские демонстрации, были фактически дезавуированы многократными заверениями в дружбе. Угроза большой войны, рисовавшаяся кн. Горчаковым, не смущала Бисмарка, открыто заявлявшего, что в случае вторжения Франции Россия будет на стороне Пруссии, хочет она этого или нет¹³³. Да и сам вице-канцлер, после недавно пережитого опыта дипломатического давления, беспокоился больше не о датских, а о польских делах. Не случайно состоявшуюся летом 1864 г. в Киссингене встречу монархов России, Пруссии и Австрии он рассматривал прежде всего в связи с возможностью выстроить альянс против «французского преобладания», что позволило бы избежать «всеобщего пожара»¹³⁴. Иными словами, польский кризис заставил руководителей российской внешней политики сосредоточиться преимущественно на обеспечении элементарной безопасности страны. Этим определялось и видение ситуации в германском вопросе.

Германский союз в Петербурге хотели не только сохранить, но и по возможности укрепить. По мнению барона Жомини, из его «ненормальной слабости» пользу извлекала лишь Франция, тогда как Россия скорее теряла, что

¹³⁰ Там же, д. 1360, л. 2; APP. Bd. V. S. 94; *Dalwigk R. Op. cit.* S. 139.

¹³¹ APP. Bd. IV. S. 217—218.

¹³² ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1360, л. 21. В русской дипломатической переписке Наполеона III весьма часто характеризовали как «ловца в мутной воде». Правда, к весне 1864 г. и Бисмарка стали подозревать в том, что ему, по словам барона Жомини, «не дают покоя нечистой пробы лавры» французского императора (Там же, л. 12). Таким же образом высказывался и Александр II (*Revertera F. Erinnerungen eines Diplomaten in St. Petersburg 1864—68 // Deutsche Revue. 1904. Bd. 2. S. 32*).

¹³³ Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе. С. 65; APP. Bd. V. Oldenburg, 1935. S. 208—211; *Dalwigk R. Op. cit.* S. 139; *Нарочницкая Л.И.* Россия и войны Пруссии... С. 65—66.

¹³⁴ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1432, л. 307, 285.

проявилось и в годы Крымской войны. Вместе с тем Жомини опасался, что усилившийся Союз может утратить свой сугубо оборонительный характер, о чём свидетельствовали и территориальные претензии, выдвигавшиеся ещё в 1848 г., и «жадное вожделение» Шлезвига в 1863—1864 гг. Из этого барон делал вывод: «Мы должны ограничиться желанием его усиления против агрессии извне путём [внутреннего] согласия». А для его достижения требовались реформы — расширение крупных государств за счёт мелких и увеличение власти центральных органов¹³⁵.

Особая роль отводилась Пруссии. «Она для нас — барьер против Франции, — писал Жомини. — Мы должны желать её усиления». Отметив, что «Прусская монархия возникла путём завоеваний и духа приумножений», автор «Политического обозрения» в мае 1864 г. заключал: «Не поощряя её на этом пути, мы не имеем и никаких причин противопоставлять себя этим приумножениям, так как они не задевают наших прямых интересов»¹³⁶. Однако поглощение всей Германии под этими «приумножениями» явно не подразумевалось.

«Неблагодарность» Австрии во время Крымской войны, разумеется, не была забыта, однако память о ней воздействовала по большей части на эмоции и не оказывала прямого влияния на реальную политику России. В Петербурге осознавали роль монархии Габсбургов как фактора стабильности в Центральной и Восточной Европе. «Мы заинтересованы в том, чтобы она продолжала удерживать составляющие её разнородные элементы в связанном состоянии, которое оберегает нас от анархии, — констатировал Жомини. — Эта необходимость может быть нам антипатична, но она реальна». Сотрудничество с Веней в духе консервативной политики считалось не только возможным, но и естественным, в том числе и на Востоке¹³⁷. Конечно, Австрию постоянно подозревали в поощрении ею «польских стремлений», а её положение отличалось внутренней нестабильностью из-за национальных противоречий. Тем не менее России было выгодно наличие у Габсбургов интересов в центре Европы. Так, рассуждал барон, «Италия для Австрии есть отвлечение от Востока. Чем более она озабочена на По и Минчо, тем более мы спокойны на Дунае». Одновременно, будучи противовесом Пруссии, она являлась принципиально важным фактором сохранения *status quo* в Германии. «Лучшее, что мы можем сделать, — считали в российском МИД, — это хранить равновесие между двумя державами, в зависимости от обстоятельств склоняясь к той из них, которая отвечает нашим интересам момента. Это система императрицы Екатерины. Она, без сомнения, разрушает доверие, но из современной политики это чувство исключено»¹³⁸.

В целом, в 1863—1864 гг., безусловно, наблюдалось сближение между Берлином и Петербургом как на почве решения конкретной польской проблемы, так и на основе более широких интересов, связанных с малопредсказуемой стратегией Наполеона III. Однако ни первое, ни второе не означало безусловной и исключительной ориентации России на Пруссию и тем более поддержки или даже простого согласия с германским курсом Бисмарка. Напротив, российские дипломаты старались не оставаться с Пруссией один на один и всячески стремились включить её в консервативную «антанту четырёх», призванную сдерживать динамизм как французской, так и прусской политики.

¹³⁵ Там же, д. 1360, л. 8.

¹³⁶ Там же, л. 3.

¹³⁷ Там же, л. 4.

¹³⁸ Там же, л. 16.

Учебники для народной школы в Виленском учебном округе в 1860-х гг.

Анна Комзолова

Textbooks for the people's school in the Vilna educational district in the 1860s

Anna Komzolova

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia;
Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870017309-0

В истории пореформенной России интересным, но ещё далеко не изученным феноменом является волна патриотизма, охватившая русское общество во время польского восстания 1863—1864 гг. Поддержка общественного мнения придавала правительству уверенность и укрепила его решимость твёрдо отстаивать свои позиции и в охваченных мятежом губерниях, и в дипломатической переписке. Узнав о попытках европейских держав вмешаться в борьбу империи с повстанцами, Александр II писал брату вел. кн. Константину Николаевичу 11—12 (23—24) апреля 1863 г.: «Надеюсь на патриотические чувства всей благомыслящей России, которые так сильно стали обнаруживаться повсюду, и уверен, что все сословия ответят, когда нужно будет, на мой призыв и станут грудью на защиту родного края»¹. По свидетельству Д.А. Милютинина, руководившего с 1861 г. военным ведомством, воодушевление и возмущение подданных убедили Александра II в невозможности установить на основе автономии прочный *modus vivendi* с шляхтой и в необходимости для утверждения «русской власти» в Царстве Польском и Западном крае проведения там радикальных социально-экономических преобразований. При этом «в простом народе проявилась такая живая, нравственная сила, которой враги России не подозревали. Поляки и заграничные друзья их сильно ошиблись, поверив русским революционерам, распространявшим ложные сведения, будто Россия накануне общего переворота, будто народ только и ждёт случая к общему восстанию»².

Верноподданнические заявления крестьян Северо-Западного края имели для правительства особое значение: в них искали моральную опору и веский аргумент в пользу легитимности порядка, установленного Российской империей.

© 2021 г. А.А. Комзолова

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-0073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.». This research was supported by the Russian Science Foundation, project № 19-18-00073 «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th—20th Centuries».

¹ Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego. Styczeń—sierpień 1863 г. Переписка наместников Королевства Польского. Январь—август 1863 г. / Под ред. С. Кеневича, И. Миллера. Wrocław, 1974. С. 191.

² Милютин Д.А. Воспоминания. 1863—1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 247, 250.

ей на землях бывшего Великого княжества Литовского. Современники отмечали в то время проявления «наивного монархизма» как у белорусов, так и среди литовцев. К примеру, осенью 1863 г. крестьяне Гродненской губ. неоднократно просили русских мировых посредников прислать «царский портрет во весь рост», который на средства заказчиков был бы «вставлен в золотую рамку»³. В 1860-х гг. крестьяне Ковенской губ., получая от мировых посредников в подарок изображения Александра II, выражали желание «помолиться за царя»⁴.

Неудивительно, что и в период восстания 1863—1864 гг., и после его подавления власти империи пытались повлиять на настроения белорусских и литовских крестьян, не только реагируя на стихийные и спонтанные инициативы «снизу», но и стремясь действовать «на опережение» — заботясь о формировании гражданской и национальной идентичности народных масс, убеждая их в культурно-исторической общности с Россией и русскими (великороссами и малороссами). Это, естественно, требовало подготовки литературы для народного чтения. И предпринимавшиеся с этой целью в Виленском учебном округе (ВУО) усилия, безусловно, заслуживают (и давно ожидают) внимания исследователей.

В историографии наиболее известен нереализованный проект создания «народного» журнала с «национально-патриотической программой». Согласно не вполне точной версии А.И. Миловидова, мысль о необходимости подобного печатного органа «окрепла» при виленском генерал-губернаторе М.Н. Муравьёве в 1863—1864 гг. Причём, наряду с идеей учреждения Западнорусского православного братства, она высказывалась ещё ранее — в начале 1860-х гг., когда «местная малочисленная интеллигенция нашла поддержку в прибывшей [в Северо-Западный край] из центральной России». Но, несмотря на сочувствие Муравьёва, данное издание «не пошло»⁵. Д. Сталюнас и М.Д. Долбилов указывают на то, что, согласно первоначальному замыслу 1862 г., журнал предполагалось выпускать на белорусском и литовском языках, и это способствовало бы «поощрению регионально-культурной специфики», обособлявшей белорусов «от местных польских элит». Однако М.Н. Муравьёв и И.П. Корнилов не одобряли культурно-просветительские эксперименты с «белорусскостью», и начинание было ими «свёрнуто»⁶. Вместе с тем, помимо развития национальных языков, следовало бы рассмотреть и то, каким содержанием планировалось наполнять «народную» периодику и как на её страницах региональная история должна была соотноситься с повествованием о едином прошлом русского народа.

Первым о пользе распространения правительственных изданий среди белорусских и литовских крестьян заявил виленский генерал-губернатор В.И. Назимов, предложения которого в марте 1862 г. обсуждались в Комитете мини-

³ ГА РФ, ф. 109, оп. 38, 1 эксп., д. 23, ч. 14, л. 182—183.

⁴ ОР РНБ, ф. 523, д. 267, л. 11 об.

⁵ *Миловидов А.И.* Деятельность гр. М.Н. Муравьёва по народному просвещению в Северо-Западном крае (1863—1865 гг.) // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1905. № 7. Отд. III. С. 95, 96; *Миловидов А.И.* Судьба русской книги в Северо-Западном крае в связи с его культурной историей // Христианское чтение. 1903. № 10. С. 502, 503.

⁶ *Сталюнас Д.* Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на Западных окраинах в период Великих реформ // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 282—284; *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 198—199.

стров. Вскоре более детальный план создания «народного» печатного органа разработал историк и публицист П.К. Щебальский, служивший тогда чиновником по особым поручениям в учебном ведомстве. В записке, датированной 1 мая 1862 г. и получившей одобрение Назимова и министра народного просвещения А.В. Головнина, рекомендовалось учредить в Северо-Западном крае комитет грамотности и поручить ему выпуск народного журнала⁷.

По поручению Головнина 7 апреля 1863 г. попечитель ВУО кн. А.П. Ширинский-Шихматов подготовил на основе соображений Назимова и Щебальского программу нового периодического издания «Друг народа». Предполагалось, что под этим общим названием ежемесячно будет выходить журнал для белорусского населения, а раз в две недели — газета для литовцев, поскольку они образуют «совершенно отдельное от белорусов племя, и их прошедшее не представляет тех явлений, какими полна история белорусов». И если в журнале преобладали бы статьи религиозного и исторического содержания, «в духе православия, русской народности и преданности престолу», то в газете на литовском языке следовало развивать «идеи отдельности этого племени от польской национальности». При этом князь надеялся, что Западнорусскому православному братству, в случае его учреждения, «могло бы быть поручено и издание народных журналов»⁸.

Ранее, 11 марта 1863 г., попечитель представил Головнину особую записку с проектом устройства данного братства. Вступать в него могли как русские чиновники и помещики края, так и все желающие, где бы они ни проживали. Основной задачей братчиков провозглашалось развитие начального образования среди белорусских крестьян — ожидалось, что они будут открывать школы, печатать и раздавать русские буквари и изображения местных чудотворных икон, православную литературу и брошюры с «рассказами из русской истории». Обер-прокурор Святейшего Синода А.П. Ахматов считал, что деятельность братства следовало также распространить «на литву и жмудь Виленской и Ковенской губерний и на латышей Витебской», дабы способствовать развитию «в их среде образования в духе их народности»⁹.

Князь Ширинский-Шихматов хотел немедленно опубликовать в центральных газетах «Приглашение к подписке на учреждение Западнорусского братства в г. Вильне», чтобы привлечь к этому начинанию внимание общества. Причём в первоначальном варианте «приглашения» указывалась не только просветительская, но и политическая цель — «охранить белорусский народ от тех пагубных влияний, которые грозят заглушить в нём родные нам основы его самобытности». Вместе с тем выражалось пожелание, чтобы члены братства, «вызванные силою обстоятельств на общественную деятельность», не питали «ни малейшей вражды к польской национальности», уважали «польскую нацию, её язык, литературу и веру». Однако до официального утверждения устава организации печатать от её имени объявления о сборе средств запрещалось. А Комитет министров одобрил общие правила для учреждения православных церковных братств лишь 12 мая 1864 г.¹⁰ В окончательном варианте «пригла-

⁷ РГИА, ф. 733, оп. 140, д. 17, л. 1 об.—2 об., 13—23, 24—24 об., 65—65 об., 67—73; ф. 1267, оп. 1, д. 14, л. 76—79.

⁸ Там же, ф. 733, оп. 140, д. 17, л. 128—138 об.

⁹ Там же, оп. 142, д. 24, л. 1—8, 23—27, 64—64 об.

¹⁰ Там же, л. 5—8, 11—12, 107—108 об., 117; ф. 797, оп. 31, 2 отд., 1 ст., д. 18г, л. 233—236.

шения» по настоянию министра внутренних дел П.А. Валуева и Муравьёва, сменившего в мае 1863 г. Назимова, «резкие фразы», которые могли задеть поляков, были удалены. Новый виленский генерал-губернатор не верил в успех деятельности братства, считая главным, но практически недостижимым его условием проникновение «во все тайники римско-католической пропаганды, для противодействия ей в самых скрытых её недрах»¹¹.

В целом к идее «народного» журнала в Северо-Западном крае в правительственных сферах отнеслись настороженно. В январе 1863 г. на него решили ежегодно ассигновать 6 тыс. руб.¹², но к началу 1864 г. деньги так и не выделили. В феврале 1863 г. Западный комитет отклонил предложение Головнина о ежегодной выдаче 20 тыс. руб. на издание «особого народного журнала». Его члены предпочли продолжить привычную раздачу в сёлах религиозной литературы и «таких сочинений, общепользность которых уже вполне признана»¹³.

Вступив в должность в феврале 1864 г., новый попечитель ВУО И.П. Корнилов собирался «испрашивать 6 000 р[ублей]», но констатировал, что «дело об издании народного журнала приостановлено для совокупного рассмотрения с делом Западнорусского братства»¹⁴. 14 апреля Иван Петрович направил Головнину записку о «неудобности» задуманного периодического органа для почти поголовно неграмотных белорусских крестьян. Речь шла прежде всего о невозможности сделать его массовым. При этом о его «белорусскоязычности» даже не упоминалось. «В каком бы количестве экземпляров, — писал Корнилов, — не был распространяем этот журнал, хотя бы по одному экземпляру в каждую деревню, во всяком случае он будет в руках немногих... В периодическом издании здешний народ не нуждается. Народные издающиеся ныне листки и журналы здесь вовсе не в ходу». К тому же в крае отсутствовала необходимая инфраструктура, и было невозможно «установить нарочно для журнала почтовую постоянную гоньбу между селениями». Поэтому попечитель предпочитал ограничиться распространением дешёвых книг¹⁵.

Тем не менее в сентябре 1864 г. Корнилов несколько изменил свою позицию и вновь обратился к Головнину, изложив собственную программу журнала для народа «Русское чтение» (от издания газеты для литовцев он всё же отказался из-за отсутствия редактора)¹⁶. Издание, по замыслу попечителя, состояло бы из духовно-нравственного, педагогического, исторического, естественного, географического, статистического, этнографического, хозяйственного, медицинского и «повествовательного» отделов и способствовало бы распространению среди крестьян Северо-Западного края таких представлений, которые помогли бы им понять «основное и существенное отличие русской национальности от польской», вызывая «оживление в памяти народной исторических русских воспоминаний» и содействуя всему, что «может служить нравственному и умственному образованию народа». Так, в статьях духовно-нравственного отдела следовало в доступной форме разъяснять различия между православием

¹¹ Там же, ф. 733, оп. 142, д. 24, л. 11—12, 53—53 об.; ф. 1286, оп. 24, д. 575, л. 2—2 об., 6—6 об.

¹² Там же, ф. 733, оп. 140, д. 17, л. 114—115.

¹³ Там же, ф. 1267, оп. 1, д. 14, л. 12—14 об.

¹⁴ ОР РНБ, ф. 377, д. 2, л. 2.

¹⁵ РГИА, ф. 733, оп. 170, д. 108, л. 4—5 об.; ср.: ОР РНБ, ф. 377, д. 272, л. 1—41 об.; *Корнилов И.П.* Об издании народного журнала в Северо-Западном крае // ЖМНП. 1868. № 1. Современная летопись. С. 1—20.

¹⁶ РГИА, ф. 733, оп. 140, д. 17, л. 174—177 об.; ОР РНБ, ф. 377, д. 271, л. 1—2 об.

и католичеством и так освещать историю Церкви, чтобы открылась «картина общих судеб православия в России, борьбы его с католичеством в здешнем крае и гонений, испытанных им со стороны польской пропаганды». Особое внимание уделялось всему, что свидетельствовало об общности белорусов с Россией. Поэтому отмечалось, что «при той слабости народного сознания, которая обнаруживается в населении западно-русского края почти совершенным отсутствием народных преданий и исторических воспоминаний (как то былин, исторических песен), исторический отдел будет иметь постоянно в виду эти слабые стороны в духовном развитии западно-русского народа и будет стремиться пробуждать в своих читателях воспоминания о славных людях и тем восстанавливать в них подавленное вековым гнётом чувство своей русской народности, укреплять нравственную связь с единокровным народом великорусским и признательность к государям и великим деятелям русской земли, оказавшим благотворное влияние на судьбы отечества»¹⁷.

13 октября этот проект рассматривался в Западном комитете, члены которого сочли целесообразным изменить форму издания и выпускать его отдельными книжками без определённой периодичности. Вместе с тем стремление Корнилова отказаться в этом журнале от использования местных языков в Петербурге не поддержали. По мнению участвовавших в заседании сановников, «одним из самых действительных средств, принимавшихся польскою пропагандою для распространения польского языка в Западном крае, было печатание книг на местных наречиях польскими буквами. Посему и имея в виду, что русский язык для части народонаселения Западного края ещё доселе не понятен и что для обучающихся русской азбуке в народных школах необходимо предоставить средства к чтению на знакомом им языке, Комитет признаёт... весьма полезным переводить на местные наречия и печатать русскими буквами молитвы, главные правительственные распоряжения и статьи духовно-нравственного содержания, предназначенные для первоначального народного чтения»¹⁸. Со своей стороны, Муравьёв по-прежнему сомневался в актуальности журнала для крестьян и в ноябре 1864 г. предложил потратить ассигнованные на него суммы на формирование в крае системы начальных школ¹⁹. А 17 марта 1865 г. Западный комитет и вовсе признал издание «Русского чтения» «несвоевременным»²⁰.

Школьное образование, как среднее, предназначавшееся для привилегированных сословий, так и начальное, рассчитанное прежде всего на крестьян, рассматривалось властями в качестве одного из основных инструментов, формирующих ценностные установки подданных, включая их лояльность к правящей династии и империи. Но, несмотря на это, преподавание истории отсутствовало в числе предметов, обучение которым вводилось согласно высочайше утверждённым 23 марта 1863 г. временным правилам для народных школ в белорусско-литовских губерниях²¹. Предполагалось, что их ученики получат определённые сведения о ней во время занятий чтением.

¹⁷ ОР РНБ, ф. 377, д. 271, л. 1—1 об.

¹⁸ РГИА, ф. 733, оп. 140, д. 17, л. 186—188 об.

¹⁹ Там же, л. 193—194 об.

²⁰ Там же, л. 208—208 об.

²¹ ПСЗ-II. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39411.

Тем временем в ходе реформы начальной школы руководство Министерства народного просвещения (МНП) столкнулось с задачей внедрения учебников, которые использовались бы на всём пространстве Российской империи и приучали бы учащихся к мысли о её целостности. В начале 1860-х гг. для этого дважды, и оба раза безуспешно, проводились соответствующие конкурсы. 25 марта 1861 г. Учёный комитет Главного правления училищ объявил конкурс на лучшую книгу для первоначального обучения детей грамоте. Ожидалось, что пособие, удостоенное награды, затем сделают на пять лет обязательным основным учебником для народных училищ и младших классов гимназий. При этом Учёный комитет не ограничивал авторов «указаниями, какие именно статьи и в каком порядке должны войти в эту книгу», призванную стать «главным пособием для умственного и нравственного развития детей при их первоначальном образовании». Выделялись лишь основные задачи, включая и развитие нравственных убеждений с помощью «рассказов как вымышленных, так и исторических и посредством биографических очерков важнейших исторических деятелей»²². Приём рукописей продолжался полтора года, но ни одна из них министерство не удовлетворила. В частности, отклонили и книгу К.Д. Ушинского «Детский мир и хрестоматия», признав, что она по своему содержанию и форме подачи материала «доступна для детей более развитых, нежели какими поступают дети в низшие народные училища»²³.

Второй конкурс на лучшие учебники Учёный комитет объявил в октябре 1864 г., уже после утверждения императором 14 июля Положения о начальных народных училищах. Авторы могли присылать свои сочинения до 1 ноября 1865 г. Согласно условиям, книга для чтения должна была включать рассказы «из области отечественной литературы, отечественной истории и географии и естественных наук». В историко-географических разделах рекомендовалось ограничиться «выбором событий, имевших значение эпохи в отечественной истории, и таких местностей, которые представляют особенную важность в народной экономике или отличаются особенными условиями жизни и деятельности своих обитателей»²⁴. В итоге рассматривались 21 букварь, 22 пособия по арифметике и 5 книг для чтения. Но и на этот раз премии никто не получил, поскольку «все они оказались более или менее не удовлетворяющими требованиям, заявленным в объявлении о конкурсе»²⁵.

Между тем в Северо-Западном крае получила широкое распространение «Книга для чтения в народных училищах Виленского учебного округа», изданная в 1862 г. — одной из первых в империи²⁶. Эта хрестоматия подразделялась на две части: в первой сообщалось о «важнейших предметах», касавшихся в том числе и религиозно-нравственного воспитания, и эпизодов русской истории, а во второй размещались собственно тексты для первоначального чтения, перепечатанные из лучших детских сборников и журналов того времени.

В педагогических кругах обсуждение виленской «Книги для чтения» стало частью широкой дискуссии о месте региональной истории и географии в курсе

²² Объявление конкурса о книге для чтения // ЖМНП. 1861. Т. 110. № 4—6. Отд. IV. С. 1—4.

²³ ЖМНП. 1863. Т. 119. № 8. Отд. I. С. 110—111.

²⁴ Там же. 1864. Т. 124. № 11—12. Отд. I. С. 102—106.

²⁵ Там же. 1866. Т. 132. № 10. Отд. I. С. 92—93.

²⁶ В конце 1863 г. тираж второго издания этой книги составил 10 тыс., а третье вышло в 1866 г. уже тиражом 20 тыс. экземпляров (РГИА, ф. 733, оп. 62, д. 1484, л. 45 об.; ОР РНБ, ф. 377, д. 272, л. 16).

начальной школы. Оценивая её, известный петербургский педагог В.И. Водовозов размышлял: «Возможно ли составить одну книгу для всех училищ, или должны быть разные читальники, согласно с условиями местности?.. Может ли деление на [учебные] округа вообще служить основанием для введения различных читальников?». Однако в данном издании рецензент не нашёл «ничего такого, что удовлетворяло бы потребностям края». Сетовал он и на то, что в тексте «народ как главное действующее лицо» практически отсутствовал, и в истории «всё делается с помощью одних героев», тогда как, по мнению Водовозова, следовало «хотя сколько-нибудь выставить и историю народа»²⁷.

Член Учёного комитета МНП А.Д. Галахов, напротив, критиковал виленскую «Книгу для чтения» именно за её региональный колорит. На одном из заседаний в марте 1864 г. он доказывал, что в подобной книге не подобает руководствоваться «местными особенностями края», поскольку она должна была быть «составлена на основании общеобразовательных целей, одинаковых для всей России, а не исключительных для каждой её области. Содержание её не имеет обязанности изменяться по градусам широты и долготы; статьи, посвящённые отечествоведению, должны знакомить с отличительными свойствами русской народности вообще, а не с её провинциализмами»²⁸. Тем не менее при отсутствии общеимперского учебника воспитание крестьянских детей могло опираться лишь на региональные издания.

В 1860-е гг. наблюдался рост наименований и тиражей учебной литературы для народного чтения, однако сюжеты литовско-русской истории слабо отражались не только в научно-популярных, доступных для крестьян сочинениях, но и в академических исследованиях. 27 июля 1867 г. при рассмотрении на заседании Учёного комитета МНП книги Щебальского «Рассказы о Западной Руси» профессор Петербургского университета К.Н. Бестужев-Рюмин отметил: «История Западной Руси представляет чрезвычайно много затруднений при изложении в популярной форме... До сих пор история Западной Руси только эпизодически входила в изложение русской истории и обрабатывалась преимущественно польскими историками с польской точки зрения; самые источники изданы по большей части поляками и очень многие до сих пор известны по слухам или изданы с искажениями». По словам историка, «национальное русское сознание, вызванное последними событиями, заставило на многое взглянуть иными глазами, чем мы привыкли смотреть; истина во многих случаях если не ясно видится, то, по крайней мере, предугадывается; но многое ещё остаётся сделать для того, чтобы предугадываемое стало вполне достоверным. А между тем время не ждёт: русскому обществу, в особенности населению Западного края, надо иметь если не вполне, то приблизительно верную картину исторической судьбы этой важной части Русской империи»²⁹. Руководство Виленского учебного округа отзывалось об этом «важном пробеле» в отечественной историографии ещё резче, указывая на то, что он не позволяет передавать учащимся «верные понятия об исконном господстве православия и русской народности в здешней стране»³⁰.

²⁷ ЖМНП. 1863. Т. 118. № 5. Отд. V. С. 90, 94.

²⁸ РГИА, ф. 734, оп. 3, д. 1, л. 529—530.

²⁹ Там же, ф. 733, оп. 193, д. 297, л. 235—235 об.

³⁰ *Беляев И.Д.* Очерк истории Северо-Западного края России. Вильна, 1867. С. 3.

29 июня 1867 г. во время обсуждения в Учёном комитете МНП книги для народного чтения «Рассказы про старое время на Руси от начала Русской земли до Петра Великого», написанной А.Ф. Петрушевским, Бестужев-Рюмин выделил у историков два подхода к созданию подобной литературы. Одни старались, «выбрав всё наиболее важное из источников, передать события словами самих источников», оставляя «многое собственной догадке» читателей и воздействуя на них лишь «самою логикою фактов». Такой метод был «выгоден» тем, что «простодушный рассказ летописца близок к народному пониманию». Но более удачным учёному казался иной способ подачи материала: «Приняв во внимание воспитательный характер истории, изложить события таким образом, чтобы читателю ясными становились главные движущие идеи», которые в книгах для народа «не должны выступать в отвлечённости, но облекаться в известный образ». Лишь это могло «привести к ясному пониманию хода истории и тем способствовать развитию сознательного народного чувства». Правда, как признавал Бестужев-Рюмин, такой книги «ещё не появилось у нас», поскольку написать её мог только историк, знакомый «с приёмом народной аргументации и с языком и, наконец, со всем бытом народа»³¹.

Одновременно в конце 1860-х гг. происходила определённая систематизация терминологии, употреблявшейся в учебной литературе в отношении земель бывшего Великого княжества Литовского. Так, Учёный комитет МНП рекомендовал авторам не «сливать в одно» историю «Литовской Руси» и Польши «под именем Литовско-Польского королевства», учитывая «рознь» между «обеими странами». Кроме того, предлагалось избегать выражения «обращение Литвы в католичество» в 1386 г., а вместо «отмены унии» в 1839 г. говорить про «воссоединение униатов» и проч.³²

Отказавшись от просвещения белорусов и литовцев с помощью периодики, руководство ВУО во главе с Корниловым сосредоточилось на издании и распространении учебной литературы, способной, по выражению Ивана Петровича, «возбудить и укрепить в учащих сознание о единоплеменности, единоверности и неразрывном единстве западно-русского народа с Великою Россиею»³³. Попечитель стремился привлечь к работе над пособиями известных столичных историков и литераторов. Профессор Московского университета славянофил И.Д. Беляев подарил округу рукопись книги «Очерк истории Северо-Западного края России». Первоначально его планировалось включить в подготовленный ВУО православный месяцеслов на 1865 г. — первый, специально адаптированный для народного чтения. По распоряжению Корнилова книга Беляева, напечатанная в 1867 г. в Вильне тиражом 1 200 экз., была бесплатно распределена между всеми учебными заведениями округа³⁴. Для них и местных «грамотных простолюдинов» предназначались и «Рассказы о Западной Руси» Щебальского³⁵.

Одним из наиболее массовых изданий, использовавшихся для чтения в народных школах ВУО, был сборник «Пчела», вышедший под редакцией поэта

³¹ РГИА, ф. 733, оп. 193, д. 297, л. 141—143 об.

³² Там же, д. 349, л. 411 об.—413 об.

³³ Там же, л. 69.

³⁴ *Корнилов И.П.* Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьёвскую эпоху. Изд. 2. СПб., 1908. С. 140—142.

³⁵ *Щебальский П.К.* Рассказы о Западной Руси. Изд. 2. М., 1867.

Н.Ф. Щербины³⁶ и лично одобренный министром народного просвещения³⁷. В этой хрестоматии, включавшей 180 статей с картинками и нотами, имелся особый «литовский» раздел. По докладу Головина Александр II разрешил употребить 4,5 тыс. руб. из средств МНП на покупку у Щербины 4 тыс. экземпляров «Пчелы» для рассылки их во все губернии империи³⁸. Виленский генерал-губернатор К.П. Кауфман приобрёл у Щербины «на местные средства» ещё 4 тыс. экземпляров³⁹. В июне 1866 г. А.Ф. Гильфердинг, рекомендуя второе издание сборника для распространения в Холмском крае, сообщал кн. В.А. Черкасскому: «Так как оно напечатано в виде большого заказа для школ Северо-Западного края и на средства, доставленные ген[ералом] Кауфманом, то составитель сборника включил в него большое число статей, имеющих ближайшее отношение к русско-польскому делу. В настоящем её виде книга Щербины вышла едва ли не лучшим, существующим в литературе нашей, орудием пропаганды русской народности в краях, подвергаемых польским влияниям»⁴⁰. Сам Щербина называл свой сборник «книгой русской пропаганды», специально направленной на те «местности и окраины, где по политическим соображениям потребно содействие к большему развитию или утверждению русской народности, к тяготению к центру и сердцу России, к ознакомлению с великорусскими началами и великорусским народом»⁴¹.

Автором одного из учебников истории, написанного по заказу ВУО, стал директор Свенцянской гимназии В.И. Лапин. В 1868 г. в Вильне на средства учебного округа был издан его «Очерк русской истории для четвёртого класса гимназий, для прогимназий и уездных училищ Западного края» тиражом 2 400 экземпляров⁴². В 1867 г., осматривая школы Виленского и Дисненского уездов Виленской губ., автор «Очерка» требовал от преподавателей во время занятий «развития и подтверждения историческими фактами мыслей, что здешний и Юго-Западный край суть старинное достояние России, что даже и те из его обитателей, которые теперь называют себя поляками, суть большей частью потомки православных русских, ополячившихся под коварным влиянием римско-католического духовенства». При этом Лапин советовал в школах, где учились и православные, и католики, делать оговорки. Например, говоря о «вредном влиянии» католицизма в западных губерниях, «не называть пап и всё духовенство, во избежание оскорбления религиозного чувства учеников, а выставлять виновниками этого влияния иезуитов и их единомышленников»⁴³.

В «Очерке русской истории» Лапина, по сравнению с другими учебниками, уделялось больше внимания «Западной России». По мнению члена Учёного комитета Министерства народного просвещения А.И. Георгиевского, благодаря удачному подбору фактов этот учебник вполне соответствовал задачам подобного рода литературы — «возбуждению в учащихся сознания единства

---

³⁶ Щербина Н.Ф. Пчела. Сборник для народного чтения и для употребления при народном обучении. Изд. 2. СПб., 1866.

³⁷ РГИА, ф. 733, оп. 170, д. 186, л. 1.

³⁸ Там же, л. 39—39 об.; ЖМНП. 1865. Т. 128. № 12. Отд. I. С. 134.

³⁹ РГИА, ф. 733, оп. 170, д. 186, л. 41.

⁴⁰ ОР РГБ, ф. 327/II, к. 7, д. 15, л. 13 об.

⁴¹ РГИА, ф. 733, оп. 170, д. 186, л. 42.

⁴² В частном письме 24 июня 1870 г. Лапин благодарил Корнилова за покровительство при подготовке к публикации «Очерка» (ОР РНБ, ф. 377, д. 849, л. 5).

⁴³ Там же, д. 116, л. 1 об., 2 об.

русской земли и русского народа, сознания первоначально русского характера всех исторических деятелей нашего Западного края и вообще русского национального патриотического чувства»⁴⁴. Вместе с тем, хотя «Очерк» был рекомендован для чтения в народных и приходских училищах, Учёный комитет заставил автора исправить «резкие и суровые приёмы» изложения. «К чему все эти резкие выражения пред учениками, коих по крайней мере половина римско-католиков, как то “совратился в латинство”», — недоумевал Георгиевский. Как считал Александр Иванович, если бы учебник содержал конкретные исторические факты и более подробные биографии деятелей Западного края, то они скорее бы убедили молодых крестьян в том, что «в этой стране некогда господствовали русский язык и русское православие», чем «общие на этот счёт уверения, которые легко могут встретить недоверие и произвести противоположный эффект, особенно же если будут высказаны тоном беспокойным и раздражительным»⁴⁵.

Критика учебника Лапина в целом соответствовала той общей позиции, которой придерживались в сфере начального образования как учебное ведомство, так и Синод. В её основе лежало стремление избегать любой конфессиональной конфронтации и «полемики в катехизисе». Эта позиция не изменилась под влиянием польского восстания и последовавшей политики русификации в западных губерниях. Характерно, что в январе 1868 г. Учебный комитет при Синоде отказался рекомендовать для использования в народных школах края брошюру «О римско-католической церкви», составленную священником Василием Михайловским, законоучителем 1-го военного Павловского училища в Петербурге⁴⁶. В первой же её фразе католичество определялось как «отпадшее от истинно Христовой Церкви общество христиан, которое находится в церковной зависимости от римского епископа, называемого папою». Не возражая по существу, Учебный комитет счёл это сочинение не соответствующим ни характеру сельских учебных заведений, ни общему объёму знаний их учеников. В заключении комитета указывалось также на «несообразность» и абсурдность такого духовного образования, при котором детей, едва приступивших к знакомству с основами христианской веры, начинают «учить о причинах разделения церквей, незаконности папских притязаний на главенство, несогласии с евангельским учением светской власти пап, неправильности учения латинян об исхождении Св. Духа и от Сына, об индульгенциях и т.п.». Тем не менее Учебный комитет разрешил приобретать эту брошюру для библиотек народных училищ⁴⁷.

Хотя основные усилия руководства ВУО были направлены на формирование самосознания белорусских крестьян, оно признавало потребность и в учебной литературе для исторического воспитания литовского населения края. Интерес к этому проявлял в середине 1860-х гг. доцент Варшавского университета литовец С.П. Микуцкий. Он предложил Корнилову подготовить особую книгу для чтения, по которой учили бы литовцев, и даже набросал краткие тезисы, очерчивавшие её содержание. В этом учебнике видное место заняла бы

⁴⁴ РГИА, ф. 733, оп. 193, д. 349, л. 69—70, 215—218.

⁴⁵ Там же, л. 222 об.—223 об.

⁴⁶ Там же, оп. 170, д. 111, л. 295—312 об.; *Михайловский В.* О римско-католической церкви. СПб., 1867.

⁴⁷ РГИА, ф. 733, оп. 170, д. 111, л. 294—294 об.

«история литовского народа», которая, по так и не реализованному замыслу автора, неразрывно связывалась с судьбами русских земель. «Встарь, — писал Микуцкий, — почти вся Литва была сплошным дремучим лесом... Русские князья подчинили себе Литву... Русский язык и христианская вера малопомалу стали распространяться в Литве. После монгольского разгрома литовские князья завладели обширными областями западно-русскими, и возникло литовско-русское княжество и с древне-русским гербом, т.е. всадником... Во время несчастного союза литовско-русского княжества с Польшею литовский народ подвергся страшному рабству. Воссоединилась Литва с Русскою державою, и русское правительство стало принимать меры для облегчения судьбы литовского народа»⁴⁸.

Таким образом, в 1860-х гг., одновременно с развитием системы начального образования, как в кругах высшей бюрократии, так и среди профессиональных педагогов обсуждались способы сформировать у крестьян Северо-Западного края сознание связи с общим отечеством — Россией, а у белорусов — духовного, а также «племенного» единства с русским народом. Однако целый ряд культурно-просветительских и издательских проектов так и остался неосуществлённым. Власти вынуждены были учитывать и ограниченные финансовые возможности учебного ведомства, и слабое развитие книготорговой и почтовой инфраструктуры, и неграмотность значительной части крестьян, и этноконфессиональную специфику региона. Вместе с тем как историки и педагоги, так и чиновники оказались вовлечены в разработку новой концепции истории «Западной России», более соответствовавшей пореформенным представлениям о «народности» и лучше подходившей для популяризации в крестьянской среде.

---

⁴⁸ ОР РНБ, ф. 377, д. 279, л. 1—1 об.

«Русский союз на Украине» и национальное самоопределение русского населения УНР весной 1918 г.

Антон Чемакин

«Russian Union in Ukraine» and the national self-determination
of the Russian population of the UPR in the spring of 1918

Anton Chemakin

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870017394-4

Одним из характерных явлений 1918 г. было создание всевозможных над-партийных организаций, объединявших на персональной основе деятелей разнообразных политических группировок («Левый», «Правый», «Национальный» центры, Союз возрождения России и т.п.). К их числу принадлежал и Русский союз на Украине (РСНУ), включавший в себя представителей эсеров, меньшевиков, русских националистов и др. Он стал одной из первых попыток самоорганизации русского населения Украины, неожиданно для себя оказавшегося в статусе национального меньшинства в новообразованной Украинской народной республике (УНР). К сожалению, он до сих пор не привлекал внимания российских исследователей.

Между тем «самостийники» реагировали на его возникновение довольно болезненно. Так, в меморандуме украинских политических партий 8(21) мая 1918 г. отмечалось, что при новом гетманском правительстве «распространил свою антигосударственную и антиукраинскую деятельность Русский союз на Украине, который поставил себе ясную цель: мобилизацию сил для восстановления “единой неделимой России”. В этот союз входят члены разных российских партий, от демократических до крайних реакционеров; значит, и те партии и общественные группы, к которым принадлежат и члены нынешнего Кабинета министров»¹. Один из лидеров левого крыла украинского движения В.К. Винниченко вспоминал, что при гетмане «русские все (за исключением большевиков) вступили в “Русский союз”, который имел целью борьбу с украинством. Черносотенцы, кадеты, меньшевики и эсеры — все, под защитой немцев и лизоблюдов, шли походом на украинское возрождение»². Наиболее подробно (и притом некорректно) РСНУ характеризовал украинский социал-демократ П.А. Христюк: «Основание в мае месяце “Русского союза” (с центром в Киеве) мотивировалось необходимостью объединить силы “русских” на Украине для

© 2021 г. А.А. Чемакин

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00414 «“Богдановцы против мазепинцев”»: русское движение Киева в 1917–1919 гг.». Funding: The reported study was funded by RFBR, project № 20-09-00414.

¹ Меморандум українських політичних партій // Самостійник. 1918. 2 червня. № 6. С. 3.

² Винниченко В. Відродження нації (Історія революції [марець 1917 р. — грудень 1919 р.]). Ч. III. Київ; Відень, 1920. С. 72.

защиты и развития московской культуры на Украине и прежде всего московской школы. В действительности же цель была совершенно иной. Говорить про необходимость защиты московской культуры было просто смешно, так как никто её прав не нарушал: наоборот, гетманщина делала всё, чтобы под формулой равенства украинского и московского языка в государственных, общественных и научных учреждениях Украины вернуть московскому языку давнее господствующее положение. Дело и шло об этом последнем. За этим “Русский союз” преследовал цель восстановления России в старых, дореволюционных границах. Эта цель, конкретное формулирование которой каждая московская группа или партия давала в соответствии со своим социально-политическим мировоззрением, вместе с борьбой за господствующее положение московской культуры на Украине, объединяла в “Русском союзе” самые разнородные московские группы, партии и классы на Украине, начиная от кадетов и некоторых правящих групп и кончая московскими народными социалистами, социалистами-революционерами и социал-демократами меньшевиками. Не входили в состав “Русского союза” из левых социалистических российских партий только большевики³. В украинских левых кругах явно стремились дискредитировать гетманский режим, увязав его с «Русским союзом», и доказать, что все русские политические группировки, даже самые «прогрессивные», интернационалистские и социалистические, настроены против украинского движения и ради борьбы с ним готовы пойти на союз с черносотенцами. Для этого в «Русский союз» «записывали» не отдельных эсеров и меньшевиков, а сами партии, хотя они не только в него не вступали, но и публично осудили контакты с правыми. Одновременно стужёвывалось то, что наиболее активно РСНУ действовал не *после*, а *до* прихода к власти П.П. Скоропадского, тогда как к концу мая 1918 г. он фактически распался. Однако и современные украинские историки практически без изменений воспроизводят представления, родившиеся в пылу политической борьбы столетие назад⁴.

Рассматривая деятельность РСНУ, необходимо учитывать особенности политики УНР в отношении «национальных меньшинств». Ещё в августе 1917 г. при создании Генерального секретариата Украины Временное правительство издало инструкцию, которая предусматривала назначение секретаря по национальным делам и трёх его товарищей (заместителей), представлявших «все четыре наиболее многочисленные национальности Украины». Соответственно генеральным секретарём по национальным делам становился украинец, а три его товарища подбирались из великороссов, поляков и евреев (на заседаниях Генерального секретариата они имели право совещательного, а по вопросам своей национальности — решающего голоса). После издания III универсала Центральной рады, провозгласившего лозунг национально-персональной автономии, представители евреев, поляков и великороссов получили статус ге-

---

³ Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції 1917—1920 рр. Т. III. Відень, 1921. С. 70—71.

⁴ Грищенко А. Спектр основних політичних сил в Україні періоду Гетьманату (1918 р.) // Студії з архівної справи та документознавства. 1999. Т. 5. С. 27; Солдатенко В.Ф. Українська революція: концепція та історіографія (1918—1920 рр.). Київ, 1999. С. 188; Крушина В.О. «Білі» сили як чинник активізації політичної боротьби в українській державі (1918 р.) // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Збірник статей. Вип. 7. Київ, 2004. С. 227.

неральных секретарей и вошли в состав Генерального секретариата в качестве полноправных членов⁵.

19 октября генеральным секретарём по великорусским делам стал принадлежавший к Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП) историк Д.М. Одинец, впоследствии вспоминавший, что переехал он из Петрограда в Киев по заданию Временного правительства «в целях защиты русских людей от возможного проявления украинского шовинизма»⁶. Различные структурные подразделения ведомства возглавили преимущественно деятели левых общероссийских партий, например, директором Департамента общих дел стал эсер А.Н. Зарубин, одним из его отделов заведовал меньшевик А.К. Елачич⁷.

9 января 1918 г. Центральная рада приняла закон о национально-персональной автономии, согласно которому меньшинствам предоставлялось право создавать союзы для отстаивания своих интересов в учреждениях УНР и ведения именных списков (каждый гражданин мог требовать своего включения в них или, наоборот, исключения). Финансировать эту работу предполагалось из бюджета УНР и органов местного самоуправления соразмерно численности каждого союза. Впоследствии планировалось созвать национальные учредительные собрания — высшие представительные органы соответствующих союзов, избранные всеми внесёнными в их списки гражданами УНР старше 20 лет на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования по принципу пропорционального представительства. Затем они формировали бы исполнительный орган — Национальную раду⁸.

Тогда же, в январе 1918 г., после провозглашения независимости УНР, секретариат по великорусским делам преобразовали в министерство. В течение весны оно находилось в процессе организации, и к концу апреля его структура состояла из департаментов общих дел (в него входили канцелярия и отделы — информационный, текущего законодательства, статистический, национально-персональной автономии, бухгалтерский, хозяйственный и помощи, делившийся на подотделы — эвакуационный, питательный, медико-санитарный, призрения трудоспособных) и народного просвещения (отделы — искусств и книжный). Всего в ведомстве, располагавшемся в одном из номеров Большой Славянской гостиницы (Бассейная улица, д. 1), работали 155 служащих⁹.

Министерству поручалось координировать деятельность местных великорусских органов самоуправления (общинных советов и их союзов) и со временем провести выборы в Великорусское учредительное собрание на Украине, после чего министерские отделы выполняли бы контролирующие функции. Но прежде следовало провести перепись населения и составить «национальный кадастр» (списки избирателей данной национальности). Осуществить её хотели сначала в крупнейших городах (Киеве, Харькове, Екатеринославе, Одессе, Херсоне, Николаеве, Полтаве, Чернигове, Каменец-Подольске и Виннице), но на это требовалось около 1,2 млн руб., а чтобы охватить ею всю Украину —

---

⁵ Центральный державний архів вищих органів влади та управління України (далее — ЦДАВО України), ф. 1126, оп. 1, д. 6, л. 4—4 об.

⁶ Историк русского зарубежья: Дмитрий Одинец // Гасырлар Авазы — Эхо веков. 1999. № 1/2. С. 144.

⁷ Организация министерства // Русский голос. 1918. 14(1) апреля. № 1. С. 4.

⁸ Українська Центральна рада: документи і матеріали. Т. 2. Київ, 1997. С. 99—101.

⁹ ЦДАВО України, ф. 1126, оп. 1, д. 6, л. 4 об., 10; Генеральное секретарство по великорусским делам // Киевлянин. 1917. 16 декабря. № 276. С. 1.

5 млн руб. А поскольку деньги отсутствовали, в ожидании их отпуска ведомство занималось подготовительными работами.

Кроме того, поскольку из-за демобилизации армии на территории УНР оказалось множество уроженцев великорусских губерний, министерство приняло на себя заботу об их эвакуации в Россию, отправив туда за полгода 40 эшелонов с демобилизованными военнослужащими и 12 санитарных поездов с ранеными, больными, инвалидами, женщинами и детьми (из одного Киева выехало свыше 86 тыс.). Для демобилизованных устраивались пункты питания, на которых сотрудники министерства выдали свыше 30 тыс. обедов и 15 тыс. порций чая; в амбулатории приняли 250 пациентов. Тем, кто вынужден был остаться на Украине, старались помочь: выдавались справки, возбуждались ходатайства о неправомерных арестах великороссов, необоснованном выселении их из занимаемых квартир или увольнении со службы, безработных пытались устроить в специально организованные мастерские; создавались детские приюты и богадельни.

Министерство намеревалось взять на себя руководство русскими школами, включая музыкальные и театральные, театрами (драмой и оперой), библиотеками. Исследовался национальный состав учащихся, выяснялись пожелания родителей относительно языка преподавания, определялась потребность в учебниках и пособиях. Одна из основных проблем заключалась в том, что более чем в 90% школ Украины велось преподавание на русском языке, но в проекте нового школьного бюджета русским учебным заведениям выделялось финансирование, соответствовавшее процентной доле великороссов, при этом они лишались чуть ли не $\frac{9}{10}$ зданий и имущества. Улучшить это положение, по мнению сотрудников ведомства, должно было, «с одной стороны, развитие частного школьного строительства, с другой — создание национального фонда, который путём крайнего напряжения платёжных сил великорусской части населения Украины дал бы возможность хоть отчасти поддержать очаги русской культуры на Украине». Но пока этих средств не было, чиновники вели переговоры с организациями учителей и родительскими комитетами, ходатайствовали об увеличении числа школьных инструкторов и т.п.¹⁰

Министерство по делам великороссов являлось сугубо бюрократической структурой, но ещё летом—осенью 1917 г., когда началось создание воинских частей по национальному признаку, в армии и на флоте стали появляться великорусские общественные организации. В Москве в конце 1917 г. группой лиц, примыкавших к ТНСП, вместе с деятелями кооперации был создан «Великорусский союз», начала выходить газета «Великоросс». В Киеве в ночь на 1 января 1918 г. старший техник Т.С. Ляпин, служивший в управлении гидротехнических работ армий Юго-Западного фронта, расклеил воззвания с призывом к великороссам объединяться и создавать местные, уездные, губернские и областные веча¹¹. В газетах появилось обращение Организационной группы великороссов (Т.С. Ляпин, И.И. Гапонов, поручик В.А. Шишкин), призывавшее всех великороссов, живших на Украине, записываться в её ряды¹². 5 января на собрании был принят устав «Организации великороссов на Украине», согласно

¹⁰ ЦДАВО України, ф. 1126, оп. 1, д. 6, л. 5 об.—10.

¹¹ Ляпин Т.С. Русское национальное движение, его источники и задачи // Голос Киева. 1918. 5 мая (22 апреля). № 18. С. 3.

¹² Великоорусское вече // Киевская мысль. 1918. 5 января. № 4. С. 1.

которому она принимала на себя «обязанности по защите интересов граждан великорусской народности на территории Украины на началах свободного неограниченного самоопределения этой народности». Состоять в ней могли все лица русского происхождения, вне зависимости от партийной принадлежности. Она собиралась наладить «1) организацию представительных органов великорусской народности; 2) охрану великорусской культуры и прав великорусского языка на Украине; 3) охрану политических, гражданских и служебных прав великоруссов от возможных ограничений этих прав; 4) демократизацию русской культуры среди великоруссов на Украине путём развития просветительной деятельности; 5) охрану добрых отношений между великорусскими и другими национальностями путём организованного вмешательства; 6) поддержку культурной связи со всеми великоруссами независимо от их местопребывания». Во Временный совет организации вошли Т.С. Ляпин, И.И. Гапонов, М.М. Попов, М.М. Сухогин, П.В. Самохвалов, И.И. Щербинский и В.Н. Свирелин. Её лидеры утверждали, что только за первую неделю к ним присоединилось до 10 тыс. человек из различных партий и группировок¹³. Тем временем слушательницы Высших женских курсов создали женскую великорусскую организацию¹⁴. 17 января 1918 г. в помещении Киевского университета состоялось первое собрание великоруссов Киева, заинтересовавшее, по словам Ляпина, «необычайно большое количество публики и прошедшее с подъёмом, напоминающим времена Минина и Пожарского»¹⁵.

Но несмотря на столь бодрые отчёты и заявления, было очевидно, что звучащие в них цифры сильно завышены, а большая часть коренного населения Киева восприняла «великорусское движение» равнодушно. Украинцы даже иронизировали по поводу того, что на нужды бедствующих великоруссов удалось собрать всего около тысячи карбованцев, хотя «кто-то насчитывает в Киеве 60% великоруссов»¹⁶.

Действительно, согласно переписи, проведённой в начале осени 1917 г., в городе проживали 231 403 русских (50,26% жителей), 56 225 украинцев (12,21%), 20 567 малороссов (4,47%), 1 895 белорусов (0,41%) и 1 480 русинов (0,32%)¹⁷. Национальность указывалась на основании показаний самих опрашиваемых. При этом в число «русских» записывали как великоруссов, так и тех малороссов, которые сочли общерусскую идентичность более важной. Характерно, что 71,9% киевских русских родились в пределах губерний, вошедших в состав Украины¹⁸, и очевидно, что значительную часть из них составляли именно малороссы, а также те киевляне, которые считали себя просто русскими, без причисления к тому или иному региональному субэтносу.

Между тем по законам УНР ни русские, ни малороссы, несмотря на своё самоопределение, никакой национально-персональной автономии не получали — она доставалась только «великороссам». В Министерство по великорусским делам обращались как отдельные лица, так и целые группы, называвшие

¹³ Великорусское движение на Украине // Последние новости. 1918. 11 января. № 4867. С. 4.

¹⁴ Среди курсисток-великоруссок // Киевлянин. 1918. 12 января. № 9. С. 1.

¹⁵ Ляпин Т.С. Указ. соч. С. 3.

¹⁶ У великоруському міністерстві // Нова рада. 1918. 3 квітня (21 березня). № 48. С. 2.

¹⁷ Статистический бюллетень по городу Киеву. Январь—февраль—март 1918 г. Вып. 1. Киев, 1918. С. 8—9.

¹⁸ Результаты предварительного подсчёта населения г. Киева по месту рождения // Киевские городские известия. 1918. 4 октября. № 19. Стб. 73.

себя малороссами и сообщавшие о нарушении своих прав и интересов, но им отвечали, что их защита не входит в компетенцию ведомства¹⁹. Доходило до того, что в школьной анкете украинские власти записывали всех, самоопределившихся как малороссы, в украинцы²⁰. Юридически в УНР ни русских, ни малороссов не существовало и существовать не могло.

Указывая на это, Е.Г. Шульгина, жена лидера киевских русских националистов В.В. Шульгина, писала: «В самом деле, кто такое великоросс? Выходец из Великороссии, т.е. в настоящее время некто совершенно чужой, пришелец, никаких корней на Украине не имеющий. Вчера, быть может, он пришёл и может завтра уйти... А русский? Русский ведь мог очутиться здесь, никогда сюда не приходя, а всегда здесь пребывая, и у него может не быть поводов и причин отсюда удалиться. Ещё так недавно здесь была Россия и потому каждый местный уроженец мог прежде всего определять себя русским. С какой стати человек, здесь родившийся от отцов и дедов, здесь же работавших, будет называть и считать себя “великороссом”? Великоросс есть понятие, так сказать, провинциальное, относящееся к определённой количеству губерний бывшего Российского государства. Ни сибиряк, ни пермяк, ни донской казак — великороссами себя в этом смысле не назовут». Тем самым использование термина «великоросс» сужало и искажало свободу самоопределения, заставляя коренных уроженцев называть себя пришельцами извне²¹. Кроме того, нарушался зафиксированный в законе принцип, ведь «если бы в Украинской народной республике нашлось десять тысяч граждан, которым вдруг вздумалось бы самоопределиваться, назвав себя китайцами, готтентотами или папуасами, то — по смыслу и букве закона — никто им в этом помешать не мог бы, и государству пришлось бы считаться с внезапно объявившимися китайцами, готтентотами или папуасами». Но на миллионы русских, проживавших на Украине, это правило не распространялось²².

Шульгина также напоминала, что «по переписи, произведённой в Киеве, более 20 000 граждан определили себя малороссами. Малороссия — это то название нашего края, которое было принято в Русском государстве. Малороссы — это те коренные уроженцы и жители Юга России, которые никоим образом в великороссов, т.е. в пришельцев из Великороссии, обращены быть не могут, так как они себя назвали даже не русскими, а именно малороссами, подчёркивая этим своё местное происхождение и ориентацию. Малороссы — это те “украинцы”, которые отличаются от украинцев без кавычек тем, что они ощущают свою национальную связь с остальной Россией, с одной стороны, а с другой — считают общерусскую культуру своей родной, неотъемлемой культурой. Это “украинцы” Богдана Хмельницкого, с одной стороны, и Николая Гоголя — с другой». Именно они попали в УНР в наиболее угнетённое положение, поскольку великороссы всё же имели, хотя бы формально, и «своё» государство — Советскую Россию, и защищавшее их министерство. Малороссов же (как и русских в целом) лишили даже права на самоназвание. Тем самым, заключала Шульгина, созданное на основе «свободы самоопределения» народностей украинское государство, переименовывая русских в великороссов и вовсе

¹⁹ О малороссах // Киевская мысль. 1918. 14 января. № 11. С. 2—3.

²⁰ Грушевский С.Г. Национальный состав населения г. Киева // Малая Русь. 1918. Вып. 3. С. 55.

²¹ Алексеев Е. [Шульгина Е.Г.] Русский вопрос. II // Голос Киева. 1918. 17(4) апреля. № 2. С. 1.

²² Алексеев Е. [Шульгина Е.Г.] Русский вопрос. I // Голос Киева. 1918. 14(1) апреля. № 1. С. 1.

игнорируя малороссов, «рубит тот сук, который его так недавно поддерживал и продолжает поддерживать». В этой ситуации обделённым национальным группам оставалось лишь начать легальную борьбу за точное исполнение законов УНР: «Русские имеют полное право требовать, чтобы Великорусский секретариат был переименован в Русский секретариат, чтобы национально-персональная автономия была дана именно русскому, а не великорусскому народу, ибо термин русский обнимает собою и русских в тесном смысле слова великороссов, и малороссов»²³.

Выразителем интересов малороссов выступил Внепартийный блок русских избирателей (ВБРИ) во главе с Шульгиным, созданный на базе Киевского клуба прогрессивных русских националистов и ряда более мелких организаций. В январе 1918 г. во время выборов в Учредительное собрание УНР он победил на большинстве избирательных участков Киева²⁴. При этом «шульгинцы» настойчиво отмечали, что круг кандидатов, выдвинутый ВБРИ, «никогда великорусским списком не был — это список русский и по преимуществу малорусский»²⁵. Успех Шульгина на выборах со всей очевидностью показывал, что малороссов в Киеве проживало намного больше тех 4,5%, которые насчитали при переписи.

Фактически в Киеве начала 1918 г. разделение на «великороссов» и «малороссов» было не столько этнографическим и региональным, сколько партийно-политическим. Человек, согласившийся назвать себя «великороссом», тем самым показывал, что он — левый, социалист, демократ, сторонник федерализма, признающий правомочность украинского движения и выступающий лишь против его националистических крайностей. Те же, кто позиционировал себя «малороссами», своим самоназванием заявляли, что они — правые, консерваторы, монархисты, русские националисты и противники украинства как такового. Конечно, встречались и исключения — и среди «великороссов» попадались правые, и среди «малороссов» — сторонники социализма, но они скорее подтверждали общее правило. «Великороссы» соглашались на роль «национального меньшинства» (многие из них или уезжали с Украины, или собирались уехать в будущем), «малороссы» же, не отрицая возможности легальной борьбы в УНР, напротив, полагали, что «украинцы» — это не народ, а изменившая ему политическая партия. «Великороссы» группировались вокруг «своего» министерства, «Организации великороссов на Украине» и левых общероссийских партий (в первую очередь народных социалистов, в меньшей степени — меньшевиков и эсеров), «малороссы» — вокруг ВБРИ и его фракции в киевской городской думе. Отношение украинских властей к организациям «великороссов» и «малороссов» было соответствующим: с первыми обращались в целом вежливо, пусть и с долей снисхождения, вторых старались не замечать. Возможно, лишь присутствие немцев мешало перейти к открытым репрессиям против «шульгинской» группы.

Неудивительно, что у «великороссов» имелись связи во властных кругах и широкие возможности для легальной работы, но не было поддержки киев-

²³ Алексеев Е. [Шульгина Е.Г.] Русский вопрос. II. С. 1.

²⁴ Подробнее см.: Чемакин А.А. Русские националисты и электоральная борьба в Киеве в условиях революции и гражданской войны (1917—1919) // Российская история. 2019. № 5. С. 132—158.

²⁵ Среди газет // Киевлянин. 1918. 12 января. № 9. С. 3.

лян (на выборах в Учредительное собрание УНР кадеты, меньшевики, эсеры и энесы вместе взятые получили немногим более 11%, тогда как ВБРИ — почти 30% голосов²⁶). «Малороссы» пользовались большой популярностью, но конфликтовали с властями, а после того, как Шульгин, не желавший сотрудничать с немецкими оккупантами, демонстративно закрыл «Киевлянин», лишились собственного печатного органа и до середины апреля оставались без своей газеты (затем их рупором стал «Голос Киева»).

Весной 1918 г., после изгнания большевиков и занятия Украины немцами, в Киеве сложилась весьма напряжённая обстановка. Национальные страсти бурлили, доходило даже до того, что украинские военные арестовывали в кофейне на Думской площади тех, кто вёл разговоры на русском языке²⁷. Министерство по великорусским делам, несмотря на то, что оно являлось правительственным учреждением, позволяло себе, пусть и в осторожной форме, делать критические заявления. «Хотя формально Рада стоит на платформе 3 и 4 универсалов, на платформе “государства национальностей”, а не “национального государства”, — говорилось в его официальном бюллетене, — однако в действительности мы присутствуем при проявлениях национализма. Естественное и вполне законное озлобление против большевиков-воителей и разорителей страны переносится в разнообразных украинских кругах на национальные меньшинства и особенно на русское, заподозряемое в солидарности с большевизмом, и на еврейское»²⁸.

Становилось понятно, что для более продуктивной деятельности «великороссам» и «малороссам» следовало объединиться в «общерусской» организации. Кадеты, поддерживавшие отношения и с теми, и с другими, стали посредниками. На первых порах интерес к созданию новой структуры проявляли даже меньшевики и эсеры, понимавшие, что и в Киеве, и на Украине в целом происходит процесс национальной дифференциации. Если летом 1917 г. на выборах в городскую думу за «межнациональные» списки голосовало более 50% киевлян, то к январю 1918 г. — лишь чуть более 20%. Подавляющая же часть их сторонников ушла к националистам — русским, украинским, еврейским, польским²⁹. Если бы эти тенденции получили развитие, общероссийские левые партии вскоре могли и вовсе остаться без электората. А так как в украинском или еврейском лагере их никто не ждал (там были собственные социалистические партии), меньшевики и эсеры решили попробовать внедриться в русское движение, сохраняя, правда, приверженность своим доктринам. В результате было решено создать внепартийное объединение на базе «Организации великороссов на Украине», которая возобновила работу после изгнания из Киева большевиков и занималась переработкой своего устава, надеясь выйти за «этнографические» рамки и открыть доступ в свои ряды не только «для русских по происхождению», но и «для тех, кто самоопределяет себя русским и считает русский язык и русскую культуру своими родными независимо от своего происхождения»³⁰.

²⁶ ЦДАВО України, ф. 1133, оп. 1, д. 53, л. 25 об.—26.

²⁷ Заявление министра по великорусским делам // Киевская мысль. 1918. 6 апреля (24 марта). № 43. С. 1.

²⁸ Лукин А. Национальные проблемы (Сводка к 29 марта) // Бюллетень Народного министерства по великорусским делам Украинской Народной Республики. 1918. 1 апреля. № 1. С. 2.

²⁹ Результаты киевской переписи // Киевская мысль. 1918. 2 апреля (20 марта). № 39. С. 3.

³⁰ Ляпин Т.С. Указ. соч. С. 3.

Важную, а возможно и ключевую, роль в наметившемся сближении сыграл 33-летний присяжный поверенный, член московского городского комитета Партии народной свободы (ПНС) Евгений Амвросиевич Ефимовский. Окончив историко-филологический, а затем юридический факультеты Московского университета и будучи во время учёбы председателем студенческой кадетской фракции³¹, он принадлежал к правому крылу партии, являлся искренним сторонником конституционной монархии и активно участвовал в славянском движении. Оказавшись после развала фронта в Киеве, Ефимовский погрузился в местную общественную жизнь и впоследствии вспоминал: «Киев захватил меня и активной национально-политической борьбой. Она была для меня чрезвычайно сложной: по отцовской линии я — орловский потомственный дворянин; по материнской — черниговский казак-земледелец; родился и кончил гимназию в Елисаветграде Херсонской губернии; университет — в Москве, и адвокатом был московским. Извольте определить меня с точки зрения “ипостаси”: кто я? — Великоросс или малоросс? Я сам не чувствовал себя ни “кацапом”, ни “хохлою”, а просто — русским. По лекциям Ключевского я знал, что с точки зрения этнологической малороссы более русские, чем сами великороссы. Но в Москве я чувствовал себя больше дома, чем в Киеве, и это при том условии, что я Киев обожал, а Москву любил»³². Однажды ему довелось посетить собрание «великороссов»: «Прихожу. Большая аудитория полна до отказа. Публика — разношёрстная. Начинаются “великоросские прения”. В них врывается громкий голос: “Мы не кацапы; мы — русские!” — Гром аплодисментов»³³. Примерно тогда и возникла инициативная группа политиков разных взглядов, решивших образовать Русский союз на Украине «для удовлетворения культурных нужд и защиты правовых и экономических интересов русских граждан в пределах Украины»³⁴.

24 февраля (9 марта) 1918 г. под председательством министра по великорусским делам Д.М. Одинца состоялось совещание, на котором присутствовали А.Н. Зарубин, В.А. Смирнов, П.К. Соколов, А.В. Башинский, И.Н. Алексеев, П.Г. Антонец, В.К. Калачевский, Е.А. Ефимовский, М.М. Сухотин и др., преимущественно — социалисты и кадеты. Формально обсуждалась организация «великорусской общины», но фактически речь шла о создании нового союза с участием «малороссов». Некоторые эсеры и меньшевики, признавая необходимость выхода за «великорусские» рамки, считали всё же сотрудничество с «шульгинской» группой опасным. Так, например, меньшевик Алексеев говорил, что «необходимо отделить от себя “малороссов”, так как задачи разные». Глава Киевского военно-республиканского союза Башинский также выступал против сотрудничества с «малороссами», в которых он видел противников идеи самоопределения, и утверждал: «Слова “мы малороссы” — это вызов украинцам, это не в наших интересах. Поэтому нам не по пути. И не следует бояться разрыва с малороссами, ибо это чистые “шульгинцы”. По их пути — пути реставрации, нельзя идти. Необходимо организовать “русский национально-украинский союз”, преследующий наряду с прочими целями объединение с

³¹ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 317, д. 334, л. 2, 18, 28; *Ефимовский Е.А.* Встречи на жизненном пути. Париж, 1994. С. 24—25.

³² *Ефимовский Е.* В русском Киеве в 1918 году. Политические силуэты (Отрезок времени) // Возрождение. 1958. № 78. С. 129.

³³ Там же. С. 130.

³⁴ Русский союз на Украине // Киевская мысль. 1918. 22(9) марта. № 31. С. 3.

украинской демократией». К противникам объединения с «малороссами» присоединился и эсер Зарубин³⁵.

Вместе с тем меньшевик Смирнов заявлял, что не следует из политических соображений отталкивать «значительную часть людей, родившихся на Украине, но признающих русскую культуру». А Соколов доказывал, что не все малороссы являются «шульгинцами»: «Эти элементы просто далеки от шовинистической политики Генерального секретариата. Эту часть населения не следует отбрасывать от себя. Очень многие, будучи украинцами по происхождению, не могут примириться с последними событиями и нравственно не могут стать украинскими подданными. К этому вопросу нужно отнестись осторожно и не отмахиваться от этой значительной группы». Народный социалист Антонец не видел смысла бояться малороссов, входящих в организацию персонально, и допускал возможность альянса с «шульгинцами» даже в некоторых политических делах. Ефимовский настаивал на объединении с малороссами, «дабы не передавать их “шульгинцам”»³⁶.

Наименование организации также вызвало споры. Левые опасались, как бы выражение «Русский союз» не отпугнуло рабочих. Одинец же полагал, что данный вариант «производит впечатление правильного названия, ибо Великобритания — территориальный, а не культурный термин. Ни сибиряки, ни поморы не назовут себя великороссами, а только русскими». И если «в анкете, произведённой школьной радой, есть указание, что именующие себя русскими — великороссы, а малороссами — украинцы», то учреждаемый союз «должен оказывать защиту всем, называющим себя русскими». Министр обещал привлечь членов организации к работе своего ведомства, назвать же её предложил «Союзом по защите и развитию русской культуры на Украине», лишив тем самым всякого политического характера. Ефимовский и Сухотин возражали против этого, а Башинский констатировал, что «текущий момент требует другой организации», особенно если она желает привлечь массы³⁷.

К составлению устава союза эсер Зарубин предлагал привлечь представителей профсоюзов и заводских комитетов великороссов, что позволило бы заручиться поддержкой масс. Но Ефимовский напомнил, что устав уже выработан и принят, и присутствующим нужно немедленно дать согласие на вхождение в совет. Впрочем, как отмечали Сухотин и Соколов, впоследствии учредительные документы можно было пересмотреть с участием общественно-политических и профсоюзных деятелей. По мнению Одинца, прежде всего требовалось сформировать Временный совет, и участники встречи тут же наметили список кандидатов для баллотировки³⁸.

В итоге было решено связаться с «малороссами», принять название «Русский союз на Украине», а на ближайшем же собрании утвердить устав и избрать Временный совет. Зарубин, Башинский и те представители левых групп, чьи мнения не учитывались, войти в руководство РСНУ отказались. «Малорусская» же группа, приглашённая в его состав, к нему присоединилась. Но, понимая, что меньшевики и эсеры, выразившие готовность сотрудничать с «малороссами», подвергнутся нападкам со стороны своих однопартийцев,

³⁵ ЦДАВО України, ф. 1126, оп. 1, д. 3, л. 1—2 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Шульгин и его жена, «стараясь облегчить их положение, не вошли в члены этого союза»³⁹. Вместо этого ВБРИ делегировал в РСНУ профессоров А.Д. Билимовича и П.М. Богаевского.

25 февраля (10 марта) 1918 г. в аудитории Киевского университета состоялось заседание учредителей РСНУ. Устав, принятый ими, очерчивал задачи союза: «а) объединение и организация живущих в пределах Украины русских, как уроженцев великорусских губерний и других частей России, так и уроженцев Украины, но признающих себя принадлежащими к русской народности и сознающих себя носителями общерусской культуры; б) охрана национальных прав русских на Украине и создание представительного органа от русского населения на Украине; в) защита русских культурных интересов и развитие общерусской культуры на Украине»⁴⁰. На этом же собрании избрали Временный совет РСНУ (националисты А.Д. Билимович и П.М. Богаевский, кадеты А.В. Жекулина, С.Г. Крупнов и С.Н. Луначарская, энесы П.Г. Антоневич и В.К. Калачевский, эсер П.И. Незлобин, меньшевик И.Н. Алексеев, «великоросс» Т.С. Ляпин, а также Т.А. Каменев, В.И. Селинов, П.К. Соколов и профессор Е.В. Спекторский) и его президиум (председатель — кадет Е.А. Ефимовский, члены — меньшевики В.А. Смирнов и А.К. Елачич, «великоросс» М.М. Сухотин и В.В. Буверт)⁴¹.

Одобренное на том же заседании воззвание РСНУ звучало весьма «прогрессивно»: «Русский союз на Украине (образовавшийся на этих днях) зовёт в свои ряды всех граждан русских по происхождению, а также всех, самоопределивших себя русскими и считающих русский язык и культуру своими родными, независимо от своего происхождения. Одним из главных ценных благ, достижения коих добивалась революция, было помимо раскрепощения личности и раскрепощение угнетённых народностей. Революция сокрушила оковы и дала всем народностям, в том числе украинской, возможность свободно развиваться. На Украине создаются новые государственные формы и одной из их основ объявлено равенство народов, населяющих Украину. К сожалению, идеал национального равенства далеко не воплощается в жизнь. Первейшей задачей Союза является всемерное содействие проведению в жизнь начал национального равенства. Исповедуя братство народов, уважая и ценя каждую национальную культуру, не преследуя никаких наступательных целей, не посягая ни на чьи права, Союз вместе с тем будет твёрдо стоять на страже национальных прав русских на Украине и прав русского языка. Другой задачей Союза является объединение всех русских на почве удовлетворения культурно-просветительных нужд и поддержания всех русских начинаний и в их числе прежде всего науки, школы, искусства, печати. Переустройство национально-политических и экономических отношений на Украине неизбежно затрагивает правовые и экономические интересы русских как таковых. Защита таких интересов, в частности, поддержка обездоленных, приискание работы безработным, входит в круг задач Русского союза. Для осуществления всех указанных целей Союза образуется Русский национальный фонд»⁴².

³⁹ Шульгина Е.Г. Конспект моих политических переживаний (1903—1922) / Публ. А.А. Чемакина. М., 2019. С. 278.

⁴⁰ Союз великороссов // Последние новости. 1918. 25 февраля (10 марта). № 4923. С. 4.

⁴¹ ГА РФ, ф. 1834, оп. 2, д. 708, л. 1; Русский союз на Украине // Киевская мысль. 1918. 22(9) марта. № 31. С. 3.

⁴² ГА РФ, ф. 1834, оп. 2, д. 708, л. 1.

13(26) марта в Коммерческом институте прошло первое торжественное публичное заседание РСНУ. По сведениям «Киевской мысли», оно привлекло массу народа, задолго до открытия «все лестницы и коридоры были заполнены публикой, не вместившейся в актовом зале, и на хорах, и у входа в институт со стороны Бибиковского бульвара, и по Нестеровской улице долго стояли массы не попавших»⁴³. Как отмечал корреспондент одной из московских газет, «в противоположность большинству однородных собраний в Москве здесь собрались далеко не одни интеллигенты: были мещане, рабочие, крестьяне». Некоторые из выступавших вновь заговорили о названии, которое казалось им слишком похожим на «союз истинно-русских людей» (т.е. черносотенцев). Но большую часть собравшихся это не смущало. Гораздо более болезненно ими воспринималось то, что «мы слишком долго стыдились называть себя русскими и дожили до неслыханного национального позора»⁴⁴. Собрание открыл Ефимовский, после него выступили Одинец, Елачич и украинский социалист-федералист В.Я. Зелинский. Восхваляя национальные свободы, установленные украинскими законами, Одинец заявил, что РСНУ не должен иметь ничего общего с Союзом русского народа. Однако, когда Зелинский начал говорить по-украински, из зала раздались голоса: «Говорите по-русски!.. Не надо украинского!.. Не понимаем!.. Хотя бы здесь не говорили по-украински!». Вскоре порядок восстановили, и Зелинский продолжил свою речь, примирительно заметив, что «он понимает болезненную напряжённость русского национального чувства», так как «сейчас только русские могут понять украинцев, терпевших гонение на свой язык». Закончил он словами, вызвавшими овацию: «Мы никогда не расстанемся со старшим братом, пусть вам не кажется, что история сказала своё последнее слово»⁴⁵. Всё это показалось, видимо, слишком комплиментарным по отношению к «Русскому союзу», и вскоре городской комитет Украинской партии социалистов-федералистов (УПСФ) отмежевался от оратора (назвав его почему-то Зименским) и опроверг его принадлежность к их организации⁴⁶.

Историк Елачич на том же заседании пытался объяснить, почему он и другие демократы и социалисты вошли в РСНУ вместе с правыми: «Нас разделяет целая пропасть в области социальных и политических воззрений, но у нас есть общее — язык и потребность отстаивать национальные права». Complimentарно отзываясь об украинской культуре, он заявлял, что «Украина есть страна всех живущих на Украине, а не только для украинцев», и с лёгкой грустью обращался к недавнему прошлому: «Я помню медовый месяц революции, когда я рука об руку работал с украинскими деятелями, когда я радостно изучал украинский язык. Но сейчас, когда нам его навязывают, мы заявляем: “Раз нас заставляют, мы учиться не будем!”». Тем не менее он по-прежнему верил в то, что «борьба за вашу и нашу свободу ещё впереди»⁴⁷.

Реакция украинских деятелей на создание РСНУ была предсказуемо негативной. «Робітнича газета» украинских социал-демократов с тревогой отмечала, что рост русского национализма не ограничивается кругами «киевлянинскими» и кадетскими: «Оказывается, российский с.-д. (В.А. Смирнов, гласный думы,

⁴³ Открытие «Русского союза на Украине» // Киевская мысль. 1918. 28(15) марта. № 36. С. 1.

⁴⁴ Хмелев Н. О киевских настроениях // Свобода России. 1918. 17(4) апреля. № 6. С. 1.

⁴⁵ Открытие «Русского союза на Украине». С. 1.

⁴⁶ Чи соц[іаліст]-федер[аліст] п[ан] Зіменський? // Нова рада. 1918. 2 квітня (20 березня). № 47. С. 3.

⁴⁷ Открытие «Русского союза на Украине». С. 1.

бывший член Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов) вместе с кадетами и сотрудниками “Киевлянина” в новооснованном “русском” союзе собираются защищать права русских и внедрять равенство наций»⁴⁸. Украинская громада студентов Киевского университета грозилась противодействовать РСНУ и отстаивать украинизацию учебного заведения⁴⁹. Министр судебных дел УНР С.П. Шелухин, полагавший, что «Московия усвоила себе наше украинское книжное имя Руси» и сделала его «казённым», критиковал название новой организации: «На имя русских давно уже заявили свою монополию великорусские националисты и все русификаторы. Под русским давно уже в общественности и политике понимается только великорусское. “Русский союз”, как национальная организация, это не что иное, как союз великорусских националистов и русификаторов. Если этот союз хочет представлять из себя что-то иное, то и название себе он должен взять какое-нибудь другое»⁵⁰.

Социалисты-федералисты, члены одной из самых умеренных партий, не сомневались в праве русских на Украине заботиться о своей защите, но не считали, что происходит их «систематическое угнетение»⁵¹. Правда, в том, что теперь «волки из “Киевлянина” почивают вместе с социал-демократическими козличами», лидер УПСФ С.А. Ефремов видел результат политики крайних украинских партий: «Наша Христюковско-Ткаченковская курица снесла вот это Елачиче-Одинцовское яйцо»⁵². Елачич, оправдываясь, обратился к Ефремову с открытым письмом, в котором отверг упреки в «великорусском национализме». Так, он напомнил, что речь Одинца, выступавшего перед РСНУ в качестве гостя, «была выдержана в строго объективных и мягких и чуждых национализму тонах». Сам Елачич, как историк-марксист, не разделял представлений о триедином русском народе, а в 1915 г. публично выступал в защиту украинского языка. При этом цели и задачи РСНУ вовсе не казались ему агрессивными или препятствующими общей творческой работе с украинцами⁵³. Ефремов же в ответной статье, признавая чистоту намерений Одинца и Елачича, охарактеризовал создание «Русского союза» как «факт возрождения русского воинствующего национализма», совершившегося без всякой необходимости (при наличии специального министерства и закона про национально-персональную автономию) и широко раскрывшего двери перед «той аморфной черносотенщиной, которая прячется, например, под термином “русских избирателей”. Что же может из такого “союза” выйти? А то, что он непременно должен стать пристанищем для черносотенной обывательщины, поскольку более сознательные элементы разошлись и группируются по политическим партиям и в “союз” не пойдут»⁵⁴.

Социалистическая «Киевская мысль» также осудила создание РСНУ. По мнению редакции, его цели были «идеально прекрасны», но для их реализации требовались иные формы: «Поскольку речь идёт и должна идти о поли-

⁴⁸ На два фронта // Робітничка газета. 1918. 23 березня. № 254. С. 1.

⁴⁹ Збори «Громади» студентів ун[іверситету] св[ятого] Володимира // Відродження. 1918. 9 квітня (27 березня). № 11. С. 3.

⁵⁰ Шелухин С. Українське й руське // Нова рада. 1918. 13 квітня (31 березня). № 57. С. 1—2.

⁵¹ Російська терпимість // Нова рада. 1918. 7 квітня (25 березня). № 52. С. 2.

⁵² Ефремов С. Дві безодні // Нова рада. 1918. 31(18) березня. № 46. С. 1.

⁵³ Елачич О. Відкритий лист до С.О. Ефремова // Нова рада. 1918. 20 квітня (28 березня). № 54. С. 1.

⁵⁴ Ефремов С. Гальванізація трупа // Нова рада. 1918. 20 квітня (28 березня). № 54. С. 1—2.

тической борьбе за национальное равноправие и против национального угнетения, эту задачу выполняют и особенно энергично должны теперь выполнять политические партии и, прежде всего, демократия русская, по этим партиям распределяющаяся. Поскольку речь шла бы об удовлетворении культурно-национальных нужд русского населения, это могло бы войти в задачу русской общины. Но “русский союз” — не община, это — национально-политическое общество»⁵⁵. В газете, опасавшейся отказа от организованной классовой борьбы и заключения союза «между русским социалистом и недавним вдохновителем дела Бейлиса», обратили внимание на крики в адрес Зелинского: «Конечно, не демократы, не подлинные демократы гнали с трибуны украинца-оратора, а группы и группки из того слоя киевского населения, который господствовал в Киеве до революции. Это они составляли правящую клику, дававшую своих представителей в щегловитовский суд, в профессию, едва ли не самую реакционную в России, в канцелярии, словом, в тот аппарат управления, который угнетал разноплеменное киевское население, душил малейшее проявление свободной политической жизни и малейшее проявление свободной национальной жизни. Не нужно забывать, что эти кадры не испарились за год революции, не нужно забывать, что на выборах в Украинское Учредительное собрание список г. Шульгина шёл на первом месте»⁵⁶. Сотрудничество в РСНУ социал-демократов и правых казалось публицистам «Киевской мысли» неестественным. «Мы спрашиваем: как понимают “национальные права”, напр[имер], г. Елачич и гг. Билимович и Богаевский?.., — недоумевали они. — Можно опасаться, что в “русском союзе” “мёртвые” схватят “живых”. Это будет уроном для демократии. Но это будет также ударом по охране действительно национальных прав русского населения, ибо нет более тяжкого удара для национальности, как расцвет в ней националистических стремлений, как нарастание в ней национальной реакции. В отстаивании прав русской национальности русская демократия не должна сойти с пути демократического национализма, на котором у неё едва ли много найдётся общего с “Внепартийной группой русских избирателей”»⁵⁷.

Елачич, увидев свою фамилию рядом с Билимовичем и Богаевским, снова попытался объяснить и доказать целесообразность участия социалистов во внепартийных национальных организациях как для борьбы в них с национализмом и шовинизмом, так и для заботы о правах меньшинств. В частности, он настаивал на необходимости помочь «национально беспомощным русским гражданам», предоставив им хотя бы суррогат собственной общины, и выражал уверенность в том, что именно Билимович и Богаевский, «дав свою подпись под воззванием по существу демократическим.., хотят сойти с платформы национализма и антисемитизма, а не мы, подписавшие воззвание социалисты, сошли со своей платформы социалистической и демократической». В случае

---

⁵⁵ В ответ на эти претензии представители РСНУ заявляли, что «русская община» будет государственной организацией, «Русский союз» же организация частная: «С каких пор “революционная демократия”... стала бояться частной инициативы? Казалось бы, проявление частного почина в деле национального возрождения надлежало приветствовать. Затем, “Русский союз” именно и возник потому, что пока нет русской общины, и одной из своих первейших обязанностей ставит содействие скорейшей организации Русского национального союза согласно закону о национально-персональной автономии» (С.К. Единый национальный фронт // Русский голос. 1918. 14(1) апреля. № 1. С. 2).

⁵⁶ Накануне // Киевская мысль. 1918. 28(15) марта. № 36. С. 1.

⁵⁷ Опасный путь // Киевская мысль. 1918. 23(10) марта. № 32. С. 1.

же отказа РСНУ от этой программы, разрыв с ним, по мнению Елачича, будет более обоснованным, «чем было бы сейчас уклонение от национальной работы в специальной демократической организации потому только, что к ней присоединились некоторые правые деятели»⁵⁸. В редакции «Киевской мысли» подобные надежды демократизировать национальное движение вместе с «врагами демократии» сочли легкомысленными⁵⁹.

Однако публичные объяснения Елачича вызвали небольшой скандал в самом РСНУ. Билимович считал себя человеком, «который может, не внося никаких разногласий, работать в рядах “Русского союза на Украине”, раз это союз внеклассовый и внепартийный, не преследующий политических целей, а ставящий своею задачей мирную культурную работу». Профессора удивило, что за сотрудничество с ним в совете РСНУ кому-то приходится извиняться, и, не желая подвергать Елачича «тягости таких оправданий», он вышел из руководства организации⁶⁰. Совет РСНУ, рассмотрев эту коллизию, признал заявления Елачича его частным делом и просил Билимовича остаться⁶¹, но, по-видимому, на его решение это уже не повлияло.

Впрочем, и Елачич пробыл в совете РСНУ недолго. Лидеры эсеров и меньшевиков открыто выступили против «Русского союза». Всеукраинский комитет Партии социалистов-революционеров (ПСР), находя задачи РСНУ приемлемыми, опасался, что в перспективе он может стать реакционным и обострить национальную борьбу, «так как присутствие среди его членов ярких представителей партий царской русификаторской политики на Украине не может не сказаться в общем направлении деятельности этого союза». Поэтому партия, поддерживая закон о национально-персональной автономии и выступая за скорейшее создание русской (великорусской) национальной общины, предостерегала своих членов от участия в РСНУ⁶². Областной комитет РСДРП занял ещё более жёсткую позицию, объявив недопустимым участие членов партии в РСНУ, так как «союз этот по задачам своим и составу может только содействовать росту национального шовинизма». Киевский городской комитет и всеукраинское совещание РСДРП одобрили эту тактику⁶³. Меньшевик Елачич, видимо, не выдержав давления однопартийцев и друзей-эсеров, отказался от должности секретаря совета РСНУ и вышел из его состава «по независящим обстоятельствам»⁶⁴.

Представителям РСНУ оставалось лишь сетовать на ошибочность данных решений, толковать о том, что, «если с.р. и с.д. дорого русское национальное движение, если они хотят, чтобы оно вылилось в здоровые формы, они должны, обязаны внимательно относиться к возникающим национальным союзам, входить в них и активно в них работать»⁶⁵. По словам Шульгиной, деятельность

⁵⁸ Елачич А. Письмо в редакцию // Киевская мысль. 1918. 28(15) марта. № 36. С. 2.

⁵⁹ От редакции // Киевская мысль. 1918. 28(15) марта. № 36. С. 2.

⁶⁰ Билимович А. Письмо в редакцию // Киевская мысль. 1918. 31(18) марта. № 38. С. 2.

⁶¹ Русский союз на Украине // Рабочая жизнь. 1918. 3 апреля (21 марта). № 31. С. 1.

⁶² Русский союз и социалисты-революционеры // Киевская мысль. 1918. 2 апреля (20 марта). № 39. С. 3–4.

⁶³ С.-д. меньшевики о «Русском союзе на Украине» // Киевская мысль. 1918. 4 апреля (22 марта). № 41. С. 2; Украинское совещание российских с.-д. меньшевиков // Киевская мысль. 1918. 14(1) апреля. № 51. С. 3.

⁶⁴ Русский союз на Украине // Голос Киева. 1918. 21(8) апреля. № 7. С. 2.

⁶⁵ А-ч. «Русский союз на Украине» и демократия // Русский голос. 1918. 24(11) апреля. № 3. С. 2.

союза, «пытавшегося объединить все оставшиеся верными русской культуре элементы от Шульгина до Елачича включительно», окончилась неудачей из-за «боязни лиц, подобных Елачичу, компрометировать себя общением с “чёрной сотней”... Гипноз старых мест, старой вражды, гипноз газетной травли всё ещё действовал, как действует и сейчас. Налицо была “Киевская мысль”, и всё, что тяготело к ней, не могло работать с нами. Елачича здорово ругнули, и он сдался без боя и извинился»⁶⁶. Впрочем, другие социалисты, как и русские националисты, продолжили совместную работу в РСНУ.

Более того, именно на апрель — начало мая 1918 г. пришёлся пик деятельности РСНУ. К этому времени его внутренняя структура немного изменилась, вместо Временного совета был избран президиум Главного совета, состоявший из председателя (Е.А. Ефимовский), его товарищей (И.А. Архангельский, П.М. Богаевский, П.И. Незлобин и П.К. Соколов), секретаря (А.П. Попов) и его товарища (Н.Н. Дрейер), а также председателей восьми секций: инициативно-организационной — П.К. Соколов, защиты национально-правовых интересов — С.Г. Крупнов, призрения и благотворительности — Н.С. Жекулин, культуры и просвещения — В.И. Селинов, юридической — В.И. Игнатович, экономической — Е.Е. Слущкий, труда — А.М. Симзен, финансовой — В.В. Буверт (он же являлся казначеем РСНУ)⁶⁷.

1(14) апреля начала выходить газета «Русский голос», ставшая неофициальным печатным органом РСНУ. Её редакция, кадетская по своему составу, в первой передовице констатировала: «Силою вещей наша национальная идеология из “российской” превращается в “русскую”»⁶⁸. Располагалась она в помещении РСНУ (Львовская ул., д. 40), где также действовало консультационное бюро, занимавшееся делами, касавшимися национально-правового положения русских на Украине⁶⁹. Вскоре заработали устроенные союзом вечерние школы грамоты для взрослых⁷⁰ и амбулатория⁷¹.

8(21) апреля в житомирском городском театре при большом стечении публики прошло открытие Волынского отдела РСНУ, объединившего сторонников разных политических сил — от эсеров до правых; на мероприятии присутствовал Одинец⁷². 9(22) апреля киевский окружной суд зарегистрировал устав РСНУ⁷³, и в тот же день открылся его отдел в Казатине⁷⁴. Готовилось образование ячеек в Ровно, Бердичеве, Нежине, Чернигове, Харькове, Екатеринославе, Николаеве, Херсоне, Полтаве, Мелитополе⁷⁵. Попробовал себя отдел РСНУ и на выборах в «центральный орган» студенческого самоуправления Киевского политехнического института. По итогам голосования студентов он получил 49,1% голосов, обогнав блок еврейских, российских, польских и армянских социалистических партий (39,2%), польский список (7,8%) и украинскую «гро-

⁶⁶ Шульгина Е.Г. Конспект моих политических переживаний... С. 278.

⁶⁷ Состав Главного совета «Р[усского] Союза» // Русский голос. 1918. 24(11) апреля. № 3. С. 4.

⁶⁸ От редакции // Русский голос. 1918. 14(1) апреля. № 1. С. 1.

⁶⁹ В помещении... // Киевская мысль. 1918. 4 мая (21 апреля). № 67. С. 1.

⁷⁰ Школьная секция // Русский голос. 1918. 10 мая (27 апреля). № 6. С. 4.

⁷¹ Амбулатория «Р.С. на У.» // Русский голос. 1918. 19(6) апреля. № 2. С. 4.

⁷² Открытие Волынского отдела // Русский голос. 1918. 28(15) апреля. № 4. С. 3—4.

⁷³ Устав общества Русский союз на Украине. Киев, 1918. С. 1.

⁷⁴ Казатинский отдел // Русский голос. 1918. 24(11) апреля. № 3. С. 4.

⁷⁵ Русский союз // Последние новости. 1918. 22(9) апреля. № 4990. С. 3; Местные отделы Союза // Русский голос. 1918. 18(5) мая. № 7. С. 4.

маду» (3,9%)⁷⁶. Очевидно, по крайней мере, в городах, перед РСНУ открывались хорошие перспективы.

В каждом районе Киева имелись пункты для записи в «Русский союз»⁷⁷, публичные лекции и собрания проходили практически еженедельно в самых разных аудиториях как в центре города, так и на окраинах. 25 марта (7 апреля) на Подоле Ефимовский прочёл доклад «Русский союз на Украине перед лицом его просвещённых критиков», в тот же день в столовой Политеха Сухотин осветил тему «Община или Союз». 27 марта (9 апреля) в переполненном актовом зале Киевского коммерческого института Крупнов говорил о положении русских на Украине, а затем Соколов рассказал о задачах РСНУ⁷⁸. 8(21) апреля в помещении Коммерческого училища на Демиевке Сухотин сделал доклад «Право быть русским»⁷⁹. В первой половине мая РСНУ организовал грандиозные «Русские дни», включавшие в себя детские гуляния в саду Купеческого собрания с клоунами, акробатами и фокусниками, а также раут с речами Ефимовского («Русский народ в символах и легендах»), Богаевского («Будущие формы международных отношений»), Луначарской («Умолкнет ли русское слово на Украине?») и Крупнова («Украина и русские»). В последующие дни в рамках «Русских дней» на Подоле планировалось провести доклад Антоневица («Русское национальное чувство») и концерт, в Зоологическом саду — гуляния и танцы при большом духовом оркестре, на Демиевке — доклады Луначарской («Русская школа на Украине, её значение, её будущее») и Ефимовского («Русское национальное движение на Украине, его вольные и невольные враги»)⁸⁰.

РСНУ поддерживал тесные контакты с Министерством по великорусским делам, а Ефимовский устроился туда юрисконсультантом⁸¹. Кроме того, ещё в конце марта 1918 г. для установления связи с широкими общественными кругами и координации действий по реализации закона о национально-персональной автономии при ведомстве сформировали Временный великорусский национальный совет из делегатов партийных всеукраинских съездов. Заседая под председательством Одинца, он должен был превратиться в предпарламент, который после проведения выборов передал бы свои полномочия национальному учредительному собранию⁸². Места в совете предоставлялись кадетам, эсерам и меньшевикам — по 5 человек, народным социалистам — 3, социал-демократической организации «Единство» — 1, русской внепартийной фракции киевской городской думы — 3, РСНУ — 5, Учительскому союзу — 2, Центральному бюро профессиональных союзов — 10⁸³. Таким образом, изначально социалистиче-

⁷⁶ Отдел Союза при Политехнич. институте // Русский голос. 1918. 10 мая (27 апреля). № 6. С. 4.

⁷⁷ ГА РФ, ф. 1834, оп. 2, д. 708, л. 1.

⁷⁸ Собрания «Русского союза на Украине» // Русский голос. 1918. 14(1) апреля. № 1. С. 4; «Русский союз на Украине» // Киевская мысль. 1918. 11 апреля (29 марта). № 48. С. 2.

⁷⁹ Доклад // Русский голос. 1918. 24(11) апреля. № 3. С. 4.

⁸⁰ «Русские дни» // Русский голос. 1918. 10 мая (27 апреля). № 6. С. 1.

⁸¹ Организация министерства // Русский голос. 1918. 14(1) апреля. № 1. С. 4.

⁸² ЦДАВО України, ф. 1126, оп. 1, д. 6, л. 10.

⁸³ От РСНУ в Совет вошли Елачич, Луначарская, Смирнов, Соколов, Сухотин, от Учительского союза — А.В. Жекулина, А.В. Липеровский, от РСДРП — П.И. Логачёв, Г.К. Логинов, П.А. Павлов, В.А. Смирнов, В.П. Яворский, от «Единства» — И.В. Архангельский, от ПСР — М.С. Дешевой, А.Н. Зарубин, П.И. Незлобин, Н.Д. Пухтинский, К.А. Суховых, от ТНСП — П.Г. Антоневиц, В.К. Калачевский, Ю.П. Кистер, от ПНС — Г.Б. Быховский, гр. А.И. Головин, С.Г. Крупнов, В.М. Левитский, С.М. Чебаков, от ВБРИ — П.М. Богаевский, Ф.Д. Бржозовский, Г.И. Петров.

ские группы должны были обладать в нём подавляющим большинством, но из-за того, что профсоюзы так и не прислали своих представителей, «умеренные» получили перевес над «левыми». А поскольку некоторые члены РСНУ вошли в совет от других организаций, то всего их оказалось там не менее 12, а скорее даже около 20 человек (из 30 делегатов).

На первом же заседании 18(31) марта фракция ВБРИ ходатайствовала о переименовании Национального совета из «великорусского» в «русский», так как ему предстояло защищать интересы не только великороссов, но и всего русского населения края. И тут же эсер Зарубин потребовал исключить из состава совета представителей «одиозного» РСНУ на том основании, что их присутствие непропорционально велико и фактически даёт данному объединению двойной голос. Однако оратору указали, что «одиозность союза ничем не доказана», а тогда ещё ожидавшиеся профсоюзные деятели также могли одновременно принадлежать к тем или иным партиям. К тому же в РСНУ входили и беспартийные, имевшие право на отражение своей позиции. 25 марта (7 апреля) фракции эсеров и меньшевиков вновь попытались добиться изменения состава совета, ультимативно требуя оставить в нём лишь тех, кого делегировали партийные комитеты. Эсер Незлобин, состоявший в РСНУ, заявил о несогласии с мнением фракции, сложил с себя полномочия и покинул зал заседаний. Одинец вынужден был объявить перерыв⁸⁴, но впоследствии инцидент, видимо, был урегулирован, и представители РСНУ остались на своих местах.

16(29) апреля в Киеве произошёл государственный переворот, власть захватил гетман Скоропадский, а УНР была преобразована в Украинскую державу. В новом правительстве не нашлось места для министров по национальным делам, хотя соответствующие ведомства и связанные с ними структуры ещё какое-то время продолжали функционировать. Так, 3(16) мая Одинец в качестве председателя Национального совета просил министра иностранных дел способствовать перевозке в Киев из Петрограда тяжелобольного Г.В. Плеханова, его семьи и трёх сопровождавших их лиц⁸⁵. 5(18) мая Министерство по великорусским делам, получив от МИД приглашение принять участие в работе комиссии, созданной в связи с приездом мирной делегации из Советской России, обращалось за консультацией к Богаевскому⁸⁶. В середине мая на заседании совета Одинец объявил о том, что покидает пост министра и председателя совета, хотя ведомство продолжает действовать, несмотря на неопределённость положения и отсутствие средств. В сложившейся ситуации совет вновь переизбрал его председателем и решил выступить с декларацией, поручив её подготовку особой комиссии (Одинец, Луначарская, Крупнов, Павлов)⁸⁷. Вскоре она была составлена и принята единогласно всеми членами. В ней провозглашалась необходимость действительного равенства граждан перед законом, законодательного признания полного равноправия русского и украинского языков и замены во всех нормативных актах термина «великоросс» как понятия чисто этнографического и не охватывающего всех групп населения, признающих рус-

⁸⁴ Открытие временного национального совета // Киевская мысль. 1918. 2 апреля (20 марта). № 39. С. 2; Национальный совет при министерстве по великорусским делам // Русский голос. 1918. 14(1) апреля. № 1. С. 3—4.

⁸⁵ ЦДАВО України, ф. 1126, оп. 1, д. 8, л. 2.

⁸⁶ Институт рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського, ф. 142, оп. 1, д. 5, л. 1.

⁸⁷ В национальном совете // Киевская мысль. 1918. 16(3) мая. № 77. С. 1.

скую культуру своей, термином «русский», общепризнанным в жизни, науке и литературе. Кроме того, совет настаивал на сохранении центрального учреждения, обеспечивающего самоуправление народов, и заключал, что «осуществление всех означенных мероприятий принесёт национальный мир и волюёт в трудное дело государственного строительства на Украине все русские силы»⁸⁸. По сути, орган, доживавший последние дни, решил громко напомнить о себе на прощание.

А буквально через несколько недель после переворота раскололся и «Русский союз», так как кадеты согласились войти в гетманское правительство и дистанцировались от оппозиции. Соответствующее решение 25—28 апреля (8—11 мая) приняли 70 из 89 делегатов партийного съезда. Ещё до его начала Ефимовский убеждал областной комитет в том, что поддержка властей суверенной Украины, опирающихся на германскую военную силу, противоречит верности союзникам и принципу единства России⁸⁹. Но на съезде он остался в меньшинстве, большинство же ограничилось тем, что высказалось за предоставление русскому языку статуса государственного и создание правительственных учреждений для защиты национальных меньшинств⁹⁰. После этого в «Русском голосе» даже появилась провокационная заметка о том, что Ефимовский будто бы слагает с себя полномочия председателя РСНУ и выходит из партии⁹¹. И хотя тот делать этого не собирался, из-за подобной публикации ему пришлось не только отказаться от председательства, но и выйти из совета РСНУ, ссылаясь на нежелание «давать кому бы то ни было соблазна для политических распрей там, где им не место»⁹². С тех пор он стал одним из ведущих сотрудников «Голоса Киева», издававшегося «малороссами», а в июне 1918 г. возглавил общество «Русь»⁹³, созданное русскими националистами, ориентировавшимися на Белое движение.

Нового председателя в РСНУ так и не избрали, а «Русский голос», по мнению его редакции, «до сего времени обслуживавший, в силу особых условий, лишь национальный вопрос», фактически превратился в неофициальный орган кадетской партии и отныне уделял «равное внимание всей совокупности интересов политических, социальных, национальных и экономических, волнующих страну»⁹⁴. Рубрика, посвящённая жизни РСНУ, исчезла со страниц газеты. Если раньше кадеты вели торг с украинцами и немцами, выступая в роли лидеров русского движения, то войдя в правительство и получив определённое влияние на его социальную политику, они в значительной мере потеряли интерес к «русскому» делу (а некоторые из них даже приняли активное участие в украинизаторской политике гетмана). Эсеры и меньшевики, напротив, ушли в жёсткую оппозицию к Скоропадскому. Искренний интерес к легальной защите прав русских как национального меньшинства проявляли только Одинец и народные социалисты.

---

⁸⁸ Декларация русского национального совета при министерстве по «великорусским делам» // Голос Киева. 1918. 18(5) мая. № 27. С. 1.

⁸⁹ Ефимовский Е.А. К съезду к.-д. // Голос Киева. 1918. 10 мая (27 апреля). № 20. С. 3.

⁹⁰ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 2. 1918—1920 гг. М., 2000. С. 157, 170—171.

⁹¹ В «Русск[ом] союзе на Укр[аине]» // Русский голос. 1918. 18(5) мая. № 7. С. 4.

⁹² Ефимовский Е. Письмо в редакцию // Голос Киева. 1918. 22(9) мая. № 30. С. 2.

⁹³ В обществе «Русь» // Голос Киева. 1918. 18(5) июня. № 51. С. 1.

⁹⁴ От редакции // Русский голос. 1918. 26(13) мая. № 8. С. 1.

Русские националисты-«малороссы», враждебно относившиеся к немецким оккупантам и украинским властям, потеряв связь с Добровольческой армией, ушедшей в первый Кубанский поход, находились к началу марта 1918 г. в политическом вакууме и нуждались в легальном прикрытии своей публичной активности. Надежды на возрождение России казались тогда утопическими, и приходилось приспосабливаться к работе в УНР. Но к маю ситуация радикальным образом изменилась — украинские социалисты потерпели поражение, контакт с добровольцами удалось восстановить, а на Дону развернулось антибольшевистское восстание. В этих условиях русские националисты сделали ставку на нелегальную работу в пользу белых и союзников по Антанте, победа которых, по мнению Шульгина и его сторонников, должна была привести к присоединению Украины к великой, единой и неделимой России. Поэтому борьба за национально-персональную автономию русских в государстве, обречённом на исчезновение, казалась им уже абсолютно бессмысленной.

Довольно быстро правые и кадеты потеряли интерес и к Национальному совету, совершенно бессильному и ни на что не способному. Богаевский уже не скрывал, что «выделение отдельных национальных ячеек в правовом государстве» представляется ему немислимым⁹⁵. Кадет С.М. Чебаков, также входивший в состав совета, утверждал, что «партия признаёт национально-персональную автономию, но в данный момент считает её ненужной»⁹⁶. В конце мая на заседание, оказавшееся последним, пришли девять «левых» (народные социалисты, меньшевики, эсеры) и трое «умеренных» — кадет и представители РСНУ и Учительского союза. Ефимовский, явившийся туда как частное лицо, жёстко раскритиковал своих бывших соратников: «Публики очень мало, и, если судить по числу публики, русское дело безнадежно; один из ораторов почти так и сказал. Но кто в этом виноват и что это значит? Русские ли перестали себя чувствовать русскими или русские не видят в Национальном совете своих вождей? Пожалуй, ближе к истине второе, и не без оснований. Прежде всего состав совета: представители трёх социалистических партий, к.д., беспартийный русский блок, учительский союз и Русский союз на Украине. Абсолютное большинство принадлежит политическим партиям, интернациональным по составу. Почему они претендуют на выражение желаний и чувств русского населения, — это их секрет». При этом от речей веяло «убийственной скукой», так как «партийные люди укоряли друг друга и вели интеллигентскую прю о достоинствах и недостатках национально-персональной автономии», не замечая, что «на весах истории решается судьба России»⁹⁷.

Наконец, 25—26 июня (8—9 июля) Совет министров ликвидировал три национальных ведомства, передав их функции министерствам внутренних дел и народного просвещения. Одновременно приостанавливалось действие закона о национально-персональной автономии⁹⁸. Это привело и к упразднению Национального совета как придатка Министерства по великорусским делам. Парадоксально, но УНР, во главе которой стояли украинские националисты, предоставляла хоть какие-то легальные институты для самоорганизации русского

⁹⁵ Анкета о национальных министерствах // Русский голос. 1918. 18(5) мая. № 7. С. 4.

⁹⁶ Заседание Русского национального совета (Продолжение) // Русский голос. 1918. 1 июня (19 мая). № 13. С. 1.

⁹⁷ Ефимовский Е. Русские перспективы. 3 // Голос Киева. 1918. 1 июня (19 мая). № 38. С. 1.

⁹⁸ Українська Держава (квітень—грудень 1918 року). Документи і матеріали. Т. 2 / Упоряд. Р. Пиріг. Київ, 2015. С. 156.

населения (пусть и под псевдонимом «великороссов»), тогда как гетманский режим, в значительной мере опиравшийся на старую имперскую бюрократию, все эти структуры уничтожил. Соответственно и деятельность «Русского союза» в Киеве полностью замерла. Какое-то время под его вывеской действовали «русские национальные общины», возникшие в Новороссии на рубеже 1917—1918 гг. как объединения националистов и вынужденные после немецкой оккупации перейти на полуполюгальное положение. РСНУ имел официальный статус, и «общины» развивали свою региональную сеть, пользуясь его прикрытием⁹⁹. В 1919 г. на их основе возник Союз русских национальных общин, игравший заметную роль на белом Юге России¹⁰⁰.

Нельзя не отметить, что Русский союз на Украине никогда не выходил за рамки культурной и общественной работы, и поэтому вряд ли можно говорить, что он «преследовал цель восстановления России в старых, дореволюционных границах», хотя многие из его членов (в первую очередь из числа «малороссов» и кадетов) об этом, безусловно, мечтали. «Русский союз» имел хороший потенциал для роста своей численности и влияния, но стремительно менявшиеся обстоятельства и эфемерность самой украинской государственности привели к тому, что многие его участники при первой же возможности отдали предпочтение другим проектам, казавшимся более перспективными.

---

⁹⁹ Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. Anton & Kseniia Denikin Collection. Box 20.

¹⁰⁰ Подробнее см.: *Чемакин А.А.* Союз русских национальных общин в 1918—1920 гг.: история создания, идеология и деятельность // Русин. 2019. № 55. С. 133—148.

Воспоминания С.Ю. Витте: публикации и публикаторы

Андрей Голиков

The Memoires of S.Yu. Witte: publications and publishers

Andrey Golikov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870017297-7

В 1921 г. почти одновременно увидели свет сразу две версии мемуаров графа Сергея Юльевича Витте. В Лондоне вышла книга, на титульном листе которой указывалось, что её текст представляет собой перевод, выполненный с оригинальной русской рукописи заведующим Славянским отделом Нью-Йоркской публичной библиотеки А. Ярмолинским¹. А находившееся в Берлине эмигрантское издательство «Слово» выпустило на русском языке первый том «Воспоминаний», подготовленный к печати бывшим членом ЦК кадетской партии И.В. Гессеном и его пасынком историком-медиевистом С.И. Штейном (второй и третий тома появились в 1922—1923 гг.)². Вскоре в Париже опубликовали перевод с лондонского издания, а в Германии перевели на немецкий из гессеновского трёхтомника два тома, посвящённые царствованию Николая II³. Таким образом, мемуарное наследие гр. Витте практически сразу стало доступно, хотя и в разных вариантах, читателям многих стран.

В 1923—1924 гг. Госиздат РСФСР, не располагавший авторскими текстами воспоминаний Витте, перепечатал их в редакции Гессена, предварив её предисловием М.Н. Покровского⁴. Но, как уже тогда отметил в рецензии Б.А. Романов, она не давала «полного и точного воспроизведения того, что было написано и надиктовано Витте для опубликования после его смерти»⁵. Только через 80 лет, когда ученики Романова — Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин полностью издали оригинальные «Рукописные заметки» и «Рассказы в стенографической записи» Витте⁶, хранящиеся ныне в Бахметьевском архиве русской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке, исследователи получили возможность «использовать все варианты изложения...

© 2021 г. А.Г. Голиков

¹ The Memoires of Count Witte / Translated from the original Russian manuscript and edited by Abraham Jarmolinsky. L., 1921.

² Граф С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1—2. Берлин, 1922; Т. 3. Берлин, 1923. Хотя на обложке первого тома был указан 1922 г., пресса сообщила о его выходе ещё в октябре 1921 г.

³ Memoires du comte Witte. 1849—1915. P., [s.a.]; Witte S.J. Erinerungen. Berlin, 1923.

⁴ Граф С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1—2. М.; Пг., 1923. Т. 3. М.; Пг., 1924.

⁵ Книга и революция. Ежемесячный критико-библиографический журнал. 1923. № 2(26). С. 54.

⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукоянова. Т. 1. Кн. 1—2; Т. 2. СПб., 2003. Данное издание было осуществлено совместно Бахметьевским архивом русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке и Санкт-Петербургским институтом истории РАН.

с указанием места, времени и формы (устной или письменной), в которой оно производилось, и установить контекст в каждом случае»⁷.

Охарактеризовав «Воспоминания» как «вечную» книгу «для биографии и истории деятельности самого Витте», Романов предвидел, что «потребуется очень большая и кропотливая работа не одного историка для критической проверки и оценки сообщений» Сергея Юльевича⁸. Учёные, обращавшиеся к этому источнику, не раз исправляли, дополняли и опровергали свидетельства мемуариста. В концентрированном виде представление об этой работе дают комментарии к переизданиям гессеновской редакции «Воспоминаний»⁹, появившимся уже во второй половине XX в., а также к публикации неотредактированных записей Витте¹⁰. Изучались и различные источниковедческие аспекты, связанные с судьбой данного памятника¹¹.

Вместе с тем остаётся невыясненным, насколько существенные изменения вносились редакторами «Воспоминаний» и какие приёмы использовал при их создании сам Витте, желавший сформировать в сознании будущих читателей нужный ему образ прошлого?

В ряду сановников, приближённых к последним императорам, Витте — министр финансов (1892—1903), председатель Комитета министров (1903—1905) и Совета министров (1905—1906), член Государственного совета (1892—1915) — занимал особое место. Его имя стойко ассоциировалось у современников и историков с успехом денежной реформы 1897 г., укрепившей российский рубль, с серией таможенных договоров, обеспечивших внешнеэкономические интересы империи и способствовавших развитию её промышленности и торговли, с активной политикой на Дальнем Востоке и реформированием государственного устройства в период революции 1905—1907 гг. Разумеется, в мемуарах Витте изложил ход этих событий в благоприятном для себя свете. Непосредственный их участник, умный и наблюдательный человек, он неплохо владел пером и знал цену слову. Отправленный в апреле 1906 г. в отставку неожиданно и, как ему казалось, незаслуженно, автор воспоминаний не только хвалил себя, но и сводил счёты с многочисленными недоброжелателями и недругами. Свой труд он адресовал не только и, возможно, не столько современникам, сколько потомкам.

---

⁷ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте и его воспоминания // Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. С. 16.

⁸ Книга и революция. 1923. № 2(26). С. 54.

⁹ Лучшее из них по тщательности подготовки: *Витте С.Ю.* Воспоминания / Под ред. А.Л. Сидорова. Т. 1—3. М., 1960 (далее в статье цитируется это издание). Авторы комментариев к этим томам — Б.В. Ананьич, И.В. Бестужев, В.И. Бovyкин, Р.Ш. Ганелин, В.А. Емец, К.Н. Тарновский. См. также: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1—3. Таллин; М., 1994. Авторы комментариев — А.Г. Голиков и А.В. Игнатъев.

¹⁰ Из архива С.Ю. Витте...

¹¹ *Сидоров А.Л.* К вопросу о характере текста и источников «Воспоминаний» С.Ю. Витте // *Сидоров А.Л.* Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970; *Ткаченко М.А.* Фонд С.Ю. Витте в ЦГИА СССР и задачи критики «Воспоминаний» С.Ю. Витте // Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., 1977; *Ананьич Б.В.* О рукописях и тексте мемуаров С.Ю. Витте // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. 12. Л., 1981; *Виттенберг Б.М.* К истории личного архива С.Ю. Витте // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. 17. Л., 1985; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте — мемуарист. СПб., 1994; *Каганович Б.С.* С.И. Штейн — первый редактор мемуаров С.Ю. Витте // *Россия XIX—XX вв.* Сборник статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998; *Голиков А.Г.* Разыскания в личном архиве // *Голиков А.Г.* Архивоведение отечественной истории. М., 2008.

При этом гр. Витте так и не создал единого текста. Зимой 1906/07 гг. под непосредственным руководством Сергея Юльевича на основе материалов его личного архива был подготовлен пространный труд «Возникновение русско-японской войны». Летом 1907 г. за границей граф приступил к работе над «рукописными заметками», которую, с перерывами, продолжал до осени 1912 г., описание событий в них начиналось с осени 1903 г. Зимой 1910/11 гг., находясь в Петербурге, гр. Витте стал диктовать «стенографические рассказы», чем занимался и следующей зимой, поведав о том, что видел и слышал с детских лет до конца 1911 г. «Итак, — подводил граф итог, — я оставляю: 1) историю возникновения русско-японской войны (эта работа составлена при сотрудничестве некоторых лиц, которые были моими сотрудниками, когда я был министром финансов), работа состоит из двух томов и тома приложений — её можно напечатать сейчас после моей смерти; 2) стенографические рассказы (можно тоже напечатать после моей смерти, с некоторыми выпусками, касающимися лиц, ещё живущих) и, наконец, настоящие мои рукописные заметки, которые тоже должны быть в ближайшее время после моей смерти напечатаны. Прошу это в точности исполнить. Гр. Витте. 11(24) октября 1912 г.»¹². Впрочем, вскоре он сам нарушил свои указания. В 1914 г. «Возникновение русско-японской войны» было опубликовано им под чужим именем в журнале «Исторический вестник» и напечатано в переводе на французский язык в Лейпциге в виде книги.

После смерти гр. Витте его вдова продала права на воспроизведение в печати воспоминаний мужа двум издательским фирмам. Гессен и Штейн, готовя мемуары к публикации, соединили предоставленные им «рукописные заметки» (9 тетрадей *in quarto*) и «стенографические диктовки» (17 томов *in folio*) и составили из разных частей сводную редакцию.

Впервые оценить степень вмешательства Гессена и Штейна в авторский текст Витте попытались при подготовке научного издания «Воспоминаний», которая велась под руководством А.Л. Сидорова в конце 1950-х гг. При этом была изменена последовательность томов: теперь они шли в хронологическом порядке, и третий том, в котором рассказывалось про детство мемуариста и царствования Александра II и Александра III (1849—1894), стал первым, в двух следующих описывалось время Николая II. Поскольку рукописи мемуаров считались утерянными, опубликованный ранее в Берлине текст дополнили аннотированным указателем имён и обстоятельными комментариями, в которых использовались и материалы личного фонда гр. Витте, хранившегося тогда в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ф. 540)¹³. Основную его часть составляли бумаги, изъятые после смерти Сергея Юльевича по распоряжению царя и переданные на хранение в императорские библиотеки, а также документы из графского особняка, покинутого в 1917 г. его владельцами, и некоторые материалы из других коллекций. Там же было обнаружено подробное (занимавшее несколько десятков страниц печатного текста) оглавление стенографических диктовок, включённое в новую публикацию в качестве приложения¹⁴.

¹² Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 511.

¹³ В 1961 г. этот фонд передали из Москвы в Ленинград, где в Центральном государственном историческом архиве СССР (ныне — РГИА) ему присвоили номер 622.

¹⁴ Воспоминания (рассказы в стенографической записи) графа Сергея Юльевича Витте // *Витте С.Ю. Воспоминания*. Т. 1. С. 464—510.

Эта находка помогала лучше понять работу берлинского издателя. В феврале 1961 г. в докладе на заседании Археографической комиссии Сидоров сообщил, что «теперь, по счастливой случайности, мы располагаем источником, который позволяет несколько приоткрыть завесу над нерешённой проблемой и более конкретно представить себе объём и характер редакторского вмешательства в авторский текст». Правда, докладчик признавал, что «речь идёт пока лишь о частичном решении проблемы и, в известной степени, о догадках»¹⁵. Согласно предположению Сидорова, в процессе литературной правки редактор «мог незаметно выйти за рамки необходимого и так исправить текст Витте, что он местами мог получить другое звучание, другую направленность. Перестановка материала могла нарушить связь изложения, взаимозависимость и связь частей. В новом своде, хотя и составленном на основе текста самого Витте, могли появиться новые оттенки мысли»¹⁶. Создав «единый и удобочитаемый» вариант «Воспоминаний», он «слишком широко понял свои задачи и в процессе редактирования недостаточно считался с особенностями строя мысли и изложения» автора¹⁷. И это заставляло продолжать «поиски подлинных рукописей», так как «кардинальное решение вопроса о полном соответствии изданного Гессеном свода “Воспоминаний” Витте исходным редакциям может дать только внимательное изучение подлинного текста и сравнение его с печатным текстом»¹⁸.

В 1965 г., когда прошло 50 лет после смерти гр. Витте, исследователи получили доступ к материалам его личного архива, хранившегося в США. Там и обнаружили оригинал мемуаров. В ноябре 1978 г. возможность ознакомиться с ними получил Б.В. Ананьич — один из тех, кто готовил издание 1960 г. Теперь он предпринял попытку «оценить размер редакционной работы берлинского издателя воспоминаний»¹⁹. Сравнив оригинал и версию, опубликованную издательством «Слово», Ананьич отметил, что редакторы старались не править текст и лишь в некоторых случаях исправляли пунктуацию и обозначали красные строки. Вместе с тем они по собственному усмотрению формировали тома и главы, расчленили авторское повествование и переносили его фрагменты (по страницам и даже по строкам) не только в другие главы, но и в разные тома, делали купюры, которые, вопреки обещанию, далеко не всегда обозначили²⁰.

Насколько существенны были эти изменения? В мемуарах гр. Витте кажущийся внешний беспорядок изложения имел внутреннюю логику и определённую тенденцию. Это хорошо видно при рассмотрении сюжета, которому Гессен и Штейн дали в своей редакции название «Захват Ляодунского полуострова» (глава 27). В оглавлении стенографических диктовок графа говорилось «о занятии Германией китайского порта Цзяо-Чжоу и Россией Ляодунского полуострова». По мнению Сидорова, «автор мемуаров сознательно и преднамеренно употребляет более “каучуковую” формулировку, избегая слова “захват”»²¹. Редакторы же, меняя слова, обозначили собственное видение характера русской политики на Дальнем Востоке. Также они пропустили два абзаца, в которых

---

¹⁵ Сидоров А.Л. К вопросу о характере... С. 194.

¹⁶ Там же. С. 193.

¹⁷ Там же. С. 216.

¹⁸ Там же. С. 193.

¹⁹ Ананьич Б.В. О рукописях и тексте мемуаров С.Ю. Витте. С. 193.

²⁰ Там же. С. 195—197.

²¹ Сидоров А.Л. К вопросу о характере... С. 198.

гр. Витте давал свою оценку договору, заключённому между Россией и Японией 13(25) апреля 1898 г. По его условиям Петербург отказывался от полученных в Корее привилегий, и мемуарист утверждал, что благодаря этой уступке Россия обладала бы «Квантунским полуостровом (который затем был назван Квантунской областью Российской империи), а Япония окончательно внедрилась бы в Корею, и такое положение дела могло бы при миролюбивых и добросовестных друг к другу отношениях длиться многие десятки лет. Но этого не случилось, с одной стороны, потому что мы по отношению к Японии не соблюдали в точности, по существу, наших обязательств, а с другой стороны, мы нашим захватом Квантунской области подняли целую бучу в Китае»²². Такая версия событий снимала с Витте ответственность за последствия занятия Квантуна. Далее мемуарист в соответствии со своей логикой нарушал хронологию событий и в особом разделе сообщал «о боксёрском восстании в Китае», которое изображал как следствие неверных действий царя и МИД. Тем самым в стенографических диктовках граф проводил чёткую грань между гибкой политикой «мирного проникновения» в Китай, которую он отстаивал, и стремлением его оппонентов к территориальным захватам. Редакторы же, восстанавливая хронологическую последовательность событий, завершали главу 27 фрагментом из другой части воспоминаний («Возвращаясь к нашему соглашению с Китаем 15 марта 1898 г., я хотел бы заметить...»)²³, затем прерывали авторское изложение рассказами о А.Н. Куропаткине (глава 28), Гагской конференции (глава 29), И.Л. Горемыкине (глава 30). И только после этого помещали главу 31 «Боксёрское восстание и наша политика на Дальнем Востоке».

Поскольку Гессен и Штейн делали купюры в тексте, не всегда их фиксируя в публикации, самостоятельно обнаружить такую лауну бывает непросто. Так, в «рукописных заметках» гр. Витте супруга Александра III и мать Николая II предстаёт как «женщина невыдающегося ума, но хитрая, весьма почтенная, благородная, много в жизни перенесла и потому многому научилась, замечательно приветливая, верная в своих чувствах, благодарная, она действительно — императрица»²⁴. При публикации из этого отрывка исчезло одно слово — «хитрая»²⁵. И баланс продуманных автором «штрихов», создававших образ, был нарушен.

Даже, казалось бы, безобидная правка пунктуации имеет значение. Характеризуя поведение Николая II в октябре 1905 г. как позицию «индифферента-оптимиста», который «ощущает чувство страха, только когда гроза перед глазами, и как только она отодвигается за соседнюю дверь, оно мигом проходит», Сергей Юльевич добавлял: «Ведь сидя у себя в золотой тюрьме, ух, как мы храбры!»²⁶. Редакторы заменили (не оговаривая) восклицательный знак нейтральным многоточием²⁷, и эмоциональное настроение мемуариста сразу же ступшевало.

Не следует забывать, что воспоминания гр. Витте, по верному замечанию Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина, — «предельно сложный источник», автор которого до последнего дня своей жизни «оставался увлечённым и страстным

²² Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 507.

²³ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 145.

²⁴ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 73.

²⁵ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 284.

²⁶ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 241.

²⁷ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 47.

политиком, не терявшим надежды вернуть утраченные им влияние и власть. Достижению этой цели было подчинено и писание мемуаров»²⁸. В них можно обнаружить и непосредственное самовосхваление, и ненавязчивое освещение прошлого. Без ложной скромности граф констатировал, что, управляя финансами империи более десяти лет, он привёл их «в блистательное состояние»²⁹. Сергей Юльевич не сомневался, что если бы царь и в дальнейшем прислушивался к его мнениям о делах внутренней и внешней политики, «то, может быть, и были бы сделаны ошибки, может быть, были бы сделаны даже крупные ошибки, но тем не менее мы избежали бы всех тех катастроф, которые последовали, начиная с 1903 г.» (когда ему пришлось покинуть пост министра финансов и занять кресло председателя Комитета министров)³⁰.

Е.В. Тарле усматривал в мирозерцании мемуариста довольно примитивную веру в «роль личности в истории». Тот будто бы исходил из того, что «на историю влияет великий государственный деятель: в частности, на историю России должен влиять Сергей Юльевич Витте, которому в этом деле должен не мешать государь император, не говоря уже о ком бы то ни было другом»³¹. Соответственно и портреты современников выходили без полутонов: «Хорош тот, кто помогает графу Витте; худ тот, кто мешает или вредит графу Витте»³².

Но вопреки мнению историка, многоопытный политик, несмотря на резкость отдельных высказываний, стремился соблюсти в тексте баланс положительных и негативных оценок. Так, «прекраснейший... весьма добрый... очень приятный в своих сношениях» генерал-адмирал вел. кн. Алексей Александрович одновременно характеризуется как человек «по существу и в политическом отношении... совершенно слабый»³³. А «несомненно благороднейший, честнейший и благонамереннейший», «по природе умный и образованный» министр внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирский для гр. Витте — «человек с малым государственным опытом, довольно слабый физически»³⁴.

Такой приём позволял придать изложению видимость объективности и одновременно возвышал над всеми самого графа, судившего и характеризовавшего всех и вся и всячески побуждавшего читателя сочувствовать и сопереживать своим действиям. Это прослеживается уже в самых ранних рукописях гр. Витте, сделанных им за границей летом 1907 г. Размышляя о «наделавших много шуму» словах депутата I Думы кн. С.Д. Урусова про дворцового коменданта Д.Ф. Трепова, якобы представлявшего собой «вахмистра по воспитанию и погромщика по убеждению», Сергей Юльевич уточнял: «Трепов был “вахмистр по воспитанию”. Это верно, и в этом заключалась его беда и беда России. Когда-то он учился в Кадетском пажеском корпусе, вероятно, в своей жизни не прочёл толково ни одной серьёзной книги, всё его образование и воспитание прошло в конногвардейских казармах и офицерском собрании и преимущественно в первых, так как он был серьёзный фронтовик, добросовестный офицер, что, конечно, не принесло ему ущерба... “Погромщик по убеждению” — это уже не совсем точно. Трепов не был погромщик по любви к сему искус-

²⁸ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Предисловие // Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 5.

²⁹ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 37.

³⁰ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 117.

³¹ *Тарле Е.В.* Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // *Тарле Е.В.* Собрание сочинений. Т. V. М., 1958. С. 513.

³² Там же. С. 511.

³³ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 494.

³⁴ Там же. Т. 2. С. 323.

ству, но он не исключал сего средства из своего политического репертуара и по убеждению прибегал к нему или, вернее, был не прочь к нему прибегать, когда считал его необходимым для защиты основ государственности — так, как основы эти ему представлялись как “вахмистру по воспитанию”»³⁵.

Но, не ограничиваясь данным наблюдением, гр. Витте делал более широкий вывод: «Вообще трудно определить политического деятеля, да и вообще человека, одной фразой. Человек — существо крайне сложное, не только фразой, но и многими страницами определить его трудно... Нет такого негодяя, который когда-либо не помыслил и даже не сделал чего-либо хорошего. И нет такого честнейшего и благороднейшего человека (конечно, не святого), который когда-либо дурно не помыслил и даже при известном стечении обстоятельств не сделал гадости. Нет дурака, который когда-либо не сказал и даже не сделал чего-либо умного, и нет такого умного, который когда-либо не сказал и не сделал чего-либо глупого. Чтобы определить человека, нужно написать роман его жизни. А потому всякое определение человека — это только штрихи, в отдалённой степени определяющие его фигуру. Для лиц, знающих человека, эти штрихи бывают достаточными, ибо остальное восстанавливается собственным воображением и знанием, а для лиц незнающих штрихи дают очень отдалённое, а иногда и совершенно неправильное представление»³⁶. Этот вывод стал авторским кредо Витте-мемуариста.

Завершая 5 ноября 1907 г. первый фрагмент своих «заметок», сделанных за границей «наскоро, не имея под руками никакого материала», граф сообщал будущим читателям: «Теперь, удалившись от активной политической жизни, я решил написать мои воспоминания. Думаю, что они могут послужить к освещению многих событий... Пишу всё по памяти, а потому, вероятно, делаю некоторые ошибки в датах и названиях... Но что касается фактов и сути дела, то всё изложено *с полной правдивостью и точностью* (выделено в тексте. — А.Г.)»³⁷. Спустя несколько лет он вновь предупреждал: «Так как я веду свои рассказы, которые воспроизводятся посредством стенограмм, совершенно не подготавливаясь к этим рассказам, я беру из моей памяти то, что я помню». Но при этом «в общих чертах всё сказанное составляет несомненную правду и излагает обстоятельства дела вполне беспристрастно и добросовестно»³⁸.

В данном случае гр. Витте явно лукавил. Перед началом диктовок им были подготовлены хронологические таблицы, охватывавшие прожитые годы, и подробный перечень тем, о которых следовало «вспомнить». Документальную основу составляли материалы, откладывавшиеся в его личных архивах: петербургском, существовавшем с рубежа 1880—1890-х гг., и заграничном, созданном в 1908—1909 гг. Состав их, за немногими исключениями, совпадал. Подлинники, как правило, хранились за границей, а копии — в Петербурге.

Зачем же тогда граф старался убедить читателей в возможности непреднамеренных ошибок памяти? Очевидно, это объяснялось тем, что далеко не все допущенные им «неточности» были случайными. Находясь в отставке, опытный чиновник создавал автопортрет верного слуги престола, ставшего жертвой происков неумных, но ловких завистников-царедворцев, и не прочь был выдать желаемое за действительное, на что неоднократно указывали истори-

³⁵ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 128.

³⁶ Там же. С. 127.

³⁷ Там же. С. 5.

³⁸ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 148.

ки. Так, И.С. Рыбачёнок отметила, что гр. Витте, стремясь подчеркнуть собственную роль в появлении замысла состоявшейся в 1899 г. Первой Гаагской конференции мира, сознательно сместил хронологию событий и датировал её начало «около середины 1898 г.»³⁹. Именно «такая “ошибка памяти” мемуариста, который диктовал воспоминания стенографистке, имея перед глазами специально составленные таблицы, дала ему возможность не только придать больший динамизм изложению истории подготовки обращения к державам о сокращении вооружений, но, главное, обойти вопрос о длительной (с марта по август) и сложной работе над этим документом в аппарате МИД»⁴⁰.

Не менее характерен в этом отношении и рассказ о подготовке Манифеста 17 октября 1905 г. 9 октября Николай II принял председателя Комитета министров по его просьбе для доклада о тех мерах, которые требовалось предпринять для борьбы с нарастающим в стране революционным движением. Граф представил ему всеподданнейшую записку, в которой предлагал «или стать во главе охватившего страну движения, или отдать её на растерзание стихийных сил»⁴¹. Один из возможных выходов из сложившегося положения, о котором Сергей Юльевич предпочёл доложить устно, состоял в том, чтобы «облечь соответствующее лицо (диктатора) полномочием, дабы с непоколебимой энергией путём силы подавить смуту во всех её проявлениях»⁴². Император выслушал эти рекомендации, но своего мнения не высказал.

Следует отметить, что, по утверждению графа, он был принят Николаем II дважды: 9 октября наедине и 10 октября в присутствии императрицы. Между тем царь, отличавшийся педантичностью и вниманием к деталям, отметил в дневнике, что принимал его вместе с императрицей 9 октября. За 10 октября такой записи нет⁴³. Зачем же Витте потребовался рассказ о двух аудиенциях? Слухи, будто он вырвал у монарха Манифест 17 октября, вынуждали графа оправдываться. И версия о двух докладах, на первом из которых он представил «наскоро составленную всеподданнейшую записку», а на втором — текст с изменениями, учитывающими указания императора, должна была показать, что Николай II действовал в данном случае по доброй воле.

Большое внимание уделено в мемуарах революции 1905—1907 гг. и решающей роли гр. Витте в её подавлении. Лейтмотивом при этом звучит мысль, согласно которой «вся наша революция произошла от того, что правители не понимали и не понимают той истины, что общество, народ движется. Правительство должно регулировать это движение и держать его в берегах, а если оно этого не делает, а прямо, грубо загораживает путь, то происходит революционный потоп»⁴⁴. Граф с удовлетворением констатировал: «Когда нужно было выйти из постыдного положения, явившегося последствием позорной войны, и никто не хотел брать на себя тяжёлой миссии заключить мир, то государь должен был в конце концов обратиться ко мне с просьбой поехать в Америку его первым, чрезвычайным и уполномоченным послом... По моему глубочайшему убеждению, если бы не был заключён Портсмутский мир, то последовали

³⁹ Там же. С. 159.

⁴⁰ *Рыбачёнок И.С.* Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005. С. 26.

⁴¹ Манифест 17 октября / Сост. И. Татаров // Красный архив. 1925. Т. 4—5(11—12). С. 61.

⁴² *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 11.

⁴³ Дневники императора Николая II (1894—1918). В 2 т. / Отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 2. Ч. 1. М., 2013. С. 64.

⁴⁴ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 54.

бы такие внешние и внутренние катастрофы, при которых не удержался бы на престоле дом Романовых. Далее, когда потребовалось спасти положение в октябре 1905 г., и все отказывались от власти, то, конечно, опять государь обратился ко мне»⁴⁵.

И тут заслуживает внимания фрагмент воспоминаний, который в стенографических диктовках обозначен как рассказ «О госпоже Чириковой». Мемуарист включил его в повествование о киевском периоде своей жизни. Начиная рассказ так: «Во время моего пребывания в Киеве я встретился с одной особой, которая потом сыграла большую роль в моей деятельности после 17-го октября 1905 г., когда я принял пост председателя Совета министров во время так называемой нашей русской революции, скажу — первой революции, потому что, мне кажется, нам не избежать и последующей революции, по крайней мере, если дела будут идти так, как идут теперь»⁴⁶. В рукописных заметках Витте, где также изложен данный сюжет⁴⁷, этот текст отсутствует; не включён он и в главу 56 («Беспорядки и карательные экспедиции») сводной редакции Гессена и Штейна⁴⁸. В стенографических диктовках гр. Витте «спрятал»⁴⁹, видимо, неудобный для него эпизод: благодаря сведениям, сообщённым Чириковой, он настоял на назначении московским генерал-губернатором решительного адмирала Ф.В. Дубасова и на посылке в Москву дополнительных войск для подавления восстания. Можно предположить, что Витте, сохраняя надежду вернуть влияние и власть, допускал такую возможность в случае, если в России вспыхнет новая революция, которая будет угрожать существованию династии Романовых. И тогда царь вновь обратится к нему как к спасителю.

Воспоминания гр. С.Ю. Витте стали первыми мемуарами сановника столь высокого ранга, опубликованными после свержения самодержавия. Личность автора, его осведомлённость о тайных пружинах российской и мировой политики, масштабность и актуальность воссозданной им картины недавнего прошлого — всё это вызывало интерес как у его современников, так и у нескольких поколений историков, которым предстояло прежде всего оценить достоверность полученной информации. Ведь приёмы самовосхваления, как бы ненамеренной «забывчивости» или, наоборот, неверных «припоминаний» применялись гр. Витте осознанно, и важно не только выявить его ошибочные утверждения, но и объяснить их причины.

---

⁴⁵ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 354—355.

⁴⁶ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. С. 177.

⁴⁷ Там же. Т. 2. С. 299—304.

⁴⁸ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 170—180.

⁴⁹ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. С. 177—180. Рассказ «О госпоже Чириковой» был продиктован Витте после рассказа «О князе Горчакове» и перед рассказом «Об упорядочении таможенного дела на русских железных дорогах».

«Двойная природа» ЦК РКП(б) и его роль в политической системе Советской России 1919—1923 гг.

Михаил Зеленов

The «dual nature» of the Central Committee of the RCP(b) and its role in the political system of Soviet Russia (1919—1923)

Mikhail Zelenov

(Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870017299-9

Исследователям необходимо продумать методику анализа положения руководящих органов РКП(б) — Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК — в политической системе¹ Советской России на первом этапе их становления². При этом не следует забывать, что Политбюро, Оргбюро и Секретариат, а также газета ЦК «Правда» представляли собой *выборные* органы ЦК РКП(б), а сама РКП(б) с марта 1919 г. являлась частью «Коммунистического интернационала». ЦК выступал как исполнительный, представительный и распорядительный орган партийного съезда, а аппарат ЦК выполнял политические и технические функции³.

Парадокс, но при всём обилии литературы, посвящённой как РКП(б), так и политической системе РСФСР/СССР, история центрального аппарата партии и его статуса до сих пор находится в тени исследовательского интереса⁴. Закрытость структуры ЦК, недоступность ряда важных источников и неразви-

© 2021 г. М.В. Зеленов

¹ Под «политической системой общества» понимается совокупность институтов (государства, партий, общественных организаций и т.п.) и правовых норм, ценностей, отношений, в которых реализуется власть. Функциональная сторона данной системы — тот или иной политико-правовой режим с его средствами, методами и приёмами управления. Подробнее см.: *Хоменко С.М.* Политический режим как элемент формы государства: теоретико-правовые и методологические особенности исследования // Юрист-правовед. 2010. № 4. С. 77—81; *Шанин А.А.* Правовой режим в структуре режима политического // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 4—10.

² В основе статьи — опубликованные ранее при участии автора материалы: И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Март 1921 — июнь 1922 г. / Публ. М.В. Зеленова, А.В. Крыловой, Н.Ю. Пивоварова, А.А. Чернобаева // Исторический архив. 2017. № 1. С. 116—157; И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Июль 1922 — февраль 1923 г. / Публ. М.В. Зеленова, Н.Ю. Пивоварова, А.А. Чернобаева // Исторический архив. 2017. № 2. С. 134—165; И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Март—апрель 1923 г. / Публ. М.В. Зеленова, Н.Ю. Пивоварова, А.А. Чернобаева // Исторический архив. 2017. № 3. С. 109—141; И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Апрель—июнь 1923 г. / Публ. М.В. Зеленова, Н.Ю. Пивоварова, А.А. Чернобаева // Исторический архив. 2017. № 6. С. 68—103. Они стали основой готовящегося к публикации сборника документов «Аппарат ЦК РКП(б) в 1922—1924 годах: структура, функции, место в политической системе Советской России» (сост. М.В. Зеленов, Н.Ю. Пивоваров, А.В. Крылова).

³ Содержание термина «аппарат» в понимании членов ЦК с 1919 по 1924 г. сужалось от отождествления его с выборными органами ЦК до рамок отделов Секретариата.

⁴ *Гузаров В.Н.* Структурный анализ аппарата РКП(б): методология и историография проблемы // Известия Томского политехнического университета. Т. 313. 2008. № 6. С. 169—173.

тость в России институционального подхода определили качество и количество исследований. В советский период часть профессиональной литературы шла в русле «партийного строительства»⁵ — отрасли знания, сосредоточенной на изучении организационного строения партии, принципов её организации и внутреннего функционирования, форм и методов работы. В массиве этой литературы можно выделить только монографии Л.А. Малейко и В.Н. Гузарова, посвящённые механизму работы РКП(б)—ВКП(б), в том числе и аппарата ЦК, в 1917—1941 гг.⁶

История и функционирование Политбюро ЦК привлекло внимание исследователей с момента его появления. При этом огромное влияние на историографию оказал не В.И. Ульянов (Ленин), откровенно описавший состояние политической системы и места в ней партии, а Л.Д. Троцкий, связавший приход к власти И.В. Сталина со злобредным влиянием партийной бюрократии и аппарата ЦК⁷. Персонализация сложных явлений — характерная черта архаичного мышления, но она, безусловно, подкупает («мы говорим “партия” — подразумеваем “Ленин”», «мы говорим партия — подразумеваем “Сталин”» и т.п.). Очерки западной историографии строились на минимальной источниковой базе и персонализированном подходе⁸. Открытие архивов после 1991 г., передача личного фонда Сталина в РГАСПИ положили начало качественно новому этапу исследований. Событием историографии стала работа О.В. Хлевнюка⁹. Одновременно изучалась роль Сталина как генерального секретаря ЦК в развитии государственной и партийной систем управления, превалировал институциональный подход¹⁰.

Однако работ, посвящённых Политбюро 1919—1924 гг., до сих пор нет¹¹. Структура, функции, кадровый состав Секретариата описаны только за началь-

⁵ См.: *Ромбой Б.Н.* Создание партийного аппарата губкомов и укомов партии // Известия Крымского педагогического института. Т. 28. Симферополь, 1957. С. 112—128; *Семашко В.В.* Строительство партийного аппарата в период от X до XI съезда РКП(б) // Труды Горьковского политехнического института. Общественно-экономические науки. Т. 16. Вып. 4. Горький, 1961. С. 48—60; *Назаров С.А.* Руководство ЦК РКП(б) партийным строительством в Средней Азии. Ташкент, 1972; *Андрухов Н.Р.* Партийное строительство после Октября, 1917—1924 гг. М., 1973; *Андрухов Н.Р.* Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР. 1917—1937. М., 1977.

⁶ *Малейко Л.А.* Партийный аппарат. Становление и развитие (1917—1941 гг.). Ростов, 1981; *Гузаров В.Н.* Партийный аппарат Российской коммунистической партии большевиков. 1917—1925 гг. Томск, 2007.

⁷ В этом направлении написаны книги: *Ulam A.* Stalin: the man and his era. N.Y., 1973; *Conquest R.* Stalin: breaker of nations. N.Y., 1991; *Service R.* A history of Twentieth century Russia. Cambridge, 1998; *Suny R.G.* The Soviet experiment. Oxford, 1998; *Kuromiya H.* Stalin. N.Y., 2005; etc.

⁸ *Schapiro L.* The origins of the Communist autocracy. Political opposition in the Soviet state. First phase: 1917—1922. L., 1955; *Schapiro L.* The Communist party of the Soviet Union. N.Y., 1960; *Carr E.H.* The Russian revolution: from Lenin to Stalin (1917—1929). L., 1979; *Löwenhardt J.* The Soviet Politburo. N.Y., 1982.

⁹ *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

¹⁰ *Rees E.A.* Stalin as leader 1924—1937: from oligarch to dictator // The nature of Stalin's dictatorship: the Politburo, 1924—1953. Basingstoke, 2003. P. 19—58; *Getty J.A.* Stalin as Prime Minister: power and the Politburo // Stalin: a new history / Ed. by S. Davies, J. Harris. Cambridge, 2005. P. 83—107; *Harris J.* Stalin as General Secretary: the appointments process and the nature of Stalin's power // Ibid. P. 63—82; *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010; *Harris J.* The Bolshevik party transformed: Stalin's rise to power in context, 1917—1927 // *Quaestio Rossica*. 2017. № 5. P. 693—707; *Хлевнюк О.В.* Система сталинской власти в научной историографии. Концепции и источники // Труды Отделения историко-филологических наук РАН — 2015. М., 2016. С. 322—342.

¹¹ Работы Хлевнюка посвящены 1930-м гг.: *Khlevniuk O.V.* Master of the House. Stalin and his inner circle. L.; New Haven, 2009 (рус. пер.: *Хлевнюк О.В.* Хозяин...).

ный период становления аппарата ЦК¹², исследования работы Секретариата и Оргбюро в 1922—1924 гг. отсутствуют. Остаются неясными вопросы взаимодействия выборных органов ЦК и его аппарата, распределения в последнем функций и подготовки решений, того, кто и как руководил аппаратом в 1919—1924 гг., отношений аппарата и «вождя партии» Ленина. Эта историография начала складываться в 1960-е гг., но не получила развития¹³.

Политическая система и политический режим обычно описываются в терминах «тоталитарный»¹⁴, «авторитарный» или «демократический». Однако основные теории и концепции (тоталитаризм, реформизм и др.) не дают корректного ответа на вопрос об их характере и специфике¹⁵. Работы, посвященные истории их становления, носят, как правило, обобщающий характер и рассматривают отдельные элементы (в том числе партию) в общем виде — как субъект политической деятельности, навязывающий обществу свою волю (в этом сказывается влияние тоталитарной модели)¹⁶.

Можно отметить большое количество остроумных, фактологических и интересных исследований, однако в этих работах изучается деятельность партии в целом (или деятельность её ЦК) на достаточно большом хронологическом отрезке, но не сама партия (тем более не ЦК)¹⁷. Диапазон характеристик до-

¹² Зеленов М.В. Становление аппарата ЦК и институт секретаря ЦК РСДРП(б)—РКП(б) в 1917—1922 гг. // Учёные записки Волго-Вятской академии государственной службы. 2008. Т. 8. С. 78—86; Войтиков С.С. «Средостение между партией и ЦК». О руководстве секретариатом ЦК РСДРП—РСДРП(б)—РКП(б) в 1917—1919 гг. // Военно-исторический архив. 2016. № 3. С. 60—69.

¹³ См.: Аникоев В.В. В.И. Ленин во главе ЦК РКП(б) (1917—1920) // Научно-информационный бюллетень Центрального партийного архива. 1960. № 2. С. 140—185; Аникоев В.В. В.И. Ленин во главе ЦК РКП(б) (1921—1922 гг.) // Научно-информационный бюллетень Центрального партийного архива. 1963. № 8. С. 3—49; Астапенков В.А. Некоторые новые данные из жизни и деятельности В.И. Ленина (по историко-партийным документам Центрального партийного архива ИМЛ) // Научно-информационный бюллетень Центрального партийного архива. 1966. № 12. С. 18—26; Николаева В.П. В.И. Ленин и организационное бюро ЦК РКП(б) // Научно-информационный бюллетень Центрального партийного архива. 1966. № 12. С. 27—46.

¹⁴ См.: Иерицкий Ю.И. Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. 1990. № 6. С. 172—190; Заславский В. Постсоветский этап изучения тоталитаризма: новые направления и методологические тенденции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 1. С. 45—53.

¹⁵ Впрочем, можно привести примеры описания советской политической системы как последовательной смены авторитаризма, тоталитаризма и демократии. См.: Рыбаков В.А. Советский политический режим: виды и особенности // Вестник Новосибирского государственного университета. 2011. Сер. Право. Т. 7. № 1. С. 29—36.

¹⁶ Fainsod M. How Russia is ruled. Cambridge, 1965; Lewin M. The making of the Soviet system: essays in the social history of Interwar Russia. N.Y., 1985; Соколов А.К. Политическая система и НЭП // НЭП. Приобретения и потери / Под ред. С.У. Дэвис, В.П. Дмитренко, В.А. Май. М., 1994. С. 54—60; Harris J.R. The Great Urals regionalism and the evolution of Soviet system. Ithaca; N.Y., 1999; Gill G. The origins of the Stalinist political system. Cambridge, 2002; Pirani S. The Russian revolution in retreat, 1920—1924. Soviet workers and the new Communist elite. L., 2008; Шагин Э.М., Чураков Д.О., Цветков В.Ж. Становление советской политической системы: 1917—1941 годы. М., 2011; Беккер В.Я. Эволюция системы политической власти в СССР // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2017. № 22. С. 13—19.

¹⁷ Павлова И.В. Механизм политической власти в СССР в 20—30-е годы // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 49—56; Rosenfeldt N. Mechanisms of power in the Soviet Union. Basingstoke; N.Y., 2000; Чернев А.Д. О роли и функциях правящей партии в системе советского государственного управления // Безопасность Евразии. 2003. № 4. С. 631—656; Тимофеева Л.А. Райком в системе местного городского управления в 1920-е гг. (на примере источниковедческого изучения фонда Краснопресненского РК РКП(б)—ВКП(б) г. Москвы). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Павлов Б.В. РСДРП(б)—РКП(б) в политической системе Советской России. 1917 — середина 1920-х гг.

статочно широк. Подмечается, что «сложившаяся политическая система, партийно-государственный механизм явились одновременно результатом отказа от создания правового государства и попытки воплотить в жизнь идею прямой демократии: создание безгосударственной системы рабоче-крестьянского самоуправления»¹⁸. До сих пор дискуссионным остаётся вопрос, существовали ли параллельные системы управления обществом и государством (партийная и государственная) или произошло их сращивание¹⁹ (что отражает эвфемизм «советская» система управления)?

Центральный комитет следует рассматривать не как единый объект, а как структуру, состоящую из двух частей: ЦК являлся выборным органом общественной организации (партии) и одновременно учреждением (ведомством). Эти две ипостаси закрепляли уставы РКП(б). Согласно им, ЦК избирался на партийном съезде. Его состав собирался на пленарные заседания, на первом после съезда пленуме избирались члены Политбюро, Оргбюро и секретари. ЦК как учреждение оформил Устав 1919 г.: «Верховным органом партии является съезд... Съезд: а) заслушивает и утверждает отчёты ЦК, ревизионной комиссии и прочих центральных учреждений»²⁰.

Однако такой подход не отвечает на вопрос о месте ЦК в политической системе. Для этого нужно выработать способы определения политической связи ЦК и государственных (хозяйственных, кооперативных и т.п.) органов и «замера» влияния ЦК на эти структуры. В данной статье приведены два способа «замера»: количество рассмотренных на Политбюро вопросов, касавшихся политической системы, и знакомство политической элиты с партийными решениями.

Рассмотрение ЦК как выборной и административной структуры — первый ход в таком анализе. Второй — применение «метода качественных структур»²¹, предполагающего рассмотрение сложного объекта исследования в четырёх равных аспектах: как части чего-то целого, внутренней организации (структуры) объекта, его функции и координирующего аспекта (кто или что являлось координатором деятельности). Таким образом, нужно выделить несколько важных сюжетов и ответить на вопросы: какую функцию выполнял ЦК как выборный орган и как учреждение? Какую структуру имел ЦК как выборный орган и как учреждение? Кто был координатором ЦК как выборного органа и кто — ЦК как учреждения?

ЦК партии в 1917—1919 гг. VI съезд РСДРП(б) в августе 1917 г. избрал 21 члена и 10 кандидатов в члены ЦК. 5(18) августа пленум утвердил узкий

Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004; *Ткачёв В.И.* Формирование механизма партийной власти в советской политической системе. Октябрь 1917 — 1930-е гг. (на материалах Поволжья). Саратов, 2006; *Анфертьев И.А.* Политический и административный ресурс правящей РКП(б)—ВКП(б): поиск модели социального государства в 1920—1930-х гг. // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 197—224; *Вагнер К.В.* Дискуссия вокруг проблемы истоков советской политической системы // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2016. № 4. С. 42—48.

¹⁸ *Земцов Б.Н.* Становление советского государственного механизма // Известия Томского политехнического университета. Т. 324. 2014. № 6. С. 96—102.

¹⁹ «Сращивание» государственного и партийного аппарата отражает терминологическая путаница, когда понятие «государственный режим» употребляется как синоним «политического режима». См., например: *Кожевникова Ю.С.* Политический и государственный режимы (аспект соотношения) // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2008. № 24. С. 86—92.

²⁰ Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. М., 1934. С. 189.

²¹ *Калинаускас И.Н., Рейнин Г.Р.* Метод качественных структур (МКС) // Академия. 1996. № 1. С. 25—26.

состав ЦК (во главе с Я.М. Свердловым), 10(23) октября — политическое бюро ЦК (во главе с Лениным) для подготовки вооружённого восстания. ЦК представлял собой довольно аморфную организацию, структурные единицы которой возникали и исчезали ситуативно. 29 ноября (12 декабря) появилось бюро ЦК для решения экстренных вопросов, которое действовало до 28 апреля 1918 г. 8 марта 1918 г. выбран Секретариат: Свердлов (председатель), Е.Д. Стасова (секретарь). После переезда ЦК в Москву 12 марта пять его членов остались в Петрограде и образовали Петроградское бюро ЦК, до марта 1919 г. руководившее партийной работой в Северной области.

ЦК как орган должен был заниматься партийным строительством. Однако непосредственно такую работу вели три его члена: Е.Д. Стасова, Н.И. Бухарин (редактор «Правды»), отчасти М.М. Лашевич (член Петроградского бюро). Фактически партстроительством занимались все, оно не было выделено как специальная функция. С 25 октября (7 ноября) 1917 г. ЦК стал субъектом не только партийного, но и государственного строительства. Всех его членов направили на государственную или военную работу. 15 членов и кандидатов вошли в избранный на II всероссийском съезде Советов ВЦИК. 7 из 15 членов первого советского правительства являлись членами ЦК: Ленин, А.И. Рыков, В.П. Милютин, В.П. Ногин, Л.Д. Троцкий, Г.И. Ломов, И.В. Сталин.

8 марта 1918 г. VII съезд избрал новый ЦК (15 членов и 8 кандидатов). Ряд его членов входили в СНК: Ленин, Сталин, Троцкий, Н.Н. Крестинский, Ф.Э. Дзержинский, Г.Я. Сокольников, из состава ЦК до октября 1917 г. — Г.И. Петровский, А.Г. Шляпников и П.И. Стучка. Только двое из них (Ленин и Крестинский) присутствовали на большинстве заседаний СНК. Ряд членов ЦК представляли президиумы ВЦИК (Я.М. Свердлов, М.Ф. Владимирский) и ВСНХ (Ломов, А.С. Киселёв). Несколько членов осуществляли связи с другими республиками: Ф.А. Сергеев (Артём) — с Украиной, И.Т. Смилга — с Финляндией, Я.А. Берзин — с Латвией.

Участие членов ЦК в тех или иных государственных структурах, предварительное обсуждение на его заседаниях вопросов внутренней политики и государственного строительства, а также роль, которую сыграл ЦК в формировании политической системы РСФСР, позволяют говорить о тесном взаимодействии партийного и государственного (а также военного, хозяйственного, кооперативного) аппаратов управления. Но их делопроизводство («кровеносная система» политического влияния) очень различалось, и говорить о «слиянии» названных аппаратов разумно только после того, как будет предложена внятная методика анализа.

У исследователей нет точного списка рассмотренных на заседаниях ЦК вопросов, поэтому судить о функциях последнего и его месте в политической системе можно лишь в самых общих выражениях. Сохранившиеся протоколы крайне неполны. На заседания ЦК собирались те его члены, которые находились в Москве, они и выработывали общие решения. Решения ЦК принимались также и на заседаниях его бюро. Инициаторами принятия решений выступали: наркомы — члены ЦК, ведомства, которые вносили вопрос в СНК, откуда Ленин переправлял его на пленумы, секретариат (через Свердлова или Стасову). В секретариат вопрос могла внести местная парторганизация, решение оформлялось в виде протокола заседания или не вносилось в протокол (записывалось в силу его секретности только в блокнот или на отдельный лист бумаги, который хранился как особо секретный документ). Для принятия ре-

шений от имени ЦК достаточно было опросить трёх его членов, которые ставили свою подпись под принятым (и записанным Лениным) решением.

Определяя место ЦК в политической системе, мы отвечаем на вопрос: как структурные единицы этой системы получали знание о принятых в нём решениях? К сожалению, нельзя точно сказать, какие именно вопросы рассматривались, сколько ЦК принял решений и кого с ними ознакомили: протоколы не велись, с решениями знакомили устно или под расписку (на документе о прочтении решения). Это выявляет важное качество ЦК как выборного органа: тайну деятельности.

Координатором деятельности ЦК формально выступал Ленин, на деле же — небольшая группа единомышленников (3—5 человек), которые брали на себя ответственность за принятие оперативных решений по всем вопросам внутренней и внешней политики.

Поначалу структура у ЦК отсутствовала. Но для реализации своих политических функций он образовывал подразделения, которые числились «при ЦК». Их сотрудники не получали зарплаты, не состояли в штате, не являлись его членами и т.п. Это Федерация иностранных групп (май 1918 г. — февраль 1920 г.), бюро РКП(б) за границей (Н.И. Бухарин, А.И. Балабанова, В.В. Воровский, Ф.А. Розин, А.Е. Аксельрод) (с 8 октября 1918 г.), Бессарабское бюро при ЦК и т.п. Я вывожу эти структуры за рамки анализа. Остаётся неструктурированный секретариат, во главе которого стоял Свердлов, функции секретаря выполняла Стасова, а после переезда в Москву — жена Свердлова К.Т. Новгородцева.

Однако обрушившееся на ЦК многообразие задач полностью изменило положение. Необходимость ведения делопроизводства, бухгалтерии, приёма посетителей и т.п. превращали ЦК в нормальное бюрократическое учреждение. Если раньше всё учреждение состояло из кассира и делопроизводителя, то к 1919 г. работой занимались уже около 15 человек (партийных и непартийных). Главной задачей выступало обеспечение бесперебойной работы ЦК как политического органа. До марта 1918 г. в среднем в день принимали около 10 посетителей, в месяц регистрировалось 1 402 единицы входящей и 2 386 исходящей корреспонденции. В ноябре Секретариат получил 1 483 единицы входящей корреспонденции, в январе 1919 г. — 1 840, исходящей корреспонденции — соответственно 268 и 461. Зарегистрировано соответственно 478 и 364 посетителей. Сохранившаяся переписка между Новгородцевой и Стасовой о работе в 1918—1919 гг. указывает, что Секретариат работал под контролем Свердлова.

Период 1917—1919 гг. в развитии ЦК — годы его «абсолютного бытия» как субъекта партийного, государственного, военного, хозяйственного строительства. Члены ЦК непосредственно участвовали во всех политических и неполитических событиях, ездили по стране, участвуя во всевозможных собраниях и создавая таким образом новый революционный обычай и новое революционное право. Этот период идентичен периоду «военной демократии», когда человек воспринимался как функция, а субъектом деятельности выступал коллектив.

ЦК РКП(б) в 1919—1921 гг. В этот период ЦК состоял из Политбюро, Оргбюро и Секретариата. Статус этих выборных органов определил Устав РКП(б), принятый 4 декабря 1919 г. на VIII партконференции²². Особенность устройства ЦК — отсутствие должности председателя. Заседаниями пленумов и Политбюро руководил один из членов ЦК (как правило, Ленин, в его отсутствие —

²² Восьмая конференция РКП(б)... С. 189—190.

Л.Б. Каменев). Состав Политбюро не менялся (Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Крестинский). Как писал в апреле 1923 г. в «Правде» и в закрытом письме участникам XII съезда заместитель председателя ВСНХ Н. Осинский о причинах того, почему Политбюро «захлёбывается» решением советских вопросов, высшие парторганы «создались... в эпоху гражданской войны, когда была надобность в быстрых и смелых решениях. Тогда не могло существовать шестнадцатоголовое правительство, нужна была полновластная директория (берём это слово, но отнюдь не как одиозную кличку, а как технический термин) из 3—5 человек. Форма для неё была под рукой — Политбюро, которое может всё решить. Другой ипостасью стал Совтрудобороны, как малый военный кабинет»²³.

29 марта 1920 г. в отчёте ЦК IX съезду РКП(б) Ленин так описал ситуацию в структурных подразделениях комитета: «Дело сложилось таким образом, что главной настоящей задачей Оргбюро было распределение партийных сил, а задачей Политического бюро — политические вопросы... Следовательно, всякий организационный вопрос принимает политическое значение, и у нас установилось на практике, что достаточно заявки одного члена ЦК, чтобы любой вопрос в силу тех или иных соображений рассматривался как вопрос политический. Попытка иначе разграничить деятельность ЦК едва ли была целесообразна и на практике едва ли достигла бы цели»²⁴. На пленуме ЦК 8 декабря 1920 г. обсуждался вопрос «О конституции ЦК РКП» и было принято решение, что на заседание Политбюро могут прийти все члены ЦК, которые находятся в Москве. «Если на заседание Политбюро явилось не меньше 10 членов ЦК, то все они принимают участие в голосовании. Достигнутое таким составом ЦК решение может быть приостановлено при протесте 3 членов Политбюро»²⁵.

Деятельность Ленина как неформального лидера ЦК и Политбюро остаётся неизученной, несмотря на богатство его записок, речей и т.п., свидетельств соратников и оппонентов. Но и здесь возникает бездна вопросов. Как известно, специального секретариата у председателя СНК первоначально не было. Книги входящих бумаг Совнаркома регистрировали все направленные письма, а потом распределялись между наркочленами и Лениным. Секретариата Ленина как лидера ЦК тоже не существовало, так как он выступал неформальным лидером (всю корреспонденцию фиксировал Секретариат, после чего направлял её тому или иному лицу).

В гигантской переписке Ленина и наркома иностранных дел Г.В. Чичерина (нужно подчеркнуть, что внешнюю политику формировало Политбюро, а не СНК) встречаются чисто партийные сюжеты, которые раскрывают читателю не только стиль политического мышления Ленина, но и его отношение к сложившейся политической системе. В декабре 1919 г. Чичерин написал несколько писем с обращением не к «тов. Ленину», как обычно, а к «т. Председателю ЦК РКП»²⁶. В ответ получил записку: «Ваши предложения почти целиком при-

²³ РГАСПИ, ф. 50, оп. 1, д. 6, л. 197—199. Опубл.: Правда. 1923. 16 апреля. Дискуссионный листок № 4 (частично, в другой редакции).

²⁴ Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 40. М., 1974. С. 237—238.

²⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 44, л. 1.

²⁶ Письмо от 20 декабря и три письма от 26 декабря 1919 г. (АВП РФ, ф. 04, оп. 52, п. 340, д. 55238, л. 5; п. 341, д. 55284, л. 3, 5; РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 12211. Текст последнего письма см.: Зеленов М.В. НКВД между политической риторикой и военным ведомством: переписка наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина и председателя СНК В.И. Ленина в 1919—1920 гг. // Россия—XXI. 2021. № 2. С. 126).

няты Политбюро. О точном тексте созвонитесь с секретарём Цека т. Крестинским. Пожалуйста, не употребляйте никогда выражения “Председатель Цека”, ибо таковой должности нет»²⁷.

Ответы Ленина о политической системе и роли в ней органов партии должны быть внимательно изучены. Так, например, на одну из жалоб Чичерина от 23 июня 1920 г. о том, что дело не трогается с места, хотя есть решение Политбюро, Ленин ответил: «Тут виноват т. Карахан. Не знает, как надо делать в Советской Республике: 1) брать выписку из протокола Политбюро, 2) на основании этого брать решение Малого Совета (за моей подписью) или соответствующего наркома, 3) за неисполнение жаловаться мне через 24 часа формально, 4) повторить сие многожды. Наивен, кто сего не знает»²⁸. В июле он указал: «Проект ответа одобрить по телефону через членов Политбюро в пятницу или субботу 23 или 24/VII»²⁹. В сентябре, в ответ на просьбу воздействовать на Зиновьева и петроградскую прессу, подчеркнул: «Надо дать в Цека. 1) ещё раз проект точного постановления: Цека запрещает поступать так-то, требует того-то. 2) Обжаловать каждое нарушение конкретно. 3) Провести через Цека назначение ответственного лица (не очень “высокого”). Иначе выходит одна воркотня»³⁰.

Состав Оргбюро и Секретариата менялся постоянно. В организационном отчёте о работе ЦК с марта по декабрь 1919 г. говорилось: «Текучесть состава организационного бюро несколько отражалась на качестве его работы: выносили иногда неодинаковые решения по одним и тем же вопросам... и часто отменялись принятые раньше, в другом составе, решения. Ввиду этого, ЦК постарался составить организационное бюро из наиболее осёдло живущих в Москве членов»³¹. Первоначально в Секретариате была должность «ответственного секретаря» (Стасова, с ноября 1919 г. Крестинский), с апреля 1920 г. избирались три равноправных секретаря: Крестинский, Е.А. Преображенский, Л.П. Серебряков.

Как и прежде ЦК выступал субъектом партийного и государственного строительства. Если говорить о том, как он знакомил нижестоящие структуры со своими решениями, то ситуация значительно изменилась: протоколы заседаний пленумов, Политбюро, Оргбюро и Секретариата за 1919—1921 гг. сохранились. С 16 апреля 1919 г. по 20 марта 1920 г. сохранились протоколы 67 заседаний Политбюро (16 — совместно с Оргбюро), на которых рассмотрены 592 вопроса. С 14 апреля 1920 г. по 8 февраля 1921 г. сохранились 65 протоколов с 892 вопросами; с 26 марта 1919 г. по 31 марта 1920 г. — протоколы 130 заседаний Оргбюро (в отчёте указано 132), на которых рассмотрены 2 691 вопрос; за 7 апреля 1920 г. — 13 марта 1921 г. — 105 протоколов с 4 373 вопросами. Решения рассылались персонально исполнителям как «выписки» из протоколов. Ряд постановлений ЦК (зачастую без указания принявшего их органа) публиковались в прессе.

Если для предыдущего периода ответ на вопрос о координаторе ЦК лежит на поверхности, то для 1919—1921 гг. он не столь однозначен. Несомненно, что лидером выборных органов оставался Ленин. Однако сохранившаяся пе-

²⁷ Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 51. М., 1970. С. 106.

²⁸ РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 14467, л. 1.

²⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 243.

³⁰ Там же, с. 286—287.

³¹ Восьмая конференция РКП(б)... С. 214.

реписка показывает, что он имел лишь некоторое представление, какие вопросы и как решаются в Оргбюро и Секретариате. Создаётся впечатление, что выборные органы ЦК работали в значительной степени самостоятельно. Если раньше маленькая группа членов ЦК выступала «директорией» и принимала решения, то сейчас эта группа оформилась как Политбюро. Какую роль играли в политической системе пленумы ЦК — вопрос, нуждающийся в дополнительном изучении.

В марте 1919 г. — марте 1921 г. аппарат ЦК претерпел значительные изменения. При Секретариате формировались отделы для управления аппаратом ЦК, партийными организациями на местах, идеологией, социальными отношениями. В марте 1919 г. создан общий отдел ЦК (делопроизводство, личный состав, канцелярия, бухгалтерия, бюджет и смета расходов, общепартийный бюджет, хозяйственная часть). Его возглавляла Новгородцева. В июне на его базе возникли управление делами (Г.К. Флаксерман) и финансовый отдел (Новгородцева). В задачи последнего входили утверждение смет ЦК и всех парторганизаций и их финансирование, распоряжение кредитами, учёт баланса. В апреле появился отдел информации (Н.В. Лисицын) для налаживания информационных связей между всеми парторганизациями, прежде всего между центром и провинцией, вскоре образован учётно-распределительный отдел (В.Н. Максимовский, затем А.К. Лепа), который вёл приём всех переходящих с одной на другую работу, собирал сведения о составе ответственных работников, распределял эвакуированных и мобилизованных партийцев и т.п. Возник также организационно-инструкторский отдел для выработки устава партии, изучения и обобщения опыта партийных организаций, инспектирования и инструктирования местных партийных организаций (Стасова, потом А.Н. Соколов). С мая по октябрь работал инспекторско-разъездной отдел (Муранов, В.И. Невский, Максимовский), с мая по июль — школьно-просветительский отдел (Невский, С.И. Канатчиков). Данные о функционировании специального отдела (руководство коммунистическими фракциями в Советах, профсоюзах, работа среди женщин, железнодорожников и т.п.) нет, так как его функции стали выполнять другие отделы: работу в армии передали в Политическое управление РСФСР; с июля 1919 г. по январь (формально — до марта) 1921 г. функционировал отдел по работе в деревне (Невский), с сентября 1919 г. — по работе среди женщин (И.Ф. Арманд). Издательский отдел (в 1920 г. вошёл в агитационно-пропагандистский) выпускал четыре партийные газеты: «Правда», «Беднота», «Коммунар» и «Дер Эмес» (на идиш). К концу 1919 г. в Секретариате работали 107, к марту 1920 г. — 150 человек.

25 июня 1920 г. на заседании Оргбюро по докладу П.П. Горбунова рассматривался вопрос «Схема организации Секретариата ЦК РКП» и назначены заведующие всеми отделами. Решили создать агитационно-пропагандистский отдел (руководили последовательно Р.П. Катаньян, А.С. Бубнов, Л.С. Сосновский). Ведение протоколов Оргбюро было возложено на Г.И. Бокия, ведение протоколов Политбюро — на С. Бричкину (заместительницу управляющего делами ЦК). Из секретно-директивной части управления делами 20 октября 1920 г. выделили секретно-оперативный отдел (Бокий), который вёл всю секретную и несекретную переписку и обеспечивал работу Оргбюро и Политбюро. К марту 1921 г. в аппарате ЦК работали 602 человека. Остаётся неясным, являлся ли в то время ЦК РКСМ одним из подразделений аппарата ЦК партии.

По сравнению с предыдущим периодом значительно изменились функции ЦК как учреждения. Если прежде они были в основном делопроизводственными, техническими, то теперь превратились в организационно-административные. Статус Секретариата как учреждения не определялся. Попытка выработать положение о нём и чётко определить его функции (предлагалась формулировка: «Руководит всей работой коллегия из пяти лиц, во главе с секретарём Ц.К. Каждый член коллегии Секретариата заведует наиболее ответственным отделом»³²) закончилась ничем. Координатором Секретариата в 1919—1920 гг. выступала Стасова, а с 1920 по 1921 г. — Крестинский.

Подводя итог, можно сказать, что 1919—1921 гг. — период «отражения бытия». На место непосредственных отношений членов ЦК с партийными, государственными, военными организациями пришли структуры, регулировавшие такое общение. В ЦК как выборном органе появились подразделения со строгой иерархией, а в ЦК как учреждении — специализированные отделы. Партийный обычай требовал фиксации в протоколах заседаний и выработки особого права. Создание элиты в элите (члены Политбюро среди членов ЦК) сопровождалось борьбой «партийной аристократии» и демократии. Данный период идентичен времени появления и развития городов-государств в Древнем мире.

Уточнение статуса выборных органов ЦК и их функционирование в 1921—1922 гг. В эти годы отмечаются новые направления в статусе выборных органов ЦК: формализация статуса и определение функций в политической системе. Сразу после X съезда (март 1921 г.) на пленуме решался вопрос «О конструировании ЦК, о составе Политбюро, Секретариата и Оргбюро»: «Единственным должностным лицом в ЦК является секретарь, председателя не имеется... Секретарь имеет совещательный голос на заседаниях Политбюро. Ответственным секретарём ЦК назначить т. Молотова... Поручить Оргбюро конструировать работу секретариата ЦК. Отменить постановление прежнего ЦК о том, что если на Полит[ическое] бюро приходят члены ЦК в составе, достаточном для кворума, они имеют право голосовать... Поручить секретарям ЦК позаботиться о правильном распределении между Оргбюро, Политбюро и Пленумом ЦК имеющихся на повестке вопросов».

17 марта приняты постановления, определившие статус Оргбюро: «О председателе на Оргбюро» («Председательствование на заседаниях... возложить на тов. Михайлова»); «О заседаниях Оргбюро ЦК» («Назначить по понедельникам и четвергам в 7 часов вечера. Все вопросы текущего не принципиального характера поручить разрешать секретариату ЦК. Все вопросы, разрешённые секретариатом и не встречающие возражения со стороны членов Оргбюро, утверждаются Оргбюро»; «О присутствующих на заседаниях Оргбюро ЦК» («Разрешить присутствовать на заседаниях... заведующим: Учётно-распределительным, Организационно-инструкторским и Агитационно-пропагандистским отделами ЦК и представителю ЦК Союза молодёжи, предложив последнему наметить постоянного представителя»). Статус работы Секретариата определило постановление от 24 сентября 1921 г.: «Обязать регулярно посещать заседания Секретариата ЦК с правом решающего голоса т.т. Молотова, Михайлова и Залуцкого. Обязать заведующих Отделами ЦК: Агитпропотделом, Оргинструкторским, Учраспредотделом и Управление делами посещать заседания Секре-

³² РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 3, л. 42—44.

тариата ЦК. Их присутствие обязательно только по вопросам, касающимся их отделов»³³.

Предложения о перестройке работы Политбюро стали поступать осенью 1921 г., когда стало ясно, что Ленин не сможет руководить работой этого органа и полноценно принимать в ней участие. 29 ноября Сталин направил Ленину письмо с предложением изменить «состав ЦК вообще, Политбюро в частности в пользу знатоков хозяйственного дела», «свести все существующие хозяйственные комиссии к 4-м комиссиям (финансово-денежная, промышленная, торговая с потребкооперацией, сельскохозяйственная с соответствующими видами кооперации), определив их по партийной линии при Политбюро, а по советской при СТО; расписать четырёх членов Политбюро по этим комиссиям, обязав их принять в работах комиссии самое активное участие»³⁴.

Регламент работы Политбюро предложил Троцкий сразу после того, как 31 декабря бюро (в присутствии Ленина) приняло краткое постановление о необходимости ставить в повестку дня только вопросы, предварительно рассмотренные в советском или партийном порядке, по которым готово предварительное решение³⁵. Предложение Троцкого раскрывает суть места Политбюро в политической системе. Эта выборная структура ЦК подобна французскому королю в Средние века: покровитель разных социальных и политических групп и та сила, которая вырабатывает среднюю линию, удобную для всех вассалов. Троцкий предложил (и Политбюро 20 января 1922 г. приняло) такой вариант работы: «В целях упорядочения вносимых в Политбюро советских вопросов признать, что ни один советский вопрос не может быть внесён со стороны в Политбюро в обход законных советских инстанций. Другими словами, в Политбюро вопрос может быть внесён либо высшей советской инстанцией, в случае невозможности для неё самостоятельно решить вопрос, либо меньшинством высшей инстанции, обжалующим решение большинства, либо непосредственно подчинённой инстанцией на вышестоящую. В случае конфликта между учреждениями вопрос только в том случае может быть внесён в Политбюро, если действительно исчерпаны все способы разрешения его нормальным советским порядком и в частности, если была сделана формально обставленная попытка добиться соглашения всех заинтересованных учреждений. Все вопросы, подлежащие внесению в Политбюро, вносятся на повестку Секретариатом — в случае его на то согласия. Если инициаторы внесения вопроса недовольны отрицательным решением Секретариата, они могут требовать предварительной

---

³³ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Март 1921 — июнь 1922... С. 120—122, 124.

³⁴ Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М., 2003. С. 165—166.

³⁵ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Март 1921 — июнь 1922... С. 126. В марте 1922 г. на XI съезде партии Ленин вернулся к этому вопросу: «У нас создалось неправильное отношение между партией и советскими учреждениями, и на этот счёт у нас полное единодушие. На одном примере я показывал, как конкретное мелкое дело тащат уже в Политбюро. Формально выйти из этого очень трудно, потому что управляет у нас единственная правительственная партия, и жаловаться члену партии запретить нельзя. Поэтому из Совнаркома тащат всё в Политбюро. Тут была также большая моя вина, так как многое по связи между Совнаркомом и Политбюро держалось персонально мною. А когда мне пришлось уйти, то оказалось, что два колеса не действуют сразу» (*Ленин В.И.* ПСС. Изд. 5. Т. 45. М., 1970. С. 114).

постановки вопроса в Оргбюро. В случае дальнейшего настояния инициаторов вносимого вопроса, Секретариат докладывает об этом настоянии Политбюро»³⁶.

За март 1921 г. — март 1922 г. сохранились 140 протоколов Политбюро, зафиксировавших 2 203 вопроса. Экономические вопросы на заседаниях составляли 20—51%, международные — 9—28%, касающиеся советского строительства — 2—26%, кадровые — до 20%, партийные — 8—13%, культурно-просветительские — до 4,5%, профсоюзные — 1—3,6%, о борьбе с оппозиционными группами — до 3,2%. Бесперебойную работу Политбюро и Оргбюро³⁷ обеспечивал Секретариат, который готовил повестку дня заседания, рассылал необходимые материалы и т.п.³⁸ Он возглавлялся Молотовым, который подписывал протоколы заседаний Политбюро.

В 1921 г. огромное значение приобрели орготдел (П.А. Залуцкий), учрас-предотдел (С.И. Сырцов), статистики (С.Г. Струмилин). Истпарт стал отделом ЦК РКП(б) с 1 декабря (М.С. Ольминский). Из управления делами ЦК (Флаксерман, Горбунов, А.А. Копятевич, И.К. Ксенофонтов) 19 сентября выделили секретный отдел, на базе которого создали самостоятельное бюро Секретариата под руководством помощника Сталина Н.И. Смирнова. Этот отдел готовил материалы к заседаниям Политбюро, Оргбюро и Секретариата, оформлял их протоколы и рассылал решения, получал все материалы от правительства, ВЦИК, СТО, Коминтерна, всех ведомств и местных партийных комитетов. Общее количество работников Секретариата выросло к марту 1922 г. до 705 человек.

Но являлся ли аппарат проводником политической воли ЦК? Председатель Центральной ревизионной комиссии В.П. Ногин в резолюции о работе ЦК на XI съезде (апрель 1922 г.) констатировал, что, поскольку результаты работы организационно-инструкторского и учётно-распределительного отделов «совершенно не доходят до большинства членов ЦК, а текущая работа проводится без непосредственного участия последних... при данных условиях создается ненужное средостение между ЦК и местными организациями, которое способствует созданию и развитию партийной бюрократии»³⁹. Устранение этого может быть достигнуто лишь при условии, что во главе всех отделов ЦК будут стоять члены ЦК, освобождённые от всех других обязанностей, а также если губернские и областные конференции будут проходить при участии членов ЦК или их кандидатов, обязанностью которых должны быть систематические объезды организаций»⁴⁰.

Налаживание механизма функционирования ЦК в апреле—декабре 1922 г.

4 апреля 1922 г. на первом пленуме после XI съезда произошло первое изменение аппарата ЦК: вместо пяти членов Политбюро было выбрано семь (против

³⁶ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Март 1921 — июнь 1922... С. 127.

³⁷ Оргбюро собиралось по понедельникам и четвергам.

³⁸ Положение о работе Секретариата, подготовленное Молотовым, было принято 3 февраля 1922 г. (см.: И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Март 1921 — июнь 1922... С. 130—131).

³⁹ Ногин в заключительном слове кратко сформулировал определение аппарата: «Тот аппарат, который около Оргбюро работает, и метод работы всего ЦК приводят к тому, что создается бюрократическое средостение между партией и ЦК в виде отдельных работников, возглавляющих отделы и подотделы» (Протоколы XI съезда РКП(б). М., 1936. С. 166).

⁴⁰ Там же. С. 76. Нужно отметить, что с теми же предложениями 25 марта выступил бывший секретарь ЦК Ем. Ярославский (см.: РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 39, л. 38). Тогда же Пленум ЦК перенёс решение этого вопроса в организационную секцию съезда для обсуждения (см.: И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Март 1921 — июнь 1922... С. 134).

воли Ленина, как вспоминал Молотов⁴¹). Второе изменение касалось появления должности генерального секретаря⁴². Сам состав Секретариата Сталин предложил Ленину ещё в феврале: Сталин, Молотов и Куйбышев⁴³. Он уже был «аппаратным» работником, поскольку некоторое время стоял во главе Агитпропа ЦК. Можно сказать, что его «миссия» как генерального секретаря в апреле—декабре 1922 г. заключалась в наведении порядка в функционировании как выборных органов ЦК, так и аппарата, представлявшего огромное и плохо организованное хозяйство.

В первые же дни после избрания Сталин полностью изменил конструкцию (или, как однажды написали, «конституцию») ЦК, распределив функции между секретарями (чего раньше никогда не было): «Сталин ведает вопросами, связанными с работой Политбюро ЦК и сношениями по преимуществу с областными организациями РКП(б). Куйбышев ведает вопросами, связанными с агитационно-пропагандистской работой ЦК... а также вопросами Управления Делами ЦК. Молотов ведает вопросами, связанными с организационной работой ЦК»⁴⁴.

Таким образом, он занял место Молотова, ранее готовившего заседания Политбюро, и стал единственным его членом, который формировал повестку дня и знакомился со всеми материалами до заседания, а также единственным, кто общался с представителями областных организаций. Нужно отметить, что никто из прочих членов Политбюро и не проявлял желания стать во главе Секретариата и отвечать за функционирование огромного партаппарата: Ленин в силу болезни отходил от дел, Троцкий занимался РККА, Зиновьев — Коминтерном, Каменев и Рыков — работой в Совнаркоме, Томский на лидерство не претендовал.

5 апреля решили, что Секретариат будет проводить заседания по пятницам и понедельникам, готовя материал для Оргбюро и Политбюро. На еженедельных заседаниях Оргбюро председательствовали секретари (по очереди)⁴⁵. Таким образом, основная нагрузка по рассмотрению вопросов перешла в Секретариат, а Политбюро стало рассматривать их почти в два раза меньше, чем раньше (так, в первые три месяца после съезда Политбюро рассмотрело примерно 300 вопросов, а перед ним — примерно 650). Еще более укрепило властную пирамиду предварительное рассмотрение большинства вопросов на совещании завотделами ЦК.

С 18 июня цикл заседаний органов ЦК стал выглядеть таким образом: вторник — заседание завотделами, которые часть вопросов передавали на утверждение Секретариата, среда — заседание Секретариата, который часть вопросов передавал на утверждение Оргбюро и Политбюро, четверг — заседание Политбюро, вторник — заседание Оргбюро, утверждающее часть постановлений Секретариата.

⁴¹ Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 223—224.

⁴² Термин «генеральный секретарь» заимствован из структуры Секретариата ИККИ, который 6 декабря 1921 г. принял решение о введении такой должности. На него возлагалась обязанность следить за выполнением всех постановлений Президиума и Исполкома, подготавливать материалы к заседаниям ИККИ, быть в курсе всех входящих и исходящих постановлений, подписывать все письма, которые идут от имени Секретариата, и устанавливать порядок получения иностранной корреспонденции (РГАСПИ, ф. 495, оп. 18, д. 34, л. 10).

⁴³ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Март 1921 — июнь 1922... С. 133.

⁴⁴ Там же. С. 136—137.

⁴⁵ Там же.

Функции Политбюро в политической системе в обозначенный период фиксировались в духе пожеланий Ленина о том, чтобы «колёса не пробуксовывали», работали слаженно и во время его отсутствия. В апреле 1922 г. Рыков вошёл в состав Политбюро, а А.Д. Цюрупа получил возможность присутствовать на заседаниях с совещательным голосом; они же вместе с Сокольниковым рассматривали все финансовые вопросы правительства до их внесения в повестку дня Политбюро. 12 июня приняли предложение Каменева об обязанности заместителей председателя СНК еженедельно представлять в Политбюро письменные обзоры работы правительства, чтобы «дать возможность Политбюро систематически находится в курсе дел, решаемых в СНК и СТО, и иметь возможность в случае необходимости своевременно возбуждать... соответствующие вопросы»⁴⁶.

О широте влияния формировавшейся в недрах ЦК политики можно судить по кругу рассылки протоколов Политбюро и пленумов ЦК. Ходатайство кандидатов в члены ЦК о рассылке им таковых оказалось отклонено в августе 1922 г.⁴⁷ Специальными постановлениями оформили разрешение читать протоколы Политбюро Преображенскому (как замещающему на время отпуска редактора «Правды» Бухарина)⁴⁸, Бубнову⁴⁹, Крестинскому⁵⁰. Это значит, что политическая ойкумена ограничивалась рамками Политбюро.

Учитывая высказанные на съезде пожелания, основное внимание Сталин направил на механизм функционирования Секретариата ЦК и его основных отделов. 10 апреля 1922 г. появилась Циркулярная комиссия ЦК, что дало возможность централизовать и контролировать издание отделами циркуляров от имени ЦК. Внедрили институт помощников секретарей ЦК (каждый имел по три помощника). 18 апреля Секретариат принял решение «возложить ответственность за своевременное и точное выполнение постановлений Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК на всех заведующих отделами ЦК и секретарей Политбюро и Оргбюро... Контроль за выполнением постановлений... возложить на заведующего Бюро Секретариата, обязав его о результатах докладывать на каждом заседании Секретариата»⁵¹. 21 апреля было принято положение о бюро Секретариата, ставшем сердцем его делопроизводственной работы (а 19 мая утверждены штаты бюро). По предложению первого помощника Сталина А.М. Назаретяна бюро образовывали три первых помощника секретарей ЦК, но «работою Бюро руководит первый помощник т. Сталина»⁵².

Использование института помощников секретарей позволило Сталину расставить «своих» людей на наиболее значимые участки. На Назаретяна легло «руководство работой пом[ощник]ов аппаратом Бюро Секретариата, непосредственное руководство работой технического Секретариата Политбюро (подготовка повестки, материалов, контроль исполнения и т.п.). Общее наблюдение

⁴⁶ Там же. С. 143—144.

⁴⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 308, л. 6.

⁴⁸ Там же, д. 307, л. 4.

⁴⁹ Там же, д. 314, л. 4.

⁵⁰ Там же, оп. 112, д. 382, л. 2.

⁵¹ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Март 1921 — июнь 1922... С. 138. До этого контроль за исполнением решений Политбюро возлагался на заведующего бюро Секретариата Н.И. Смирнова и секретаря Политбюро Буракову, с 16 ноября — на Назаретяна, Оргбюро — на Васильевского, Секретариата — на Тронина (см.: И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Июль 1922 — февраль 1923... С. 141).

⁵² И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Март 1921 — июнь 1922... С. 139—140.

ние за исполнением всех решений ЦК, непосредственное руководство работой Шифрбюро. Ведение особо важной секретной переписки. Дела НКВД»⁵³. Другие помощники (И.П. Товстуха, Л.З. Мехлис, Г.И. Каннер и Д.И. Гразкин) готовили «закрытые письма» ЦК и губкомов, сводки по всем отраслям советской и партийной работы, центральной и местной прессы. Помощники Куйбышева В.Н. Васильевский, В.А. Тронин и Шавер готовили материалы к заседаниям Секретариата от всех отделов ЦК, наблюдали за выполнением отделами директив и указаний, деятельностью финансовой и штатной комиссий, кооперативным совещанием и т.д.

16 июня 1922 г. появился новый элемент политического механизма: «Для разгрузки повестки дня заседания Секретариата и Оргбюро от вопросов мелкого, текущего характера установить при Секретариате ЦК постоянное совещание заведующих отделами ЦК под председательством секретаря ЦК РКП т. Куйбышева»⁵⁴.

В первые месяцы работы новых секретарей произошли важные кадровые и организационные изменения: сменились руководители структур бюро Секретариата (новым заведующим вместо Смирнова стал Назаретян), 24 апреля во главе Организационно-инструкторского отдела был поставлен Л.М. Каганович (позднее заменённый его заместителем И.М. Охлопковым), 25 апреля заместителем Сырцова в Учётно-распределительном отделе стал В.Г. Кнорин, 2 мая во главе Агитпропа поставлен Бубнов, 12 мая утверждена новая коллегия Женотдела. Немного изменилась структура отделов: в Агитпропе появился подотдел библиотек и снабжения литературой, при оргинструкторском создано бюро заграничных ячеек, в управлении делами ликвидирован хозколлектив, а финотдел выделен в самостоятельный в рамках аппарата ЦК. Работа отделов стала приобретать нормативно-правовой характер. В мае утверждено положение об ответственных инструкторах Орготдела и положение об Организационно-инструкторском отделе (в ноябре принят план его работы), в июне — положение о подотделе печати Агитпропа, а также положение об Учётно-распределительном отделе.

Какое же политическое значение имел аппарат ЦК, какое место он занимал в ЦК и в политической системе в целом? Отчёт комиссии по делопроизводству в конце ноября 1922 г. так описал полномочия отделов: «Сношения ЦК РКП директивного характера с губкомами производятся исключительно через Секретариат. Непосредственные же сношения отделов ЦК с губкомами допускаются лишь в плоскости информации и справок, причём категорически запрещаются самостоятельные сношения п[од]/отделов. Такого же руководящего характера сношения ЦК РКП с центральными учреждениями производятся исключительно через Секретариат. В сношениях ЦК РКП с наркоматами иного характера (о содействии и проч.) признаётся необходимым максимальное сокращение официальной переписки с заменой её непосредственными переговорами через особо уполномоченных, выделенных наркоматами»⁵⁵.

Итак, Секретариат (как ведомство, техническая часть выборного органа) стал не только бюрократическим средостением между ЦК и низовыми партийными организациями, но и бюрократическим средостением между ЦК и

⁵³ Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск, 1993. С. 136. (РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 316, л. 41).

⁵⁴ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Март 1921 — июнь 1922... С. 144—145.

⁵⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 393, л. 56—57.

государственным аппаратом управления и прочими элементами политической системы. Такую роль ему отвёл объективный ход развития ЦК и как выборного органа, и как ведомства. Если бы во главе аппарата встал Троцкий, мы бы получили «троцкистскую» партию, если бы Зиновьев — «зиновьевскую» и т.п.

ЦК в январе—феврале 1923 г.: выбор модели развития партийного аппарата. В декабре 1922 г. между членами Политбюро и Лениным вновь возник конфликт. Сталин, пользуясь тем, что Ленин ушёл с заседания Политбюро, провёл постановление, противоречащее ленинскому пожеланию (о высылке историка Н.А. Рожкова в Псков). 8 декабря Ленин обратился к пленуму с опротестованием принятого решения, а кроме того, продиктовал регламент работы и делопроизводство Политбюро⁵⁶. Предложение проигнорировали: вопрос на пленуме не обсуждался.

13 января 1923 г. в заметке «Что нам делать с Рабкрином» Ленин предложил изменить конструкцию выборной партийной власти, увеличив количество членов ЦК до 50—100 человек⁵⁷. Идея основывалась на предположении, что это воспрепятствует внутрипартийной борьбе. Троцкий выступил против увеличения состава ЦК, считая, что «Политбюро и Оргбюро в совокупности, т.е. подлинное рабочее ядро ЦК, практически руководящий центр партии, должно выбираться на Съезде. Это, примерно, человек 15; может быть, с заместителями человек 17—19. Кроме того, Съезд же выбирает Совет партии, в состав которого входят все члены ЦК и кандидаты, члены ЦКК и десятка два особо избранных членов Совета, по возможности от областей и мест»⁵⁸.

23 января Ленин в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин (предложение XII съезду партии)» предложил кардинально изменить конструкцию партийной власти: «Пленум ЦК нашей партии уже обнаружил своё стремление развиваться в своего рода высшую партийную конференцию. Он собирается в среднем не чаще раза в два месяца, а текущую работу от имени ЦК ведёт, как известно, наше Политбюро, наше Оргбюро, наш Секретариат и т.д. Я думаю, что нам следует докончить тот путь, на который мы таким образом вступили, и окончательно превратить пленумы ЦК в высшие партийные конференции, собираемые раз в два месяца при участии ЦКК. А эту ЦКК соединить на указанных ниже условиях с основной частью реорганизованного Рабкрин»⁵⁹. Эту инициативу члены Политбюро восприняли как свидетельство усилившейся болезни «вождя партии».

29 января Сталин, поддержав идею увеличения численности членов ЦК до 50 человек, представил «Предположения Секретариата о распределении функций между Пленумом ЦК, Политбюро, Оргбюро и Секретариатом ЦК»: «Для руководства текущей политической работой ЦК выделяет Политбюро в составе семи членов ЦК, обязывая его существенно важные политические вопросы передавать на разрешение Пленума ЦК, очередного и экстренного, смотря по обстановке. Это изменение умаляет права Политбюро в пользу Пленума ЦК.

⁵⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 329.

⁵⁷ Там же. С. 449—450.

⁵⁸ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Июль 1922 — февраль 1923... С. 144—145.

⁵⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 384—386.

Оно необходимо, так как без такого изменения расширение состава ЦК теряет смысл»⁶⁰.

10 февраля Зиновьев направил в Секретариат ЦК предложения «О разделении труда среди членов Политбюро»: «Некоторые крупные отрасли работы, как известно, руководятся непосредственно членами Политбюро. Таковы: Президиум ВЦИК, Реввоенсовет республики, Коминтерн, ВЦСПС. И это есть сильная сторона в работе Политбюро. Но есть целый ряд областей крайне важной работы, во главе которой стоят товарищи, не являющиеся не только членами Политбюро, но и членами ЦК вообще. Таковы: Наркоминдел, Наркомвнешторг, Кооперация, ВСНХ и т.п. ... Кроме того, желательно придать самой повестке П[олит]бюро несколько плановый характер. Например, мы могли бы, примерно, раз в месяц ставить на повестку общий доклад того или иного ведомства (наркомата и проч.), имеющего в данное время особое значение для республики»⁶¹. В ответе на эту идею Троцкий резонно заметил: «Все члены Политбюро у нас кое-чем заняты, и довольно серьёзно. Можно ли им ещё дополнительно давать задание по “специализации” в какой-либо отрасли? Сомневаюсь. Думаю также, что если все члены Политбюро будут наблюдать за какими-либо ведомствами, то советские вопросы будут ещё чаще вноситься в Политбюро, чем ныне»⁶².

Во второй декаде февраля Зиновьев представил «Проект реорганизации и улучшения работы центральных учреждений партии», в котором поддержал высказанное Сталиным распределение функций между Политбюро, Оргбюро и Секретариатом ЦК, выступил против ленинской идеи увеличения членов ЦК, но высказался за повышение значимости ЦКК и усиление влияния пленума (впрочем, не превращая его в конференцию): «Сессия Пленума по правилу продолжается 2—3 дня, дабы Пленум имел возможность серьёзно обсудить ряд вопросов. Все коренные вопросы разрешаются сессиями Пленума. В особенности в течение последних 2—3 недель перед очередной сессией Пленума Политбюро обязано все коренные вопросы, разрешение коих терпит отлагательство, систематически переносить на повестку Пленума». Представленные проекты обсудил пленум ЦК, который впервые длился несколько дней — с 21 по 24 февраля 1923 г. На нём произошла основная схватка между Троцким и его оппонентами. Пленум высказался за проект Зиновьева, поддержал расширение состава ЦК (до 35 человек) и ЦКК⁶³.

Основные события, связанные с участием аппарата ЦК в политической системе, происходили, конечно, вокруг проектов перестройки его как выборного органа. Однако именно в это время полномочия аппарата расширились. Во время работы пленума, 22 февраля, комиссия ЦК представила проект постановления о порядке сношений отделов ЦК с центральными учреждениями РСФСР: «Основные Отделы Ц.К., как-то: 1) Орготдел, 2) Учраспред, 3) Агитпропотдел, 4) Женотдел, 5) Статотдел, 6) Бюро Секретариата, 7) Финотдел, 8) Истпарт и Управление делами, имеют право самостоятельных сношений с Учреждениями

⁶⁰ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923—1927 / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. Т. 1. М., 1990. С. 19—20. При публикации авторство документа ошибочно приписано Троцкому.

⁶¹ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Июль 1922 — февраль 1923... С. 149—150.

⁶² Архив Троцкого... Т. 1. С. 25.

⁶³ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Июль 1922 — февраль 1923... С. 150—152.

Р.С.Ф.С.Р. по вопросам их компетенции, от имени Отдела и за подписью Зав. Отделом или его зама. Все сношения от имени Ц.К. могут быть производимы исключительно за подписью одного из Секретарей Ц.К. по принадлежности и заведующего тем Отделом или его зама, от коего бумага исходит»⁶⁴.

ЦК в марте—апреле 1923 г.: победа Сталина над политическими конкурентами. 6 марта 1923 г. Троцкий вновь обратился к пленуму с уточнением позиции «по организационному вопросу»: «ЦК сохраняет все свои нынешние функции, права и обязанности правящего между съездами органа партии. Число членов ЦК не расширяется, даже несколько сокращается против нынешнего состава. Нужно иметь лишь Политбюро, Оргбюро с Секретариатом и некоторое количество дополнительных членов, заменяющих кандидатов... Раз в два месяца заседают пленарные совещания в составе ЦК и ЦКК. Этот орган имеет совещательный характер. Может быть, только для отдельных исключительных вопросов пленарному совещанию можно дать решающие права»⁶⁵. Мотивация Троцкого основывалась на том, что расширение ЦК полностью ломает традиционные взаимоотношения между членами Политбюро, принимающими кардинальные решения по внутренней и внешней политике, и пленумом, наполненным новыми людьми, не имеющими опыта политической работы такого уровня. Провал на прошедшем пленуме утвердил его во мнении, что этот орган должен иметь только совещательные функции. В тот же день Троцкий направил в ЦК «тезисы по промышленности» к будущему докладу на съезде партии. В них он пересмотрел резолюцию XI съезда о разграничении партийной и советской работы и высказался против распределения Секретариатом партийных и хозяйственных кадров: «Бесспорное право партии на распоряжение своими работниками ни в каком случае не должно превращаться на практике в частое и несогласованное смещение и перемещение хозяйственников, а должно быть введено в пределы строгой и безусловной необходимости»⁶⁶.

Дальнейшие события развернулись вокруг этих «злополучных» тезисов Троцкого и его организационных предложений. 21 марта Каменев разослал поправки к ним: «Не только правильное распределение своих работников, но и руководство в основном самой работой хозорганов, особенно в обстановке нэпа, является обязанностью партии. Это руководство не должно, конечно, превращаться на практике в частое и несогласованное смещение и перемещение хозработников или в подобное же несогласованное вмешательство в текущую нормальную работу хозорганов»⁶⁷. 22 марта на заседании Политбюро разгорелась дискуссия вокруг поправки Каменева, которую приняли большинством в один голос (4:3). 23 марта Троцкий в ответе Каменеву выдвинул идею перестройки всей политической системы: «Вопрос о взаимоотношениях партии и советской организации является бесспорно краеугольным... Политбюро должно прорабатывать с ведомствами основные вопросы их работы в плановом порядке, т.е. программу их деятельности на длительный срок и в связи с этим устанавливать основное ядро работников. Политбюро должно периодически подвергать рассмотрению отчёты и доклады ведомств в смысле фактического выполнения программы. Политбюро должно постоянным давлением и провер-

⁶⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 413, л. 163.

⁶⁵ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Март—апрель 1923... С. 110—112.

⁶⁶ Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 г. Стенографический отчёт. М., 1968. С. 814.

⁶⁷ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Март—апрель 1923... С. 113; Двенадцатый съезд РКП(б)... С. 814—815 (в другой редакции).

кой добиться установления всеми ведомствами планомерных методов передвижения и воспитания работников»⁶⁸.

Зиновьев, Каменев и Сталин написали обращение к пленуму ЦК с просьбой «дать оценку тем обвинениям по адресу Политбюро, которые содержатся в письме тов. Троцкого от 23/III»⁶⁹. Далее Сталин заставил подписать это письмо почти всех членов и кандидатов в члены Политбюро. Пленум ЦК, прошедший 30—31 марта, поддержал сталинско-зиновьевскую позицию и отверг все предложения Троцкого.

22 марта, в тот же день, когда Троцкий отчаянно воевал на заседании Политбюро, произнося речи о том, что партия должна «править, но не управлять», Секретариат принял положение «О порядке сношений отделов ЦК с губкоммами и др[угими] организациями и учреждениями», закрепившее место аппарата ЦК в политической системе: «а) Отделы ЦК имеют право сношений с советскими, профес[сиональными], кооперативными и проч. организациями по вопросам, имеющим характер информационный и подготовительный к решениям ЦК. б) Воспрещаются самостоятельные сношения характера запретительного, разрешительного и обязательных предложений к исполнению, выходящих из рамок пункта “а”»⁷⁰.

Доклад ревизионной комиссии, который сделал Ногин на XII съезде, был посвящён не только «техническому», но и центральному аппарату партии. Первый его тезис определял понятие «аппарата» в самом широком смысле слова: «В сущности, ЦК и есть тот основной аппарат, который приводит в движение всю политическую работу в нашей стране». Второй раскрывал сердцевину как ЦК, так и его аппарата: «Самым важным в этом аппарате является Бюро Секретариата»⁷¹. Вывод, который озвучил Ногин, совпадал с обвинениями Троцкого в адрес Политбюро: «Рассматривая работу Политбюро, Оргбюро и Секретариата, приходится констатировать такое разделение труда: Политбюро, занимаясь по преимуществу вопросами внешней политики и финансовыми, уделяя также своё внимание хозяйственным вопросам, вопросами партийного строительства почти не занимается, оставляя их всецело Оргбюро и Секретариату. Решения же последних готовятся совещаниями заведующих отделами... В настоящей своей постановке партийный центр будет развиваться в сторону партийного бюрократизма, когда важнейшие вопросы фактически решаются лицами, не избранными съездом и перед ним не ответственными». Для устранения этой опасности Ногин предложил поставить во главе отделов членов ЦК (тогда они могли бы разгрузить повестку дня заседаний выборных органов, взяв на себя решение второстепенных вопросов) и проводить совместные заседания Полит- и Оргбюро для решения вопросов партстроительства: «Такое укрепление партийного аппарата избавит партию также и от другой опасности — сделаться по преимуществу организационным аппаратом Советов, а иногда переходя даже к подмене собою наиболее слабого советского органа»⁷².

**ЦК в апреле—июне 1923 г.: уточнение новой политической системы, плано-
вость работы.** В этот период политические лидеры выработали новые предложения о реформировании политической системы и месте ЦК (и его аппарата)

⁶⁸ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Март—апрель 1923... С. 114—117.

⁶⁹ Там же; Двенадцатый съезд РКП(б)... С. 816—819 (в окончательной редакции).

⁷⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 421, л. 4.

⁷¹ Двенадцатый съезд РКП(б)... С. 70.

⁷² Двенадцатый съезд РКП(б)... С. 83.

в ней. Появились предложения Зиновьева, Дзержинского, Молотова, Куйбышева и Троцкого. Все они сходились в том, что Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК должны управлять советским государством, но приоритеты этого управления (очередность задач, перечень комиссий, специализация внутри Политбюро) виделись ими по-разному.

Сразу после съезда прошёл пленум ЦК, выбравший Секретариат (Сталин, Молотов и, вместо Куйбышева, председатель Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) Я.Э. Рудзутак), Оргбюро и Политбюро. Отдельно заслушано (и принято) предложение Сталина: «Признать необходимым более длительное пребывание тов. Зиновьева в Москве»⁷³. 30 апреля Оргбюро установило новый график работы органов ЦК: совещание заведующих проходит в четверг и передаёт вопросы в Секретариат, Секретариат собирается в пятницу, а Оргбюро — в понедельник. Тогда же бюро поручило Секретариату решить вопрос о распределении работ между секретарями, но окончательный вариант этого решения не обнаружен. 7 мая Секретариат поручил Молотову разработать план работы Оргбюро, который и был принят (в самом общем виде) 14 мая.

Инициатива в конструировании работы Политбюро принадлежала Зиновьеву. 7 мая поступила его записка «О будущей работе Политбюро и его сотрудничестве с ЦКК», в которой в духе решения съезда определялось: «Политбюро должно иметь два заседания в неделю: одно из них посвящается текущей работе, другое — вопросам общедирективного и планового характера... Крайне желательно, чтобы при подготовке основных докладов Политбюро поручало бы каждый раз одному из своих членов принимать возможно более близкое участие в подготовительной работе соответствующей комиссии ЦКК и соответствующего Комиссариата, в случае надобности данный член Политбюро выступает на Политбюро с докладом или содокладом (третий докладчик). Желательно установление хотя бы самого чернового разделения труда среди самих членов Политбюро. Для начала необходимо по крайней мере добиться того, чтобы некоторые отрасли работы, в данное время специально не обслуживаемые ни одним из членов Политбюро, были поручены специальным заботам того или другого члена Политбюро»⁷⁴.

Зиновьев определил отрасли экономики и наркоматы, которые должны стать объектом внимания Политбюро в первую очередь. В тот же день с альтернативным предложением выступил Дзержинский, указав в обратном порядке задачи, стоящие перед страной и Политбюро. 18 мая Зиновьев уточнил план работы бюро и поставил его в повестку дня заседаний. 21 мая бюро приняло эти предложения и просило конкретизировать их «совместно с Секретариатом» Зиновьеву и Куйбышеву. Последний отнёсся к поручению неформально: 29 мая, не дождавшись ответа от Зиновьева, предложил днями заседаний определить четверг и понедельник, расставил вопросы для обсуждения в другом порядке и распределил сферы ответственности между членами бюро (вопросы внешней политики отдал Сталину, а молодёжной — Зиновьеву)⁷⁵.

Неожиданно на политическую арену вновь вышел Ленин с предложением усилить роль Госплана в экономической и политической системе страны. Зиновьев представил заметки Ленина «О придании законодательных функций Госплану», в которых тот солидаризировался с общим подходом Троцкого к

⁷³ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Апрель—июнь 1923... С. 70—71.

⁷⁴ Там же. С. 72—74.

⁷⁵ Там же. С. 75—76, 82—85.

решению хозяйственных задач. Однако члены Политбюро (кроме Троцкого) и президиума ЦКК, ознакомившись с ленинским текстом, решили его не публиковать⁷⁶.

14 июня Политбюро утвердило план работы, дополнив список вопросов управленческим: «Районирование и строение местного аппарата». Предложение Куйбышева, что доклады будут рассылаться участникам заседания за неделю до их обсуждения, не поддержали в силу его очевидной утопичности. Конечно, распределение работ поменялось (вероятно, самим Зиновьевым): НККИД отдали Зиновьеву, Наркомвнешторг — Троцкому, Наркомпрос и национальные отношения — Сталину, внутрипартийную жизнь — Молотову. На заседании 21 июня приняли просьбу Сталина передать вопросы Наркомпроса Зиновьеву и, самое главное, подготовили очередной пленум ЦК: «а) Утвердить следующий порядок дня Пленума и докладчиков: 1) Отчёт Политбюро (т.т. Зиновьев и Сталин)»⁷⁷.

15 июня Троцкий сделал ещё одну попытку переключить внимание членов Политбюро с разделения труда на конструкцию политической власти в целом. Он предложил не дробить хозяйственные вопросы, а передать законодательные функции Госплану: «Взгляд на необходимость общехозяйственного планового подхода к НКВТ я кратко развил в письме к т. Ленину во время переписки по вопросу о внешней торговле. В своём ответе т. Ленин солидаризировался с развитыми мною соображениями»⁷⁸. Однако это письмо проигнорировали. 26 июня пленум принял постановление: «1. Отчёт Политбюро (т.т. Зиновьев, Сталин) и отчёт СНК (тов. Каменев). 1. а) Доклады т.т. Зиновьева, Сталина и Каменева принять к сведению»⁷⁹. Интрига состоит в том, что доклады Сталина, Зиновьева и Каменева не выявлены. Вероятно, в отчёте Политбюро⁸⁰ говорилось о введении плановой работы и распределении труда среди его членов. Сам факт, что с отчётом выступил не один Зиновьев (и не один Сталин), можно интерпретировать как ограничение лидерства первого. Очередность вопросов (сначала Политбюро, потом СНК) также уточнила роль пленума в политической системе. Двухмесячная работа Политбюро характеризовалась игнорированием предложений Ленина и Троцкого о перестройке политического и хозяйственного механизма и свелась к выработке плана рассмотрения вопросов, в том числе по внешней торговле и Красной армии (т.е. тех, которые курировал Троцкий).

Аппарат ЦК с апреля по конец июня 1923 г. значительно изменился. 11 мая упразднили коллегия Женотдела. 6 июня вместо Сырцова заведующим учётно-распределительным отделом был назначен Каганович (который привёл двух новых заместителей — Лукоянова и Рошала). Его же 14 июня назначили вместо уехавшего в Бухару Рудзутака председателем совещания заведующих отделами ЦК «с правом решающего голоса на заседаниях Секретариата»⁸¹. Это важнейшее событие в истории аппарата: не член ЦК стал заведующим отделом, выполняющим техническую работу по поручению съезда, а заведующий

⁷⁶ Архив Троцкого... Т. 1. С. 56.

⁷⁷ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Апрель—июнь 1923... С. 90—92, 94.

⁷⁸ Архив Троцкого... Т. 1. С. 79—80.

⁷⁹ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Апрель—июнь 1923... С. 95.

⁸⁰ Саму постановку вопроса об отчёте Политбюро пленуму определила резолюция съезда «По организационному вопросу»: «На каждом пленуме Политбюро представляет отчёт о своей деятельности за истёкший период».

⁸¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 457, л. 5.

отделом приобрел функции секретаря ЦК, выбираемого на его пленуме. Продолжалась и формализация работы аппарата: 25 мая утверждено положение о порядке контроля над выполнением постановлений Секретариата и Оргбюро ЦК. 1 июня принято положение о работе Статотдела.

Политические изменения повлияли на изменение информационных потоков и включение в политический информационный процесс и, соответственно, политическую верхушку новых членов. 26 апреля пленум принял постановление «О порядке информирования членов ЦК»: «Принять следующие четыре предложения тов. Троцкого: а) все существенные документы сообщать всем членам ЦК... Распространить рассылку протоколов Пленума и обзор материалов и на кандидатов и членов Президиума ЦКК»⁸². С 10 мая члены ЦКК получили возможность полностью включиться в работу ЦК и его аппарата, поскольку ЦКК стал отделом ЦК: «Протоколы ПБ, ОБ, СТ посылать 9-ти членам Президиума ЦКК. Материалы, рассылаемые членам Политбюро, рассылать трём членам ЦКК, представляющим последний в Политбюро»⁸³.

11 мая рассылка «закрытых писем» ЦК распространилась на политуправления фронтов, округов, армий и флотов, а 21 мая ещё раз уточнено, что «все документы, относящиеся к вопросам, стоящим в порядке дня Политбюро, предварительно должны сообщаться письменно всем членам Политбюро, исключая случаи особой конспиративности или когда имеется возможность ознакомиться с ними иным порядком»⁸⁴. 1 июня принята «Инструкция о порядке рассылки, возврата и ознакомления с конспиративными документами ЦК РКП»: «Выписки из постановлений Секретариата ЦК, Оргбюро, Политбюро и пленума ЦК рассылаются лицам в каждом отдельном случае по указанию секретаря Цема»⁸⁵.

Июль—октябрь 1923 г. Осознание роли Секретариата ЦК, его аппарата и генерального секретаря в политической системе. Сделав отчёт о работе Политбюро на пленуме в конце июня 1923 г., Зиновьев уехал в отпуск (его не было на заседаниях с 12 июля по 18 сентября, кроме 21 и 23 августа). В это же время в отпуске находился и Бухарин. Троцкий отсутствовал с 21 июня по 20 сентября (кроме 21 и 23 августа). Молотов, Калинин и Томский уехали в середине июля и вернулись только в конце августа. Таким образом, на летних заседаниях Политбюро присутствовали Сталин, Каменев, Рыков и кандидат в члены Политбюро Рудзутак. Отчасти это нормализовало график работы — Политбюро собиралось два раза в неделю почти без сбоев. Зиновьев добровольно и опрометчиво оставил руководство Политбюро на Сталина. Можно предположить, что предварительные материалы к заседаниям не рассылались, а Сталин ставил отдыхающих перед фактом принятых решений, чем и вызывались эмоциональные протесты Зиновьева и Бухарина. Убрав из их переписки риторичность и эмоции, можно выделить только одну претензию: Сталин как секретарь ЦК единолично формировал повестку дня Политбюро и принимал ответственные решения.

⁸² И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Апрель—июнь 1923... С. 70—71.

⁸³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 351, л. 5; оп. 163, д. 334, л. 39.

⁸⁴ И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти. Апрель—июнь 1923... С. 83—84 (п. 9 частично воспроизведён: Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. Каталог. Т. 1 / Отв. ред. Г.М. Адибеков, К.М. Андерсон. М., 2000. С. 15). Другой порядок — знакомство *de visu* или по телефону.

⁸⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 453, л. 9.

В ответе на претензии Сталин упирал на формальные инструменты работы секретаря ЦК: «Не правы вы, говоря, что секретарь единолично решает вопросы... Я бы очень хотел, чтобы вы нашли в архиве хоть одну телеграмму, хоть одно распоряжение, не санкционированное той или иной инстанцией ЦК. Не правы вы, утверждая, что порядок дня Политбюро составляется единолично. Порядок дня составляется на основании всех поступивших вопросов на заседании Секретариата плюс Каменев (председательствующий в П.Б.) плюс Куйбышев (пред[седатель] ЦКК). Можно только приветствовать, если все члены группы или Политбюро захотят присутствовать при его составлении»⁸⁶. Действительно, если речь идёт о том, чтобы контролировать порядок составления повестки дня заседания Политбюро, то следует изменить правила составления повестки дня и подготовки заседания. А все вопросы, связанные с составлением повестки дня, Сталин решил ещё во второй половине 1922 г.: повестку формирует секретариат Политбюро на основании присланных материалов до 12:00 дня накануне заседания. Зиновьев же жил представлениями Гражданской войны, когда каждый член ЦК и Политбюро мог, придя на заседание, тут же поставить вопрос и оказать влияние на его решение.

Только 10 августа Зиновьев сформулировал то, о чём говорили Осинский, Ларин, Преображенский до XII съезда и Ногин на съезде в апреле: «Суть: Ильича нет. Секретариат цека поэтому объективно (без злых желаний Ваших) начинает играть в ЦК ту же роль, что секретариат в любом губкоме, т.е. на деле (не формально) решает всё. Это — факт, который отрицать нельзя»⁸⁷. И в данном случае он продемонстрировал архаичный стиль мышления, при котором объективные процессы персонифицировались: Сталин отождествлялся с Секретариатом ЦК, как Нептун — с морскими стихиями. По мнению Зиновьева, Секретариат приобрёл новые функции, поскольку «Ильича нет». Следовательно, введя новых «хороших» секретарей, можно изменить старые «плохие» функции Секретариата.

Дальнейший ход событий развивался именно по сценарию эпоса: герои отправились завоёвывать Оргбюро и Секретариат. Сначала архаичный вариант предложил Микоян, написавший Каменеву накануне заседания Политбюро 6 сентября: «Можно выдвинуть контрпредложение о пополнении Секретариата?»⁸⁸. Казалось бы, не только он услышал Ногина, который ещё на XII съезде сказал, что «самым важным в этом аппарате является Бюро Секретариата». Допустим, что Зиновьев и Троцкий, Бухарин и Каменев были бы введены в состав Секретариата вместо Сталина, Молотова и Куйбышева. Им бы пришлось бросить работу в Петросовете, Коминтерне, РВС, «Правде», Моссовете и СНК и заняться скучной бюрократической работой по налаживанию делопроизводства и связи с провинциальными организациями (Молотов), контролю за работой отделов с присутствием на заседаниях их заведующих (Куйбышев, а потом Рудзутак), контролю за выполнением решений Политбюро (Сталин)... Ни один из них не захотел променять политические звёзды на политические недра ни в 1922, ни в 1923 г.

Однако идеи Зиновьева «расширить и укрепить» стали внедряться осенью. Сначала на пленуме 25 сентября 1923 г. реализовалась идея расширения Орг-

⁸⁶ «Ильич был тысячу раз прав» (Из переписки членов Политбюро ЦК РКП(б) в июле—августе 1923 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 203—204.

⁸⁷ Там же. С. 205—206.

⁸⁸ РГАСПИ, ф. 323, оп. 2, д. 26, л. 16.

бюро: в его состав ввели Зиновьева и Троцкого (Троцкий выступил против своего назначения 7 октября⁸⁹), а Бухарин и Коротков пополнили состав кандидатов в члены⁹⁰. Идея расширения Секретариата воплотилась так: на заседании Оргбюро 8 октября приняли решение «включить на время отпуска тов. Рудзутака в Секретариат ЦК т. Михайлова для постоянной работы»⁹¹. Дзержинский обратился в Политбюро с просьбой заменить Михайлова на Томского, так как «Секретариат ЦК следует усилить в гораздо большем размере — членом Политбюро, так как работа Секретариата сейчас приобрела максимальную политическую ответственность и требует быстрых решений»⁹².

Обсуждался и другой вариант противодействия «роли генсека» — расширение состава Политбюро. Зиновьев констатировал в конце октября: «Я против расшир[ения] ПБюро — особенно сейчас. Вся партия знает, что Дзерж[инский] не политик. Вся партия знает, что Сок[ольников] (НКФ) и без того оказывает непропорц[иональное] влияние на ход дел. Опять расширять — двусмысленно. Старик только высмеял бы»⁹³. Группа «политиков» мыслила не в парадигме изменения «регламента работы ЦК», в котором можно было бы прописать все процедуры принятия политических решений, а в парадигме личных отношений. Поэтому с июля началась политическая кампания против Троцкого, которая в определённой степени закончилась в конце октября принятием на пленуме ЦК резолюции, осудившей выступление его и его сторонников (окончательно итоги внутрипартийной дискуссии подвела XIII конференция в январе 1924 г.).

Стоит заметить, что Троцкий мыслил глубже и структурнее, чем его оппоненты. В письме 8 октября 1923 г. он говорил не столько о Сталине, сколько о системе и политическом режиме в целом: «Тот режим, который в основном сложился уже до XII съезда, а после него получил окончательное закрепление и оформление, гораздо дальше от рабочей демократии, чем режим самых жёстких периодов военного коммунизма. Бюрократизация партийного аппарата достигла неслыханного развития применением методов секретарского отбора... Создался весьма широкий слой партийных работников, входящих в аппарат государства или партии, которые начисто отказываются от собственного партийного мнения, по крайней мере открыто высказываемого, как бы считая, что секретарская иерархия и есть тот аппарат, который создает партийное мнение и партийные решения»⁹⁴.

Итог периода июля—октября 1923 г. заключается в том, что почти вся партийная элита (члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК) продемонстрировала два качества своего политического мышления: персонифицированность (свойство архаики) и абсолютность (восприятие всего как политики). Это последнее оказалось решающим для понимания ими (и нами) роли партийного аппарата в политической системе: и Зиновьев, и Сталин (и Троцкий, и даже Дзержинский) стали рассматривать аппарат ЦК (Секретариат в его каждодневной работе по обеспечению функционирования выборных органов партии) как политический институт, наделяя его особым значением.

---

⁸⁹ Там же, ф. 325, оп. 1, д. 518, л. 78, 95.

⁹⁰ Там же, ф. 17, оп. 2, д. 103, л. 2.

⁹¹ Там же, оп. 112, д. 486, л. 7.

⁹² РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 14, л. 75.

⁹³ РГАСПИ, ф. 324, оп. 2, д. 54, л. 5.

⁹⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 170.

Осенью поле политического воздействия выборных органов ЦК ещё более расширилось: протоколы Политбюро, Оргбюро и Секретариата разрешили читать кандидатам в члены ЦК⁹⁵, однако не всем: Политбюро решило «поручить Секретариату ЦК держать т.т. Радека, Пятакова и Раковского в курсе работы ЦК на основании протоколов ПБ без посылки самих протоколов»⁹⁶.

В своей ежедневной работе аппарат ЦК приобретал ту стройность и функциональность, которая основывалась на майском импульсе Политбюро и Оргбюро: сделать работу отделов плановой и полностью контролируемой. В силу политической значимости 13 июля в состав аппарата ЦК включили состав ЦКК (т.е. выборный и невыборный аппарат этого органа стал, по сути, аппаратом ЦК, так как получал зарплату из его бухгалтерии). Тогда же отдел по работе среди женщин переименовали в отдел по работе среди работниц и крестьянок. В Истпарте создали Польскую комиссию. В октябре приняли решение о переводе Института Ленина, созданного по инициативе Московского комитета партии, в состав ЦК, утвердили совет Института и его правление (во главе с Каменевым).

10—21 сентября секретариат ЦК разработал для Оргбюро план его работы. В конце сентября решили «поставить на Оргбюро доклады заведующих отделами ЦК, с тем чтобы в докладах были выдвинуты важнейшие задачи работы отделов на ближайшее время»⁹⁷. Теперь уже не Оргбюро ставило перед отделами задачи работы, а отделы ставили эти задачи перед Оргбюро, которое только осмысляло их тем или иным образом. Роль аппарата ЦК в политической системе проявилась максимально ярко.

Что касается вопроса о координаторе ЦК как учреждения, то представляется, что к концу 1923 г. таковым стал Сталин. Вероятнее всего, руководившие отделами Секретариата Рудзутак, а потом Каганович полностью подчинились ему как генеральному секретарю.

Таким образом, 1921—1923 гг. — период «воплощения бытия», регулирования статуса выборных органов ЦК и его аппарата. Все члены Политбюро (и многие члены ЦК на XII съезде) высказывали предложения по оформлению правового положения структур ЦК (чего в 1919—1921 гг. быть не могло). Всё это оформлялось в «партийном законодательстве» — постановлениями выборных органов ЦК. В этот период чётко определились полномочия отделов ЦК и их руководителей. Там рождались «регламентарные акты», акты исполнительной партийной власти (обязательные к исполнению как постановления партийного правительства). Сложилось своеобразное «правовое государство—партия». Одновременно это период расцвета оппозиции, проявившей всю силу и яркость архаичного мышления. Можно провести аналогию этого периода с периодом превращения сословно-представительной монархии в абсолютную.

⁹⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 103, л. 2; оп. 112, д. 484, л. 7; оп. 3, д. 385, л. 5.

⁹⁶ Там же, оп. 3, д. 389, л. 2.

⁹⁷ Там же, оп. 112, д. 480, л. 6.

Денежное обращение в СССР на рубеже 1980—1990-х гг.: в поисках выхода из кризиса

Роман Кирсанов

Monetary circulation in the USSR during late 1980s — early 1990s:
in search of a way out of the crisis

Roman Kirsanov

(*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow*)

DOI: 10.31857/S086956870017308-9

Деньги представляют собой не только сложную экономическую, но и историческую категорию. Они претерпели длительную эволюцию, в ходе которой изменялись их виды и функции, и постепенно играли всё большую роль в развитии экономических отношений. Общеизвестно, что успех экономических преобразований во многом зависит от состояния денежно-кредитной системы. Не случайно, согласно расхожему в экономической среде мнению, экономика государства не может быть лучше, чем его национальная валюта.

В целях упорядочения и укрепления денежного обращения, частичного или полного преобразования денежной системы правительства иногда проводят реформы, как правило, сопровождаемые уменьшением общего количества денег, обслуживающих платёжный оборот. Содержание и исторический опыт проведения таких реформ (в том числе в России) показывают, что для успеха необходимы три фактора: рост производства, сбалансированный бюджет и наличие золотовалютных резервов. Но, безусловно, каждая из денежных реформ имеет свои особенности.

Предметом статьи является денежная реформа 1991 г., инициированная и осуществлённая под руководством премьер-министра СССР В.С. Павлова. В научной литературе она преимущественно оценивается как неудачное мероприятие, которое не позволило решить задекларированные задачи. Так, по мнению председателя Госбанка (Центрального банка) В.В. Герашенко, а также экономистов А.Н. Илларионова и Л.М. Григорьева, объём изъятых из обращения денег не только не принёс результатов в борьбе с «теневым» капиталом, но даже практически не изменил ситуацию с избыточной денежной массой¹. Этому мнению придерживается и В.М. Кудров, отмечая, что реформа «вызвала панику среди населения и даже его озлобление»². Как указывает Н.С. Симонов, главное её последствие — не изъятие нетрудовых доходов спекулянтов и коррупционеров, а «утрата доверия населения к союзному правительству»³. М. Алексеев и А. Пачкалов призывают не считать реформу «полностью провальным мероприятием, как бы кому не хотелось это представить», однако

© 2021 г. Р.Г. Кирсанов

¹ Кротов Н.И. Жизнь и удивительные приключения банкира Виктора Герашенко, сына банкира Владимира Герашенко, рассказанные им самим, его друзьями и коллегами, внимательно выслушанные и записанные летописцем Николаем Кротовым. М., 2010. С. 338; Илларионов А. Попытки проведения политики финансовой стабилизации в СССР и в России // Вопросы экономики. 1995. № 7. С. 4—37; Григорьев Л.М. Экономика переходных процессов. Т. 1. М., 2010. С. 58.

² Кудров В.М. Экономика России в мировом контексте. СПб.: М., 2007. С. 457.

³ Симонов Н.С. Очерки истории банковской системы России. 1988—2013 гг. М., 2016. С. 88.

основывают свою позицию лишь на мнении самого Павлова, полагавшего, что «денежная реформа удалась, а последующие проблемы, связанные с ней, были вызваны сепаратизмом российского правительства»⁴.

Вместе с тем в работах, посвящённых экономическому развитию СССР в позднеперестроечный период, как правило, отсутствует обстоятельный анализ реформы. В частности, не изучается её взаимосвязь с динамикой денежного обращения, состоянием потребительского сектора экономики. Этот пробел и призвана восполнить данная работа.

Исторически денежные реформы воспринимаются в общественном сознании утилитарно — как мероприятия, затрагивающие только накопления населения. В действительности же это комплексные преобразования, которые касаются наличного и безналичного оборотов, в ходе обмена денег происходит переоценка стоимости основных и оборотных средств, выстраиваются новые пропорции, призванные сбалансировать доходы и расходы населения и хозяйствующих субъектов.

В течение 1988 г. денежные доходы населения увеличились на 41,4 млрд руб., за 1989 г. — на 63,8 млрд, за 1990 г. — на 83 млрд, в то время как за все годы 11-й пятилетки (1981—1985) они выросли всего на 78 млрд. При этом прирост доходов граждан «обгонял» прирост всех основных показателей, характеризующих развитие экономики (и, в частности, потребительских расходов населения) в 1,4 раза⁵. К концу 1988 г. объём накоплений населения превысил запасы материальных ценностей и товарных ресурсов в 5 раз⁶.

Остаток вкладов населения (включая сертификаты) на 1 января 1989 г. равнялся 296,7 млрд руб. За этот год вклады и другие сбережения выросли на 44,9 млрд, достигнув к 1 января 1990 г. 341,6 млрд руб.⁷ Значительную часть этих средств можно рассматривать как отложенный спрос. Однако к нему следует добавить и часть наличной денежной массы, поскольку определённая доля населения (особенно в Средней Азии и Закавказье) не пользовалась банковскими вкладами. Такие сбережения на начало 1990 г. составляли около 37 млрд руб.⁸

Основной прирост доходов населения (75%) вызывался повышением заработной платы из-за широкого развития новых форм хозяйственной деятельности (хозрасчёт с распределением дохода, кооперативы, арендный подряд и т.д.) и расширения различного рода стимулов и льгот для работников государственных предприятий и организаций. Свою роль сыграли и советы трудовых коллективов, которые давили на администрации предприятий и устраивали забастовки, требуя повышения окладов. В 1990 г. произошло также существенное увеличение пенсий и пособий (на 12,7% по сравнению с 1989 г.). На доходы сельских жителей повлияло расширение использования договорных цен на некоторые виды аграрной продукции, сдававшейся государству и кооперации.

Характерно, что рост оплаты труда, как правило, не увязывался с фактическими итогами хозяйственной деятельности. Крупные капитальные вложения

---

⁴ Алексеев М., Пачкалов А. Министры финансов: от Российской империи до наших дней. М., 2019. С. 362.

⁵ По сравнению с 1987 г. расходы на покупку товаров и оплату услуг в 1988 г. увеличились на 7,2%, в 1989 г. — на 9,2% (РГАЭ, ф. 2324, оп. 33, д. 741, л. 56).

⁶ РГАЭ, ф. 897, оп. 2, д. 40, л. 32.

⁷ См.: СССР в цифрах в 1989 году. М., 1990. С. 77.

⁸ РГАЭ, ф. 2324, оп. 33, д. 741, л. 13.

в производственный сектор не приносили должной отдачи из-за длительных сроков строительства, увеличения объёмов «незавершёнки» и снижения дисциплины. На фоне падения экономических показателей, в том числе уменьшения объёма нормативной чистой продукции, сокращения платежей в бюджет и отчислений в фонды экономического стимулирования, предприятия почти повсеместно увеличивали выплаты из фондов материального поощрения. При этом к 1988 г. контроль за ростом доходов был утрачен вследствие отказа от административных методов планирования расходов на оплату труда.

В соответствии с действовавшим в тот период законодательством, фонд оплаты труда состоял из фонда заработной платы и фонда материального поощрения. В то время как первый зависел от объёмов производства и регламентировался различными нормативами, второй образовывался исключительно за счёт прибыли, на величину которой значительное влияние оказывало применение договорных цен и надбавок. В течение 1988—1990 гг. Госбанк неоднократно вносил в Совет министров и Госплан СССР предложения об изменении порядка формирования фондов оплаты труда, но они не нашли поддержки⁹. Более того, в 1989 г. было законодательно отменено нормативное соотношение между приростом средней заработной платы и производительности труда. Введённый же налог на прирост фонда оплаты труда не принёс ожидаемых результатов, составив не более 10% от фондов материального поощрения.

В начале 1990 г. специальная межведомственная комиссия под руководством первого заместителя председателя Совета министров СССР Л.А. Воронина организовала проверку более 200 предприятий и организаций восьми народнохозяйственных комплексов на предмет соблюдения нормативов формирования и расходования средств на оплату труда¹⁰. В результате выявили, что в ряде случаев увеличение фонда оплаты труда обуславливалось выпуском более рентабельной продукции. Однако по большей части увеличение зарплаты вызывалось необоснованным завышением цен на выпускаемую продукцию. Имели место и случаи нарушения порядка начисления фонда оплаты труда. Так, к примеру, Одесский завод тяжёлого краностроения им. Январского восстания Министерства тяжёлого машиностроения СССР в 1989 г. завысил базовый фонд заработной платы на 1 млн руб. (8%) за счёт включения в него средств из фонда материального поощрения, а также использования дополнительных ассигнований от министерства. Несмотря на рост зарплаты, предприятие допустило сокращение объёма произведённой продукции на 5,1%. Ярославское производственное объединение «Лакокраска» за 1989 г. сократило объём производства более чем на 5%, при этом выплаты из фонда материального поощрения выросли почти на 9%¹¹.

Особого внимания заслуживают выявленные случаи нарушения требований постановления Совмина № 372 от 4 мая 1989 г., в соответствии с которым фонд оплаты труда государственного предприятия подлежал уменьшению в случае заключения с кооперативами договоров на выполнение части производственных работ. К примеру, на базе цехов Мариупольского металлургического и Оскольского электрометаллургического комбинатов организовали производственные кооперативы. В связи с этим фонды зарплаты на этих предприятиях

---

⁹ Там же, д. 726, л. 2.

¹⁰ Там же, л. 44.

¹¹ Там же, л. 48.

подлежали сокращению на 1,4—1,5 млн руб.¹², чего сделано не было. Ижевский редукторный завод им. Ленина заключил договоры с пятью кооперативами и передал им часть работ по изготовлению комплектующих изделий. Несмотря на уменьшение объёма производственных работ, завод увеличил фонд зарплаты на 400 тыс. руб.¹³

В 1990 г. потребительские расходы населения выросли по сравнению с 1989 г. почти на 15%, превысив даже плановые расчёты¹⁴. Это объяснялось как некоторым расширением производства товаров массового спроса¹⁵ и увеличением импорта, так и повышением средних розничных цен (25% от прироста товарооборота) и ростом объёмов реализации алкогольной продукции (10%)¹⁶. В целом же положение на потребительском рынке характеризовалось высокой дефицитностью по большинству товарных позиций. В продаже недоставало многих продуктов питания (в первую очередь продуктов животноводства, рыбы, кондитерских изделий, картофеля, овощей, фруктов). Не удовлетворялся спрос и на многие изделия лёгкой промышленности, товары хозяйственного обихода, стройматериалы. Это объяснялось не только высокими темпами роста денежных накоплений, но и усиливавшимся ажиотажным спросом практически на все виды товаров, вызванным инфляционным ожиданием и слухами о возможной денежной реформе и «замораживании» вкладов в Сберегательном банке. С прилавков «сметались» даже товары длительного спроса: электрочайники, утюги, магнитофоны, радиоприёмники.

По различным оценкам, на начало 1990 г. неудовлетворённый спрос из-за недостатка товаров и услуг составлял 105—110 млрд руб. против 60 млрд на начало 1986 г.¹⁷ Это свидетельствовало о серьёзной дезорганизации потребительского рынка. Из 989 видов товаров народнохозяйственного потребления, по которым проводились наблюдения, без существенных перебоев в свободной продаже находилось только 106 наименований (11%)¹⁸. Увеличилась продажа соли, спичек, хозяйственного мыла, крупы, муки. Люди всерьёз опасались за завтрашний день и пытались любыми средствами израсходовать имевшиеся деньги. Большие трудности возникли с обеспечением мясопродуктами населения Москвы, Ленинграда и других крупных городов. Сократилось производство плодоовощных консервов, безалкогольных напитков, табачных изделий. Срывались планы по производству товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения¹⁹.

О неустойчивости положения свидетельствовала и интенсивная покупка неходовых и залежалых товаров, запасы которых, мало изменявшиеся в прошлом, начали резко сокращаться. За 1988—1989 гг. они снизились более чем в два раза²⁰. Фиксировалась усиленная скупка дорогостоящих товаров. Так, продажа ювелирных изделий в 1989 г. увеличилась по сравнению с предыдущим

¹² Там же, л. 46.

¹³ Там же, л. 28.

¹⁴ Там же, л. 3.

¹⁵ Некоторую положительную роль сыграла отмена налогообложения прироста средств на оплату труда, вызванного увеличением производства и реализации товаров народного потребления.

¹⁶ РГАЭ, ф. 2324, оп. 33, д. 726, л. 4.

¹⁷ Там же, д. 741, л. 55.

¹⁸ *Воронов А.* О проблемах преодоления дефицита и методах регулирования потребительского рынка // Вопросы экономики. 1990. № 1. С. 26.

¹⁹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 150, д. 288, л. 47, 48.

²⁰ РГАЭ, ф. 2324, оп. 32, д. 3888, л. 134.

годом на 2 млрд руб., т.е. почти в 1,5 раза. Особую остроту приобрели сложности, связанные с покупкой телевизоров, холодильников, мебели, объёмы производства которых ещё в 1986 г. обеспечивали бесперебойный сбыт. Часто люди покупали ненужные им вещи, а затем начинались обмен и перепродажа.

В сентябре 1989 г. ВЦИОМ провёл исследование с целью выявить уровень удовлетворённости населения качеством и доступностью предметов питания. Общая оценка оказалась негативной. 86% респондентов отметили, что за прошедшие несколько лет положение ухудшилось, 56% указали на значительный рост цен, 41% в числе наиболее острых проблем назвали отсутствие в продаже дешёвых товаров. Что касается проблемы дефицита, то 72% участников опроса пожаловались на то, что часто или постоянно не могут приобрести необходимых продуктов; 60% много времени тратили на их поиски и простаивание в очередях; 16% приходилось регулярно ездить за продуктами в другой город или район. Лишь 5% опрошенных не испытывали проблем с обеспечением своих семей. Многих раздражали обчёты, обвесы и торговля с «чёрного хода».

Потребительское настроение населения в начале 1990 г. красноречиво прокомментировал народный депутат СССР Н.И. Травкин: «Мне вспоминается одна передача московского телевидения. Репортёр берёт интервью у женщины в очереди: “Что бы вы желали купить?”. Она: “Надо бы носки шерстяные детям”. Спрашивает репортёр у мужчины, тот говорит: “Бритву”. Репортёр обращается к очереди: “Товарищи! Я не про конкретный прилавок, а вообще — что мечтаете купить?”. Одна женщина напрягалась, напрягалась: “Пальто!”. Планка потребностей — ниже некуда. То, что сегодня необходимо для жизни, — вот верх моей мечты. Может, у кого-то и было на языке: “Я хочу купить машину”, — но он побоялся. Кругом очередь обозлённых людей, на него посмотрят, как на чужого. Не наш человек. Убили и желание потреблять, и говорить об этом»²¹.

Отдельно следует сказать о деятельности кооперативного сектора, на который в начале перестройки возлагались большие надежды. За прошедшие 3—4 года с момента принятия закона о кооперации объём работ и услуг в этой сфере действительно вырос. Но кооперативы, созданные главным образом для улучшения обслуживания населения и насыщения рынка потребительскими товарами, значительную долю работ выполняли для государственных предприятий, от которых, к примеру, за первое полугодие 1990 г. получили почти 90% своей выручки. Таким образом, фонд оплаты труда в них формировался не за счёт потребительских расходов населения, а из госсектора. Учитывая неконтролируемый рост зарплаты в кооперативах и нацеленность многих из них на обналичивание крупных денежных средств, развитие данного сектора сформировало по сути новую сферу налично-денежного оборота, практически не увязанного с товарооборотом.

В целом по итогам 1990 г. увеличение производства товаров народного потребления составило лишь треть от планового прироста. К осени объёмы запасов таковых в розничной сети были на 27% ниже установленного норматива. В ряде регионов пришлось ввести талоны на приобретение отдельных продуктов питания (сахар, мясо, растительное и сливочное масло, макаронные изделия, конфеты). В некоторых областях к этому перечню добавилась и алкогольная продукция. При этом деньги «притягивались» в крупные города (в первую очередь республиканские столицы), что свидетельствовало о том,

---

²¹ Травкин Н.И. Тяжело брать Родину в аренду // Экономика и организация промышленного производства. 1990. № 3. С. 37.

что на остальной территории страны, особенно в сельской местности и малых населённых пунктах, сдвигов в удовлетворении потребительского спроса не происходило²². В результате, по данным московского ГУМа, 60% покупок приходилось на приезжих покупателей. В других столичных универмагах («Прага», «Лейпциг», «Белград») удельный вес приезжих оказался ещё выше (70—74%, а по швейным и трикотажным изделиям — до 83%)²³. По сравнению с 1965 г. к концу 1980-х гг. расходы населения на покупку товаров и оплату услуг выросли в 3,5 раза, а количество денег в обращении — более чем в 7 раз²⁴.

В обозначенный период начался отток денежных средств со вкладов в Сбербанке. Попытки связать высвободившиеся, «лишние» деньги населения за счёт выпуска государственных целевых беспроцентных займов не принесли ощутимых результатов. Реализация населению облигаций займа и казначейских обязательств проходила очень медленно, государственные ценные бумаги не пользовались доверием граждан. На этом фоне едва ли дальновидным выглядело принятое правительством решение о выкупе с 1 августа 1990 г. облигаций массовых займов 1955—1956 гг. Учитывая, что к оплате обычно предъявлялось в среднем 85% от суммы размещённых облигаций, к концу 1990 г. на руках у населения осело около 6 млрд руб. Отрицательно сказались на денежном обращении и явно популистские решения Верховного совета СССР, предусматривавшие увеличение во второй половине 1990 г. стипендий, пенсий, пособий на детей и стимулирование государственных закупок зерна. За счёт этих мер денежные доходы населения увеличились ещё на 9 млрд руб.

Следует отметить, что примерно 60% прироста денег в обращении пришлось на расширение ёмкости денежного оборота и, таким образом, носили закономерный характер. Остальные же 40% представляли собой необеспеченную товарным покрытием денежную массу.

На фоне стремительной дезорганизации денежного обращения и растущего денежного «навеса» на сессиях Верховного совета и в средствах массовой информации всё чаще стали высказываться предложения о проведении в стране реформы, которая позволила бы стабилизировать положение и создать основу для перехода к рыночным отношениям. В этой связи интересно, что в 1965—1969 гг., при проведении «косыгинской» реформы, также имело место резкое возрастание доходов граждан. Денежная масса в обращении выросла на 88%, в то время как потребительские расходы — только на 38%. Однако аналогичных предложений не возникало. Правда, это говорило не столько об успехах мероприятий правительства, сколько о возможности принимать быстрые и действенные меры по балансированию доходов и расходов населения. В случае угрозы дестабилизации денежного обращения на внешнем рынке продавались некоторое количество золота и иные ценности, а на вырученные средства за границей закупались потребительские товары и продовольствие²⁵.

В конце перестройки некоторые экономисты вносили предложения о введении в стране параллельной валюты («новых» рублей, сертификатов и т.п.) и продаже за них дефицитных товаров. Тем самым проведение реформы представляло бы собой растянутый во времени процесс, в ходе которого «новые», «привилегированные» деньги постепенно вытесняли старые. Широкое освеще-

²² РГАЭ, ф. 2324, оп. 33, д. 741, л. 135.

²³ Там же, л. 137.

²⁴ Подсчитано по: Там же, л. 140.

²⁵ Павлов В.С. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М., 1995. С. 241.

ние в прессе получила концепция «обратимых денег», предложенная известными экономистами В.Д. Белкиным и И.В. Нитом. Позднее эту концепцию «взяли на вооружение» в политической борьбе и некоторые депутаты Верховных советов СССР и РСФСР.

Как полагали авторы проекта, перестройка экономики в направлении подчинения производства интересам потребителя и переход от материально-технического снабжения к оптовой торговле в условиях существующей денежной системы были невозможны. Для налаживания оптовой торговли требовались деньги, обеспеченные материальным покрытием и конвертируемые хотя бы во внутреннем обороте. Такие деньги («обратимые», или «деньги реформы», как называли их авторы) могли быть созданы в процессе реализации товаров и услуг населению. Соответственно, первыми на обслуживание «обратимыми деньгами» предлагалось перевести предприятия розничной торговли и сферы услуг. Вырученные деньги зачислялись бы предприятиям-поставщикам на специальные банковские счета (чтобы не смешиваться со «старыми» платёжными средствами). После обязательных платежей предприятия могли свободно распоряжаться этими средствами — направлять на выплату зарплаты, производить закупки у смежников, инвестировать в модернизацию и расширение производства. На следующем этапе предприятия-смежники расплачивались бы «новыми» деньгами с поставщиками и т.д. В итоге «обратимые деньги» по цепочке технологических связей проникли бы во всё народное хозяйство, включая систему кредитно-расчётного обслуживания. При этом, как полагали авторы, даже если предприятия потратят все «новые» деньги на зарплату работникам, всплеска инфляции не произойдёт, поскольку за этими деньгами стоит уже проданный товар.

Проект Белкина и Нита обстоятельно рассматривался в Госбанке, а также рядом иностранных экспертов в области денежного обращения. Как докладывал в союзное правительство председатель банка Герашенко, концепция основывалась «на неверных теоретических посылах и поэтому оказывалась невыполнимой с точки зрения кредитного дела, операционной банковской техники и бухгалтерского учёта»²⁶. Это определило судьбу концепции «обратимых денег».

Рассмотрю подробнее возражения Госбанка. По мнению его сотрудников, Белкин и Нит игнорировали факт кредитного происхождения денег. Последние (включая безналичные платёжные средства) поступали в оборот при выдаче банками кредитов и уходили из обращения при погашении задолженности. Иначе говоря, в ходе процесса экономического воспроизводства деньги постоянно авансировались банками в счёт кредита, конечная же реализация создаваемого продукта приводила к сокращению в обращении денежной массы. Логика же «обратимых денег» была прямо противоположной: они создавались в процессе реализации товаров и услуг населению.

Кроме того, авторы не учитывали сезонные и случайные статистические колебания в реализации потребительских товаров, т.е. несовпадение во времени между производством и реализацией продукции. Именно благодаря этим сезонным разрывам в обращении товаров и существуют кредитные деньги. Совпадение этих процессов во времени привело бы к возникновению натурального обмена, поскольку отпадала необходимость в дополнительном инструменте, выполняющем денежные функции. Однако Белкин и Нит, отбрасы-

²⁶ РГАЭ, ф. 2324, оп. 32, д. 3821, л. 155.

вая фактор сезонности, настаивали на том, что новые деньги должны поступать в оборот строго дозированно, только после продажи товаров населению. В действительности, как свидетельствует мировая практика, это невозможно, так как не дозирована сама экономическая жизнь.

«Обратимые деньги» не обладали и антиинфляционным эффектом, поскольку замена старых денег на новые в соотношении 1:1 никак не влияла на изменение спроса и предложения на оптовом рынке.

Что касается поступления в оборот новых денег посредством обмена на иностранную валюту «экспортного происхождения», то, как отмечал Госбанк, этот механизм также не оказал бы существенного влияния на материально-финансовую сбалансированность: «В случае эмиссии денег под полученные от экспорта валютные активы происходит увеличение денежной массы при одновременном сокращении её товарного наполнения (ведь товары ушли с внутреннего рынка за рубеж) — инфляционный эффект “валютной” эмиссии хорошо известен в мировой практике»²⁷.

К слову, сам Госбанк, выступавший против денежной реформы как таковой, предлагал свои «рецепты» восстановления финансово-материальной сбалансированности. Ставка делалась на развитие различных форм вложения средств населения: приобретение акций предприятий, арендный подряд, свободную покупку квартир и земельных участков, организацию мелких частных производств, выкуп у государства небольших предприятий и т.д.²⁸

Несмотря на значительное число обсуждавшихся предложений, проведение обмена денег связано прежде всего с именем В.С. Павлова, возглавившего в январе 1991 г. Кабинет министров СССР. Как писал сам Павлов, подготовкой реформы он занялся ещё в начале перестройки, вскоре после вступления в должность первого заместителя министра финансов СССР. Она, по его замыслу, становилась частью рыночных преобразований и предшествовала структурной перестройке экономики и реформе ценообразования. Конечная цель всех денежно-ценовых преобразований — снятие избыточного инфляционного давления, всё больше угрожавшего экономике, повышение покупательной способности рубля и приведение новой структуры производства в соответствие с новой структурой цен. Только в таких условиях, полагал Павлов, включатся в действие законы конкуренции и заработает рынок²⁹. Побочной целью было частичное изъятие нелегальных доходов «теневиков» — по примеру введения в 1922 г. золотого червонца, которое обесценило капиталы «чёрного рынка».

Уже в 1989 г. Павлов показывал Горбачёву эскизы новых денег, но окончательного решения генеральный секретарь тогда не принял, поскольку «вопрос о денежной реформе в тот момент представлялся ему бесконечно далёким», и он не хотел по-настоящему в него вдумываться³⁰.

Тем не менее в 1990 г. изготовление новых денег шло полным ходом. Для этого расширили производственные мощности Гознака и закупили за рубежом необходимое оборудование. Конкретные сроки проведения обмена не ставились, но техническую подготовку намечалось завершить к лету 1991 г.³¹ Однако в конце года подготовку реформы пришлось ускорить. Как объяснял Павлов,

²⁷ Там же, л. 171.

²⁸ Там же, оп. 33, д. 741, л. 15.

²⁹ Павлов В.С. Указ. соч. С. 206—207.

³⁰ Там же. С. 224.

³¹ Там же. С. 229.

за рубежом сконцентрировались огромные суммы рублёвой наличности, которые могли быть использованы для организации финансовой диверсии против СССР: «По многим каналам и от многих источников к нам начали поступать сведения о том, что зарубежные финансово-промышленные круги всерьёз готовятся к предстоящей в СССР приватизации. Очень крупные суммы скапливались у подставных лиц, вывозились и на Запад. Причём не только через “челноков”. В этот процесс включились и некоторые коммерческие банки. Они действовали по тому же принципу: вбрасывали в СССР солидные суммы долларов и обменивали их по чёрному курсу»³². Получалось, что основная угроза для стабильности советской валюты — не затратный характер экономики и активный переток капиталов в «теневой» сектор, а нечто извне. При этом, по данным Госбанка, за рубежом находились отнюдь не десятки миллиардов рублей, а лишь около 3—4 млрд.

Примечательно, что ещё в конце ноября 1990 г. Павлов докладывал в Совмин о нецелесообразности проведения денежной реформы, учитывая «социально-политическую обстановку в обществе, крайне напряжённое положение на потребительском рынке, отсутствие товарных и валютных резервов для поддержания покупательной силы рубля после реформы в случае её проведения»³³. 10 января 1991 г. на заседании Верховного совета СССР Павлов уверял депутатов, что никакой подготовки к реформе не ведётся. Однако, несмотря на все заверения, 22 января Президент СССР подписал указ № УП—1329, в соответствии с которым с 0 часов 23 января прекращался приём во все виды платежей денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 руб. образца 1961 г. и производился их обмен на дензнаки нового образца. Павлов дал такое объяснение «эффекту неожиданности» при принятии важнейшего государственного решения: «Утечка важнейшей, стратегической информации о планах проведения денежной реформы могла принести огромный ущерб стране... Денежная реформа слишком серьёзное, крупное дело, она готовится в глубочайшей тайне»³⁴.

На обмен гражданам отводился трёхдневный срок — с 23 по 25 января (со среды по пятницу). Эти дни оказались очень волнительными для граждан (особенно пенсионного возраста), которые практически штурмом брали сберкассы, боясь не успеть обменять заработанные честным трудом деньги. Но больше всего неудобств реформа доставила тем людям, которые находились в отъезде. Сразу же в союзные органы власти и Госбанк стали поступать многочисленные жалобы и просьбы о продлении срока обмена старых банкнот для пребывавших в длительных рейсах и командировках, в частности моряков, рыбаков, железнодорожников, нефтяников, военнослужащих, лиц, находившихся за границей, и т.д.³⁵ Не учли и специфику северных и прочих отдалённых регионов, в которых разбросанность населённых пунктов, неразвитость транспортной системы, задержки с доставкой газет не позволяли произвести обменные операции в столь короткий срок. В итоге для некоторых групп населения этот срок немного продлили.

Свободный обмен денег производился только в пределах 1 тыс. руб. При обмене свыше этой суммы решение принимали специально созданные

³² Там же. С. 232.

³³ РГАЭ, ф. 2324, оп. 33, д. 741, л. 157.

³⁴ Павлов В.С. Указ. соч. С. 226.

³⁵ РГАЭ, ф. 2324, оп. 32, д. 4005, л. 7.

комиссии при местных органах власти, которые работали до конца марта. К слову, «советские миллионеры», которых эта реформа должна была «накачать», благополучно преодолели незначительные препятствия в виде этих комиссий и обменяли свои накопления по неофициальным каналам.

По разным оценкам, денежная реформа позволила изъять из оборота от 6 до 12 млрд руб. — существенно меньше тех 30 млрд, на которые рассчитывали её инициаторы³⁶. Такие весьма скромные результаты едва ли могли решить проблему избыточной денежной массы, тем более что эмиссия намного превышала объём изъятых денег. При этом половина эмитированной массы направлялась на покрытие внутреннего госдолга и расходов бюджетного характера и только около 30% этой суммы использовалось на предоставление кредитов предприятиям.

Что касается доходов граждан, то за 1991 г. они выросли на 90%. Количество наличных денег в обращении достигло 270 млрд³⁷. Неудивительно, что положение на потребительском рынке ещё более обострилось, а дефицит приобрёл угрожающие масштабы. Магазиновые и рыночные прилавки опустошались с невероятной скоростью. Люди разумно полагали, что завтра могут пропасть вообще все товары, поэтому скупали остатки. В первые месяцы предприятия старались придерживать продукцию, ожидая изменений в ценообразовании, однако апрельский скачок розничных цен³⁸ (2 апреля в народе прозвали «Павловым днём») ещё более дестабилизировал обстановку, спровоцировав крупные забастовки во многих городах Советского Союза и приведя к необходимости 40-процентной компенсации остатков банковских вкладов и нарицательной стоимости государственных ценных бумаг, размещённых среди населения. Данное повышение цен «имело политическое и психологическое значение: это было первое за несколько последних десятилетий советской истории решение об изменении практически всех цен, что нанесло удар по традиционному советскому менталитету, ориентированному на их стабильность»³⁹.

Однако, несмотря на падение доверия общества к власти, Павлов был уверен, что летом ситуация в экономике несколько стабилизировалась, и заслуга в этом принадлежала его реформе⁴⁰. В действительности продовольственных товаров по-прежнему остро не хватало, положение усугубилось вследствие серьёзного снижения объёмов производства и срыва поставок продовольственных товаров по импорту. Указанная выше денежная компенсация населению «сохранила денежно-товарный дисбаланс»⁴¹. За первые девять месяцев 1991 г. сократилось производство по 29 из 34 товарных позиций по продовольствию, включая масло, сахар, кондитерские изделия и проч. Закупки мясо- и молокопродуктов сократились на 12 и 13% соответственно⁴². Продажа по талонам, купонам и заказам производилась при больших очередях, при этом по некото-

³⁶ Павлов В.С. Указ. соч. С. 239.

³⁷ РГАЭ, ф. 2324, оп. 32, д. 4006, л. 86, 87.

³⁸ Подробнее см.: Постановление Кабинета министров СССР № 105 от 19 марта 1991 г. «О реформе розничных цен и социальной защите населения» (Собрание постановлений СССР. 1991. № 8. Ст. 34).

³⁹ История экономики СССР и России в конце XX века (1985—1999) / Под общ. ред. А.А. Клишаса. М., 2011. С. 69.

⁴⁰ Павлов В.С. Указ. соч. С. 247.

⁴¹ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 2. Экономика СССР и РСФСР в 1988—1991 годах. Новосибирск, 2010. С. 211.

⁴² ГА РФ, ф. 5446, оп. 163, д. 192, л. 92.

рым товарам талоны отоваривались с опозданием в 2—3 месяца. Кроме того, как признал сам Павлов, к августу продовольственная проблема до того обострилась, что пришлось начать переговоры с ЮАР и Южной Кореей о закупках кукурузы и риса⁴³.

Резко сократились рыночные фонды муки, за хлебом выстраивались огромные очереди. Торговля растительным маслом и маргарином повсеместно осуществлялась строго по лимитам. Напряжённая ситуация сложилась с обеспечением продуктами детского питания, в том числе из-за сокращения их закупок за рубежом (к примеру, по концентратам детского питания — на 64%). Столь же неудовлетворительным было и положение с товарами лёгкой промышленности. Несмотря на повышение цен, сохранялся дефицит на многие виды одежды и обуви, а особенно — ажиотажный спрос на импортные товары. Одной из причин являлась необеспеченность предприятий лёгкой промышленности сырьём. В результате за первые девять месяцев 1991 г. падение производства тканей, одежды и обуви составило 16—17%. К этому следует добавить сокращение межреспубликанских поставок этой продукции, которое составило от 30 до 50%⁴⁴.

На предприятиях оборонных отраслей и машиностроительного комплекса отмечалось снижение производства гражданской продукции. Производство телевизоров, холодильников, магнитофонов и прочей сложной бытовой техники сократилось в среднем на 15—20%.

Можно констатировать, что денежная реформа не привела к улучшению ситуации в экономике и, в частности, в сфере денежного обращения. Сумма изъятых из обращения денег, даже если полагаться на самые завышенные оценки, терялась на фоне денежной и кредитной эмиссии и не позволяла ликвидировать денежный «навес». Прилавки магазинов в городах осенью опустели окончательно, розничная торговля стала жёстко нормироваться и проводилась по талонам и карточкам, процветал «чёрный рынок», население проявляло крайнее недовольство⁴⁵. Растущий бюджетный дефицит республик и центра и значительное отвлечение кредитных ресурсов на «латание дыр» в казне не позволили стимулировать производство товаров народного потребления и принять согласованные меры по контролю за ростом доходов населения. В результате дезинтеграционных процессов банковская система оказалась разобщена, банки союзных республик зачастую проводили политику, противоречащую интересам стабильности общей денежной единицы. Как следствие, обострились сепаратистские настроения, довершившие развал экономики СССР.

---

⁴³ Павлов В.С. Указ. соч. С. 237.

⁴⁴ ГА РФ, ф. 5446, оп. 163, д. 192, л. 94.

⁴⁵ Кудров В.М. Экономика России в мировом контексте. С. 517.

Степан Шамин

Рец. на: Д.В. Сень. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII—XVIII в.). Избранные труды. Ростов н/Д: Альтаир, 2020. 420 с.

Stepan Shamin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: D.V. Sen'. Russko-krymsko-osmanskoeye pogranich'ye: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konets XVII—XVIII v.). Izbrannyye trudy. Rostov-on-Don, 2020

DOI: 10.31857/S086956870017371-9

В конце 2020 г. из печати вышла книга ростовского историка Д.В. Сенья, в которой автор формулирует предмет исследования следующим образом: «Ключевая тема издания — история южного пограничья и нового пограничного порядка, возникающего в пространстве межгосударственного противостояния и договоров России, Крымского ханства и Османской империи, начиная с конца XVII в.» (с. 4). Важным достоинством работы является рассмотрение исторических событий конца XVII — начала XVIII в. в их неразрывной связи. Обычно историки сосредотачиваются или на Московской Руси XVII в., или на истории Российской империи XVIII столетия. Это обусловлено как господствующими представлениями о цивилизационном разрыве между петровской и допетровской Россией, так и особенностями архивных материалов — источниковая база для изучения двух эпох весьма различна. Попытки работать «на стыке веков» оборачиваются необходимостью обращаться к архивам, расположенным в различных городах. Достоинством книги Сенья является широкое использование архивных материалов как из Москвы и Петербурга, так и из ряда местных

архивов, что делает книгу крайне ценной для всех специалистов по изучаемой теме.

Из череды публикаций, посвящённых политической истории, работе Сенья выделяет необычный «региональный» ракурс. Традиционно в книгах по политической, а особенно внешнеполитической и военной истории преобладают «взгляды из столиц» — Москвы, Петербурга. Подобный подход естественен, ведь внешняя политика проводится центральным правительством, а не местными властями. К сожалению, такой подход не всегда работает при изучении ранних периодов истории России, особенно если бои шли в зонах, плохо контролируемых центральным правительством (так называемых фронтах).

В качестве примера исторических искажений, связанных с недостаточным вниманием к региональной истории, можно привести русско-турецкую войну 1686—1700 гг.¹, отдельные эпизоды которой впервые подробно освещены в рецензируемой книге. Долгое время эта война рассматривалась в виде отдельных военных акций — Крымских экспедиций кн. В.В. Голицына, Азовских походов Петра I. Логика такого построения истории

понятна — война появляется «на радарах» исследователей, когда большое войско идёт из Москвы. При столкновении с очагами боевых действий вне прочерченных этими «походами» линий учёными предпринимаются попытки расширить географию в наименовании «похода». К примеру, петербургская исследовательница А.В. Багрова в недавней работе взяла в качестве темы исследования «Азово-Днепровский поход»², что позволило ей рассматривать бои на Украине, не ломая привычной концепции «походов». Между тем война шла постоянно, на протяжении всего означенного периода и по всей линии соприкосновения противников. В промежутках между большими походами, начинавшимися в столице, боевые действия велись расквартированными в других регионах воинскими частями — войсками Белгородского разряда, городскими стрелецкими и солдатскими полками, казаками, калмыками, черкесами, представителями различных групп татар и других народов. Многие из этих сюжетов освещены и в работе Сеня.

Разумеется, военные ресурсы на местах оказывались существенно меньшими по сравнению с теми случаями, когда крупные операции инициировались в Москве и приобретали общенациональный характер. Стратегически важные операции, как правило, проходили именно по инициативе центральной власти. Однако при этом из поля зрения историков исчезала повседневная жизнь региона, где текущие сравнительно мелкие события переворачивали ход жизни местного населения. Подводя итоги войны, зачастую невозможно понять, почему сбалансированные соглашения, заключённые опытными дипломатами из Москвы и Стамбула, так тяжело реализовывались на практике, а то и вовсе оказывались сорванными.

Между тем исследование Сеня посвящено «реакциям местного населения, прежде всего номадов и казаков, на трансформацию степного пограничья и собственного уклада жизни, случившихся, в первую очередь, под влиянием внешних факторов военно-политического характера» (с. 4). Под «реакциями» понимается не только приспособление к переменам, происходившим во время русско-турецкой войны 1686—1700 гг. и в последующие десятилетия, но также стремление жителей пограничья (по обе стороны демаркационных линий) скорректировать курс центральных властей, а то и обратить перемены вспять. Работа Сеня позволяет понять, почему войны между Российской и Османской империями возобновлялись в последующие периоды.

Книга в значительной степени собрана из материалов, уже опубликованных автором ранее в виде статей. Их объединение под одной обложкой удобно, поскольку часть исследований Сеня вышла в региональных сборниках, недоступных широкому кругу историков. Однако публикацию нельзя назвать простым повторением вышедших статей. Автором сделаны существенные добавления, важен и сам факт нового структурирования информации. Изначально научные интересы Сеня были сосредоточены на истории казачества. Работая над темой, он увидел, что понять историю казаков невозможно без учёта окружающего контекста, и это вывело его на региональную историю во всём её многообразии.

К сожалению, «сборный характер» книги влечёт за собой и естественные для такого подхода недостатки. Первый из них — периодическое повторение информации. Второй — неполнота данных, связанная с тем, что у Сеня имеется большое число публи-

каций по данной теме, не вошедших в монографию. В результате читателям придется обращаться также и к публикациям автора, указанным в примечаниях. Не все из них легко доступны. Информация по некоторым важным вопросам не всегда в должной мере систематизирована.

Рассмотрим несколько затронутых Сенем тем, представляющихся перспективными, но не до конца проработанными. Автор вводит в научный оборот большой объём новых данных о переводчиках и толмачах российского Азова. Его внимание к данной теме естественно, поскольку в новых политических условиях азовским властям приходилось заново выстраивать международные коммуникации. Исследователь пришёл к обоснованному выводу, что «документальные сведения о русских и нерусских толмачах и переводчиках свидетельствуют о том, что к началу XVIII в. ситуация с их хронической нехваткой в Азове существенно улучшилась» (с. 120).

Однако, к сожалению, публикация Сеня не всегда позволяет разобратся в том, какой статус имели упоминаемые им толмачи и переводчики. Московские власти в конце XVII в. использовали различные практики, позволявшие обеспечить потребности местных и центральных властей в услугах переводчиков³. В рассматриваемый период столичный Посольский приказ имел скромный постоянный штат специалистов по переводу. Они работали в Москве и посылались на службы в составе посольств или действующей армии. Несколько иначе выглядела ситуация в отношении таких пограничных городов, как Новгород, Псков, Архангельск, Смоленск, где переводчики требовались постоянно и назначались из Посольского приказа. Командированные сохраняли организационную связь с приказом, однако жалованьем их обеспечивали местные

власти. В качестве третьего варианта можно привести города на восточных и южных границах России, такие как Астрахань или Тобольск. В Астрахани власти полностью контролировали деятельность переводчиков. На месте решались вопросы об их приёме на работу, денежном вознаграждении, отставке. Из данных Сеня складывается впечатление, что в конце XVII — начале XVIII в. в Азове можно увидеть все описанные варианты. Изначально в поход отправлялись штатные переводчики Посольского приказа. В дальнейшем мы видим как длительные командировки, так и использование местных кадров, не связанных с Москвой. Очевидно, что в какой-то момент азовские власти перестали зависеть в этом отношении от столицы и стали опираться на внутренние ресурсы. Чёткого ответа на вопрос, как эти системы сменяли друг друга, в рецензируемой книге нет. Возможно, это будет показано в ходе дальнейших исследований.

Вопросу «военного лидерства в пространстве южного пограничья» Сеня посвятил отдельный раздел своей работы, фактически же он рассматривает эту тему на протяжении всей книги. Такое внимание к проблеме правомерно, поскольку именно вокруг местных лидеров группировалось население региона; они становились выразителями общих интересов. К сожалению, проанализирован вопрос не вполне равномерно. Огромный объём интереснейшей информации посвящён яркому представителю крымской политической элиты султану Бахты-Гирею. Более обобщённо говорится о казачьих атаманах, в первую очередь о лидерах старообрядчества. Ещё меньше внимания уделено различным группам ногайцев. Автор владеет информацией по данному вопросу, однако она не структурирована. К примеру, имя Кубека аги (Кубека

мурзы) упоминается Сенем в разных контекстах более 30 раз. В одном из разделов книги автор пишет: «Сейчас нет возможности однозначно идентифицировать в одном лице Кубек агу и Кубек мурзу» (с. 33). Однако, судя по контексту упоминания этого имени в других разделах книги, он все-таки склоняется к тому, что это один человек. Полностью поддерживая данную точку зрения, представлю читателю краткий обзор биографии этого выдающегося политика и военачальника, используя в первую очередь архивные материалы.

Пожалуй, самое любопытное из наблюдений касается происхождения будущего аги и мурзы. Он был выходцем из простых кочевников. Один из пленников, много лет проживший на Кубани, рассказывал: «А что говорят о Кубеке, будто тот Кубек ага, а иные мурзою его называют, и тот де Кубек самой простой человек, черной татарин, а славен для того, что он бывает в военном промысле самовольно, и охотники пристают к нему многие для своих нажитков, где бы побить кого и грабить»⁴.

Впервые информация о Кубек аге появилась в отписках и расспросных речах донских казаков в первой половине 1692 г. В это время он действовал во главе небольшого отряда азовской конницы, к которому присоединялись калмыки хана Аюки. В мае 1692 г. «Кубек ага с азовцы, да аюкаевых калмыков было с ним с сорок человек» ходили под Астрахань, где взяли 130 человек полона⁵. Летом того же года «пошел из Азова Кубек ага, а с ним азовцов 100 человек да Аюкаевых калмыков с 50 человек войною под государевы украинные города»⁶. В последних числах октября, когда турки в очередной раз пришли под казачью столицу Черкасск, Кубек назван «бешленским агой», т.е. командиром небольшого конного отряда. Однако его

имя уже выделяется из числа таких же командиров: «Азовцы... собрався всем городом... Кубек ага и инья многия бешленския аги»⁷. В другом месте он назван единственным руководителем похода: «Из Азова бешленской ага Кубек, а с ним азовских татар, и турок, и аюкиных калмыков с 500 человек». Причём находящихся под его командованием воинов было уже значительно больше, чем в начале года. Сообщая о ранении Кубека, российский источник называет его «славным»: «Самого де у тех татар начального и славного человека и приводца первого у них бусурман, о котором у них великая слава, Кубек агу, ранили, перебили правую руку ис пищали, и аргамака под ним убили, и с того погрому ушел он пеш»⁸.

Перед походом на Черкасск Кубек совершил ещё одно деяние, оказавшее влияние на политическую обстановку в регионе и карьере самого Кубека. В сентябре 1692 г. он «перевел» живших на реке Аграхани недалеко от побережья Каспийского моря во владениях кумыкского шекала Будая казаков-старообрядцев на Кубань: «Раскольщики аграханцы Левка Маницкой с товарищи с 200 человек пришли от шекала на Кубань реку, к вору к Савке Пахомову, которых перевел азовский Кубек ага с азовцы. И хотят им зделать городок близ моря у Черной протоки, чтоб казакком на море ход затворить и помеху чинить, и до неприятельских жилищ не допускать. А которые не хотели на Кубань идти, а хотели от него, Левки, отстать, и он их за крепкими караулы провел, да от него ушли два человека к ним в войско и великим государем во всем воровстве своем вины принесли. И войском их приняли, и велели жить, где которой жил, по-прежнему»⁹.

В мае 1693 г. Кубек ходил в набег на российское Поволжье уже не только с калмыками, но и с русскими

старообрядцами — кубанскими казаками. Наличие старообрядцев в отряде Кубека помогло ему совершать нападения внезапно: «Азовские люди и Кубек ага их врагов креста Христова кубанцов великую помощь себе имеют к разорению христианского народа, потому что всякия пакости и разорения чинят все обманами»¹⁰. Следующий документ позволяет предполагать, что к концу 1693 г. Кубек уже занимал должность бея Азова. Его отношения со старообрядцами стали особенно тесными — он поселился в старообрядческом городке, снабдив его артиллерией: «А владетель де над ними, роскольщики, Кубек ага, которой беи в Азове. И даны ему в тот городок для обороны пушки и янычяня. И живет тот Кубек ага в том городке»¹¹. В одном из документов указано, что жить к старообрядцам Кубек переберётся со «всею своим кочевьем»¹². Здесь «турецкий» бей и ага впервые упоминается как властитель группы ногайцев.

Впрочем, Азовом Кубек управлял недолго. В 1695 г., во время первого похода русской армии на Азов, он уже командовал одним из трёх отрядов конницы противника, атаковавшей российские позиции с тыла, со стороны степей. Об этом сообщил П. Гордон: «Они расположились в 3 разных местах невдалеке друг от друга; всего их не свыше 3 или 4 тысяч человек — азовские турки и татары отдельно, [Нурадин-]султан с его татарами сам собою, и Кубек-мурза с его калмыками в другом месте». Хотя отряд Кубека назван третьим, очевидно, что его численность значительна, а статус командира — высок. Но, пожалуй, самое любопытное изменение — перемена в титулатуре. Ориентированная ранее на турецкую традицию («ага»), она изменилась на татарское «мурза», что подчёркивало его связь с ногайцами. Позднее он выступает в документах то

«агой», то «мурзой». Во время осады Кубеку предлагали занять пост азовского бея, но он отказался¹³. В начале 1696 г. (зимой) Кубек приходил в Азов после очередного похода на русские земли¹⁴, однако в городе не остался, что спасло его от пленения во время похода русской армии 1696 г. После этого казаки-старообрядцы предприняли попытку перейти от Кубека в Крым и служить непосредственно хану, но тот им отказал (с. 163). Представляется, что рост могущества Кубека плохо отразился на его отношениях со старообрядцами. Не позднее 1697 г. ага попытался брать с казаков налоги, и им пришлось обращаться за защитой к хану¹⁵. Обстановка политической нестабильности, в которую Прикубанье погрузилось после взятия русскими войсками Азова, заставляла Кубек агу бросаться из стороны в сторону. В 1701 г. он участвовал в разгроме ногайцев, желавших уйти в российские владения, при этом в его отряде находились и казаки-старообрядцы. В начале XVIII в. он сам неудачно пытался перейти под покровительство России (с. 33, 103—104, 189—200).

За десятилетие Кубек сделал впечатляющую «карьеру» от командира небольшого отряда азовской конницы до политического деятеля, оказывавшего существенное влияние на ситуацию в регионе. К сожалению, мы не знаем его этнической принадлежности — на службу в Азов попадали представители самых разных народов. Вероятно, он был ногайцем. Его политический подъём определялся умением выстраивать отношения с представителями разных народов — турками, калмыками, русскими казаками, крымскими татарами, кубанскими ногайцами. В этом ярко проявилась специфика изучаемого региона. Пока непонятно, что позволяло Кубеку выстраивать эти связи. Неизвестно, на каких языках он мог разговаривать.

В одном из разделов Сень упоминает в качестве не требующего доказательств факта, что ага не владел русским языком (с. 103—104). Представляется, что с подобным выводом торопиться нельзя. То, что Кубек не только стоял во главе старообрядцев, но и какое-то время жил с ними в одном городке, заставляет предполагать, что русским языком он владел по меньшей мере на начальном уровне. Возможно, это способствовало появлению у него мысли о переходе в российское подданство. Как видим, книга Сенья содержит богатый материал о ногайцах, при соответствующем скромном дополнении дающий возможность характеризовать не только крымских и старообрядческих лидеров, но и вождей этой, не менее важной, группы местного населения.

Ещё одна неоднократно поднимаемая Сенем тема — «переход через границу». То, что после многих лет яростных сражений с российскими войсками Кубек захотел перейти под покровительство Москвы, не кажется странным, а вполне вписывается в специфику региона. Люди здесь относительно легко переходили границу даже во время войны. Сень внимательно рассматривает этот феномен на примере ахреян — русских и украинцев, находившихся на службе у турецких властей. Как показывает исследование Сенья, сам термин вводился в практику документооборота российскими приказными служащими. Следует помнить, что в эпоху становления национального государства бюрократия была одной из социальных групп, в которой складывались представления о государственном интересе. Государственные, а позднее национальные ценности выступали в качестве оппозиции ценностям семейным, родовым, клановым, конфессиональным, отражавшим интересы более узких групп. В качестве гипотезы пред-

положу, что для многих жителей пограничья личные и групповые ценности были гораздо более актуальными, чем национальные, государственные или даже религиозные. Соответственно, переход на службу к противнику нельзя рассматривать в современных категориях «измены» и «предательства», поскольку они подразумевают взаимные обязательства между человеком и государством. Между тем Османская или Российская империи могли дать жителям своей периферии гораздо меньше, чем государства современного типа. Понять мотивы тех или иных поступков жителей пограничья можно, анализируя жизнь малых групп более подробно.

К примеру, в приводимой Сенем «Распросной речи кубанского ахреяна Ф.С. Горбуна в Большом полку воеводы боярина А.С. Шеина» рассказывается о том, что «в прошлом в 204-м году, как великого государя ратные люди Азов взяли, и с реки Кубани многие охреяны пошли в Кумыки к шевкалу, и на Терек, и в Астрахань, а из Астрахани пришли на Дон» (с. 65). В примечании историк отмечает, что «другие источники не подтверждают массового возвращения казаков-старообрядцев в Россию в 1695—1697 гг.» (с. 72). Привлечение дополнительных документов позволяет понять, о каких событиях в данном случае идёт речь. В октябре 1694 г. у тарковского шевкала Будая жили более 20 аграханских казаков, а также чернецы и старицы¹⁶. Судя по всему, это та группа старообрядцев, которая пришла в Астрахань не позднее 12 августа 1696 г.¹⁷ Более подробно о ней 7 сентября 1696 г. писали из Астрахани «околничей и воевода Иван Алексеевич Мусин-Пушкин с товарищи». Они сообщали, что «воровские казаки-расколшики, которые жили во владенье тарковского Будая шевкала на Аграхане-реке, великому госуда-

рю в винах своих доби́ли челом и от воровства своего престали, и убрався ночью, от шевкала ушли на Терек. А с Терека воевода Иван Кроткой да дьяк Андрей Молчанов писали в Астрахань и прислали тех аграханских казаков двадцать семь человек, и в том числе шесть человек з женами и з детми, да двух старцов, да две старицы. И великий государь указал тем аграханским казаком, которые были в измене и жили в шевкалове владенье на Аграхане, и отстав от воровства, приходили на Терек, а с Терека в Астрахань, сказать ево великого государя указ». Их простили и отправили на Дон¹⁸. Более подробно о жизни этой группы узнаём из расспросных речей старцев Закхея и Герасима¹⁹. К сожалению, документ не имеет начала и конца. В основном сохранилась информация о Закхее. Старец сообщал, что пришедшие с ним казаки после ухода с Дона жили на Аграхани. Когда в 1692 г. Будай согласился выдать аграханских казаков российским властям, те ушли вместе с Кубеком на Кубань. Однако уже на следующий год часть ушедших вернулись на Аграхань к шевкалу.

Жизнь у шевкала с 1693 г. Закхей описывает следующим образом: «Жил на Аграхани реке простым старцем, а священного ничево не действовал. И будучи де на Аграхане реке... времена з донскими казаки и з домовыми людьми он, Закхей, мыслили ко обращению, как бы, улуча время, принесть великим государям вины». Возможность повиниться у Закхея появилась после того как на Аграхань пришёл казак Сенька, ранее ходивший с Дона на Аграхань и обратно. События развивались быстро: «Как де приехал к ним на Аграхань-реку казак, нынешней атаман Сенка, и сказал ему, Закхею, тайно, что он приехал для того, чтоб знакомцов своих тутошних аграханских жителей обратить к ис-

тине, чтоб они от воровства отстали и принесли великим государем вины, и чтоб он, Закхей, в том ему, Сенке помогал. А он де, Закхей, и наперед де сам с ним, с Сенкою, о том возвращении советовал же. И помалу де нарочиты семейным говорил... Чтоб дело в совершенство привести, выбрали иво, Сенку, атаманом. И почал сам о том советовать явно, и, советовав, пошли на Терек»²⁰. Новые сведения об этих событиях у нас появляются благодаря тому, что старцев, в отличие от простых казаков, не отпустили на Дон, а отдали «под начал» в астраханский Троицкий монастырь. Закхей вскоре бежал из обители. Поймавшим его татарам он сказал, что шевкал даст за него выкуп в 100 руб. Но самое интересное — новое объяснение мотива появления в Терках, а потом и в Астрахани. Старец говорил, что казаки его увезли от Шевкала *неволей*²¹.

Приведённые данные (в основном известные Сеню, если судить по имеющимся в его статьях ссылкам) позволяют выявить систему отношений внутри групп казаков-старообрядцев. В них существуют лидеры, которые или ведут казаков за собой, или же, в случае принципиальных разногласий, покидают группу. Благодаря сохраняющимся личным связям ушедший мог не только вернуться, но и при изменении настроений внутри группы возглавить её. Перемена курса происходила постепенно. Она началась в рамках бесед между наиболее авторитетными членами сообщества, а потом оформлялась в виде избрания нового лидера. При этом значение коллективного решения оказывалось выше, чем верность текущему сюзерну (в рассмотренном случае — шевкалу Тарков), и даже важнее, чем религиозные убеждения. Предположу, что мозаичность и переменчивость жизни пограничья объясняется тем, что аналогичные системы ценностей были

присущи и другим группам местного населения. Однако данная гипотеза требует дополнительного исследования.

Книга Д.В. Сеня не только представляет читателю большой объём материала по заявленной проблематике, но и ставит новые вопросы, нуждающиеся в изучении. Собранные учёным данные открывают большие исследовательские перспективы. Очевидно, что использованные им в различных публикациях архивные материалы позволяют в перспективе проработать поставленные проблемы ещё более глубоко.

Примечания

¹ Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686—1700 гг. // Российская история. 2020. № 6. С. 30—49.

² Багро А.В. Украинское казачество и первый Азово-Днепровский поход. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.

³ Гуськов А.Г., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в 1680-х — 1690-х гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1. С. 108—122.

⁴ РГАДА, ф. 210, оп 12, ч. 3, д. 1466, л. 318.

⁵ Там же, ф. 111, оп. 1, 1692 г., д. 2, л. 11.

⁶ Там же, л. 6.

⁷ Там же, д. 3, л. 123.

⁸ Там же, л. 139, 140.

⁹ Там же, л. 142—143.

¹⁰ Там же, 1693 г., д. 10, л. 2, 3

¹¹ Там же, д. 11, л. 371.

¹² Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, ч. 13, д. 12348, л. 1—2.

¹³ Гордон П. Дневник 1690—1695. М., 2014. С. 389, 396.

¹⁴ РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1695 г., д. 12, л. 71.

¹⁵ Сеня Д.В. Казаки Крымского ханства в начальный период своей истории (1690-е гг. — начало XVIII в.) // Липоване: история и культура русских старообрядцев. 2009. № 6. С. 20.

¹⁶ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, ч. 13, д. 12703, л. 2.

¹⁷ Там же, д. 13159, л. 1.

¹⁸ РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1695 г., д. 12, л. 118, 119.

¹⁹ Сеня Д.В. Новые источники по истории казачества на Северном Кавказе конца XVII века // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2(41). С. 50.

²⁰ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, ч. 13, д. 13158.

²¹ Там же, д. 13159, л. 2—4.

Фёдор Гайда

Рец. на: Ф.А. Селезнев. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914—1918 гг.). СПб.: Алетейя, 2017. 178 с.

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox University, Moscow)

Rec. ad op.: F.A. Seleznev. Revolyutsiya 1917 goda i bor'ba elit vokrug voprosa o separatnom mire s Germaniyei (1914—1918 gg.). Saint Petersburg, 2017

DOI: 10.31857/S086956870017296-6

Работа Ф.А. Селезнёва написана на стыке истории дипломатии и внутренней политики и опирается на положения теории элит (с. 6—12). В центре внимания автора — влияние внешней поддержки на действия российской «контрэлиты», которую составляли «отторгнутые от власти носители политической энергии», в период

Первой мировой войны, ставшей, по мнению исследователя, решающей причиной революции 1917 г. При этом он в самом начале книги особо отмечает, что все сторонники исполнения союзнических обязательств потерпели в России поражение, верх же одержала та сила, которая пошла на заключение сепаратного мира (с. 6).

В целом, Селезнёв опирается на хорошо известные источники, но успешно обосновывает новизну своих подходов и выводов в пространных историографических экскурсах. Всего в монографии пять глав-очерков. В них говорится о внешнеполитической ориентации русской либеральной оппозиции накануне и во время войны, вплоть до корниловского выступления, о противостоянии различных её групп, о «деле Сухомлинова» и связанных с ним конфликтах в правительственных кругах и в публичной сфере, о дипломатических шагах Совнаркома в первые месяцы его существования и об отношении к ним противников большевистской диктатуры.

Автор оспаривает господствующее среди современных историков убеждение в том, что подготовка сепаратного мира при Николае II являлась мифом, созданным для дискредитации монарха и его окружения. Как полагает исследователь, Британия имела серьёзные основания опасаться выхода России из войны. Германия уже с конца 1914 г. вела зондаж возможности подобного решения, а в Петербурге проявляли интерес к этим инициативам, поскольку были разочарованы неуступчивостью союзников при обсуждении послевоенной судьбы черноморских проливов (с. 75—76). Впрочем, Селезнёв так и не уточняет, была ли вероятность заключения сепаратного мира действительной или только мнимой (с. 175). Но именно с ней в книге связывается «дело» военного министра В.А. Сухомлинова. Пользуясь большим доверием императора, он довольно критически отзывался о странах Антанты. Так, Селезнёв приводит яркую цитату из воспоминаний генерала: «Союзники — Франция и Англия — должны были препятствовать тому, чтобы царь заключил мир. Англия видела созревающей свою большую победу: уничтожение русского могущества, которое стоя-

ло поперёк дороги её азиатским планам. Но Франция считала для себя гибельным, если русское пушечное мясо будет отнято у немецких пушек. Эти союзники царя шли неуверенно к революционерам и социалистам, убеждая их в общности интересов продолжения войны» (с. 71). Однако стоило бы напомнить читателям, что эти мемуары были написаны и впервые опубликованы в 1924 г. в послевоенном Берлине, тогда же переведены на немецкий язык, и резкие отзывы об Антанте в них выглядели вполне естественно.

Как полагает Селезнёв, Сухомлинов лишь создавал соответствующий канал «связи» между Россией и Германией, отправив в Стокгольм В.Д. Думбадзе (с. 73—76). В ответ англичане, по осторожному предположению автора книги, направили в Россию подпоручика Я.П. Колаковского (Кулаковского), обвинившего в государственной измене близкого к министру полковника С.Н. Мясоедова, а «русские спецслужбы проглотили наживку» (с. 72—73). Одновременно сторонники вел. кн. Николая Николаевича, ориентировавшегося на британцев, заговорили о «снарядном голоде», обвиняя в нём не начальника Главного артиллерийского управления вел. кн. Сергея Михайловича, а главу военного ведомства. В результате им удалось добиться отставки Сухомлинова и ареста Думбадзе (с. 80—81). Однако истоки «дела Мясоедова» уже достаточно хорошо освещены в современной литературе. Они уходят в предвоенные годы и тесно связаны с внутриправительственными противоречиями, с конфликтом между Сухомлиновым и либеральной оппозицией и его противостоянием со Ставкой. Колаковский же играл в этом деле явно не решающую роль¹.

Важнейшей частью «контрэлиты» Селезнёв считает кадетов, связанных с предпринимателями, вовлечёнными в международную торговлю (с. 14). Это

определяло и позицию партии, активно поддерживавшей сближение с Англией (с. 28). «Великобритания, — пишет историк, — в концентрированном виде выражала тот идеал Европы, который являлся путеводным маяком для русских западников, традиции которых продолжали кадеты. Именно к этому маяку они и стремились». И если одни (П.Н. Милюков) «действовали прагматично», то у других (П.Б. Струве, С.А. Котляревский) «на первом месте находилась эмоциональная составляющая» (с. 51). Неудивительно, что во время Балканских войн кадеты чутко прислушивались к суждениям, звучавшим из Лондона, и в значительной мере руководствовались ими (с. 44—51). А после отставки летом 1916 г. министра иностранных дел С.Д. Сазонова их лидер Милюков стал основным апологетом британской политики в России.

Но Селезнёв допускает, что зачастую англичане использовали Милюкова «втёмную», например, снабжая его необходимым компроматом. Так, именно они будто бы инспирировали знаменитую речь лидера кадетов 1 ноября 1916 г., направленную против председателя Совета министров Б.В. Штюрмера, который добивался оглашения секретной Петроградской конвенции 1915 г. о передаче России после войны Константинополя и проливов и этим вызвал недовольство британцев (с. 105—106). Однако А.Ф. Трепова, сменившего Штюрмера и уже через несколько дней предавшего данное соглашение огласке, Селезнёв называет «антантофилом» (с. 174). Между тем он являлся одним из наиболее влиятельных сотрудников своего предшественника и никаких разногласий относительно внешней политики между ними не наблюдалось².

На Милюкова также пытались влиять интриговавшие против Штюрмера министр финансов П.Л. Барк и рос-

сийский посол в Лондоне гр. А.К. Бенкендорф, сообщивший лидеру думской оппозиции о стремлении главы правительства подготовить сепаратный мир. Граф очень рассчитывал на то, что Милюков поделится этой информацией с англичанами (с. 94—99), но почему-то не пожелал сделать это сам. Рассказывая о посещении Милюковым Швейцарии, Селезнёв признаёт, что там Павел Николаевич собрал множество слухов о тайных контактах эмиссаров «тёмных сил», близких к престолу, с немцами. Однако автор верит словам политика, утверждавшего, что вовсе не это являлось целью его поездки. В итоге выходит, что речь, произнесённая Милюковым 1 ноября, задумывалась и готовилась целым рядом лиц, но только не самим руководителем Прогрессивного блока. Причём все, кроме него, знали или догадывались, что Штюрмер никак не связан с Германией и её происками, и лишь Милюков искренне опасался измены. Более того, этот страх будто бы даже превалировал у него над всеми иными расчётами, не исключая и необходимости спасти единство Прогрессивного блока, к ноябрю начавшего уже распадаться³.

Кадеты продолжали догматично следовать в русле британской внешней политики и в 1917—1918 гг. Даже призыв Милюкова весной 1918 г. пойти на стовор с Германией ради свержения большевистского режима не нашёл у них понимания. Партия, привыкшая следовать за своим лидером, тут проявила удивительную самостоятельность и вскоре окончательно сошла с исторической сцены (с. 173). Впрочем, весной 1918 г. её члены верили в скорый успех Антанты и понимали, что сотрудничество с немцами, даже если бы оно позволило избавиться от большевиков и создать кадетское правительство, вывело бы Россию из числа победителей в войне.

Поэтому поведение Милюкова воспринималось как неожиданная и неоправданная авантюра⁴.

Временное правительство не смогло организовать наступления на фронте и потому оказалось для Антанты не самым лучшим партнёром. Но зато после отставки Милюкова с поста министра иностранных дел оно в мае 1917 г. отказалось от любых послевоенных притязаний и провозгласило курс на «демократический мир», что полностью соответствовало интересам Британии. Селезнёв показывает, что октябрьский переворот не вызвал серьёзных изменений в политике Антанты в России. Первоначально союзники готовы были вместе с большевиками продолжать борьбу против немцев (с. 136—138). Но если Франция полностью отрицала любую возможность переговоров с ними, то Британия действовала более гибко, предпочитая, чтобы обсуждение тяжёлых условий мира, выдвинутых Центральными державами, затянулось и привело затем к национальной консолидации русского общества. Большевики при этом практически неизбежно потеряли бы власть (с. 143—147). Не случайно на рубеже 1917—1918 гг. англичане не поддержали антибольшевистские силы. Действия Н.Н. Духонина, исполнявшего обязанности верховного главнокомандующего и установившего контакт с прогерманской Украинской народной республикой, их планам не соответствовали. Селезнёв даже не исключает, что убийство генерала могло быть частью «специальной операции» (с. 146—147). Деятельность Учредительного собрания, гипотетически способного создать легитимное правительство, которое вело бы мирные переговоры от имени всего народа, лишь затрудняла бы положение союзников (с. 161—163). Между тем даже Брестский мир рассматривался в Британии как приемлемый тактиче-

ский приём (с. 175—176). В.И. Ульянов (Ленин) вёл двойную игру, пойдя на переговоры с Берлином и его союзниками и одновременно стараясь сохранить относительно боеспособную армию, что не противоречило английской политике. Разрыв Лондона с Совнаркомом произошёл лишь после отказа большевиков от идеи «революционной войны» с немцами в мае 1918 г. (с. 156—159).

В целом автор монографии выстраивает концепцию, согласно которой Британии при помощи своих сторонников в правящих кругах и в «контрэлите» Российской империи удалось втянуть её в мировую войну, вплоть до 1918 г. успешно блокировать любые поползновения к сепаратному миру, заставляя воевать даже после отказа от всяких внешнеполитических амбиций, а позднее и вовсе выведя из числа великих держав. Но при этом, как правило, предполагаемые агенты британского влияния действовали вслепую и уже в силу этого почти не оставили прямых свидетельств, подтверждающих наличие у них или у их руководителей подобной стратегии. Её реконструкция остаётся собственным уделом историка.

Примечания

¹ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914—1917). 1915 год. Апогей. М., 2014. С. 62—71.

² Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910—1917). М., 2016. С. 467—468, 483—491.

³ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 — весна 1917 г. М., 2003. С. 222—232.

⁴ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. М., 1998. С. 439—442, 461—462; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 2. М., 2000. С. 24—32.

Владимир Калиновский, Николай Смирнов

Актуальное наследие Сибирского собора*

Vladimir Kalinovsky

(Saint Petersburg State University, Russia),

Nikolai Smirnov

(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

The actual heritage of the Siberian Council

DOI: 10.31857/S086956870017302-3

История Русской церкви в период революции и Гражданской войны — одно из ведущих направлений исследований церковно-государственных отношений в России. Переломная эпоха позволяет рельефнее очертить место православного духовенства и православной веры в общественно-политической жизни страны. Уже после Февраля с амвонов храмов зазвучали проповеди, в которых основное внимание уделялось не благочестию и смирению, а актуальной для того времени политической повестке. Иерархи после крушения монархии пытались найти себя в новых реалиях, а многие священнослужители с головой погрузились в политическую, по сути своей, борьбу, принимая участие в митингах, манифестациях и выборах. Советская власть относилась к Церкви с нескрываемой враждебностью. Репрессии по отношению к православному духовенству и её пастве делали неизбежным их переход к тем или иным формам сопротивления. При этом антибольшевистские режимы, возникавшие на территории России, видели в Церкви естественного и верного союзника, который мог повлиять на общественные настроения, в том числе мобилизовать население на борьбу с красными.

В научных работах, вышедших в последние десятилетия, эти события анализируются как на всероссийском¹, так и на региональном уровне². Однако религиозный фактор в революции и Гражданской войне настолько масштабен, что требуется дополнительное изучение всех его многочисленных аспектов. К примеру, до сих пор не исследовано наследие Всероссийского Поместного собора 1917—1918 гг. и нескольких последовавших за ним Соборов в разных уголках распавшейся Российской империи. С 2012 г. началось академическое издание документов Московского собора, однако амбициозный проект всё ещё далёк от завершения. Несколько раз менялся состав научно-редакционного совета и рабочей исследовательской группы издания, что неизбежно сказалось на сроках его выхода в свет (из запланированных 36 томов к настоящему времени вышло 10).

До сих пор не издан сборник материалов Всеукраинского церковного собора 1918 г., значение которого сегодня приобрело особую актуальность в свете нового витка обсуждения

* Сибирское соборное совещание 1918 года: материалы / Под ред. прот. Д.В. Олихова. М.: Спасское дело, 2020. 224 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика».

ний о каноничности автокефалии на украинских землях и о влиянии политических событий на церковную жизнь. В 2018 г. увидел свет сборник документов Юго-Восточного Русского церковного собора в Ставрополе³, благодаря чему удалось в полной мере оценить его роль в событиях Гражданской войны на Юге России⁴. В конце 2020 г. вышел сборник документов Сибирского соборного совещания (известного также как Томский собор и Сибирский собор), которое, несмотря на своё значение, долгое время оставалось малоизвестной страницей церковной истории. Ответственный редактор издания — протоиерей Д.В. Олихов — кандидат богословия, кандидат исторических наук, известный специалист по истории сибирских епархий Русской Православной Церкви, в том числе в годы Гражданской войны.

Над рецензируемым сборником работал небольшой коллектив специалистов по церковной истории: священник, кандидат богословия Е.А. Агеев и кандидат исторических наук А.И. Мраморнов, которому принадлежит научная концепция академического издания документов Священного собора 1917—1918 гг. Во вступительном слове митрополит Омский и Таврический Владимир (Иким) характеризует Собор в Томске как один из первых опытов реализации на практике решений Всероссийского Поместного собора. По мнению иерарха, опыт взаимодействия правительства А.В. Колчака с духовными структурами, представлявшими различные конфессии, мог бы стать «примером для современных взаимоотношений государственной власти и Церкви в Российской Федерации» (с. 4). Среди всех участников Сибирского собора митрополит особо выделяет прославленного в лике святых архиепископа Сильвестра (Ольшевского).

В обращении к читателям Мраморнов указывает, что утрата сибирского церковного архива повлияла на содержание рецензируемого сборника. В его состав вошли немногочисленные документы ГА РФ, РГВА и Исторического архива Омской области, материалы семи епархиальных ведомостей, издания Высшего временного церковного управления «Сибирский благовестник» и «За Русь Святую», омский «Правительственный вестник», либеральные газеты «белой» Сибири, а также источники личного происхождения.

В очерке Олихова о Соборе в Томске подчёркивается актуальность этого опыта для современных церковно-государственных связей. Историографию Сибирского собора автор разделяет на четыре периода, каждый из которых отличается, в частности, «особенностями концептуального осмысления различных аспектов темы» (с. 7). Автор отмечает, что из-за ситуации на фронтах Гражданской войны Сибирь оказалась отрезанной от церковного руководства, при этом в ряде епархий с течением времени назрели насущные вопросы. Для их решения духовенство и миряне сибирских епархий, среди которых были участники Всероссийского Поместного собора (по разным подсчётам — 26 или 27), собрались в Томске. Однако обсуждение вышло за пределы региональной и сугубо церковной повестки: Собор стал поводом для дискуссий о причинах распада страны и армии.

Одним из главных решений Сибирского собора Олихов называет создание Временного высшего церковного управления. В годы Гражданской войны практика создания подобных структур была распространённой. К примеру, по итогам Ставропольского собора 1919 г. на Юге России появилась организация с аналогич-

ным названием, которая, в сущности, заменяла собой Синод. В отсутствие связи с патриархом Тихоном (Беллавиным) она решала вопросы духовной жизни, превышавшие компетенцию епархиальных и военно-гражданских властей, а впоследствии стала ядром, вокруг которого была сформирована Русская Православная Церковь за границей. В заключительной части очерка рассмотрены судьбы участников Соборного совещания. Почти все они были репрессированы после установления в Сибири советской власти.

Рецензируемый сборник документов состоит из пяти разделов. В первом из них публикуются постановления Сибирского соборного совещания, опубликованные в официальных церковных изданиях. Часть из них была продиктована событиями Гражданской войны (например, положения по военно-церковным делам и о беженцах духовного звания), другие отвечали на повседневные нужды духовенства и мирян (о бракоразводных делах, о центральной церковной казне, о преподавании Закона Божия в школах и др.).

Во втором разделе приведены публикации участников Сибирского соборного совещания. К примеру, профессор Томского университета П.А. Прокошев писал об «основных началах, определяющих взаимные отношения между Церковью и государством в России». Он считал проявлением мудрости со стороны Временного всероссийского правительства сохранение «связи русского государства и православной Церкви» (с. 98). Учитывая её заслуги в строительстве русской государственности, она могла бы быть признана светской властью «первой между равными». Правильным шагом профессор считал учреждение министерства исповеданий, предупреждая его от прямого вмешательства в дела Церкви и призывая соблюдать

решения Всероссийского Поместного собора.

Третий раздел состоит из сообщений светской прессы о Соборном совещании; большая часть опубликованных здесь материалов впервые вводится в научный оборот. Четвертый — посвящён участию военного духовенства в Соборном совещании. В пятом — приведены тексты постановлений действовавших в Сибири правительств по церковно-государственным вопросам в связи с решениями Соборного совещания.

Приложением к сборнику стал отрывок из воспоминаний участника Собора, архиепископа Андрея (Ухтомского), который своеобразно охарактеризовал присутствовавших на совещании в Томске: «Огромное большинство этого собрания были самые бессмысленные монархисты, возводившие монархизм в догмат и несколько не желавшие считаться даже с самыми очевидными фактами» (с. 171). Важно понимать, что эти воспоминания появились в тот период, когда иерарх находился уже под большевистским следствием, а потому не могут считаться абсолютно искренними (хотя в целом не противоречат экспрессивной и мятушейся натуре архиепископа, чья биография полна самых неожиданных поворотов).

Справочный аппарат издания состоит из обширных комментариев к представленным текстам, реконструкции списка участников Сибирского собора, их кратких избранных биографий. Особый интерес представляют упоминания в документах представителей других конфессий. Наиболее яркие и запоминающиеся слова принадлежат архиепископу Андрею. Так, во время заседания 29 ноября 1918 г. при обсуждении вопроса об учреждении министерства исповеданий он заявил, что «мусульмане держатся по отношению к правительству безукоризненно:

они говорят властям — «оставьте нас в покое». Мусульмане держат себя по отношению к правительству с величием, с достоинством, которых можно пожелать и православным» (с. 125).

Другой красноречивый эпизод приведён в рассказе иерарха о Соборе, сделанный сразу после возвращения в Уфу. Якобы во время обсуждения причин распада России один из представителей местного духовенства сказал, что «во всё виноваты евреи». Архиепископ Андрей так дополнил эту реплику: «Если евреи, то и архиереи, так как если евреи слишком много делали, то наши архиереи уже ровно ничего не делали» (с. 139—140). Этим он возложил на духовенство часть вины за смуту в Российском государстве.

Из отдельных материалов можно сделать вывод о принципиальном непонимании некоторыми представителями православного духовенства военно-политической ситуации в Сибири. К примеру, священник Демидов объяснял необходимость образования самостоятельной Челябинской епархии распространением в городе католицизма. Иезуиты, по его словам, собирались «покорить» Сибирь «под нозе святейшего папы» (с. 110).

Опубликованные в рецензируемом сборнике документы поднимают насущные вопросы истории Русской церкви. Первый из них — о роли духовенства в событиях Гражданской войны, его месте в реалиях общественно-политического конфликта. Учитывая, что Томский собор начал свою работу в момент, когда ситуация в Сибири находилась в стадии турбулентности и неопределённости, можно говорить о самостоятельности действий клира в этом регионе.

Второй принципиальный вопрос — о политической позиции Церкви. В советской антирелигиозной пропаганде действия духовенства в этот период трактовались исключительно

как элемент «церковной контрреволюции». Пропагандисты изображали священнослужителей реакционным промонархическим сословием, в массе своей состоявшим из циничных и, в общем-то, недалёких людей, более всего стремившихся к сохранению и приумножению материальных благ. При этом оговаривалось, что выше-сказанное предопределяло поддержку клириками Белого движения и проводимую ими агитацию против советской власти. Видный исследователь В.Ж. Цветков правомерно замечает, что интерес Церкви и Белого движения был обоюдным, хотя бы ввиду того, что по итогам междоусобицы последнее могло стать единственной всероссийской властью⁵. Очевидная лояльность как рядовых участников движения, так и его вождей к православию предопределяла тяготение духовенства к белым.

Православное духовенство, безусловно, возносило молитвы о мире и желало скорейшего окончания гражданского противостояния, но не могло оставаться в стороне от него. Не случайно во время Томского собора постоянным был мотив о гонениях на Церковь — своими действиями большевики не оставляли альтернатив верующим и священнослужителям, толкая их в оппозиционный лагерь. Как справедливо отмечает Олихов, «деятельность Сибирского совещания и структур, созданных на нём, носила выраженный антибольшевистский характер» (с. 13). Вместе с тем лейтмотивом почти всех выступлений участников была необходимость обретения Церковью своего места в новой России, вышедшей из огня Гражданской войны.

Отрадно осознавать, что изданием документов Сибирского соборного совещания не исчерпано изучение проблемных вопросов церковной истории Сибири в XX в. Наоборот, для многих

исследователей это стало дополнительным импульсом. В частности, известный омский историк А.В. Сушко подготовил научную биографию одного из активных участников Томского собора, священника В.Ф. Инфантьева⁶. Выход подобных работ по истории Русской церкви в Сибири следует, несомненно, приветствовать. Рецензируемый документальный сборник, бесспорно, имеет серьёзное научное значение, которое не утратит с годами.

Примечания

¹ Белая гвардия: альманах. № 10: Русская Православная Церковь и Белое движение. М., 2008; *Петров С.Г.* Русская Православная Церковь времени патриарха Тихона: источниковедческое исследование. Новосибирск, 2013; Православная церковь и русская революция: очерки истории 1917—1920. М., 2018; *Соколов А.В.* Государство и православная Церковь в России в феврале 1917 — январе 1918 годов. СПб., 2015; *Фирсов С.Л.* Время войне и время миру: Пра-

вославная Российская Церковь и Гражданская война в России: очерки истории и историографии. СПб., 2018.

² См., например: *Нечаев М.Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917—1922 гг. Пермь, 2004; *Олихов Д.В.* Временное Высшее церковное управление Сибири (1918—1920 гг.): опыт церковного строительства в эпоху гражданского лихолетья. СПб., 2017; *Пученков А.С., Калиновский В.В.* Духовный форпост России. Православное духовенство Крыма в 1914—1920 годах. СПб., 2020.

³ Юго-Восточный русский церковный собор 1919 года. Сборник документов / Под ред. Ю.А. Бирюковой. М., 2018.

⁴ См.: *Калиновский В.В., Петров И.В., Пученков А.С.* «Деникинский» церковный собор в наработке новейшей российской археологии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. № 4. С. 28—34.

⁵ *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1920—1922 гг.: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2016. С. 101, 135.

⁶ *Сушко А.В.* Жизнь, служение и подвиг священника Василия Феофановича Инфантьева. Омск, 2021.

Ирина Хрулёва

Военно-техническое и человеческое измерение ленд-лиза*

Irina Khruleva

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

The military-technical and human dimension of Lend-Lease

DOI: 10.31857/S086956870017372-0

Проблематика советско-американского сотрудничества (и особенно ленд-лиза) в годы Второй мировой войны остаётся одной из самых дискуссионных тем как в историографии¹, так и в восприятии обычными людьми, которые зачастую ассоциируют американскую помощь исключительно с поставками тушёнки. «В условиях “холодной войны”, противостояния между СССР и бывшими англо-американскими союзниками, в СССР ленд-лиз стал темой если

не совсем запретной, то, по крайней мере, нежеланной». Даже среди научного сообщества встречаются порой диаметрально противоположные суждения: «Ряд авторов считает, что вклад ленд-лиза в победу СССР над фашистской Германией был незначительным, другие утверждают, что по ряду аспектов поставки были незаменимы (поставки продовольствия, грузовиков, станков, которые в СССР не производились; уникальными были поставки радиооборудования, десант-

* *Быстрова И.В.* Ленд-лиз для СССР: экономика, техника, люди (1941—1945). М.: Кучково поле, 2019. 480 с.

ных судов, существенными — поставки боевых самолётов и кораблей, порохов, алюминия, авиационного бензина» (с. 12).

Ленд-лиз стал историческим примером беспрецедентного дипломатического, военного и экономического сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, способствовавшего победе над противником. Основной особенностью является сам факт его существования. Действие закона США о ленд-лизе распространилось на СССР невзирая на существенные политические и идеологические противоречия, и заложило основу поразительного сотрудничества советских и американских дипломатов и военных, преодолевших огромное количество предрассудков и многолетнее недоверие между двумя странами.

Благодаря «архивной революции» всё больше документов из архивов (как американских, так и отечественных) становятся доступны исследователям. Ключевые материалы, раскрывающие взаимоотношения двух стран в ходе осуществления ленд-лиза, хранятся в РГАСПИ, АВП РФ, РГВА и РГАЭ. Архивные фонды легли в основу ряда фундаментальных публикаций.

Но даже на их фоне выделяется монография главного научного сотрудника Института российской истории РАН И.В. Быстровой, основанная на документах Правительственной закупочной комиссии Наркомата внешней торговли СССР в США, хранящихся в РГАЭ. Как справедливо отмечает автор, «если ранее историки пользовались зарубежными публикациями и отрывочными сведениями советских источников по отдельным направлениям и маршрутам ленд-лизовской помощи, то открытие основополагающего архивного фонда даёт возможность предпринять комплексное исследование истории ленд-лиза для СССР, включая экономико-тех-

ническую, организационные сферы, человеческий фактор, по-новому осмыслить вклад программы помощи СССР со стороны союзников по антигитлеровской коалиции в достижение победы в войне, а также развитие отношений между СССР и союзниками» (с. 17).

В работе скрупулёзно собрана статистика по отдельным периодам поставок, организации доставки грузов в различные порты США, маршрутам отправки грузов в СССР, а главное, номенклатуре поставок. За весь период действия ленд-лиза было отправлено 2 743 парохода с грузом 17 349 тыс. т на общую сумму 13,2 млрд долл. Перечисление видов поставлявшегося ошеломляет. В группу «Вооружение и военное снаряжение» входили боевые самолёты, танки, грузовые автомобили, автомобили «джип», артиллерийские тягачи, тракторы и броневездеходы, мотоциклы, радиостанции и другая радиоаппаратура, полевые телефоны, телеграфно-телефонный кабель, полевые зарядные станции, подводный морской кабель, военные суда, палубное, артиллерийское и зенитное оружие, судовые двигатели и дизель-генераторы, судоподъёмные средства. Номенклатура стратегических материалов включала алюминий, дюралюминий, магний, никель, молибден, медь, кобальт, кадмий, специальную сталь, нефтепродукты (прежде всего высокооктановый авиационный бензин), этиловый спирт, метанол, фенол, глицерин, ацетон, каучук и др. В группу «Промышленное оборудование» вошли станки, электропечи, силовой кабель, кузнечно-прессовое, прокатное, энергосиловое оборудование для горнорудной промышленности, режущий и измерительный инструмент и др. А ведь были ещё товары интендантского назначения, продовольствие, медицинские поставки! В течение действия програм-

мы динамика поставок по различным группам товаров заметно менялась: «На начальном её этапе советская сторона уделяла главное внимание поставкам вооружений, однако уже в 1942 г. кризис в советской промышленности, “металлический голод”, вызвал рост заявок на металлы, а затем и на промышленное оборудование. С 1943 по 1945 г. постоянной тенденцией было увеличение доли поставок продовольствия, а также транспортных средств, железнодорожного оборудования» (с. 196—312).

Наконец, новаторской является попытка показать «человеческое измерение» советско-американских отношений, предпринятая Быстровой в этой и ряде других публикаций последних лет. Возможно, моё мнение субъективно, поскольку одним из «действующих лиц» данной монографии является мой дедушка — А.К. Репин (1903—1976), в 1941—1942 гг. заместитель наркома авиационной промышленности и глава советской военной миссии в США, а затем заместитель командующего Военно-Воздушных сил, начальник Главного управления инженерно-авиационной службы Красной армии и Государственного Краснознамённого НИИ ВВС. Он был награждён орденом Легиона Чести, переданным президентом США Ф.Д. Рузвельтом И.В. Сталину на закрытии Ялтинской конференции.

В рассматриваемой монографии приведены многочисленные примеры того, как американские военные препятствовали налаживанию взаимодействия, особенно в первые месяцы войны. Об этом неоднократно писали в отчётах представители Правительственной закупочной комиссии, отмечая, что «со стороны Армии и Флота огромный нажим в отношении выполнения их программы, никто в Комитете военного производства не решается давать преимущества нашим заказам»². «Генерал Маршалл никогда не занимал дружественной позиции в отношении

Советского Союза и всегда являлся лицом, сдерживающим поставки», «м-р Хазард является мозгом ленд-лиза и главным саботажником при решении принципиальных вопросов размещения заказов, удовлетворения наших заявок» (с. 315—316). В результате решающее значение для развития программы помощи сыграла позиция американского президента, постоянно державшего поставки на личном контроле³. Немаловажную роль в постепенном налаживании сотрудничества и улучшении взаимоотношений играли контакты — «полугофициальные, неофициальные, дружеские (завтраки, обеды, ужины и т.д.)»⁴.

Менялась и тональность публикаций в американской прессе, освещавшей приезд Репина в феврале 1942 г. Всё чаще в статьях говорилось о «сердечности» переговоров советского генерала с Рузвельтом, «словах поддержки», высказанных им в адрес советского народа, детальном «обсуждении ситуации» на советско-германском фронте, встречах за ланчем и т.д. Многие издания приводили интересные детали неформального общения, свидетельствовавшие о качественно новом уровне отношений между двумя государствами: «Репин нанёс визит в Белый Дом, чтобы попрощаться с президентом, так как собирается вскоре улететь в Советский Союз»⁵.

Хочется верить, что представленный в работах Н.В. Быстровой особый — «человеческий» — ракурс проблематики советско-американского сотрудничества получит дальнейшее развитие в работах других историков, а в научный оборот войдут новые материалы (в том числе документы из архивов США, публикации периодической печати обеих стран, личные воспоминания участников событий, визуальные источники).

Примечания

¹ Поздеева Л.В. Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 324—333; Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои. 1941—1945 гг. М., 1997; Бутенина Н.В. Ленд-лиз. Сделка века. М., 2004; Краснов В.Н., Краснов И.В. Ленд-лиз для СССР. 1941—1945. М., 2008; Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 т. Т. 8. М., 2014; Куманёв Г.А., Серазетдинов Б.У. Военная экономика СССР — важнейший фактор Великой Победы (1941—1945 гг.). М., 2015.

² Быстрова И.В. СССР и США в годы Второй мировой войны: роль личных контактов в сотрудничестве // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2016. № 2. С. 66.

Игорь Богомолов

Журнал «Крокодил» в эпоху «оттепели»*

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Journal «Krokodil» during the «Thaw» era

DOI: 10.31857/S086956870017276-4

Журнал «Крокодил» являлся крупнейшим иллюстрированным сатирическим изданием СССР. Его карикатуры и шаржи отражали развитие общественно-политической и экономической жизни, по его публикациям можно оценивать взаимоотношения страны с внешним миром. С 1930-х гг. и по сей день этот журнал находится в центре внимания отечественных исследователей советской сатирической печати¹. Однако в зарубежной историографии он до сих пор не удостоился отдельного исследования. Восполнить этот пробел призвана монография Д. Этти «Графическая сатира в Советском Союзе. Политические карикатуры в журнале “Крокодил”», хронологические рамки которой очерчены эпохой оттепели (1954—1964). Одной

³ См., например: Стеттиниус Э.Р. Ленд-лиз — оружие для победы. М., 2000.

⁴ Быстрова И.В. СССР и США в годы Второй мировой войны... С. 67.

⁵ О переговорах Репина с Рузвельтом см.: The New York Times. 1942. February 13; The Morning Spotlight (Hastings, Nebraska). 1942. February 13; York Daily Record (York, Pennsylvania). 1942. February 13; The Minneapolis Star. 1942. February 12; The Nashville Banner. 1942. February 12; Philadelphia Inquirer. 1942. February 13; The Evening Sun (Baltimore, Maryland). 1942. February 12; Pasadena Star-News. 1942. February 13; The Sacramento Bee. 1942. February 13; The Daily News (New York). 1942. February 13; Pittsburgh Post-Gazette. 1942. February 13; The Gazette and Daily (York, Pennsylvania). 1942. February 13.

из ключевых проблем автор считает сохраняющийся и сегодня образ изучаемого издания как «острого идеологического пропагандистского оружия в геополитической битве». Однако «пропагандистская парадигма» даёт лишь ограниченное представление о «разнообразии визуального языка “Крокодила”, его идеологической сложности и различных методах производства и потребления» (р. 6). Книга призвана расширить и углубить понимание советской графической сатиры, переосмыслить влияние цензуры на неё и на печать в целом.

Восемь глав монографии выстроены по тематическому принципу, рассказывая о разных аспектах редакторской и издательской политики «Крокодила». Этти сетует, что в литературе

* *Etty J. Graphic satire in the Soviet Union. Krokodil's political cartoons. Jackson: University of Mississippi Press, 2019. 266 p.*

о сатирической прессе с 1930-х гг. (и «особенно с 1945 г.») укоренились две тенденции — «избирательность в отношении материалов из журнала и структуралистский подход» (р. 16). В западных исследованиях эпохи холодной войны основное внимание уделяется взаимоотношениям редакций и цензурных органов, идеологическим установкам при создании карикатур. Это оправданно, ведь такие работы «контекстуализируют анализ советской графической сатиры» и демонстрируют «влияние интеллектуального климата» на её развитие. Однако при этом, как правило, недооценивается значимость творческого процесса, редакции низводятся до безропотного исполнителя предписаний «сверху» (р. 16). Этти пытается показать упрощённость такого подхода, не учитывающего массу «полутонов» во взаимоотношениях журналов с властью.

Не менее важная проблема — недооценка самого жанра сатирической прессы, сведение её лишь к разновидности пропаганды. В большинстве зарубежных работ по советскому периоду карикатуры привлекались как иллюстративный материал, наглядно демонстрирующий, в каких направлениях развивалась пропаганда. Отсюда «крайне избирательное» использование «Крокодила» в качестве источника. Отмечается также поверхностное знакомство исследователей с редакционной политикой журнала, биографиями его авторов, взаимодействием с аудиторией. «Крокодил» — «проблемный пример», поскольку «пропагандистская парадигма также не даёт возможности объяснить популярность журнала», в неё не вписываются юмор, ирония и пародия (р. 21). Оценка историографии советской сатирической прессы и недостатки «структуралистского подхода» приведены в первой, вводной главе монографии.

Во второй главе отмечена тесная связь «Крокодила» с дореволюцион-

ной сатирической печатью. Этот очевидный тезис автор повторяет в связи с тем, что существующая литература даёт «неточное объяснение традиций, повлиявших на советскую визуальную сатиру» (р. 45). Исследователи основное внимание обращали на образы внешнего врага (стран Запада, НАТО и др.). Этот перекосяк создал ложное представление о «Крокодиле» как орудии пропаганды, которое с готовностью рассказывало о проблемах зарубежных стран, но замалчивало недостатки советской системы. Большевикская революция — действительно переломное событие в истории российской прессы, но она не привела к «окончательному разрыву в сатирической традиции» (р. 45). Рассматриваемый журнал не стал исключением, скорее наоборот, перенял многие приёмы, использовавшиеся карикатуристами ещё в 1905 г. Это касалось и тематического разнообразия, которое, как справедливо указывает Этти, до сих пор не вызывало большого интереса.

Анализ политической тематики проведён в третьей главе. Один из главных и наиболее интересных сюжетов — образ советского чиновника, который подвергался критике за жадность, «неподвижность, мелочное нежелание проявлять инициативу» (р. 83). В годы оттепели эта критика «имела особый политический оттенок»: преодоление культа личности означало и борьбу со «сталинской» бюрократией (р. 84). Крокодила (собираетелный образ редакции журнала) изображали путешествующим по СССР, разоблачающим коррупцию, правонарушения и лицемерие. Он выступал посредником между режимом и гражданами. Карикатуры и тексты чаще всего могли трактоваться неоднозначно, создавая «двойственное видение советской культуры и политики» (р. 92).

В четвёртой главе кратко описан процесс согласования карикатур в Главлите, а также взаимоотношения редакции с властью на разных уровнях. Автор не отрицает влияния на журнал цензуры, но подчёркивает, что оно было опосредованным. Коллектив редко получал прямые указания «сверху», действуя в очерченных, но стабильных границах. Аудитория выступала «активно функционирующей частью советской медиасистемы», и «Крокодил» сделал «участие и со-творчество» читателей значимой составляющей редакционной политики (р. 123).

Пятая глава посвящена главным образом именно этому взаимодействию. Эtti критически оценивает «тоталитарную концепцию» (К. Фридрих, З. Бжезинский и др.), в которой советские граждане — лишь «пассивные получатели контента средств массовой информации» (р. 125). Он замечает, что «Крокодил» «всегда был чем-то большим, чем просто журнал» (р. 126). К примеру, с февраля 1923 г. регулярно публиковалась «библиотека “Крокодила”», включавшая лучшие работы из журнала и альбомы карикатур его ведущих художников. В мае того же года организован «Живой Крокодил» — театр сатирических пьес, художественных статей, миниатюр, выступавший по всей стране. Одним из его активных участников был В.В. Маяковский. Редакция журнала «обладала значительным авторитетом», имела достаточно свободы для экспериментов и выхода за привычные рамки печатной прессы. Читатели оказались полноправными участниками этого процесса, их карикатуры и рисунки регулярно появлялись на страницах «Крокодила».

В шестой и седьмой главах Эtti подробно остановился на образах советских политиков и Запада, связав эти сюжеты с проблемой цензуры и

диктата со стороны властей. Журнал включался в «политический дискурс на самом высоком уровне», так как руководство страны представляло себе капитализм в терминах и образах, «заимствованных из советской графической сатиры» (р. 156). Однако при всей изобретательности художники нечасто отклонялись от канонического изображения американского капиталиста, германского неонациста или британского империалиста. Постоянное повторение одних и тех же образов «создавало ощущение безвременья и неподвижности», а критика со временем становилась необоснованной и вымышленной. Но скептическая сатира «Крокодила» затрагивала не только Запад, в ней проявлялось скрытое «неверие во все идеологии как средства интерпретации или руководства к повседневному существованию» (р. 159).

Не меньшую проблему представляла репрезентация советской верхушки. «Крокодил» был «искусен в визуализации оппозиции советским дискурсам», но политические лидеры СССР оставались за пределами карикатур. Это, однако, не боязнь «неправильно» изобразить лидера, но редкая для советской печати возможность избежать его упоминания. Перечисление достижений СССР (как и критика Запада) оказывалось, как правило, деперсонифицировано и полицентрично. В результате «Крокодил» представлял собой «мир, в котором не было... “главных” фигур», а идеология почти всегда ограничивалась повседневной практикой, высвечивавшей недочёты и недостатки строительства коммунизма (р. 178).

В восьмой главе Эtti показал, как журнал заставлял читателей размышлять над карикатурами и разгадывать их скрытые смыслы. Художники поднимали многие темы, актуальные для эпохи оттепели, будь то бюрократиче-

ская волокита, очереди за зарплатой, приёмка новостроек или вечный конфликт отцов и детей (р. 194, 210). Всё это делало журнал отражением советского времени, общества и идеологии (пусть оно и оказывалось искривлённым и размытым). Он предстал как «важное средство признания государством собственных проблем». Это не «механизм притворного отпущения грехов, а скорее инструкция для читателей по использованию идеологии при поиске решений проблем посредством участия и исполнения» (р. 221).

В целом работа Этти производит впечатление серьёзного и вдумчивого труда, затрагивающего важный сюжет истории советской печати. Но необходимо учитывать, что перед нами в первую очередь культурологическое исследование, сосредоточенное на образах в карикатурах «Крокодила», опускающее при этом исторический контекст и многие черты общественно-политической жизни СССР. Справедливо указав на слабую изученность редакционной политики журнала и его взаимоотношений с цензурой и властью, Этти практически не привлёк архивные источники, в первую очередь документы Главлита, хранящиеся в ГА РФ. Справедливо замечание автора об избирательности его предшественников в привлечении материалов журнала. Однако вызывает вопросы ограничение хронологических рамок эпохой оттепели — не вполне ясно, чем эти годы выделялись в истории «Крокодила». Не показано развитие его тематики и наполнения. Как уже упоминалось, название монографии вводит в заблуждение, так как в нём не уточняется, что речь идёт главным образом о 1954—1964 гг. В откликах на книгу рецензенты справедливо указали на сложность автор-

ского стиля и его порой излишнюю увлечённость анализом отдельных карикатур². А. Вуд, к примеру, отметил, что стиль превратил книгу Этти в «одну из самых несмешных публикаций на тему политического персифляжа в печати»³. Думается, вывод историка излишне резок, так как научная монография и не обязана смешить читателя, даже если она повествует о сатире и юморе. Вероятно, рецензенты не нашли в книге того, что ждали: связной и последовательной истории «Крокодила» в советский период, учитывающей меняющийся исторический контекст. Этти, безусловно, внёс свой вклад, но полная история наиболее популярного сатирического журнала СССР всё ещё ждёт своего исследователя.

Примечания

¹ См., например: *Абрамский И.П.* Смех сильных. О художниках журнала «Крокодил». М., 1977; *Скороходов Г.А.* Сатирическая журналистика («Крокодил», «Лапотъ», «Смехач», «Чудак») // *Очерки истории русской советской журналистики.* М., 1968; *Зверева С.Н.* Советская внешнеполитическая карикатура 1930-х годов. Опыт источниковедческого исследования // *Источниковедческие исследования.* Вып. 1. М., 2004. С. 193—218; *Орлов И.Б.* «Новая буржуазия» в сатире 1920-х гг. // *История России XIX—XX вв.: новые источники понимания.* М., 2001. С. 230—236; *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* К истории советской сатирической печати 1930-х годов: журнал «Крокодил» // *Вестник РГГУ. Сер. Филологические науки. Журналистика. Литературная критика.* 2014. № 12. С. 71—85; *Голубев А.В.* Советская политическая карикатура 1920—1930-х гг. // *Российская история.* 2018. № 6. С. 84—102.

² *Gerin A.* Book review: Etty, John (2018) *Graphic satire in the Soviet Union. Krokodil's political cartoons* // *The European Journal of Humour Research.* Vol. 9. 2021. № 2. P. 180—183; *Rowley A.* *Graphic satire in the Soviet Union: Krokodil's political cartoons.* By John Etty // *Slavic Review.* Vol. 79. 2020. № 1. P. 228—230.

³ *Wood A.* *Graphic satire in the Soviet Union: Krokodil's political cartoons.* By John Etty // *Journal of European Studies.* Vol. 49. 2019. № 3—4. P. 511.

Ольга Каштанова

Olga Kashtanova

(Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Рец. на: М. Кулик. *Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815—1856*. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019. 373 s.

DOI: 10.31857/S086956870017642-7

В последние десятилетия в польской историографии наметился интерес к российскому «присутствию» в административных, образовательных и иных структурах Царства Польского. Однако пребывание в Польше русских войск как в польских, так и в российских исследованиях освещено лишь выборочно, и монография Мариуша Кулика «Русская армия в Царстве Польском в 1815—1856 гг.» во многом восполняет существующие лакуны¹. Она охватывает период от образования автономного Царства Польского и присоединения его к Российской империи до смерти Николая I и наместника кн. И.Ф. Паскевича, окончания Крымской войны и начала новой эпохи в истории России и Польши. Помимо материалов польских архивохранилищ, автор широко использует и вводит в научный оборот значительный комплекс источников из РГВИА, ГА РФ, РГИА, РГА ВМФ, Архива СПБНИИ РАН, Отдела рукописей РГБ, а также Литовского государственного исторического архива в Вильнюсе. Это позволило не только рассмотреть структуру и организацию армии, её личный состав и отношения с обществом, но и проследить карьеры бывших военных и их службу в административных учреждениях Царства. Присутствие русских войск на польских землях исследователь «старался представить во многих аспектах, аналогично его влиянию на тогдашнюю жизнь края» (с. 9).

Монография состоит из шести глав. В первой из них показано политическое положение Царства Польского и его стратегическое значение для России. Автор прослеживает интеграцию данного региона в состав империи в 1815—1856 гг. и в то же время отмечает принципиальные отличия ситуации 1815—1830 и 1831—1856 гг. Изначально Царство обладало конституцией и собственными вооружёнными силами. На его территории в распоряжении главнокомандующего польской армией вел. кн. Константина Павловича находилось лишь несколько российских гвардейских полков. На границе между ним и империей действовали таможи. После подавления восстания 1830—1831 гг. польская армия перестала существовать, конституция Царства была отменена и заменена Органическим статутом, однако уже в 1833 г. последовало объявление военного положения, которое сохранялось до 1856 г. Власть в крае оказалась сосредоточена в руках наместника, являвшегося также главнокомандующим Действующей армией. В 1831—1856 гг. в местной администрации возросла роль российских чиновников, русский язык стал использоваться в официальной корреспонденции и учебных программах, возникли жандармский, артиллерийский, инженерный и провиантский округа, являвшиеся частью общеимперских ведомств. Но полной его интеграции при Николае I не произошло, этому

¹ Кулик М. Русская армия в Царстве Польском в 1815—1856 гг. Варшава: Институт истории PAN, 2019. 373 с.

препятствовал сам кн. Паскевич, не желавший ограничения своей власти.

Во второй главе характеризуется организация, численность и дислокация русской армии в исследуемый период. Входившие в состав Резервного корпуса и варшавского гарнизона полки императорской гвардии, переданные под командование вел. кн. Константина Павловича и в значительной степени укомплектованные уроженцами западных губерний, должны были служить образцом при обучении войск. В 1820-е гг. эти части насчитывали около 6 500 человек и имели постоянные места дислокации (в основном в Варшаве и её окрестностях). Кроме того, на западных границах Царства находились четыре казачьих полка (около 2 тыс. всадников). В 1831—1856 гг. в Польше располагался один из четырёх пехотных корпусов Действующей армии. Составлявшие его полки каждые несколько месяцев передислоцировались на новые квартиры. Постоянно же на своих местах оставались гарнизонные части, инвалидные и жандармские команды, а также подразделения Западного артиллерийского и Западного инженерного округов. Казачьи полки во время своего пребывания в крае размещались в одном районе, но по прошествии ряда лет сменялись другими. В целом, как пишет Кулик, русских войск в Царстве в 1830—1850-е гг. было больше, чем принято считать, принимая в расчёт лишь силы одного пехотного корпуса. С учётом офицеров, солдат и чиновников X округа внутренней стражи, III округа Корпуса жандармов, артиллерийского и инженерного округов, а также казаков, их численность доходила до 90 тыс. человек. Вместе с тем после 1831 г. заметную роль в Царстве Польском стали играть фортификационные сооружения, значение которых перед восстанием недооценивалось.

В 1830-х гг. началось строительство новых крепостей и проводилась модернизация уже существовавших. Важнейшими из них стали Брест-Литовск (на границе Царства и империи), Модлин (Новогеоргиевск), Замостье, Варшавская цитадель и Демблин (Ивангород).

В третьей главе проанализированы принципы кадровой политики и чиновничества, применявшиеся в русской армии, а также способы пополнения её личного состава и поддержания дисциплины, система наград и наказаний. Главным условием вступления поляков на царскую службу Кулик считает лояльность по отношению к монарху. Автор обращает внимание на то, что «религиозный состав русских войск не был идентичен национальному. Согласно стереотипу, русский должен быть православного вероисповедания, поляк — католического, а лицо немецкого происхождения — протестантского. Реальность была гораздо более сложной, и эта упрощённая схема идентификации часто имела немного общего с действительностью» (s. 132). Социальный облик офицеров, служивших в Польше после 1830 г., заметно изменился: место элитарных гвардейских полков, где было немало представителей знати, заняли линейные части Действующей армии, офицерские кадры которой составляли обедневшие дворяне. Любопытно, что и в этот период в рядах российской армии оказалось немало поляков, в основном происходивших из западных губерний. Опираясь на архивные данные, автор установил, что их число среди офицеров и военных чиновников достигало 35,5% (в отдельных случаях оно даже превышало 40%), а у нижних чинов — 75%. Тем самым в очередной раз опровергается миф о том, что рекруты из Царства Польского проходили службу только в Сибири или на Кавказе.

В четвёртой главе говорится о финансировании, снаряжении и обучении российской армии. В первые годы её пребывания в Польше оплачивалось Петербургом, но затем все расходы осуществлялись уже из бюджета Царства. Как вполне обоснованно предполагает Кулик, перед восстанием они составляли несколько миллионов золотых (s. 146—147). В дальнейшем затраты значительно возросли, поскольку, помимо содержания войск, приходилось выделять деньги на строительство сети укреплений и соответствующей инфраструктуры. Первоначально на военные нужды шло 40% бюджета Царства, однако постепенно их доля сократилась до 20%. Характерно, что в 1815—1830 гг. на мундирах нередко встречались символы региона расквартирования (для частей гвардии и Литовского корпуса — жёлтые воротники, обшлага, выпушки и лацканы, а также Погоня — герб Великого княжества Литовского — на головных уборах). После подавления восстания все подобные элементы обмундирования были удалены. По словам автора, обучение войск стало «сходным с обучением во всей российской армии, однако уровень строевой подготовки, в частности парадной, был очень высок... (особенно в 1815—1830 годах). Поддержание армии в состоянии боеготовности обеспечивало достижение высокой боевой эффективности, что было проверено на практике во время интервенции в Краков (1846), Венгрию (1849) и в ходе Крымской войны» (s. 183).

В пятой главе освещено положение русской военной администрации, внутренних и иррегулярных войск и вспомогательных служб. Созданное после подавления восстания 1830 г. в Царстве Польском военное управление во главе с варшавским военным губернатором (позднее — генерал-губернатором), подчинявшимся главно-

командующему Действующей армией, заменило «прежнюю административную власть военачальников на занимаемой частями территории» (s. 184). Последовавшее затем образование округов (некоторые из которых подчинялись не петербургскому начальству, а наместнику, как, например, X округ внутренней стражи и III округ Корпуса жандармов) и «включение территории Царства в общевенные административные структуры позволяло унифицировать систему командования и снабжения войск», расквартированных в Польше (s. 228). При этом артиллерийский и инженерный округа и комиссариатские комиссии охватывали пространство не только Царства, но и западных губерний.

В шестой главе Кулик обращается к частной жизни русских офицеров и солдат, прослеживает их судьбы после выхода в отставку, пытается выявить их матримониальные связи. Если до 1830 г. служба российских военнослужащих в польской администрации носила спорадический характер и была связана преимущественно с существованием Высшего временного совета 1813—1815 гг., таможен и т.п., то при кн. Паскевиче она приобрела широкий размах, и многие отставные военные, в том числе и поляки, оказались в разных учреждениях Царства Польского, занимая посты гражданских губернаторов, начальников поветов, бургомистров, чиновников канцелярии наместника или полиции и даже учителей. Для властей армейское прошлое являлось своего рода гарантией лояльности и особо ценилось в условиях нехватки людей и нежелания российских чиновников продолжать свою карьеру на окраинах империи. Ставка делалась и на «смешанные браки». По мысли Александра I, заключённые в конце 1810-х — начале 1820-х гг. союзы между русскими офицерами и поляками должны были стать основой

для мирного сосуществования обоих народов. И хотя в 1830-х гг. в польской среде им уже не сочувствовали, да и постоянная ротация войск не способствовала созданию семей, всё же такие браки имели место и в этот период. Несмотря на то, что при Паскевиче связи представителей военных и чиновничьих структур с населением в основном сводились к служебным, административным и торговым контактам, в целом, как утверждает Кулик, масштаб русско-польских отношений в 1831—1856 гг. «был гораздо бóльшим, чем допускалось до сих пор» (с. 273).

В Заключении автор раскрывает значение армии как «одного из наиболее заметных элементов российского присутствия в Царстве Польском». Особая роль принадлежала при этом возглавлявшим её влиятельным фигурам — вел. кн. Константину Павловичу и кн. Паскевичу, пользовавшемуся полным доверием Николая I. По словам Кулика, «две эти сильные личности сформировали картину и взгляд на российское присутствие, особенно военное, на польских землях» (с. 274).

Помимо библиографии, именно его указателя и словаря используемых военных терминов, в книгу вошли

приложения и таблицы, составленные на основе как опубликованных, так и архивных документов и обобщающие данные о численности, структуре и дислокации российских войск в Царстве Польском в первой половине XIX в.

Нельзя не отметить стремление автора к исторической объективности и преодолению сложившихся стереотипов, мифов, связанных со службой поляков в русской армии. Поэтому, несмотря на встречающиеся иногда повторы, которых трудно избежать при комплексно-тематическом изложении материала, и вынужденное привлечение в отдельных случаях статистических сведений, относящихся к более позднему периоду, написанная на высоком научном уровне монография М. Кулика будет интересна как польским, так и российским читателям.

Примечание

¹ Предыдущая книга М. Кулика посвящена полякам, занимавшим высшие командные посты в Варшавском военном округе в 1865—1914 гг.: *Kulik M. Polacy wśród wyższych oficerów armii rosyjskiej Warszawskiego Okręgu Wojskowego, 1865—1914. Warszawa, 2008.*

Анна Комзолова

Несбывшаяся война светлейшего князя И.Ф. Паскевича*

Anna Komzolova

(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The unfulfilled war of His Serene Highness Prince I.F. Paskevich

DOI: 10.31857/S086956870017641-6

Царствование Николая I не получило в историографии всесторон-

него и глубокого рассмотрения и до сих пор вызывает интерес у сравни-

---

* *Кривопапов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848—1856 гг. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2018. 288 с.

тельно узкого круга отечественных и зарубежных учёных. Между тем ключевые его события, и в том числе Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг., первое после Венского конгресса 1815 г. крупное столкновение между великими державами, давно уже требуют переосмысления. Монография А.А. Кривопалова представляет собой первое специальное исследование о роли И.Ф. Паскевича в русском военно-стратегическом планировании 1831—1855 гг., тщательно вписанное в широкий контекст международных отношений первой половины XIX в. Оно позволяет по-новому задуматься о том, отвечала ли политика Николая I в Европе интересам России или же являлась «опасной химерой», приведшей к изоляции во время столкновения с западной коалицией. В центре внимания автора — фигура фельдмаршала Ивана Фёдоровича Паскевича (1782—1855), светлейшего князя Варшавского, занимавшего исключительное положение в окружении Николая I и являвшегося его ближайшим военным советником. Император и Паскевич разделили ответственность за проигранную Крымскую войну, и это поражение в определённом смысле подвело общий исторический итог всей николаевской системы, подорвав былую уверенность и власти, и общества в военно-политической самодостаточности России.

Монография построена по хронологическому принципу и включает введение, пять глав, заключение и библиографию. В первой главе представлены результаты военного реформирования 1830—1840-х гг., подробно прослеживаются этапы постепенного изменения системы комплектования армии и полного перевооружения сухопутных войск. Исследователь высоко оценивает усилия правительства в данной сфере, считая, что именно тогда была заложена военно-техни-

ческая, военно-административная и мобилизационная база, позволившая России в 1850-е гг. выйти из политической и стратегически безнадежной ситуации с наименьшими потерями. Во второй главе рассматриваются внешнеполитические и стратегические проблемы, с которыми империя столкнулась после русско-польской войны 1830—1831 гг. Их решение заставило приступить к строительству крепостей и дорог на западных границах и заблаговременно разрабатывать планы на случай различных сценариев изменения обстановки в Европе.

Третья глава книги посвящена стратегии Николая I в период революционного кризиса в Европе 1848—1850 гг. По мнению Кривопалова, устраняя возникавшие тогда угрозы, Россия сыграла едва ли не решающую роль в коллективных усилиях великих держав, благодаря которым удалось избежать полномасштабной войны на континенте и предотвратить стихийное расширение локальных конфликтов в Венгрии, Дании и Северной Италии. В итоге это позволило не только сохранить монархию Габсбургов, но и обеспечить выгодное для России соотношение сил в вопросе о доминировании в Германии Австрии или Пруссии. Кривопалов полагает, что существовала взаимосвязь между общим развёртыванием Большой Действующей армии и «умиротворением» Германии, состоявшимся под давлением Петербурга.

В четвёртой и пятой главах монографии анализируется постепенное перерастание Восточного кризиса середины 1850-х гг. сначала в локальную русско-турецкую войну, а затем в противоборство России с коалицией Англии, Франции, Турции и Сардинии. Автор справедливо указывает на уникальность и беспрецедентность этого столкновения в новой и новейшей истории России. Эта борьба ве-

лась без союзников в Европе, в условиях военно-политической изоляции со стороны других великих держав, а потому её исход был заранее, ещё до первого выстрела, предreshён, и победа в ней становилась в принципе недостижима. Но, признавая просчёты и системные ошибки, допущенные Николаем I и кн. Паскевичем в дипломатических отношениях и военном планировании в первой половине 1850-х гг., Кривопапов пишет не столько о них, сколько о том, как происходил поиск тех стратегических приоритетов, благодаря которым в условиях заведомо проигранной войны Россия и после болезненного поражения смогла остаться великой державой.

В 1853—1856 гг. была реализована стратегия, предполагавшая разделение всех потенциальных и действительных театров военных действий на главные и второстепенные. Её вдохновителем и разработчиком был кн. Паскевич, опиравшийся на опыт наполеоновских и русско-турецких кампаний. При этом, как показывает Кривопапов, на всём протяжении Крымской войны, и особенно с 1854 г., фельдмаршал исходил из того, что наиболее опасным является западное направление, а угрозу присоединения Австрии и Пруссии к вражеской коалиции не следует преуменьшать. Поэтому именно на западе он предлагал сосредоточить многочисленные воинские формирования и резервы. Первоначально он даже возражал против форсирования Дуная до прояснения русско-австрийских отношений.

В феврале 1854 г., находясь в столице, князь представил императору несколько записок о возможном развитии боевых действий, постоянно внося коррективы в свои предположения. Тогда он впервые упомянул о том, что, возможно, России придётся одновременно вести войну против че-

тырёх великих держав, защищая границы от Балтийского моря «до Баязета». Впрочем, тогда фельдмаршал ещё надеялся, что Австрия останется «шатким союзником» России, несмотря на её недоверие к российским обещаниям сохранить целостность Османской империи. Из-за позиции австрийцев ему даже пришлось пересмотреть план кампании на Дунае, отказавшись от попыток спровоцировать антитурецкое восстание славянского населения. В записке, составленной 28 февраля 1854 г., говорилось о необходимости выиграть время, затягивая войну, и тем самым лишить противников стратегической внезапности, а также по возможности удержать Австрию и Пруссию от вступления в конфликт. Для этого Иван Фёдорович тогда же советовал очистить Придунайские княжества, занятые русскими войсками в июле 1853 г., но убедить в этом императора он сумел только в июне 1854 г., когда Вена предъявила ультиматум. До этого кн. Паскевич лично руководил осадой Силистрии, рассчитывая на то, что это также поможет задержать союзников на Балканах, вдали от черноморского побережья России.

Крымское направление в стратегическом отношении князь признавал второстепенным и одним из наименее уязвимых. В начале 1854 г. он даже не думал о возможности англо-французского десанта в Крыму, а Севастополь казался ему неприступным для вражеского флота и высадки с моря. Гораздо больше его беспокоило положение Петербурга¹. Впрочем, практически никто из русских военачальников и теоретиков, за исключением, видимо, кн. А.С. Меншикова, не смог предугадать дальнейший ход событий (подготовка к десанту развернулась только летом, и он оказался едва ли не в разы многочисленнее, чем это прогнозировалось российским командованием).

Высадка союзниками под Евпаторией свыше 60 тыс. солдат была беспрецедентной по своим масштабам и совершенно неожиданной с точки зрения военного планирования. Она сорвала планы Паскевича по укреплению обороны на границе с Австрией: фельдмаршал надеялся сосредоточить здесь главные силы Действующей армии, чтобы парировать наступления на наиболее вероятных, как он полагал, направлениях. В итоге, к ноябрю 1854 г. русская армия оказалась растянута на огромном пространстве. Но и позднее Паскевич последовательно противился накоплению войск в Крыму. Осенью 1855 г., уже будучи смертельно больным и не участвуя в совещаниях командования, он продолжал твердить о том, что Австрию удалось остановить на пороге войны только «сильной армией, собранной в 1854 г. в Польше», и призывал Александра II готовиться к отражению вторжения на западе.

Парадоксально, но первоначальные планы союзников, как и российская стратегия, строились на ошибочных основаниях. Выработанный зимой—весной 1854 г. англо-французской коалицией план нападения на Севастополь и уничтожения базировавшегося там Черноморского флота был плохо продуманным и рискованным. Его разработчики, не понимавшие логики действий России, рассчитывали на молниеносную войну, желали решить исход конфликта одним ударом и смутно надеялись на то, что империя отступит после первого же «решительного» поражения на своей периферии. Э. Ламберт назвал эти ожидания «фундаментальной ошибкой» британского стратегического планирования. Показательно также, что в 1855 г. правительство королевы Виктории удивлялось тому, что сдача Севастополя не привела к немедленному заключению мирного договора².

Кривопалов видит заслугу Паскевича в том, что фельдмаршал взял на себя «историческую ответственность» за ведение заведомо безнадежной войны. Выбранная им весной 1854 г. пассивная оборонительная стратегия действительно сдерживала расширение конфликта. Во всяком случае, в 1855 г. повторного развёртывания австрийских войск на границе уже не последовало. В Крыму союзникам не удалось навязать России скоротечную кампанию, и сражения приобрели изнурительный для обеих сторон характер. Между тем содержание на западной границе крупных армейских группировок, сопоставимых по численности с контингентами потенциального противника, приводило к перенапряжению сил и ослаблению России.

В историографии не раз критиковали Паскевича за переоценку опасности, исходившей от Австрии, за возникшую в итоге своего рода «перемобилизацию» русской армии и неспособность в критический момент помочь защитникам Севастополя. Однако Кривопалов утверждает, что уже весной 1854 г. перспектива военного столкновения с Австрией была вполне реальной, по крайней мере, в ограниченном размере — в Придунайских княжествах. Об этом свидетельствовали необычные масштабы мобилизации австрийских войск и их значительное сосредоточение в Галиции. Русская разведка фиксировала заготовку австрийцами продовольствия, расширение дорог в тылу армии, поспешное строительство земляных укреплений вокруг важнейших городов Галиции и Буковины. К осени 1854 г., когда мобилизацию приостановили, Австрия достигла пика своей боеготовности. Более того, автор, вслед за Паскевичем, не исключает, что России пришлось бы столкнуться с «соединёнными действиями» Австрии и Пруссии, которые совместно

могли развернуть армию в 1,2 млн человек. Хотя, конечно, какое-либо их сотрудничество представлялось тогда весьма проблематичным. Многие историки сходятся в том, что начиная с 1820-х гг. статус Австрии как великой державы во многом зависел от военно-дипломатической поддержки России³. Австрия в середине 1850-х гг. как в военном, так и в экономическом отношении находилась далеко не в лучшей форме, и амбициозная политика канцлера гр. К.Ф. Буоля отнюдь не соответствовала имевшимся у него ресурсам. Неслучайно после вывода русских войск из Придунайских княжеств он избегал любых обязательств перед западными державами, которые грозили бы втянуть Франца-Иосифа в войну. В Вене прекрасно сознавали, что присоединение к военным действиям едва ли не автоматически перенесёт основные события с Крымского театра на слабо защищённые с востока австрийские территории⁴.

Осветив множество нюансов русского военно-стратегического планирования 1840—1850-х гг., Кривопапов сравнительно скупно пишет о его влиянии на различные внешнеполитические решения и связи. Так, почти ничего не говорится о характере взаимоотношений в 1850-х гг. трёх «консервативных» монархий. Не учитываются и экономические последствия англо-французской блокады российских портов на Чёрном и Балтийском морях⁵.

В целом монография А.А. Кривопапова является добротным научным трудом, который будет полезен всем, кто интересуется историей России XIX в. Выводы и наблюдения автора, а также его архивные находки име-

ют существенное значение для понимания николаевской политики и, в частности, хода Крымской войны. Пригодятся они и в сравнительных исследованиях, посвящённых изучению военного потенциала России и политики континентальных альянсов. В книге удалось передать всю сложность и даже безвыходность положения Николая I и его ближайших советников, и прежде всего кн. И.Ф. Паскевича перед лицом фатального столкновения: избежать его не позволял престиж великой державы, а одержать в нём победу не давала международная изоляция.

Примечания

¹ Характерно, что подобной точки зрения в отношении Петербурга и Крыма придерживались и многие представители британского высшего генералитета, называвшие планы осады Севастополя «весьма абсурдными и опасными»: *Strachan H. Soldiers, strategy and Sebastopol // The Historical Journal. 1978. Vol. 21. № 2. P. 319.*

² *Lambert A. Preparing for the Russian War: British Strategic Planning, March 1853 — March 1854 // War and Society. 1989. Vol. 7. № 2. P. 29.*

³ См., например: *Bridge F.R., Bullen R. The Great Powers and the European States System 1814—1914. Ed. 2. Harlow, 2005. P. 114—125; Sked A. The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815—1918. Ed. 2. L.; N.Y., 2013. P. 170—175; Mitchell A.W. The Grand Strategy of the Habsburg Empire. Princeton, 2018. P. 268—274.*

⁴ *Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700—1918 гг. М., 2004. С. 269—300; Rothenberg G.E. The Army of Francis Joseph. West Lafayette (Indiana), 1998. P. 50—51.*

⁵ Подробнее об экономических последствиях этой блокады: *Степанов В.Л. Крымская война и экономика России // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 117—137.* См. также: *Stepanov V.L. The Crimean War and the Russian Economy // Russian Studies in History. 2012. Vol. 51. № 1. P. 19—24.*

Андрей Мамонов

Триумфальный путь к поражению*

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The triumphal path to defeat

DOI: 10.31857/S086956870017994-4

Книга А.А. Кривопалова, несомненно, привлечёт внимание тех, кого интересуют новые подходы к осмыслению истории царствования Николая I. На протяжении многих лет в Московском университете их развивают М.М. Шевченко и его ученики¹. Их исследования объединяют стремление к преодолению стереотипов, восходящих к «освободительной» историографии пореформенного времени, заполнение лакун в освещении событий 1820—1850-х гг., а также умение сочетать анализ идей и позиций отдельных лиц и функционирования государственных институтов.

Неудивительно, что Восточная война и предшествовавший ей период, ставший «драматичным финалом всей николаевской политической системы», приобретают при этом особое значение (с. 5). Их чаще всего критиковали современники и историки, в том числе и за крупные промахи в международных делах. Автор монографии пытается понять: «Отвечала ли охранительная по своей природе политика Николая I в Европе высшим стратегическим интересам России или же она являлась опасной химерой, обрекшей империю на изоляцию в критический момент борьбы с коалицией западных держав?». В частности, «была ли русская стратегия в заключительное семилетие царствования императора Николая I провалом,

дискредитировавшим практически все результаты военного строительства 1830—1840-х гг., или же, напротив, оптимальным выходом из политически и стратегически безнадежной ситуации, сложившейся в ходе Крымской войны, выходом, ставшим возможным именно благодаря этим результатам?». Ответ на эти вопросы Кривопалов ищет в поступках и замыслах «ближайшего советника Николая I, поскольку в конечном итоге именно в рамках отношений Паскевича с императором в 1831—1855 гг. выработывалась военная политика России» (с. 6—7). Исследователь демонстрирует превосходное знание отечественных и англоязычных трудов, посвящённых русской армии и борьбе великих держав в середине XIX в. Из обширной литературы по истории дипломатии он выделяет работы В.В. Дегоева и О.Р. Айрапетова, поддерживая их отход от изображения внешней политики исключительно как деятельности МИД (с. 23—26)². Вместе с тем наличие мощных научных традиций не помешало Кривопалову отстаивать вполне самостоятельные суждения. Опорой для них служит солидный круг источников, как опубликованных, так и извлечённых из дюжины фондов РГВИА. К мемуарным свидетельствам автор обращается гораздо реже. Так, в книге нет

* Кривопалов А.А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848—1856 гг. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2018. 288 с.

ссылок на воспоминания гр. Д.А. Милютина, хотя Кривопалов знаком с этим единственным в своём роде развёрнутым описанием событий того времени, оставленным человеком, имевшим непосредственное отношение к разработке русской стратегии 1854—1855 гг. (с. 268)³.

Структура монографии логична, хотя читателю следует приготовиться к неожиданным переходам. Первая глава «Военные преобразования 1830—1840-х гг.» начинается с рассказа о карьере молодого Паскевича до 1831 г. (с. 39—48). Затем уже излагаются «сильные стороны» и «серьёзные недостатки» армии, доставшейся Николаю I (с. 48—52), и меры, направленные на её реформирование (с. 51—62). Правда, тут уже почти совершенно исчезает кн. Паскевич, и создаётся впечатление, что хотя «император обсуждал с ним большинство вопросов, касавшихся внутренней, внешней и военной политики» (с. 48), князь ничем не проявил себя при переустройстве вооружённых сил. Освещая реформы 1830—1840-х гг., Кривопалов часто ссылается на исследования А.В. Кухарука и Ф. Кэгана, которые и через 20 лет не утратили актуальности и новизны, настолько медленно идёт корректировка устойчивых представлений об «упадке» и отсталости «крепостнической» армии⁴. Сопоставляя её военный потенциал с возможностями других великих держав, Кривопалов, вслед за бароном А. фон Гакстаузенем, констатирует, что в николаевское царствование она не только не деградировала, но, напротив, именно тогда «превратилась в первую по своей мощи боевую силу на европейском континенте» (с. 62—70).

Исходя из этого, автор книги во второй главе рассматривает проблему «сохранения баланса сил в Европе в 1830—1840-е гг.». Характеризуя ситуацию, сложившуюся после 1833 г., он

отмечает прежде всего соперничество России и Англии за влияние в Константинополе, а также возобновление практически распавшегося в конце 1820-х гг. русско-австро-прусского союза на основе признания территориальной целостности Османской империи и недопустимости французского реваншизма, что уже в 1834 г. вызвало «антанту» Лондона и Парижа, поддержанную Испанией и Португалией. «Изрядный запас прочности» альянса «трёх консервативных держав», по мнению Кривопалова, объяснялся их заинтересованностью в сохранении *status quo* и памятью «о совместной борьбе против французской экспансии». Однако он видит и «медленное, но неуклонное развитие центробежной тенденции внутри союза, связанной с ростом германского национального движения» (с. 103—104). И если в 1830-е гг. между Берлином и Петербургом шло теснейшее военное сотрудничество, то после вступления в 1841 г. на престол Фридриха-Вильгельма IV прусская политика не вызывала у Николая I и его окружения прежнего доверия (с. 72—73, 97, 104—105). А в 1845 г. кн. Паскевич уже детально продумывал возможные последствия столкновения с ближайшим союзником, допуская, пусть даже только гипотетически, «вторжение в Польшу всех девяти армейских корпусов, включая гвардию» (с. 107—113). Кривопалов справедливо указывает на то, что при существовавших тогда франко-прусских отношениях это было совершенно немыслимо. Но, видимо, фельдмаршал не исключал, что всё может измениться.

Тем не менее с учётом последующих событий нельзя не заметить, насколько мало прорабатывались иные варианты. Конечно, «потенциально опасный для России англо-французский альянс в 1830—1840-х гг. в силу инерции двухвекового соперничества

Лондона и Парижа не казался прочной политической конструкцией», поскольку в то время «в отношениях Лондона и Парижа попеременно наблюдались признаки как потепления, так и охлаждения» (с. 100). Однако сами эти колебания свидетельствовали о том, что нельзя было вовсе исключать такого стечения обстоятельств, при котором обе державы совместно выступят против России. Кризисы на «востоке» в 1820—1830-е гг. следовали один за другим, борьба за «наследство» Османской империи могла обостриться в любой момент. Николай I не раз беседовал об этом с европейскими дипломатами и, похоже, в 1840-е гг. окончательно убедил себя в том, что сможет договориться с Англией и положиться на Австрию. Но какие риски на данном направлении видели и учитывали тогда царские стратеги, Кривопалов не пишет.

Между тем уже в 1848—1850 гг. России пришлось столкнуться с революционным кризисом, охватившим большую часть Европы и ставшим первой проверкой ожиданий Николая I и кн. Паскевича на деле. Сосредоточение в Царстве Польском крупных сил Большой Действующей армии (с. 122—123) позволяло оказывать заметное воздействие на обстановку в центре Европы. Но в холерный год оно ложилось на бюджет империи тяжёлым бременем. И царь, и кн. Паскевич остро ощущали тогда ограниченность имевшихся у них средств и старались действовать предельно осторожно, избегая втягивания в затяжные конфликты (с. 124—125). Как убедительно показывает Кривопалов, в своих шагах, будь то венгерская кампания 1849 г. или давление на Пруссию в 1848 и 1850 гг., они руководствовались не отвлечёнными идеологическими конструкциями и «донкихотством», а сугубо прагматическими соображе-

ниями. Победа революции в Венгрии с большой долей вероятности не только дестабилизировала бы положение в Галиции и на Балканах, но и критически ослабила бы позиции Австрии в Италии и Германии, расширяя простор как для французской, так и для прусской экспансии, вовлечение же Берлина в «объединительное» движение не только не соответствовало долгосрочным российским интересам, но и в ближайшей перспективе выдвигало на правительственные посты враждебных Петербургу сторонников национально-либеральной политики (то же, скорее всего, ожидало бы и Вену). Столь радикальное нарушение равновесия сил в Европе грозило России повторением испытаний 1805—1815 гг. или утратой ближайших союзников, что проблематизировало безопасность западных границ (с. 125—138). «Но, — отмечает Кривопалов, — несмотря на то, что именно Николай I внёс решающий вклад в предотвращение большой европейской войны, цена мирного разрешения конфликта впоследствии оказалась для России высока. Уже через несколько лет в ходе следующего международного кризиса она столкнётся с беспрецедентной по масштабам и глубине международной изоляцией» (с. 138). Тем самым автор напрямую связывает наиболее яркий триумф николаевской дипломатии и её сокрушительное поражение.

Однако перед тем, как раскрыть внутреннюю логику этого рокового перехода, Кривопалов пространно размышляет об особенностях характера и репутации кн. Паскевича (с. 138—154). На первый взгляд, приведённые им оценки логичнее смотрелись бы в первой главе или в заключении. В середине книги они несколько искусственно привязаны к празднованию 50-летнего юбилея службы фельдмаршала (с. 138). Но именно так автору удаётся указать на суще-

ственный, хотя и сугубо психологический эффект успехов конца 1840-х гг. Прежде всего они усилили и без того «гипертрофированное самомнение Паскевича», его «мелочность и страсть к самовосхвалению», «раздражительность и несдержанность», не говоря уже про чрезмерную «подозрительность... и склонность практически во всём видеть лишь интриги, козни и зависть к себе недоброжелателей» (с. 142, 147—152). С другой стороны, по мере того как у императора росла уверенность в своих возможностях и притуплялось чувство риска, князь, находясь на пике славы, всё острее ощущал непрочность даже собственного положения в обстановке, когда, по выражению киевского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова (в 1852 г. возглавившего МВД), «можно легко слететь с места по одному капризу министра». Соглашаясь с этим суждением, Иван Фёдорович, припомнив времена Павла I, заявил, что и его могут сослать в Сибирь (с. 152). В таком настроении он и встретил Восточную войну.

Кривопалов признаёт, что шансы на победу в этом конфликте у Российской империи отсутствовали: «В 1853—1854 гг. произошли события, фатальное развитие которых созданная после 1831 г. военная система оказалась просто бессильна предотвратить. Возникла ситуация стратегической внезапности, когда первоначально не предвещавший серьёзных осложнений ближневосточный кризис стремительно перерос в такую войну, которую николаевская Россия не проиграть уже не могла» (с. 246). Впрочем, это не вызывает сомнений у историков, и в лучших университетских учебниках констатируется: «Политика России накануне Крымской войны стала классическим примером неверных оценок и вытекавшего из них неверного действия. Задолго до

того, как прозвучали первые пушечные выстрелы, война уже была проиграна политически и дипломатически»⁵.

Но так ли «внезапно» Николай I оказался перед лицом неминуемого поражения? Показательно, что свой рассказ про «непредвиденное развитие Восточного кризиса 1853—1854 гг.» в четвёртой главе Кривопалов вновь начинает с анализа деятельности разведки и тщетных попыток генерал-квартирмейстера Ф.Ф. Берга сосредоточить руководство ею и обработку поступающих данных «в особом секретном столе» при департаменте Генерального штаба. Николай I и военный министр кн. А.И. Чернышёв сочли данную инициативу излишней. Царь предпочитал «напрямую работать с донесениями военных корреспондентов», и хотя «подобная сверхцентрализация придавала политическому курсу России определённую гибкость, но в то же время не позволяла принимать взвешенные и всесторонне обдуманные решения в том случае, если император находился в плену ошибочного или предвзятого мнения относительно военно-стратегической обстановки» (с. 160).

Одной из таких предвзятых идей являлась, по-видимому, уверенность Николая I в возможности договориться с Англией, а точнее — навязать ей соглашение о разграничении интересов на Востоке. Столкновение с британцами стало для царя неприятным сюрпризом. Но было ли оно непредсказуемым и случайным? Следуя принципу «равновесия», Англия с конца XVII в. противостояла любой державе, претендовавшей на доминирование в Европе. И чем убедительнее Россия демонстрировала в конце 1840-х гг. свою силу и влияние, тем скорее ей следовало ожидать «сдерживания» со стороны Великобритании.

А зависимость Вены и Берлина от Петербурга делало Париж единственным возможным союзником Лондона на континенте. Точно так же и Наполеон III мог избежать изоляции только в случае сближения с британским кабинетом (с. 163). Правда, как полагает Кривопалов, «инерция двухвекового англо-французского соперничества была слишком велика, чтобы Николай I мог всерьёз воспринимать такую опасность» (с. 163). Однако эта «инерция» не мешала альянсу двух стран ни во времена Регентства, вскоре после Войны за испанское наследство, ни в середине 1830-х гг. Да и в начале 1850-х гг. не было никаких оснований недооценивать эту угрозу, казавшуюся, к примеру, австрийскому канцлеру кн. Ф. Шварценбергу вполне реальной (с. 162). Разумеется, в Англии опасались не только растущей мощи России, но и потенциального реваншизма Франции. Но Вторая империя была ещё неокрепшим и сравнительно более слабым противником, особенно когда действовала не в Бельгии, а на Востоке. А открытый русско-французский конфликт являлся для Англии едва ли не наилучшим способом парализовать обоих его участников, что весной 1853 г. осознал кн. Паскевич. Правда, фельдмаршал почему-то решил, что Лондон позволит Франции одной выступить в роли защитника и гаранта существования Османской империи, и это было, по словам Кривопалова, «очень опасным заблуждением» (с. 170). Так или иначе, хотя англо-французская «антанта» уже противостояла России и её союзникам в 1830-е гг., бороться с ней в одиночку Петербург оказался совершенно не готов. Если гипотетическое нападение Пруссии на Царство Польское продумывалось, то отражение десантов двух западных держав на территории России, похоже, до 1854 г. не предусматривалось вовсе. В 1853 г. Николай I

рассчитывал встретить французов в районе Дарданелл⁶.

Ещё труднее понять цели и логику действий кн. А.С. Меншикова, отправленного в Константинополь в феврале 1853 г., уже после того, как англичане недвусмысленно отказались от дальнейшего обсуждения с Николаем I возможной судьбы Порты и её наследства. Кривопалов привычно сближает посольство князя с австрийской миссией гр. Ф.Х. Лейнингена, добившегося в начале 1853 г. с помощью ультиматума заключения мира между Турцией и Черногорией (с. 166). Но граф настаивал на прекращении локального конфликта и возвращении к *status quo*. Собственно и кн. Меншикову «быстро удалось найти компромисс» в споре о статусе Святых мест. Для восстановления престижа великой державы этого было бы достаточно, но князь требовал большего: «расширительного толкования» договоров 1774 г. и 1829 г. и установления царского протектората над православными подданными султана (с. 167, 199). Заведомо неприемлемые условия, подкреплённые после их отклонения оккупацией Дунайских княжеств, заставляли турок сражаться, толкая их в объятия Англии и Франции. Тем не менее, как утверждает Кривопалов, посылая кн. Меншикова, «Николай I отнюдь не стремился доводить дело до войны с Турцией, ещё меньше желал он разрыва с западными державами» (с. 169). Зачем же тогда турок ставили в безвыходное положение? Характерно, что даже кн. Паскевич «считал требования, заявленные Меншиковым, чрезмерными и не согласными с прежними трактатами» (с. 167). Канцлер также рекомендовал русскому эмиссару не доводить до разрыва. Но в то же самое время император вынашивал смелые планы, допуская как капитуляцию Турции, так и её разгром с

последующим разделом между Россией, Австрией, Англией, Францией и Грецией, объявлением Константинополя вольным городом и вытеснением турок в Малую Азию⁷. Но о том, насколько русская стратегия соответствовала таким планам, остаётся только догадываться.

Отчасти о существовавших разногласиях и подходах позволяет судить то, как в начале 1853 г. обсуждалась «давняя идея высадки десанта на Босфоре». Фельдмаршалу казалось, что это «одним ударом ведёт не только к окончанию войны, но и к ниспровержению Европейской Турции». Но стоило только французскому флоту появиться у Саламина, как кн. Меншиков признал десантную операцию Черноморского флота невозможной (с. 170—171). Со своей стороны, кн. Паскевич не сочувствовал походу за Балканы, предпочитая ограничиться занятием Молдавии и Валахии и формированием ополчения из балканских славян, выступление которого при поддержке всего двух корпусов стало бы «началом распада Турецкой империи» (с. 172—173). Как ни странно, но он, видимо, не сомневался в том, что такие цели и методы не вызовут раздражения и сопротивления в Вене. И то, что они несовместимы даже с дружественным нейтралитетом Австрии, в начале 1854 г. оказалось «неприятной неожиданностью для Николая I и князя Варшавского» (с. 180).

Это свидетельствовало о непонимании интересов и политики своего ближайшего на тот момент союзника. Задуманная Николаем I аннексия Дунайских княжеств и части Болгарии (до Балкан) или признание их независимости были совершенно неприемлемы для правительства Франца-Иосифа, как и разрушение Османской империи. Монархия, едва пережившая, и то лишь благодаря России,

революцию, не готова была принять и царские подарки — турецкие провинции на Адриатике и на северном побережье Эгейского моря, включая Дарданеллы. Подобное расширение и резкое увеличение среди подданных славянского и мусульманского населения не только не укрепило бы позиции Габсбургов, но неизбежно породило бы множество административных, национальных и финансовых проблем, которые поставили бы Вену в полную зависимость от Петербурга с его плацдармами на Дунае и в Царстве Польском. С самостоятельной ролью великой державы Австрии пришлось бы проститься. Но ещё опаснее для неё стало бы образование на южных границах квазинезависимых государств под протекторатом царя. А если бы затеянная в Зимнем дворце авантюра провалилась, участие в ней сулило австрийцам утрату Ломбардии и Венеции и резкое усиление влияния Пруссии.

Неудивительно, что сохранение целостности Османской империи и удаление русских войск с Дуная стали для Франца-Иосифа и его министров первоочередными задачами. Они вовсе не хотели «унизить и ослабить Россию», в чём их подозревал кн. Паскевич, но не соглашались предоставить ей «исключительный перевес на Востоке» (с. 180, 200—201). Сколь бы ни была велика благодарность за спасение в конце 1840-х гг., не стоило ожидать, что она дойдёт до государственного самоубийства ради новых побед Николая I. Весной 1854 г., навязав Берлину договор о наступательном и оборонительном союзе, Австрия приступила к мобилизации войск. Тем временем 27—28 марта Англия и Франция вступили в войну с Россией.

Надо отдать должное кн. Паскевичу, ещё в сентябре 1853 г. писавшему императору о бесперспективности

начатой уже войны с Турцией (с. 177). В феврале 1854 г. он предупреждал о вероятности борьбы против четырёх великих держав на пространстве от Балтики до Баязета. Фельдмаршал заранее признал невозможность победы над подобной коалицией и советовал затягивать военные действия, изматывая противника и принуждая его к миру. Но рассчитывать на такой исход можно было лишь при условии, что удастся удержать Австрию и Пруссию в «нейтральном положении». А для этого, по мнению князя, следовало сосредоточить основные силы не на юге, а в Польше, и очистить Дунайские княжества (с. 182—187).

Император же требовал прямо противоположного — в марте русские войска перешли Дунай и осадили Силистрию (с. 188). Только летом, после австрийского ультиматума, царь согласился вернуть их за Прут (с. 195—197). Вскоре княжества заняли австрийцы, после чего ранее энергично вооружавшиеся генералы, в том числе начальник Главного штаба Г. фон Гесс и фельдмаршал гр. Й. Радецкий, начали убеждать Франца-Иосифа в разорительности и бесполезности войны с Россией, которая уже не могла ни аннексировать Молдавию и Валахию, ни вызвать распад Османской империи. Захват же Бессарабии или Царства Польского, как считал Гесс, принёс бы Австрии только вред. Теперь опаснее казалась Франция, сблизившаяся с Пьемонтом и сочувствовавшая восстановлению Польши. В результате уже в ноябре 1854 г. мобилизация австрийской армии приостанавливается, а в следующем году её повторного развёртывания на русских границах не последовало. Безусловно, на это влияли геополитические и финансовые соображения, санитарные потери мобилизованных соединений, симпатии австрийского генералитета к Николаю I и мощь группи-

ровки, сосредоточенной кн. Паскевичем в Царстве Польском (с. 198—213, 233—238). Однако ни её сокращение весной 1855 г., ни смерть Николая I, ни поражение кн. М.Д. Горчакова в Крыму не сделали позицию Вены более воинственной. Ультиматум же, предъявленный гр. К.Ф. Буолем в декабре 1855 г., был вызван в основном страхом перед тем, что готовившиеся сепаратные переговоры между Россией и Францией закончатся сделкой за счёт Австрии.

Таким образом, даже успешное осуществление плана кн. Паскевича не спасло Россию от поражения. Боевые действия после падения Севастополя зашли в тупик, измотанный противник заговорил о мире, но именно это и привело к тому, чего пытались избежать, ослабляя армию в Крыму и укрепляя на западе, — к вовлечению в конфликт пока ещё нейтральных держав и резкому увеличению его масштаба. Вслед за Австрией в войну обещала вступить Швеция, присоединение Пруссии и Германского союза становилось делом времени. Правда, как отмечает Кривоपालов, отклонение ультиматума вело бы только к разрыву австро-русских отношений, но не означало ещё вступления Вены в войну. Однако эта оговорка гр. Буоля скорее предназначалась для успокоения Франца-Иосифа и генералов, которым давалось время для подготовки войск. И едва ли можно согласиться с автором в том, что «положение России, в случае отказа принять ультиматум, не выглядело безнадежным». Конечно, «ресурсы для продолжения борьбы ещё имелись». Это признавали и участники совещаний, собиравшихся Александром II 20 декабря 1855 г. и 3 января 1856 г. Однако силы империи достигли предела и в дальнейшем могли лишь сокращаться, тогда как их уже не хватало для того, чтобы изменить ход событий. Между тем круг её

противников расширялся. Собственно своевременное признание поражения и позволило избежать худшего. Любопытно, что перед этим, как пишет Кривоपालов, «ни один крупный действующий военачальник в Зимний дворец приглашён не был» (с. 243). Кн. Паскевич был уже смертельно болен. К тому же война не пощадила репутации командующих, не исключая и самого фельдмаршала. Новых же выдающихся стратегов кампании 1853—1855 гг. не выявили, и Александр II предпочёл выслушать наиболее авторитетных сановников, доставшихся ему от отца.

Исследование Кривоपालова удачно дополняют составленные им вместе с С.А. Осокиным карты, на которых впервые в историографии показано расположение корпусов и дивизий Действующей армии в конце 1830-х гг. и дислокация основных соединений в первой половине 1850-х гг. Конечно, и в этой книге можно найти досадные промахи. Так, сказано, что Берг служил в 1822 г. в МИД в чине действительного тайного советника (с. 116), хотя он был тогда только коллежским советником, Н.Д. Киселёв назван графом (с. 162), хотя, в отличие от своего брата Павла, он не имел этого титула, говорится про действия генерала Л.Э. де Кавеньяка «в дни Июльской революции 1848 г.» (с. 161) и т.п. Но,

пожалуй, единственным серьёзным недостатком монографии является отсутствие в ней именного указателя.

Примечания

¹ См., в частности: *Шевченко М.М.* Сергей Семёнович Уваров // Российские консерваторы. М., 1997. С. 95—136; *Шевченко М.М.* Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003; *Шевченко М.М.* С.С. Уваров. Политический портрет // Тетради по консерватизму. Альманах. 2018. № 1. С. 27—50; *Бибилов Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009; *Наумова Ю.А.* Ранение, болезнь, смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853—1856 гг. М., 2010.

² *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700—1918 гг. М., 2004; *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801—1914). М., 2006. Именно исследования Айрапетова автор называет своим «профессиональным ориентиром в области изучения внешней политики и военно-стратегического планирования» (с. 38).

³ *Милотин Д.А.* Воспоминания. 1843—1856 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2000. С. 199—422.

⁴ *Кухарук А.В.* Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; *Kagan F.W.* The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999. См. также: Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 7. М., 2009.

⁵ *Медяков А.С.* История международных отношений в Новое время. М., 2007. С. 230.

⁶ *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. Приложения. СПб., 1908. С. 358.

⁷ Там же.

«Бесцветный генсек»? Новая биография Л.И. Брежнева*

Alexander Puchenkov

(Saint Petersburg State University, Russia)

«Colorless Secretary General»? New biography of L.I. Brezhnev

DOI: 10.31857/S086956870017640-5

Профессор Бременского университета С. Шаттенберг подготовила научную биографию Л.И. Брежнева, в котором она видит незаурядного представителя советской номенклатуры, не случайно поднявшегося до высших постов в государстве и наделённого как организаторскими способностями, так и некоторым даром артистизма, проявившимся ещё во время его выступлений актёром-любителем в 1920-е гг. По словам исследовательницы, «в том, что касается огромного значения Брежнева для Советского Союза, сегодня едины все. Как-никак, он правил страной и формировал её на протяжении 18 лет». Более того, современные историки считают его едва ли не «самым успешным представителем советского стиля управления» (с. 14—15).

В основу монографии легли материалы центральных и областных архивов России (РГАНИ, РГАСПИ, ГА РФ, РГАЭ, ЦАМО РФ, АВП РФ, Государственный архив Свердловской области, Центр документации общественных организаций Свердловской области и др.), Украины (Днепропетровский державний архів, Державний архів Запорізької області, Музей історії м. Кам'янського), Молдавии (Arhiva Nationala a Republicii Moldova, Arhiva Organizatiilor Social-Politice a Republicii Moldova) и Казахстана (Архив президента Республики Казахстан), а также документы, извлечён-

ные из германских и французских хранилищ (Archiv der deutschen sozialen Demokratie, Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, Politisches Archive des Außenamts Berlin, Archives Nationales des la République Française). В целом, автору удалось изучить впечатляющий корпус источников. Неудивительно, что эта «книга претендует на то, чтобы быть первой научной биографией Брежнева, опирающейся на широкую документальную базу» (с. 12).

Шаттенберг пытается понять, закономерно ли было то, что «харизматик» Н.С. Хрущёв не сумел удержаться у власти и к концу своего правления утратил поддержку аппарата, а Брежнев оставался руководителем сверхдержавы вплоть до своего ухода из жизни? Разгадку историк надеется найти, анализируя «личностный конфликт между актёром-любителем и “рыцарем” холодной войны, между тягой к дружескому общению и не подлежащим сомнению 18-летним господством, между склонностью к пикантным анекдотам и преследованием инакомыслящих, между мужественностью молодых лет и физическим распадом с 1975 г.» (с. 10). Шаттенберг стремится «постичь всю широту и противоречивость стилей поведения Брежнева в их сложности и раскрыть образ, ещё находящийся под воздействием опыта холодной войны» (с. 11). Автор прослеживает формиро-

* Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны / Пер. с нем. В.А. Брун-Цехового. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 623 с., ил.

Материал подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00353.

вание личности Брежнева в родительском доме, характеризует его окружение, материальное положение, религиозные влияния, досуг и т.д. Вероятно, впервые в историографии подробно, причём преимущественно на неопубликованных материалах, ею освещён начальный этап партийной карьеры будущего генерального секретаря на Украине, его деятельность на фронте, в Молдавии, в Казахстане и в Москве при Хрущёве.

Шаттенберг убеждена, что в начале своей жизни Леонид Ильич был «совершенно аполитичным молодым человеком», рано узнавшим, что значит «борьба за выживание в чистом виде» (с. 27). Его родители принадлежали к рабочей интеллигенции и тяготели скорее к буржуазности, чем к революции. Прежде всего им хотелось дать старшему сыну возможность учиться (с. 29—30). В 1920-е гг. Брежневу «было свойственно несколько прагматическое отношение к комсомолу и партии» (с. 47). Тогда он всерьёз увлекался поэзией, пробовал себя в театре (с. 43—45), но «выдающаяся политическая карьера какого бы то ни было свойства к этому времени никоим образом не просматривалась» (с. 48). Вместе с тем пройденный им жизненный путь, типичный для его поколения, вполне «соответствовал идеалу нового человека: рабочее происхождение, испытан и закалён в походе против крестьянства, инженер, получивший образование без отрыва от производства, парторг, который, помимо своих прямых обязанностей, руководил ещё и рабфаком» (с. 64—66).

Судьбоносным для Брежнева стало знакомство в 1938 г. с Хрущёвым. Как пишет Шаттенберг, «Хрущёв привлекал Брежнева к решению важных задач, и своей послевоенной карьерой Брежнев был обязан прежде всего Хрущёву» (с. 73). Репрессии 1937—1938 гг. лишь ускорили продвижение по слу-

жебной лестнице: «Брежнев извлёк выгоду из ситуации террора, при исключениях из партии других выступал с самообвинениями. Но не он руководил событиями, он сам находился под угрозой обвинения и ареста. Брежнев не выступал за форсирование репрессий и не был сторонником крайних мер, не продвигал “разоблачения” и аресты своих коллег, но точно так же не мог и уклониться от показательных “проработок” “врагов народа” и “вредителей”». По сути, он «избрал курс, который, насколько это было возможно, не вредил ни другим, ни себе» (с. 81).

Война стала, несомненно, самым сильным эмоциональным потрясением в его жизни. Не сыграв в ней сколько-нибудь выдающейся роли, Леонид Ильич, тем не менее, воевал от первого до последнего дня и по праву мог говорить о себе как об офицере-фронтовике. И в дальнейшем «воспоминания о войне не были только позой, но волновали Брежнева на самом деле. Даже если он и не участвовал непосредственно в боевых действиях, то, судя по всему, успел увидеть на войне достаточно ужасов, чтобы возвращаться к пережитому на протяжении всей жизни» (с. 91). Став генеральным секретарём, он по меньшей мере не препятствовал возвышению своей деятельности в военные годы, хотя она далеко не соответствовала «тем подвигам, которые приписывались ему» (с. 112). Однако именно приобретённый им в то время опыт оказал заметное воздействие на брежневскую политику «разрядки» в 1970-е гг. (с. 113).

Период «обучения при Сталине» стал для Леонида Ильича тяжёлым испытанием: он «работал почти круглые сутки, спал лишь несколько часов» (с. 122), доходил «до предела своих сил и требовал того же от всех других» (с. 131). В декабре 1947 г. Сталин

лично наградил первого секретаря запорожского обкома орденом Ленина (с. 135—136), а спустя несколько лет перевёл его на пост руководителя партийной организации Молдавской ССР. Расплатой за изнурительный труд оказался инфаркт, случившийся у Брежнева весной 1952 г. (с. 176—177). Однако в конце того же года на XIX съезде партии он стал одним из десяти секретарей ЦК (с. 181).

Весной 1953 г. казалось, что «Брежнев отслужил своё в качестве сталинского статиста и в качестве такового был удалён из центра власти “старожилами” Президиума» (с. 184—185). Однако, болезненно пережив своё падение, он остался среди подручных Хрущёва и даже участвовал по его просьбе в аресте Л.П. Берии (с. 185—186). В 1954 г. именно Брежнев, ставший заместителем П.К. Пономаренко и снова работавший до изнеможения, «в значительной степени организовал Хрущёву кампанию по освоению целины» (с. 192), после чего навсегда уже вернулся в Москву: на XX съезде его избрали кандидатом в члены Президиума ЦК, а на последовавшем Пленуме снова сделали секретарём ЦК (с. 224). Летом 1957 г. Брежнев поддержал борьбу с «антипартийной группой» и в знак благодарности был введён в состав Президиума ЦК. Курируя ВПК и космическую отрасль, возглавляя в 1960—1964 гг. Президиум Верховного совета СССР (с. 239—245), он везде выступал, по словам автора, как «эхо Хрущёва»: «Они вместе грелись в лучах славы космонавтов, вместе проводили десталинизацию и работали над модернизацией партии и государства» (с. 249). Однако это, как известно, не помешало Леониду Ильичу стать в 1964 г. одним из главных организаторов «заговора», или даже «путча», как называет подготовку к октябрьскому Пленуму Шаттенберг.

Одну из основных причин отстранения Хрущёва от власти исследовательница видит в посприятии им принципов коллективного руководства. Со своей стороны, «с первого дня Брежнев дал понять, что в отношении своих товарищей будет вести себя исключительно уважительно», завоевывая их лояльность «дружелюбием и любезностью» (с. 283—284). Ему «пришлось совмещать несовместимое — с одной стороны, расширять свою власть, создавая клиентелу, с другой — ни в коем случае не допускать впечатления о том, что он делает это против воли коллектива и тем губит карьеры. Напротив, ему приходилось изображать “доброе попечителя”, который заботится о кадрах и принимает решение только в их пользу» (с. 293). Сталинский лозунг «кадры решают всё» Брежнев превратил «не только в основной принцип своей деятельности, но и в единственный подход к решению проблем» (с. 386). Этому способствовала известная «фамильярность в Политбюро», выражавшаяся в совместных товарищеских ужинах, походах на футбол и хоккей, в поездках на охоту и т.п. (с. 303—306). Пользуясь такой атмосферой, внешне доброжелательный генеральный секретарь устранял конкурентов, переводя их на малозначительные должности или отправляя на пенсию: «В своих мемуарах, часто написанных с обвиняющей интонацией, проникнутых ожесточённостью, они рассказывают, как лицемерно подыгрывал им Брежнев, но одновременно отдают ему должное за то, как он это мастерски проделал» (с. 301—302).

В то же время, великолепно разбираясь в людях, Брежнев умел ценить и беречь членов своей команды, обеспечив им уверенность в своём положении и стабильность. Вместе с тем «Брежнев видел свою заслугу в том, что хотел дать советским людям луч-

шую, мирную жизнь, для чего приказал закупать в небывалых прежде масштабах за границей на валюту продовольствие, а также одежду и электротовары. Он был горд не “доктриной Брежнева”, а введением пятидневной рабочей недели, установлением пенсионного возраста для всех женщин в 55 и для всех мужчин в 60 лет, а также повышением заработной платы» (с. 589). Тем самым он «дал возможность значительной части населения более-менее спокойно жить», перенесся на «всё общество мелкобуржуазное желание обеспеченной жизни, о чём когда-то мечтала для него мать». И «с этой точки зрения генсек сделал Советский Союз более человечным, он поставил в центр политики индивида с его основными потребностями», искренне надеясь «улучшить жизнь советских граждан, сделать её достойной» (с. 585). По словам Шаттенберг, «определённый комфорт, включавший собственную крышу над головой, кое-какую мебель и предметы быта, при большом везении ещё машину и дачу — вот то, что Брежнев, несомненно, хотел осуществить для своих соотечественников. Лозунг “внимательного, заботливого отношения к человеку”, выдвинутый Брежневым и часто осмеивавшийся, а то и изображавшийся как циничный, он воспринимал явно всерьёз» (с. 353).

Большое внимание в книге уделено внешней политике. Руководя ею, Брежнев, как и Хрущёв, «стремился к личному контакту с политической элитой» и «верил в договорённости на межличностном уровне, между человеком и человеком, осуществление которых затрудняли, а то и могли сорвать бюрократические структуры, дипломаты и скептики» (с. 431). Как полагает Шаттенберг, «Брежнев преследовал две цели: установить дружеские отношения с лидерами Запада и таким образом достигнуть всеобщего мира»

(с. 433). Исследовательница уверена: «Ужасы войны оставили в душе генсека столь глубокие следы, что он хотел любой ценой не допустить новой войны. Наряду с первой великой целью советского лидера — обеспечить высокий уровень жизни для населения, — второй его великой целью было избавление народа от страха перед новой войной» (с. 460). Поэтому, в отличие от своего предшественника, он вернулся к «правилам западного протокола: хорошо одеваться, вести себя и говорить подобающим образом и быть надёжным партнёром по переговорам» (с. 432). В результате под его личное обаяние подпали такие разные деятели, как В. Брандт, Г. Киссинджер и Р. Никсон, воспринимавшие советского лидера прежде всего «как человека, а не как коммуниста» (с. 486). Когда же после смерти Ж. Помпиду и отставок Брандта и Никсона «большая четвёрка», проводившая политику разрядки, прекратила существование, Брежнев, не отчаиваясь, начал выстраивать отношения с их преемниками — Дж. Фордом, В. Жискард д'Эстеном, Г. Шмидтом (с. 505—508).

И всё же Хельсинки, «который Брежнев когда-то представлял себе кульминацией своей внешней политики, был для него концом его личной миссии доверия и позиционирования себя как политика западного типа» (с. 515). Во второй половине 1970-х гг. Брежнев слабел буквально на глазах. Зависимость от принимаемых снотворных препаратов сделала его фактически «наркоманом», «сердце, да и весь организм были ослаблены злоупотреблением таблетками», и смерть могла «наступить в любой момент» (с. 566, 579—580). Между тем «с 1975 г. советские люди наблюдали по телевидению дряхлость и маразм руководителя их партии и государства. В конце концов, однако, и это оказалось успехом: советский лидер как

личность мог быть болен, но политическая система не теряла в результате этого силу и стабильность» (с. 585—586). Однако «если во внутренней политике состояние здоровья Брежнева приводило к затишью, то во внешней политике оно вызвало стремительный откат назад в вопросах разрядки, миру вновь пришлось вспомнить о худших временах холодной войны» (с. 586). А вторжение в Афганистан стало «грехопадением советской внешней политики, не имеющим себе равных,

и “советским Вьетнамом”» (с. 526). Так или иначе, по мнению Шаттенберг, то, что «генсек создал до 1975 г. во внутренней и внешней политике, способствовало стабилизации, консолидации и превращению Советского Союза в относительно нормальную страну. По существу, только при нём возникло государство, которому позже предстояло погибнуть» (с. 590).

Александр Владимирович Голубев (1954—2021)

5 октября 2021 г. после тяжёлой продолжительной болезни скончался видный историк отечественной культуры первой половины XX в., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук Александр Владимирович Голубев. Россия лишилась известного учёного, посвятившего многие годы изучению культурной дипломатии СССР и внешнеполитических стереотипов советского общества предвоенных и военных лет. Его перу принадлежит свыше 300 исследовательских работ, которые неизменно получали высокую оценку специалистов.

Александр Владимирович родился 30 ноября 1954 г. в Орле, в семье служащих. В 1976 г. он закончил исторический факультет Орловского государственного педагогического института и поступил в аспирантуру Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где в 1985 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Советско-английские отношения в 1979—1983 гг.». В годы учёбы ему посчастливилось заниматься под руководством маститых преподавателей, среди которых были академик В.Г. Трухановский и Ю.С. Борисов. Это, безусловно, стимулировало научный поиск молодого исследователя и пробудило у него живой интерес к культуре и прошлому Англии и других стран, не угасавший затем на протяжении всей его жизни. В 1980-е гг. Голубев преподавал в Орле, будучи ассистентом, старшим преподавателем, доцентом (1983—1991), а с 1989 г. — заместителем декана исторического факультета ОГПИ по научной работе.

В 1991 г. молодой талантливый исследователь перешёл на должность старшего научного сотрудника Института истории АН СССР (с 1992 г. — Института российской истории РАН) и на три десятилетия связал с ним свою судьбу. С 1998 г. он возглавлял Центр по изучению отечественной культуры. В это непростое для российской науки время ему удалось сохранить в стремительно сокращавшем свою численность исследовательском коллективе (уменьшившемся с 45 до 12 человек) доброжелательную и дружественную атмосферу свободного и вместе с тем академичного творчества.

В 1993 г. Александр Владимирович задумал устроить в ИРИ РАН «круглый стол» для обсуждения взаимовосприятия Советской России и внешнего мира. Инициативу поддержали Ю.С. Борисов, заведовавший тогда Центром по изучению отечественной культуры, и руководство Института. В дальнейшем эта конференция получила название «Россия и внешний мир: формирование внешнеполитических стереотипов» и проводилась ежегодно на протяжении 26 лет. В ней принимали участие десятки историков, филологов и культурологов из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Орла и других городов России и зарубежных стран. Результаты её работы отражены в восьми сборниках статей, в которых Голубев неизменно являлся ответственным редактором, а также в коллективной монографии «Россия и Запад. Формирование стереотипов в сознании советского общества первой половины XX века» (М., 1997),

перепечатанной в 1999 г. (на русском языке) американским издательством «The Edwin Mellen Press».

Как академический учёный А.В. Голубев старался вводить в научный оборот архивные источники. Вместе с В.А. Невежиным он опубликовал ранее неизвестные документы о деятельности в 1930—1940-е гг. Всесоюзного общества культурной связи с заграницей («Минувшее. Исторический альманах». Вып. 14. СПб., 1993), подготовил к печати отрывки из дневника писателя и публициста Вс.В. Вишневского (Москва. 1995. № 5) и др. В своих исследованиях историк опирался не только на фонды московских хранилищ (ГА РФ, РГАСПИ), но и на материалы, обнаруженные во время многочисленных поездок в архивах областных городов России и зарубежья.

Специалисты по истории советского времени хорошо знают и ценят труды А.В. Голубева, в которых основное внимание уделялось проблемам, связанным с феноменом культурной дипломатии СССР, её зарождением, спецификой, функционированием и воздействием на общественное сознание. Этой тематике посвящены три его монографии — «“Взгляд на землю обетованную”: из истории советской культурной дипломатии» (М., 2003; Изд. 2. М., 2004); «“Если мир обрушится на нашу Республику”: советское общество и внешняя угроза в 1920-е — 1940-е гг.» (М., 2008); «Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг.» (М., 2016; в соавторстве с В.А. Невежиным). Не менее известны его книги о том, как в России в первой половине XX в. воспринимали союзников («Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн» (М., 2011; в соавторстве с О.С. Поршневой)), о сатирическом отражении и формировании представлений о зарубежье («“Подлинный лик заграницы”: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922—1941 гг.» (М., 2018)).

Признавая высокий научный авторитет Александра Владимировича, его приглашали в авторские коллективы фундаментальных многотомных изданий «Россия и Германия в XX в.» (Т. 2. М., 2010) и «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: в 12 т.» (Т. 10. М., 2014), на международные форумы, конференции и «круглые столы», как в России, так и во Франции, Германии, Италии, Греции, Венгрии, Польше, Финляндии, Литве, Южной Корее и Китае. Широта кругозора и эрудиция позволили ему стать соавтором учебного пособия по истории античности («Человек и общество в древнем мире глазами современников и историков» (М., 2019)), а его умение в доступной форме излагать сложные сюжеты проявилось в популярной биографии «Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев» (М., 2015).

Почти четверть века А.В. Голубев публиковал статьи и рецензии в журнале «Отечественная история» (с 2009 г. — «Российская история»), будучи с 2007 г. членом его редколлегии, а в 2007—2012 гг. — заместителем главного редактора. Глубокий исследователь и тонкий стилист, он всегда оставался чутким и доброжелательным рецензентом, что не мешало ему часто высказывать меткие суждения о рукописях как начинающих, так и известных учёных. Они помогали исправить недостатки, подобрать нужные формулировки, раскрыть ступенчатые смыслы. Вместе с тем ему не раз доводилось решительно отклонять незрелые и графоманские тексты.

А.В. Голубев обладал и незаурядным литературным дарованием — писал стихи, вошедшие в авторские сборники «Тридцатая осень» (1992), «Август», «Меж временами» (2004), а также печатавшиеся в альманахах «Поэзия» и «День поэзии», сочинял фантастические повести («Паутина» и др.). И в этой сфере он демонстрировал талант и профессиональное мастерство, по праву став членом Союза писателей России.

Все, кому посчастливилось общаться, вести научные дебаты, работать с Александром Владимировичем Голубевым, сохранят о нём светлую память.

Друзья и коллеги

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Российская история» в 2021 г.

Мнение историка

Б.Н. Миронов (Санкт-Петербург). **От колонизации к суверенизации: как готовилась дезинтеграция СССР.** № 6.

Красовицкая Т.Ю. — «Ах, товарищи потомки, — на хитрости строился социализм». № 6.

Дегтярёв А.А. — Исследование фундаментальных причин распада СССР — актуальная задача нашей науки. № 6.

Суни Р.Г. (Энн-Арбор, США) — Национальный вопрос и распад Советского Союза. № 6.

Диалог о книге

Четыре столетия общественной эволюции: размышления о структуре российского социума XVII—XX вв. № 1.

Каменский А.Б. — Предмет изучения будущих историков.

Лисейцев Д.В. — Люди и чины: сложные вопросы социальной стратификации России XVI—XVII вв.

Красильников С.А. (Новосибирск) — Размышления о социальной стратификации России/СССР в XX в.

Круглов В.Н. — Социальная стратификация советского: в лабиринтах явлений, трактовок, терминов.

Виртшафтер Э.К. (Помона, США) — Новая социальная история России.

«Здесь кровью полит каждый метр...»: Рассказы участников освобождения Крыма. 1943—1944 г. № 3.

Романько О.В. (Симферополь) — Крымская весна 1944-го: новые документы и факты.

Будницкий О.В. — Революция памяти: устная история Великой Отечественной войны.

Сенявская Е.С. — Кое-что об «устной истории»: размышления над сборником документов.

Кринко Е.Ф. (Ростов-на-Дону) — «Погода была очень скверная». Роль природного фактора в боевых действиях в Крыму (1941—1944 гг.) по воспоминаниям их участников.

Безугольный А.Ю. — Материалы Комиссии Минца и изучение человека на войне в современной российской исторической науке.

К.А. Соловьёв. Политическая система Российской империи в 1881—1905 гг.: проблема законотворчества. № 4.

Журавлёв В.В. — Эпоха «мнимого авторитаризма».

Крестьянников Е.А. (Тюмень) — «Кабинетная» история и бюрократическая опасность.

Волхонский М.А. — Законотворчество в Российской империи: статичные структуры или динамичный процесс?

Андреев Д.А. — «Бюрократическая империя» и её «правящая корпорация» в современном исследовании.

С.Д. Яхонтов. Воспоминания 1853—1942 гг. № 5.

Гребенкин И.Н. (Рязань) — Провинциальный историк на сломе эпох.

Тихонов А.К. (Владимир) — Трудная судьба «маленького человека».

Гайда Ф.А. — Подвиг энтузиаста.

Милевский О.А. (Сургут) — Элегия о провинциальной России.

Статьи

Авдашкин А.А. (Челябинск) — Судьбы китайцев на Урале в 1920—1930-х гг. № 1.

Акульшин П.В., Гребенкин И.Н. (Рязань) — Б.А. Энгельгардт — офицер, политик, мемуарист. № 3.

Аманжолова Д.А. — Казахский автономизм в 1918 г.: конкуренция проектов и динамика альянсов. № 1.

- Барышников М.Н.** (Санкт-Петербург) — Н.В. Воронцов и деятельность Общества Путиловских заводов в 1870—1880-х гг. № 3.
- Башнин Н.В.** (Санкт-Петербург) — Митрополит Иона (Думин): книжник и политик. № 5.
- Башнин Н.В.** (Санкт-Петербург), **Гуськов А.Г.**, **Шамин С.М.** — Война на Северном Кавказе (1686—1698 гг.). № 4.
- Белусов М.С.**, **Абдуллаев Я.С.** (Санкт-Петербург) — Первые испанские революции и правящие круги Российской империи. № 1.
- Белякова Е.В.** — К вопросу о статусе епископата в Русской церкви XVI в. № 5.
- Белякова Н.А.** — Поездка кардинала Ф. Кёнига по Советскому Союзу в 1980 г.: церковная дипломатия в условиях холодной войны. № 3.
- Бибиков Г.Н.** — Жандармский штаб-офицер и губернская администрация: К.Я. Флиге в 1830—1840-е гг. № 2.
- Богданов А.П.** — «Прения с греками о вере» Арсения Суханова в историческом контексте. № 1.
- Богомолов И.К.** — Великая российская революция в современной зарубежной историографии. № 5.
- Большакова О.В.** — Россия как многонациональная империя: итоги и перспективы изучения. № 4.
- Вандалковская М.Г.** — Первые тридцать лет моей жизни в Институте. № 5.
- Вершинин Е.В.** (Нефтеюганск), **Визгалов Г.П.** (Сургут) — Российские дети боярские на службе в Сибири в XVII в. (по материалам челобитных). № 6.
- Голиков А.Г.** — Воспоминания С.Ю. Витте: публикации и публикаторы. № 6.
- Гордеев П.Н.** — Ф.А. Головин: либеральный политик революционной эпохи. № 1.
- Дворниченко А.Ю.** (Санкт-Петербург) — У истоков российской литуанистики: век «осмнадцатый». № 3.
- Зеленов М.В.** — «Двойная природа» ЦК РКП(б) и его роль в политической системе Советской России 1919—1923 гг. № 6.
- Зубкова Е.Ю.** — Амнистия 1953 г. и первые опыты по пересмотру практик социального контроля в СССР. № 2.
- Зуев А.С.**, **Попов Д.К.** (Новосибирск) — Попытки подчинения Русским государством центрально-азиатских кочевников в XVII в.: аргументы русской дипломатии. № 6.
- Иерусалимский Ю.Ю.**, **Харитонов Г.П.** (Ярославль) — Ярославский губернский статистический комитет во второй половине XIX в. № 2.
- Ильиных В.А.** (Новосибирск) — Хлебозаготовительная кампания 1934 г. в Западно-Сибирском крае. № 3.
- «Институт выполнял роль центра исторической науки»: из воспоминаний учёных. № 5.
- Кирильчик Д.В.** (Санкт-Петербург) — Самооборона русских переселенцев в период Среднеазиатского восстания 1916 г. № 1.
- Кирсанов Р.Г.** — Денежное обращение в СССР на рубеже 1980—1990-х гг.: в поисках выхода из кризиса. № 6.
- Ковальская Е.Ю.** — Великая княгиня Елизавета Фёдоровна и А.Д. Самарин: к истории взаимоотношений. № 4.
- Козлов Д.Ю.** — Учреждение Морского генерального штаба в 1906 г.: борьба амбиций и поиск модели управления. № 4.
- Козляков В.Н.** (Рязань) — «Как живут хорошие люди» (источниковедческие проблемы изучения частной жизни в России по материалам «духовных дел» 1660—1670-х гг.). № 1.
- Комзолова А.А.** — Учебники для народной школы в Виленском учебном округе в 1860-х гг. № 6.
- Конявская Е.Л.** — Тверское княжество в XIII в. — середине 1360-х гг. № 2.
- Корогодина М.В.** (Санкт-Петербург) — Архиерейская хиротония и «исповедания» епископов в первой трети XV в. № 5.

- Котов А.Э.** (Санкт-Петербург) — Западно-русский анабасис Ксенофонта Говорского. № 4.
- Крестьянников Е.А., Пырх В.О.** (Тюмень) — Губернские прокуроры Западной Сибири в XIX в. № 2.
- Кротов П.А.** (Санкт-Петербург), **Шварц И.** (Вена, Австрия) — Письмо российского генерала Л.Н. фон Алларта о битве под Полтавой. № 4.
- Куликов В.И.** — «Между Сциллой и Харибдой»: к вопросу о назначении Н.К. Гирса министром иностранных дел России. № 3.
- Курукин И.В.** — Цена побед: о стоимости военных кампаний в России XVIII в. № 4.
- Кучкин В.А.** — Меньше придумывать, больше продумывать. № 2.
- Леонтьев А.А.** — Отчётная документация Корпуса жандармов и устройство высшей полиции в 1820—1930-е гг. № 2.
- Лизунов П.В.** (Северодвинск), **Морозан В.В.** (Санкт-Петербург) — Банковский «Синдикат 18 октября 1912 г.»: опыт сотрудничества Государственного и частных банков на Санкт-Петербургской бирже. № 3.
- Лисейцев Д.В.** — «Советская власть» в годы Смуты: об одном историографическом мифе. № 6.
- Ляпин Д.А.** (Елец) — Опыт изучения ландратских книг петровского времени. № 1.
- Малыгин П.Д.** (Москва), **Богданов С.В.** (Тверь) — О проблеме возникновения Твери в середине XII в. № 2.
- Мамонов А.В.** — Как Н.К. Гирс возглавил Министерство иностранных дел Российской империи. № 3.
- Матисон А.В.** — Архиерейские «поместные» и «оброчные» дети боярские Тверской епархии XVII—XVIII вв. № 2.
- Медяков А.С.** — «Русская благодарность»? Русско-пруссские отношения 1863—1864 гг. и их оценка в историографии. № 6.
- Мелентьев Ф.И.** — «Историческое перо». К атрибуции главного символа отмены крепостного права. № 4.
- Мельникова Л.В.** — «Одно из самых красивых украшений Парижа»: возведение русского посольского храма и культурно-политическое значение проекта. № 5.
- Минаков А.С.** — В.К. Плеве и политика в отношении евреев в России на рубеже XIX—XX вв. № 4.
- Михеев М.В.** (Екатеринбург) — Особенности индустриального развития Ленинграда в условиях административно-командной экономики (1944—1949 гг.). № 3.
- Морохин А.В.** (Нижний Новгород), **Устинова И.А.** — Смерть патриарха Иоакима и выборы главы Русской Православной Церкви в 1690 г. № 5.
- Невежин В.А.** — Ялтинская конференция 1945 г. через призму кулинарной дипломатии. № 2.
- Никитин Н.И.** — О гендерных проблемах в Сибири на ранних этапах русской колонизации. № 6.
- Никифоров Ю.С.** (Ярославль) — Комбайн «Ярославец» на «бюрократических полях» поздней советской эпохи. № 3.
- Никонов С.А.** (Мурманск) — Европейская Арктика в XVI—XVIII вв.: модели и практики хозяйственного освоения (крестьянство, купечество, монастыри, государство). № 6.
- Омельянчук И.В.** (Владимир) — «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа. № 1.
- Орешин С.А.** — Политика белогвардейцев в Дагестане в 1919 — начале 1920 г. № 1.
- Петров И.В.** (Санкт-Петербург) — Православные приходы Новгорода и окрестностей в период нацистской оккупации. № 5.
- Печатнов В.О., Печатнов В.В.** — Русская дипломатия и Православная Российская Церковь в США (1867—1917). № 5.

- Поздеева И.В.** — Деятельность Московского печатного двора в XVII в. по новым материалам. № 2.
- Полунов А.Ю.** — «Всё это так необыкновенно и фантастично»: идейные и организационные предпосылки поворота внешней политики России на Дальний Восток в конце XIX в. № 4.
- Редин Д.А.** (Екатеринбург) — Империя Петра Великого: курс — вест, ветер встречный. № 4.
- Русин Д.О.** — Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна и С.Ю. Витте в политической жизни России конца XIX — начала XX в. № 4.
- Сидорова Л.А.** — «Под грифом Института истории АН СССР»: смена научных ориентиров в условиях складывания антигитлеровской коалиции. № 5.
- Скрыдлов А.Ю.** (Санкт-Петербург) — Министр полиции А.Д. Балашёв и организация статистических исследований в России. № 2.
- Станков К.Н.** — Александер Гордон Охинтул: якобит, генерал и биограф Петра I. № 4.
- Степанов В.Л.** — Государство или частный капитал? Дискуссии в печати о реформировании железнодорожного хозяйства России в середине 1870-х — начале 1890-х гг. № 3.
- Тарасов А.Е.** — После Исидора: русская митрополичья кафедра в 1440-е гг. № 5.
- Тихонов В.В.** — «С русским размахом и американской деловитостью»: коллективные и индивидуальные формы организации исследований в Институте истории АН СССР. № 5.
- Тот Ю.В.** (Санкт-Петербург) — Губернские прокуроры и правительственный надзор над местной администрацией в царствование Павла I. № 2.
- Трепавлов В.В.** — «Русский улус» Золотой Орды. № 1.
- Усачёв А.С.** — Восприятие центральных светских и духовных властей переписчиками книг в XVI в. (по материалам выходных записей). № 5.
- Фомин А.Ю.** (Санкт-Петербург) — Капитан П.М. Михайлов и «младотурки». № 3.
- Христофоров В.С., Гусева Ю.Н.** — Криптографическая служба Российской Федерации: история создания и развития в XX в. (к 100-летию образования). № 2.
- Чемакин А.А.** (Санкт-Петербург) — «Русский союз на Украине» и национальное самоопределение русского населения УНР весной 1918 г. № 6.
- Чжан Гуансян** (Чанчунь, КНР) — Роль Волжского водного пути в российской торговле зерном и лесом во второй половине XIX — начале XX в. № 3.
- Чжуан Шици** (Пекин, КНР) — Аграрная политика и развитие сельского хозяйства СССР в 1953—1959 гг. № 3.
- Шамина И.Н.** — Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I (1701—1703). № 4.
- Шелохаев В.В., Соловьёв К.А.** — Политические партии России в начале XX в. как историографическая проблема. № 1.

Обзоры и рецензии

- Айрапетов О.Р.** — Поход, которого не было. № 1.
- Айрапетов О.Р.** — Образцовая публикация. № 4.
- Бирюкова Ю.А.** (Ростов-на-Дону) — Под сенью православного креста: духовенство Крыма в 1914—1920 гг. № 5.
- Богомолов И.К.** — Сатира, власть и культура в раннесоветском государстве. № 3.
- Богомолов И.К.** — Журнал «Крокодил» в эпоху «оттепели». № 6.
- Буддаков В.П.** — Революция и театр, революция как театр. № 4.
- Владимиров В.Н.** (Барнаул) — Рубежи междисциплинарного исторического направления. № 1.
- Гайда Ф.А.** — Ф.А. Селезнев. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914—1918 гг.). № 6.
- Гусев Н.С.** — М.А. Бирман. П.М. Бицилли (1879—1953). № 5.

- Дроздов К.С., Тихонов В.В.** — Многоголовая история войны. № 3.
- Дунаева А.Ю.** — В.В. Хутарев-Гарнишевский. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913—1917 гг. № 2.
- Елина О.Ю.** — Р.А. Фандо. Университет им. А.Л. Шанявского на фоне смены эпох. № 5.
- Ерусалимский К.Ю.** — В.Н. Козляков. Смутное время в России начала XVII века. № 5.
- Зайцев М.В.** (Саратов) — А.В. Белов. Реформа города Екатерины II (по материалам губерний Центральной России). № 4.
- Измозик В.С.** (Санкт-Петербург) — Православное духовенство Крыма в годы великих потрясений. № 5.
- Ипатов А.М.** (Воронеж) — Л.В. Ланник. Русский фронт, 1914—1917 годы. № 3.
- Ипатов А.М.** (Воронеж) — А.Э. Котов. Русский политический предмодерн: забытые «консерваторы» второй половины XIX века. № 4.
- Исаков В.А.** — Б.С. Илизаров. Сталин, Иван Грозный и другие. № 2.
- Калиновский В.В., Смирнов Н.Н.** (Санкт-Петербург) — Актуальное наследие Сибирского собора. № 6.
- Кальмина Л.В.** (Улан-Удэ) — Оптимистическая трагедия. № 3.
- Кан Г.С.** — Вера Фигнер: известная и неизвестная. № 2.
- Каштанова О.С.** — М. Kulik. Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815—1856. № 6.
- Ковальская С.И.** (Нур-Султан, Казахстан) — Д.А. Аманжолова. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920—1930-е гг. № 1.
- Комзолова А.А.** — Несбывшаяся война светлейшего князя И.Ф. Паскевича. № 6.
- Кондратенко С.Ю.** — От национализма к коллаборационизму: Прибалтика в годы Второй мировой войны: документы. В 2 т. № 3.
- Кочукова О.В.** (Саратов) — В.А. Соломонов, Н.Н. Зайцева. Павел Григорьевич Любомиров: превратности судьбы историка. № 2.
- Крестьянников Е.А.** (Тюмень) — История томского погрома 1905 г. № 3.
- Лаврёнова А.М.** — Либеральное слово и полицейское дело. № 2.
- Мамонов А.В.** — Триумфальный путь к поражению. № 6.
- Манышев С.Б.** (Махачкала) — Миражи грузинской независимости. № 1.
- Матасова Т.А.** — Византийское наследие в России и Венеции в эпоху Петра Великого. № 4.
- Мининков Н.А., Мининкова Л.В.** (Ростовна-Дону) — З.В. Дмитриева, С.А. Козлов. Налоги и войны в России XVII—XVIII вв. № 3.
- Мошкова Л.В.** — М.В. Корогодина. Памятники церковного права в рукописях XV — начала XX века (Описание рукописного отдела Библиотеки РАН. Т. 11. Вып. 1). № 5.
- Муханов В.М.** — П.И. Тахнаева. Гуниб, август 1859 г. «Последние дни джихада в Дагестане...». № 1.
- Новиков В.В.** — Очень своевременная книга. Грузинская Демократическая Республика 1918—1921 гг. в современной российской историографии. № 1.
- Новиков М.В.** (Ярославль) — РККА и война в Испании: новый сборник документов. № 3.
- Овченко Ю.Ф.** — С.В. Медведев. Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в. № 2.
- Перегудова З.И.** — Полиция и «либерализм» в Российской империи в 1880—1905 гг. № 2.
- Петров И.В.** (Санкт-Петербург) — Жизненный путь митрополита Вениамина (Федченкова) в современных латвийских исследованиях. № 5.
- Полунов А.Ю.** — А.А. Иванов. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. № 1.

- Пученков А.С.** (Санкт-Петербург) — Двенадцать месяцев из жизни революционного Крыма (апрель 1919 — апрель 1920 г.). № 5.
- Пученков А.С.** (Санкт-Петербург) — «Бесцветный генсек»? Новая биография Л.И. Брежнева. № 6.
- Пчелов Е.В.** (Санкт-Петербург) — О.А. Валькова. Штурм цитадель науки: женщины-учёные Российской империи. № 5.
- Романько О.В.** (Симферополь) — Крым в годы революции и Гражданской войны: между «красными», «белыми» и «жёлто-синими». № 1.
- Соловьёв К.А.** — Политический сыск и либеральное движение. № 2.
- Тихонов В.В.** — В.С. Груздинская, А.И. Клюев, О.В. Метель. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920—1930-х гг. № 1.
- Ульянова Л.В.** — Политический сыск и русская армия накануне и в годы Первой мировой войны. № 2.
- Филиппова Т.А.** — «В координатах многовековой истории своей страны». № 4.
- Ханова И.Е.** — Постигая историю: к 70-летию члена-корреспондента РАН, президента РГГУ Ефима Иосифовича Пивовара. Сборник статей. № 1.
- Христофоров В.С.** — L. Westerlund. The Finnish SS-Volunteers and Atrocities against Jews, Civilians and Prisoners of War in Ukraine and the Caucasus Region 1941—1943: An Archival Survey. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. № 3.
- Хрулёва И.Ю.** — Военно-техническое и человеческое измерение ленд-лиза. № 6.
- Черкасова М.С.** (Вологда) — М.Ю. Нечаева. Монашество Среднего Урала синодального периода: принципы формирования и социальный состав. № 2.
- Шамин С.М.** — Д.В. Сень. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII — XVIII в.). Избранные труды. № 6.

Pro memoria

- И.Я. Фроянов (1936—2020). № 1.
- Т.М. Китанина (1929—2020). № 3.
- А.В. Голубев (1954—2021). № 6.

Наши авторы

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Вершинин Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Автономной независимой организации «Институт археологии Севера», Нефтеюганск

Визгалов Георгий Петрович, ведущий научный сотрудник Сургутского государственного университета

Гайда Фёдор Александрович, доктор исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Голиков Андрей Георгиевич, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Дегтярёв Александр Якимович, доктор исторических наук, ведущий эксперт Совета Федерации Федерального Собрания РФ

Зеленов Михаил Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории

Зуев Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, директор Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Калиновский Владимир Витальевич, кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Каштанова Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

Кирсанов Роман Геннадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Комзолова Анна Альфредисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Красовицкая Тамара Юсуфовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Медяков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Миронов Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Никитин Николай Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Никонов Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор Мурманского арктического государственного университета

Попов Дмитрий Константинович, аспирант Института истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Смирнов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом революций и общественного движения России Санкт-Петербургского института истории РАН

Суни Рональд Григор (Suny Ronald Grigor), заслуженный профессор истории Мичиганского университета, почётный профессор политических наук и истории Чикагского университета (США)

Хрулёва Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Чемакин Антон Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Шамин Степан Михайлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Мнение историка

Б.Н. Миронов. От коренизации к суверенизации: как готовилась дезинтеграция СССР	3
<i>Т.Ю. Красовицкая: «Ах, товарищи потомки, — на хитрости строился социализм»</i>	24
<i>А.Я. Деятярёв: Исследование фундаментальных причин распада СССР — актуальная задача нашей науки</i>	36
<i>Р.Г. Суни: Национальный вопрос и распад Советского Союза</i>	40

Народы и пространства

<i>С.А. Никонов</i>	
Европейская Арктика в XVI—XVIII вв.: модели и практики хозяйственного освоения (крестьянство, купечество, монастыри, государство)	43
<i>Н.И. Никитин</i>	
О гендерных проблемах в Сибири на ранних этапах русской колонизации	61
<i>Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов</i>	
Российские дети боярские на службе в Сибири в XVII в. (по материалам челобитных)	69
<i>А.С. Зувев, Д.К. Попов</i>	
Попытки подчинения Русским государством центрально-азиатских кочевников в XVII в.: аргументы русской дипломатии	79

Профессия и сообщество

<i>Д.В. Лисейцев</i>	
«Советская власть» в годы Смуты: об одном историографическом мифе	90

Россия и мир

<i>А.С. Медяков</i>	
«Русская благодарность»? Русско-пруссские отношения 1863—1864 гг. и их оценка в историографии	111

Идеи и образы

<i>А.А. Комзолова</i>	
Учебники для народной школы в Виленском учебном округе в 1860-х гг.	127

Институты и общности

<i>А.А. Чемакин</i>	
«Русский союз на Украине» и национальное самоопределение русского населения УНР весной 1918 г	138

Историк и источник

<i>А.Г. Голиков</i>	
Воспоминания С.Ю. Витте: публикации и публикаторы	159

История власти

<i>М.В. Зеленов</i> «Двойная природа» ЦК РКП(б) и его роль в политической системе Советской России 1919—1923 гг.	168
<i>Р.Г. Кирсанов</i> Денежное обращение в СССР на рубеже 1980—1990-х гг.: в поисках выхода из кризиса	193

Обзоры и рецензии

<i>С.М. Шамин</i> — Д.В. Сень. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII—XVIII в.). Избранные труды	204
<i>Ф.А. Гайда</i> — Ф.А. Селезнев. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914—1918 гг.)	211
<i>В.В. Калиновский, Н.Н. Смирнов</i> — Актуальное наследие Сибирского собора	215
<i>И.Ю. Хрулёва</i> — Военно-техническое и человеческое измерение ленд-лиза	219
<i>И.К. Богомолов</i> — Журнал «Крокодил» в эпоху «оттепели»	222
<i>О.С. Капитанова</i> — M. Kulik. Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815—1856	226
<i>А.А. Комзолова</i> — Несбывшаяся война светлейшего князя И.Ф. Паскевича	229
<i>А.В. Мамонов</i> — Триумфальный путь к поражению	234
<i>А.С. Пученков</i> — «Бесцветный генсек»? Новая биография Л.И. Брежнева	242

Pro memoria

А.В. Голубев (1954—2021)	247
Указатель материалов, опубликованных в журнале «Российская история» в 2021 г.	250
Наши авторы	256

CONTENTS

The historian's opinion

B.N. Mironov (Saint Petersburg State University, Russia). From korenizatsiia to sovereignty: How the disintegration of the USSR has been preparing	3
<i>T.Yu. Krasovitskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «Ah, comrades descendants — socialism was built on cunning»</i>	24
<i>A.Ya. Degtyaryov (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow): Investigation of the fundamental causes of the collapse of the USSR is an urgent task of our science</i>	36
<i>R.G. Suny (University of Michigan, USA): The national question and the disintegration of the Soviet Union</i>	40

Peoples and spaces

<i>S.A. Nikonov (Murmansk Arctic State University, Russia)</i> The European Arctic in the 16 th —18 th centuries: models and practices of commercial development (peasants, merchants, monasteries, the state)	43
<i>N.I. Nikitin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> On gender issues in Siberia in the early stages of Russian colonization	61
<i>E.V. Vershinin (Institute of Archeology of the North, Nefteyugansk, Russia), G.P. Vizgalov (Surgut State University, Russia)</i> Russian boyar scions in service in Siberia in the 17 th century (based on petition materials)	69
<i>A.S. Zuev (Novosibirsk State University, Russia), D.K. Popov (Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)</i> Attempts to subjugate the Central Asian nomads by the Russian state in the 17 th century: arguments of the Russian diplomacy	79

Profession and the community

<i>D.V. Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)</i> «Soviet Power» in the Time of Troubles: about a historiographical myth	90
--	----

Russia and the world

<i>A.S. Medyakov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> «Russian gratitude»? Russian–Prussian relations in 1863—1864 and their assessment in historiography	111
---	-----

Ideas and images

<i>A.A. Komzolova (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia; Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Textbooks for the people's school in the Vilna educational district in the 1860s	127
---	-----

Institutions and communities

- A.A. Chemakin (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)*
«Russian Union in Ukraine» and the national self-determination of the Russian population of the UPR in the spring of 1918 138

The historian and the source

- A.G. Golikov (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
The Memoires of S.Yu. Witte: publications and publishers 159

History of power

- M.V. Zelenov (Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow)*
The «dual nature» of the Central Committee of the RCP(b) and its role in the political system of Soviet Russia (1919—1923) 168
- R.G. Kirsanov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Monetary circulation in the USSR during late 1980s — early 1990s: in search of a way out of the crisis 193

Reviews

- S.M. Shamin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Rec. ad op.: D.V. Sen'. Russko-krymsko-osmanskoye pogranič'ye: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konets XVII — XVIII v.). Izbrannyye trudy 204
- F.A. Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox University, Moscow)*
Rec. ad op.: F.A. Seleznev. Revolyutsiya 1917 goda i bor'ba elit vokrug voprosa o separatnom mire s Germaniyey (1914—1918 gg.) 211
- V.V. Kalinovskiy (Saint Petersburg State University, Russia), N.N. Smirnov (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)*
The actual heritage of the Siberian Council 215
- I.Yu. Khruleva (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
The military-technical and human dimension of Lend-Lease 219
- I.K. Bogomolov (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Journal «Krokodil» during the «Thaw» era 222
- O.S. Kashtanova (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Rec. ad op.: M. Kulik. Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815—1856 226
- A.A. Komzolova (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
The unfulfilled war of His Serene Highness Prince I.F. Paskevich 229
- A.V. Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
The triumphal path to defeat 234
- A.S. Puchenkov (Saint Petersburg State University, Russia)*
«Colorless Secretary General»? New biography of L.I. Brezhnev 242

A.V. Golubev (1954–2021)	247
Index of materials published in the journal in 2021	250
Contributors to this issue	256

РЕДАКЦИЯ

- Круглов В.Н., к.и.н.** — Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.
Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н. — Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В. — Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н. — Литературный редактор
Мац А.Г. — Младший редактор

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей
в журналы Российской академии наук
воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню **«Мои публикации»** станет активна кнопка **«Заявка на публикацию»**, нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье, а также оставить комментарий редактору;
- 3) статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки **«Отправить редактору»**.

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
  - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).